4
Д-44

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ДИАЛЕКТОГРАФИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

„Наука“

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

79566

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ДИАЛЕКТОГРАФИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ответственные редакторы
член-корреспондент АН СССР Р.И. АВАНЕСОВ
доктор филологических наук А.И. ГОРШКОВ

МОСКВА
"НАУКА"
1985

4
Д-44

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

20 79566

Основное содержание сборника – разработка данных лингвистической географии русского языка на основе материалов, собранных для диалектологического атласа. Статьи посвящены разным уровням языка – фонетике, морфологии, синтаксису, лексике.

Рецензенты:

Е.Н. ИВАНИЦКАЯ, А.С. ФЕОКТИСТОВА

Д $\frac{4602000000 - 072}{042\,(02) - 85}$ 256–85–I

©"Наука", 1985 г.

I

Н.Н. Пшеничнова

ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ОТРАЖЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРИЗНАКОВ В ИХ ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ

Интерпретация территориального распределения лингвистических признаков является основной целью лингвогеографических исследований. Интерпретация может проводиться в разных планах: в синхроническом (например, для разного рода классификаций) и диахроническом – ретроспективном и перспективном, т.е. для реконструкции предшествующих состояний и прогноза развития отдельных явлений или говоров в целом[1] (например, чтобы исследовать пути отхода от диалектных систем, исследовать специфику переходности и т.д.).

Комплексный подход к исследованию языковых явлений, в частности, сочетание с другими методами метода статистического позволяет осуществлять более глубокий многоаспектный анализ материала, делать выводы более обоснованно и убедительно.

Интерпретация лингвогеографических данных во многих случаях опирается на известное положение о тождественности языковых различий в пространстве (на разной территории) языковым различиям во времени (на одной территории). Это положение можно считать в лингвистике общепризнанным, в некоторых работах дается его теоретическое обоснование[2]. Наиболее четко и ранее других эту мысль применительно к русскому языку сформулировал Р.И. Аванесов:" . . . синхрония общей фонетической системы в целом в его диалектных разновидностях представляет вместе с тем и диахронию его – историю данного языка, так как многообразие диалектных различий – это живая история, распластанная в пространстве, это как бы пространственная проекция пережитых исторических процессов"[3] .

Исследования в области диалектологии и лингвистической географии, прежде всего труды самого Р.И. Аванесова, хорошо обосновывают это положение. Можно привести достаточно таких примеров (и не только для говоров русского языка), когда члены межсистемного соответствия,

[1] Говор понимается как частная диалектная система.

[2] См.: *Журавлев В.К.* К проблеме балто-славянских отношений. – Baltistica, IV (2), 1968, с. 167–177; *Караулов Ю.Н.* Языковое время и языковое пространство (о понятии хроноглоссы). – Вестн. МГУ, № 1, 1970, с. 61–73; *Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975, с. 124–132, 303–304.

[3] *Аванесов Р.И.* Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка (1947) (см. в кн.: *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970, с. 304).

представляющие вариативное звено системы диалектного языка[4], с полным основанием рассматриваются как этапы развития данного звена системы. Примером такого подхода к изучению языковых явлений может служить, в частности, схема развития звуков, соответствующих долгим шипящим фонемам, предложенная Р.И. Аванесовым, в которой звуки, отмеченные в разных русских говорах, рассматриваются как зафиксированные этапы развития[5]. Точно так же разные сочетания гласных без *й* в глаголах типа *рабо́тает, зна́ет* (*рабо́таэт, рабо́таат* и др.; *зна́эт, зна́ат* и др.) рассматриваются как зафиксированные этапы некогда живого фонетического процесса[6].

Подобных примеров можно привести много. Они свидетельствуют о том, что каждое вариативное звено системы диалектного языка, отражая вариативность языковых единиц в пространстве, в то же время может быть рассмотрено в определенном смысле как модель развития языкового явления, представленного данным вариативным звеном. Известно, что такая модель (вариативное звено некоторой диасистемы) в принципе позволяет строить реконструкции, относящиеся к отраженному в данном звене явлению, разной степени глубины, что, в частности, зависит и от степени родства языковых систем, на основе которых данная диасистема конструируется.

Исследуя модель, мы переносим выводы, сделанные относительно модели, на объект, т.е. на изучаемое явление, закономерности поведения модели мы распространяем на объект, т.е. на процесс развития явления, каждый раз, естественно, руководствуясь определенными правилами такого переноса. К закономерностям поведения модели (вариативного звена системы диалектного языка) относятся и закономерности пространственного распределения членов данного вариативного звена. Эти закономерности обычно (но не обязательно) отражены на лингвогеографической карте. Для наиболее близкородственных систем – для говоров одного, русского языка – закономерности пространственного распределения языковых признаков как модель (в определенном смысле) развития отраженного в них явления могут быть рассмотрены еще в одном аспекте, который в языкознании, как нам кажется, не обсуждался.

Вариативность в говорах может быть проанализирована с точки зрения наличия или отсутствия в них сосуществования вариантов, представляющих некоторое звено системы говора. В то же время во многих случаях важно получить количественную характеристику вариативности, которая может выявить тенденцию развития в говорах изучаемого явления. Иными словами, если различия между говорами состоят в количественном соотношении

---

[4] Термин "диалектный язык" используется в том значении, в каком его ввел Р.И. Аванесов (Там же); *Он же.* Описательная диалектология и история языка. – В кн.: Славянское языкознание. Международный съезд славистов. М., 1963; Русская диалектология/Под ред. Аванесова Р.И., Орловой В.Г. М., 1964, с. 7–11.

[5] *Аванесов Р.И.* О долгих шипящих в русском языке (1948) (см. в кн.: *Реформатский А.А.* Указ. соч., с. 326–335).

[6] Основные точки зрения см.: *Коготкова Т.С.* Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах. Автореф. канд. дис. Л., 1953, с. 9; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1967, с. 175–176; *Бромлей С.В.* Стяжение в русских говорах и его морфологические следствия. – В кн.: ОЛА. Материалы и исследования. 1970. М., 1972, с. 126–132.

примеров, которыми представлены члены данного межсистемного соответствия (изучаемые признаки), сосуществующие в одном говоре (имеются в виду единицы, находящиеся в каждом из говоров, в которых они отмечены, в отношениях свободного варьирования), то в этих случаях к закономерностям поведения модели (пространственное распределение изучаемых признаков, т.е. вариативность в пространстве) относится и ее количественная характеристика.

Важной количественной характеристикой вариативности в пространстве является характер распределения по говорам относительных частот изучаемого признака или условно "статистический тип изучаемого явления".

Статистический тип явления определяется в результате статистического анализа материала, который проводится вне территориального аспекта, но в тесной связи с анализом лингвогеографическим, так как этот статистический анализ осуществляется прежде всего для лингвогеографического картографирования (для выявления "статистических ареалов"). Например, выделение говоров и признаков, для которых следует определить статистический тип явления, проводится на основе лингвогеографического анализа материала. Каждое явление, которое представлено сосуществующими по говорам вариантами (обратим еще раз внимание на то, что имеются в виду единицы, находящиеся в отношениях свободного варьирования) мы относим к одному из двух типов: дискретный тип или континуальный[7]. Дискретный тип характеризуется тем, что говоры по количественному соотношению изучаемых признаков объединяются в некоторые группы таким образом, что различия между говорами внутри групп несущественны, могут объясняться случайностью (группы статистически однородны), а различия между средними характеристиками групп существенны. Континуальный тип характеризуется тем, что таких групп выделить нельзя и весь диапазон изменения количественной характеристики говоров можно разделить на интервалы лишь условно.

Статистический тип явления – дискретный или континуальный – как характеристика вариативности языковых единиц в пространстве также относится к закономерностям поведения модели, выводы относительно которой мы переносим на объект, т.е. на процесс развития явления.

Опыт, накопленный в лингвистической географии, позволяет высказать предположение, что характер развития явления в некотором смысле отражается в его статистическом типе. Так, континуальный тип обычно соответствует внутреннему спонтанному развитию, дискретный тип свидетельствует о том, что развитие осложнено действием каких-то дополнительных, собственно лингвистических или экстралингвистических, факторов.

Примером того, как характер развития явления отражается в его статистическом типе, можно считать глухие долгие шипящие и их соответствия в русских говорах. Статистический анализ показал, что данное явление

[7] см.: *Пшеничнова Н.Н.* Лингвистическое картографирование на основе анализа материала статистическим методом. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973; *Она же.* Статистический анализ многочленного диалектного соответствия. – ВЯ, 1973, № 6; *Pshenichnova N.N.*, Data statistical analysis as a basis for identification and interpretation of linguogeographical areas. – In: Symposium: Mathematical processing of cartographic data. Tallin, 1979. В названных работах, в которых подробно излагается метод определения статистического типа явления, дискретный тип и континуальный называются соответственно "первый" и "второй" статистический тип.

относится к континуальному типу[8]. По характеру своего развития оно рассматривается исследователями как развившееся в целом спонтанно, в соответствии с общепризнанной схемой, которую предложил Р.И. Аванесов. Статистический анализ позволил, с одной стороны, несколько детализировать и уточнить эту известную схему, сохранив в ней признанную и обоснованную в науке логику развития, с другой стороны, комплексный – статистический и лингвогеографический – анализ позволил показать, что статистический тип явления (в данном случае континуальный) хорошо согласуется с характером процесса (в данном случае спонтанное фонетическое развитие, разные этапы которого и отмечаются в говорах)[9].

В качестве примера также можно рассмотреть утрату интервокального *й* и стяжение гласных в русских глаголах. Известно, что стяжение в глаголах типа *рабо́тает, зна́ет, беле́ет* в русских говорах неодинаково по происхождению[10].

Результаты сравнения статистической характеристики стяжения с лингвогеографической явились новым подтверждением того, что в севернорусских говорах стяжение протекало как живой фонетический процесс, отдельные этапы которого сейчас и зафиксированы в севернорусских говорах. В среднерусских говорах стяжение возникало не путем спонтанного фонетического развития, а связано с разными факторами как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера[11]. Но статистический анализ показал также, что стяжение в севернорусских говорах для всех трех классов глаголов (типа *рабо́тат, знат, беле́т*) относится к континуальному типу, в говорах же среднерусских (акающих) стяжение представляет собой явление дискретного типа: по относительным частотам стяжения эти говоры образуют одну статистически однородную группу[12].

Можно привести и другие примеры, свидетельствующие о том, что по крайней мере в близкородственных системах, какими являются говоры русского языка, характер развития языковых явлений, проявляющийся, как и во всякой языковой системе, в вариативности, отражается в статистическом типе данных языковых явлений (дискретный или континуальный).

Положение о том, что характер развития явления отражается в его статистическом типе, может быть сформулировано не как закономерность, а лишь как тенденция, причем тенденция, отмеченная для говоров русского языка, т.е. для наиболее близких генетически языковых систем. Названное положе-

---

[8] См.: *Пшеничнова Н.Н.* Статистический анализ многочленного диалектного соответствия, с. 84.

[9] См.: Там же, с. 80–91.

[10] См. сн. 6 в данной статье; см. также: *Коготкова Т.С.* Стяжение гласных в русских говорах в его отношении в различным морфологическим категориям. "Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия", вып. 2. М., 1961; *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972, с. 196–199.

[11] См.: *Пшеничнова Н.Н.* Лингвогеографический и статистический анализ стяжения в русских говорах (о комплексном подходе к исследованию языковых явлений). – В кн.: Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983. Лингвостатистические карты, отражающие стяжение гласных в глаголах типа *рабо́тает, зна́ет, беле́ет*, входят в состав второго выпуска Диалектологического атласа русского языка. Морфология (рукопись) (автор карт Н.Н. Пшеничнова).

[12] См.: Там же.

ние может быть сформулировано лишь как тенденция прежде всего в связи с тем, что такие явления, которые характеризуются только спонтанным развитием, очевидно, исключительно редки. Гораздо более типичны для языковых систем такие случаи, когда явление, лишь возникнув как спонтанное, очень скоро осложняется действием разного рода лингвистических и экстралингвистических факторов.

Кроме того, чтобы выводы относительно модели (в нашем случае это статистический тип явления — дискретный или континуальный) были распространены на объект (на процесс развития явления) с достаточным основанием, — а только тогда они будут обладать силой предсказуемости, т.е. позволять реконструировать или прогнозировать развитие явления, — перенесение выводов с модели на объект должно осуществляться по определенным правилам. Во многих работах правила переноса выводов, сделанных относительно пространственного распространения явления, на процесс его развития эксплицитно не выражены. Предполагается, что исследователь в своих выводах опирается на опыт сравнительно-исторического языкознания. Четкое формулирование правил такого переноса дается, например, в исследовании Р.Г. Пиотровского, в котором диахроническая иерархия фонетических систем устанавливается на основе анализа территориального распространения междиалектных соответствий[13].

В том аспекте, в каком соотношение вариативности в пространстве и во времени было рассмотрено выше, правила переноса выводов с модели (статистический тип явления) на объект (характер развития явления) должны быть разработаны, в частности, на основе изучения большого количества таких языковых явлений, статистический тип которых можно сопоставить с хорошо изученным процессом их развития. Кроме того, одним из эффективных путей выработки таких правил, на наш взгляд, может быть сопоставление и взаимопроверка результатов, полученных разными методами анализа, прежде всего статистического и лингвогеографического. Так, например, если дискретному типу явления соответствует и территориальное объединение говоров с близкими количественными характеристиками вариативности, то вывод об отражении специфики развития явления в его статистическом типе получает убедительное подтверждение. К таким примерам относится и рассмотренное стяжение гласных в русских глаголах. Так же характеризуется, например, сосуществование по говорам сочетаний согласных с *j* и соответствующих им удвоенных мягких согласных (*плáть* [т'j] *е* и *плáть* [т'т'] *е* и т.п.). Это явление относится к дискретному типу. По количественной характеристике вариативности говоры объединяются в две статистически однородные группы, а территориально говоры, относящиеся к этим двум группам, образуют два достаточно четко противопоставленных ареала. Средняя относительная частота примеров с удвоенными мягкими согласными одной группы равна 0,59, средняя относительная частота таких примеров второй группы равна 0,23. Говоры, входящие в первую группу, отмечены главным образом на территории распространения только удвоенных мягких согласных, относящиеся ко второй группе — распространены преимущественно среди севернорусских говоров, в кото-

[13]. *Пиотровский Р.Г.* Моделирование фонологических систем и методы их сравнения. М.; Л., 1966, с. 103–107.

рых, как правило, отмечается сочетание мягких согласных с *j*[14]. Такая статистическая и лингвогеографическая характеристика явления хорошо согласуется с представлением о неодинаковом происхождении удвоенных мягких согласных, соответствующих сочетаниям мягких согласных с *j*, на этих двух различных территориях[15].

Исследуя языковые явления методами лингвистической географии, мы ставим перед собой задачу изучить не только территориальное распределение членов того или иного междиалектного соответствия, но и установить характер процессов, приводящих к такому распределению. В этом плане важным является понятие статистического типа явления. Статистический тип явления (дискретный или континуальный), характеризуя языковую вариативность в пространственном аспекте, одновременно является и отражением тенденции развития данного явления.

Исследование пространственного распределения языковых признаков как отражения развития этих признаков, очевидно, наиболее результативно в тех случаях, когда оно осуществляется как комплексное, с использованием разных методов исследования. Необходимо при этом развивать не только разные, в том числе и статистические, методы анализа лингвистического материала, но, что особенно важно, следует развивать методы сравнительного анализа результатов, полученных разными способами, в частности, методы, позволяющие переносить выводы относительно пространственного существования явлений на диахронический аспект их исследования.

С.В. Бромлей

РАЗЛИЧИЯ В СТЕПЕНИ ВОКАЛИЗОВАННОСТИ СОНОРНЫХ И ИХ РОЛЬ В ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ПЕРИФЕРИЙНЫХ ГОВОРОВ

В результате изучения лингвистического ландшафта русского языка, представшего на картах диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), было обнаружено новое важное противопоставление говоров – центральных и периферийных. Впервые эти термины появились в разделе "Диалектное членение русского языка" (авторы К.Ф. Захарова и В.Г. Орлова) в книге "Русская диалектология" (М., 1964 под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой)[1]. С тех пор важность этого противопоставления для исторической диалектологии русского языка вырисовывается все явственнее, перерастая в своем значении рамки одного русского языка.

---

[14] Лингвостатистическая карта, отражающая данное явление, входит в состав первого выпуска Диалектологического атласа русского языка. Фонетика (автор карты Т.Ю. Строганова).

[15] См.: *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 206; *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 323–329.

[1] См. также: *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. Далее эту работу сокращенно именуем "Диалектное членение" и цитируем по этому изданию.

Большой заслугой авторов "Диалектного членения" было уже само обнаружение этого противопоставления, так как оно не лежало на поверхности, не выступало с той определенностью, как те противопоставления, на которых базируется выделение основных единиц диалектного членения. Нужна была особая зоркость и опытность лингвогеографов, чтобы заметить некую закономерность в том разнообразии ареалов диалектных явлений, наплывающих с севера, запада и юго-запада по направлению к центру, но оставляющих в каждом отдельном случае этот центр свободным, – вернее занятым другим членом междиалектного соответствия, как правило, совпадающим с явлением литературного языка.

Центральные говоры в этом противостоянии характеризуются всегда, так сказать, отрицательно, занимая большую или меньшую территорию в зависимости от того, насколько широко распространены в каждом данном случае (т.е. при каждом междиалектном соответствии) периферийные явления. В минимальном варианте центральные говоры занимают территорию, окружающую Москву, и ближайший к ней северо-восток, являющийся частью говоров Владимиро-Поволожского типа. Максимальный вариант демонстрирует их значительное расширение во всех направлениях: в этом случае они занимают все восточные среднерусские говоры и широкую полосу примыкающих к ним территорий – до подковообразной линии Тотьма–Тихвин–Селигер–Ржев–Калуга–Рязань–Касимов.

Что касается периферийных говоров, то авторы "Диалектного членения" подчеркивают индивидуальный характер распространения каждого из явлений этой группы и то, что ни одно из них не распространено на всей периферии. Они лишь в целом, в своей совокупности, занимают всю территорию периферии.

Важно подчеркнуть и вытекающую отсюда ареальную характеристику явлений центра: имея свою собственную территорию, куда не заходят явления, свойственные периферии, явления центра в то же время как бы пронизывают периферию, господствуя на отдельных ее частях или выступая на ней в качестве сосуществующего (факультативного) варианта, наряду с вариантом периферийным.

Авторы "Диалектного членения" детально описывают своеобразие ареальных отношений, совокупностью которых представлено выявленное ими дихотомическое членение русских говоров (см. "Диалектное членение" § 13). Это описание может служить образцом научного анализа сложного лингвистического ландшафта, позволившего обнаружить новые и очень важные для истории языка закономерности[2].

[2] Можно лишь поспорить с утверждением авторов "Диалектного членения", что "отношения, образующиеся между говорами центра и периферии, не имеют характера соотносительности" (с. 61). Думается, что как раз только наличие соотносительности является минимальным и необходимым условием, которое и дало возможность для выделения двух (соотносительных!) типов говоров – центральных и периферийных. Эта соотносительность проявляется в обнаруженных авторами закономерностях одинакового (или сходного) распространения разных членов одного междиалектного соответствия в тех случаях, когда один из них совпадает с литературным, а другой (или другие) – со специфически диалектным (диалектными). Условность же относится не к понятию соотносительности, а к понятию противопоставленности, которая, действительно, в этих случаях неполная. И это обусловлено тем, что 1) периферийные явления, как правило, в каждом отдельном случае занимают не всю периферию (хотя и могут быть расположенными только на периферии, – в этом как раз и состоит их

Лингвистическое содержание понятий "центральные" и "периферийные" говоры изучено не в одинаковой мере.

Понятие "центральные" говоры уже родилось, наполненное таким содержанием; как указывают авторы "Диалектного членения", это говоры, характеризующиеся, как правило, теми членами междиалектных соответствий, которые совпадают с соответствующими явлениями литературного языка. По своему происхождению они, в соответствии с уже установившимся в науке мнением, являются преемниками бывшего ростово-суздальского диалекта (с. 61).

В понятие же "периферийные" говоры первоначально не вкладывалось никакого общего лингвистического содержания. Их характеристика сводилась к набору внешне разнородных явлений, представляющих собой специфически диалектные соответствия явлениям, характерным для центральных говоров (с. 59). Эти явления в "Диалектном членении" только перечисляются[3]. Им в этой работе на дается никакой содержательной интерпретации, которая позволила бы уяснить, в чем состоит их лингвистическая общность. Даже напротив, специально подчеркивается, что "нельзя говорить о внутреннем единстве периферийных говоров" (с. 61), и это действительно, как будто, вытекает из данной им лингвогеографической характеристики, согласно которой разные периферийные явления могут связываться по преимуществу с разными участками этой периферии и тем самым органически входить в состав достаточно различных диалектных объединений, расположенных на территории периферийных говоров (см. там же).

Что же собой представляет вновь обнаруженная в русских диалектах территориальная оппозиция, в чем ее лингвистическая сущность? По-видимому, прежде всего требуется установить, есть ли нечто общее, объединяющее явления периферии, и тем самым уяснить, имеется ли какая-либо лингвистическая основа для противопоставления центральных и периферийных говоров.

Решение этих вопросов оказалось весьма существенным в эволюции сложившихся представлений об истории диалектных различий русского языка. Не случайно, что поиски в этом направлении стали вести бок о бок с разработкой вопросов исторической диалектологии на базе карт ДАРЯ с привлечением данных памятников письменности. Авторами "Диалектного членения" совместно с другими авторами монографии "Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров" (М., 1970 / Под ред. В.Г. Орловой) эта работа велась в общем плане ретроспективного изуче-

---

"периферийность"), 2) периферийные явления часто сосуществуют с теми, которые характеризуют центр. В дальнейшем поэтому, употребляя по отношению к сопоставительной характеристике центральных и периферийных говоров термин "противопоставленность" (так как в принципе она существует!), мы будем иметь в виду всю меру его условности.

[3] Приведем этот перечень, ограничившись лишь явлениями регулярной фонетики: 1) наличие гласных фонем средне-верхнего подъема ([о̂], [е̂]); 2) случаи неперехода [е] > [о] перед твердыми согласными; 3) неразличение аффрикат; 4) долгие твердые шипящие; 5) наличие [в], чередующегося с [ў] в конце слога и слова; 6) отсутствие фонемы ‹ф›; 7) наличие в соответствии с *л* – [1] европейского и/или возможность чередования [л] с [ў] в конце слога и слова; 8) отсутствие мягких губных на конце слова; 9) долгие мягкие переднеязычные в соответствии с сочетаниями этих согласных с [j] (*сви*[н']*я*, *весе*[л']*е*).

ния изоглосс отдельных диалектных явлений в связи с уяснением их роли в формировании изучаемых диалектных подразделений. В ходе работы были установлены важные историко-диалектологические факты. В частности были выявлены черты "общезападного" происхождения, сказавшиеся на формировании севернорусского наречия и среднерусских говоров, многие из них как раз и относятся к числу черт, получивших в "Диалектном членении" название периферийных. Это черты, характерные в прошлом не только для Новгородских (часто и Псковских) говоров, но и для тех, которые примыкали к ним с юга, – говоров бывших Смоленской и Полоцкой земель, а в ряде случаев и более южных (с. 200–202)[4]. В монографии "Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров" (раздел II, 5) подчеркивается также, что эти "общезападные" черты, как правило, известны и другим восточнославянским языкам. Важно и то, что авторы монографии считают возможным на основе анализа соответствующих явлений утверждать "историческое единство новгородского диалекта с другими говорами западных территорий", которое "сложилось на базе общности языковых переживаний, характерной для говоров западных земель в отличие от говоров Ростово-Суздальской земли, а позднее Великого княжества Московского" (с. 211)[5]. Отмечается, что эта общность, отражающаяся в распространении черт общезападного характера, перекрывающих современное диалектное членение, "может быть связана с такими периодами истории диалектных групп, которые предшествовали образованию современного диалектного членения языка" (с. 200). Однако и в более позднее время обособленность исторических "запада" и "востока" (в терминах современного диалектного членения – это "периферия" и "центр") продолжала существовать (с. 227–228), что объясняется не столько их изолированностью, сколько различием тенденции языкового развития (с. 229)[6].

Собственно языковая, системная интерпретация противопоставления центральных и периферийных говоров оказалась в сфере внимания историко-диалектологических исследований К.В. Горшковой, проводившихся в то же время[7], а впоследствии – ее учеников[8]. Первоначально, правда, в качестве периферийных говоров в этом плане привлекались к сопоставлению главным образом говоры, по своему происхождению Новгородские,

---

[4]. Типичный периферийный ареал демонстрируется в данной книге на карте 8, посвященной твердым губным (в соответствии с мягкими) на конце слова.

[5] Согласно данным монографии, территория центральных говоров в своем более широком варианте, исторически корреспондирует с совокупной территорией Ростово-Суздальской земли и примыкающими к ней с юга восточной частью Черниговской и Рязанской (или Муромо-Рязанской) землями. В монографии в историческом плане эта совокупность территорий именуется "востоком".

[6] Здесь эти тенденции обрисовываются с отсылкой к работам: *Горшкова К.В.* Из истории консонантных различий русского языка. – Филолог. науки, 1964, № 4; *Она же.* Развитие диалектных различий севернорусских говоров в системе вокализма. – ВЯ, 1964, № 5; *Она же.* Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической фонологии). Автореф. докт. дис. М., 1965.

[7] См.: *Горшкова К.В.* Очерк исторической диалектологии Северной Руси. Изд-во МГУ, 1968; *Она же.* Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972.

[8] *Треблер С.М.* История частной системы русского вокализма с дифференциальным признаком "лабиализованность-нелабиализованность" по данным лингвистиче-

в связи с преимущественным интересом К.В. Горшковой к истории говоров северного наречия.

Центральные говоры, в своем ядре – наследники говоров Ростово-Суздальской земли, характеризуются в работах К.В. Горшковой как говоры в фонетическом строе по-преимуществу консонантные, с максимальным количеством (как и в литературном языке) согласных фонем. В формировании их системы важную роль сыграло раннее развитие категории твердости-мягкости согласных, последовательно реализуется оппозиция по звонкости-глухости. Существенно и то, что согласные в них утратили лабиовелярность.

В противовес этому в говорах северо-восточной периферии (современных Вологодских) – наследниках Новгородских – эти консонантные признаки оказались не такими продуктивными. Здесь до сих пор фиксируется меньшее число согласных, парных по твердости-мягкости (и меньшее число соответствующих сильных позиций), отсутствуют полная соотносительность у согласных, парных по глухости-звонкости. Согласные сохраняют лабиовелярность.

Эти явления в области консонантизма центральных и периферийных говоров находятся в закономерных связях с их вокализмом. В центральных говорах развилось противопоставление гласных по лабиализованности-нелабиализованности (что реализовалось в переходе [е] > [о] перед твердыми согласными) и были утрачены гласные средне-верхнего подъема ([ê] и [ô]). В противоположность этому в архаических системах говоров современной северо-восточной периферии до сих пор (в разной мере) сохраняются прежние отношения[9].

Эти положения работ К.В. Горшковой, касающиеся лингвистической сущности противопоставления центральных и периферийных говоров, развиваются и подтверждаются с привлечением новых материалов в работах С.М. Треблер (см. сн. 8). Важно в ее исследованиях то, что периферийные говоры она рассматривает не только на материале говоров северного типа (непосредственно исследуется говор Харовского р-на Вологодской обл.), но привлекает и их западных представителей. В качестве последних в работах С.М. Треблер детально анализируются говоры Рязанского ареала, говоры так называемой Рязанской Мещеры, мнение о западном происхождении которых, высказывавшееся ранее[10], достаточно обосновано. Устанавливается их принципиальная близость с говорами северной терри-

---

ской географии (из опыта исторической интерпретации изоглосс). Вестн. МГУ. Филология, 1978, № 5. *Она же.* История системы гласных среднего подъема в ее отношении к другим частным системам вокализма и консонантизма в русских диалектах. Автореф. канд. дис. М., Изд-во МГУ, 1980.

[9] См.: *Горшкова К.В.* Историческая диалектология..., с. 134, 135. В этой связи интерес представляет наблюдение Л.Л. Касаткина над одним из говоров такого типа. Так как гласные в сочетаниях "согласный + гласный" обладают значительной независимостью, он считает возможным усматривать в системе этого говора 12 гласных фонем, см.: *Касаткин Л.Л.* Гласные одного вологодского говора, не знающего противопоставления согласных по твердости-мягкости. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М.; Наука, 1973, с. 69, 70.

[10] См.: *Орлова В.Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959, с. 114 и далее, где приводятся соображения по этому поводу со ссылками на исторические работы.

тории по тем признакам, которые были уже намечены в работах К.В. Горшковой, – меньшая фонологическая развитость консонантных противопоставлений с сопутствующими явлениями вокализма (наличием гласных фонем средне-верхнего подъема, непереход [е] > [о]). Достоверность выводов о близости говоров северной и западной периферии, а также и о противопоставленности их говорам центрального типа значительно усиливается благодаря привлечению данных фонетистов-экспериментalистов (С.С. Высотского, А.М. Кузнецовой, Р.Ф. Пауфошимы) о различиях в артикуляционных базах этих двух типов говоров: 1) преобладании апикального и какуминального способов артикуляции взрывных согласных и однородности гласных в периферийных говорах; 2) дорсальной артикуляции согласных и дифтонгойдности гласных – в центральных. Привлечение к изучению периферийных говоров западной разновидности, как и анализ западных изоглосс (причем не только в пределах территории распространения русского языка, но и в Белоруссии, и на Украине), дало основание С.М. Треблер выводы о лингвистической сущности изученных систем, противопоставленных центральным, экстраполировать на все периферийные. Само же различие периферийных и центральных систем в историческом плане трактуется Треблер как "широкое противопоставление восточнославянских говоров в направлении с запада на восток" (автореферат, с. 22). Архаичность черт, свойственных периферийным говорам, позволяет С.М. Треблер и их наиболее симптоматичную черту – наличие согласных неполного смягчения – расценивать также, как архаизм, свидетельствующий о непоследовательности смягчения полумягких согласных в восточнославянских диалектах[11]. Факты неполного смягчения согласных в периферийных русских говорах ставятся при этом в прямую связь с соответствующими явлениями украинского языка и белорусских говоров.

Итак выводы разных исследователей смыкаются и дополняют друг друга. Постепенно стало вырисовываться не только внутреннее единство периферийных говоров, бывшее неясным еще в 60-х годах, но и намечаются линии, по которым эти говоры противопоставляются говорам центра. Становится все более очевидным по преимуществу архаический характер тех черт, которыми в выявленном противопоставлении характеризуются периферийные говоры, их связь с общевосточнославянским (древнерусским) состоянием. Черты же, специфические для центральных говоров, в этой оппозиции предстают как новообразования, возникшие в свое время в восточной части восточнославянской территории – бывшей окраине славянского мира. Связь с важнейшими глубинными процессами, имевшими некогда место в восточнославянской языковой области, как раз и определяет важность обнаруженного в 60-е годы диалектного противопоставления, ставшего известным как противопоставление центра и периферии на территории древнейшей русской колонизации.

Несмотря на значительность уже достигнутого в области изучения этой своеобразной по форме своего проявления дихотомии диалектных систем, представляется, что многие вопросы, относящиеся к этой проблематике,

---

[11] Эту мысль высказал еще В.А. Богородицкий (Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935), и она имеет своих сторонников.

в частности лингвистическая специфика периферийных говоров, еще только начала изучаться и обнаружены еще далеко не все явления, по которым эти говоры противопоставлены центральным. Эти исследования должны быть продолжены, причем не только в области фонетики, которой до сих пор ограничивались наблюдения, но и на других уровнях языка.

Можно указать одно из возможных направлений в дальнейшем изучении выявленного диалектного противопоставления, опираясь на результаты уже проделанной русскими диалектологами в этой области работы. В трудах К.В. Горшковой уже подчеркивалось, что падение редуцированных вызвало в фонологической системе русского языка тенденции развития, толкавшие ее на путь консонантизации. Исторически сложилось так, что эти тенденции наиболее полно стали осуществляться в говорах Ростово-Суздальской земли и прилегающих к ней с юга землях. Они широко отразились и в говорах Московского типа, на базе которых формировался русский литературный язык[12]. Главным звеном в развитии этих тенденций было формирование фонологической корреляции твердых и мягких согласных[13], определившее в свою очередь особенности в развитии вокализма, – его подчиненность, обусловленность консонантным окружением.

Отметим, что в концепции Горшковой–Треблер упор делается именно на относительную развитость консонантных признаков в противопоставлении центральных и периферийных говоров. Если же намеченную линию противопоставления представить в полном объеме, имея в виду более общую оппозицию вокальность ~ консонантность, то следует признать, что ее второй полюс – вокальность недостаточно использован для относительной характеристики говоров[14]. Ведь в изложенной концепции периферийные говоры по существу характеризуются не как более вокальные, а как менее консонантные. До сих пор общность периферийных говоров удалось показать лишь на примере вологодских говоров и говоров Рязанской Мещеры, ярче других демонстрирующих как раз слабую выраженность консонантных признаков. Между тем более полное выявление именно вокальных признаков периферийных говоров позволило бы значительно отчетливее показать их единство, которое явно нуждается в более убедительном подтверждении.

Это можно сделать, если в качестве показателя большей вокальности периферийных говоров учитывать не только наличие двух лишних гласных фонем – ⟨ê⟩ и ⟨ô⟩ (которые, кстати говоря, в современных говорах представлены очень непоследовательно – в особенности – ⟨ô⟩), но и другие признаки, реализующиеся в их фонетической системе.

При рассмотрении признака вокальность ~ консонантность звуки языка нельзя просто поделить на два класса: гласные и согласные, поскольку в их числе есть ряд звуков, промежуточных по своим конститутивным свойствам между гласными и согласными. Это сонорные соглас-

---

[12] *Горшкова К.В.* Историческая диалектология..., с. 74; 133.

[13] См.: *Аванесов Р.И.* Из истории русского вокализма. Звуки *і* и *у*. – Вестн. МГУ, 1947, № 1.

[14] Поскольку прогрессирующим является признак консонантность, то, естественно, что вокальность как таковая может приписываться современным диалектным системам только в той мере, в которой на них не распространилась или лишь отчасти распространилась тенденция к консонантизации.

ные, которые не могут быть отнесены ни к чистым согласным, т.е. к шумным, ни к чистым гласным.

Очевидно, что звучность сонорных, которые по признаку участия голоса объединяются с гласными, зависит от степени вокальности фонетических систем. Причем речь может идти не только о способности части сонорных в особых фонетических положениях выступать в слогообразующих вариантах, но и о том, что сама звучность, как их конститутивный признак может быть в более вокальных системах большей по сравнению с той, которой они обладают в системах более консонантных. Именно поэтому изучение сонорных как особого класса звуков для решения поставленных вопросов является очень перспективным. Оно позволяет выявить вокальные характеристики периферийных систем, объединяющие их в их оппозиции к центральным.

Качество сонорных в разных системах специально не изучалось, хотя в фонетических описаниях говоров есть материал, позволяющий судить о их неодинаковой звучности. Этот материал еще предстоит свести и оценить, как необходимо в перспективе изучения живой звучащей диалектной речи обратить серьезное внимание и на диалектные различия в степени вокализованности сонорных. Но уже сейчас обращает на себя внимание, что многие явления из комплексов, характеризующих порознь центральные и периферийные говоры, по существу демонстрируют разное поведение сонорных согласных в двух этих типах говоров, связанное с их большей вокализованностью в периферийных говорах и, наоборот, большей шумностью в центральных.

Рассмотрим наиболее яркие факты, отражающие варьирование сонорных в русских говорах по степени их вокализованности.

О вокальном потенциале сонорных в разных говорах можно судить по различиям в характере их позиционного поведения, о чем свидетельствует вся совокупность вариантов, которыми каждый отдельный сонорный представлен в различных позициях в слове и разном контекстном окружении. В периферийных говорах среди этих варантов, как правило, имеют место звуки, степень вокализованности которых приближается к гласным или равна им. Такие звуки фиксируются непосредственно (например, неслоговые или чистые гласные) или же о наличии их можно судить по фонетическим процессам, предполагающим их наличие.

Наиболее очевидным примером в этом смысле является разная реализация губного спиранта. В центральных говорах соответствующая фонема реализуется губно-зубным [в], проявляющим себя в одних положениях как шумный согласных (ср. наличие в конце слова и перед глухими согласными глухой пары – [ф]), в других, – как сонорный, перед которым звонкие и глухие шумные различаются (ср. перед гласными и сонорными: [с во]*дой* — *бе* [*з* во]*ды́*, [с вр]*ачо́м* – *бе* [*з* вр]*ача́*). В периферийных говорах – эта фонема представлена сильно вокализованным губно-губным сонорным [*w*] или неслоговым гласным [ў]. Распределение этих звуков в соответствии с фонетическими позициями в слове в разных говорах юго-западной зоны различное. С губно-губным качеством этого спиранта связано отсутствие в фонетической системе фонемы ⟨ ф ⟩, которая в заимствованных словах заменяется звуками [х] или [хв]. Большую сохранность реализации губного спиранта звуками [у], [ў] и [*w*] имеем в говорах юго-

западной периферии, где эта фонема в начале слова широко фиксируется и как чистый гласный [у] (*удова, унук*) проявляя себя, таким образом, как полновесный сонант. В значительной части этих говоров (а особенно это характерно для говоров северо-восточной периферии, знающих подобную реализацию губного спиранта) имеет место переход к употреблению губно-зубной спирантной пары [в] – [ф]; однако характерно, что в промежуточной стадии этого процесса фиксируется губно-зубной с о н о р н ы й [в], проявляющий себя в таком качестве не только перед гласными и сонорными, как в литературном языке, но и перед шумными, ср. неоглушение такого звука перед глухим (*ла́* [вк] *а*, [в ш] *ко́лу* и т.п.). Утрата сонорности губно-губным спирантом на окраинных частях юго-западного ареала (при сохранении ее в глубинных – в белорусском и украинском пограничье) подробно описывается в работе А.К. Васильевой[15]. Переход от звуков губно-губного образования к губно-зубному (развитие губно-зубной спирантной пары [в] – [ф]) реализуется, как показывает А.К. Васильева, в ряде переходных систем, которые демонстрируют последовательное развертывание этого процесса. Такая модель процесса соответствует развитию его на основе внутрисистемных тенденций консонантизации фонетического строя и исключает прямолинейное толкование его как результат воздействия литературного языка на говоры.

Твердому *л* в периферийных говорах северо-востока и юго-запада (в двух оторванных друг от друга ареалах) в позиции конца слова и слога соответствует гласный [ў] или губно-губной [*w*][16]. Оба ареала этого явления накладываются (частично или полностью) на соответствующие ареалы, где ⟨ в ⟩ также может быть представлена губно-губными звуками. На северо-востоке (Вологодские и Кировские говоры) [л] – более сонорный, чем на юго-западе (русско-белорусском и русско-украинском пограничье), так как здесь в качестве его замен звуки [ў] и [*w*] (а также сонорный [в]) встречаются не только в конце слова и слога, но и перед гласными непереднего ряда ([ў] *о́шадь*, [*w*] *о́шадь*, [в] *о́шадь*), т.е. звуки на месте *л* и на месте *в* факультативно совпадают.

Характерное для северо-восточного ареала распространение [*l*] "среднего" (не свойственного юго-западному ареалу), признаваемое позднейшим[17], стоит, по нашему предположению, в прямой связи с возможностью замены *л* твердого во всех позициях этими более вокализованными вариантами, которые в прошлом, по-видимому, были представлены более последовательно. Звук [*l*] возник в порядке отхода от этого типа реализации фонемы *л* и восстановления смычно-проходной артикуляции в тех позициях, где она была утрачена. Процесс этот мог быть осуществлен только на базе мягкой смычно-проходной артикуляции, сохранившейся в той же

---

[15] *Васильева А.К.* О закономерностях возникновения в русских говорах юго-западной зоны спирантной пары [в] – [ф] – В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977.

[16] Территория этих двух ареалов показана на карте, см.: *Теплова В.Н.* Материалы к изучению исторических связей между западными и северными говорами русского языка. – ВЯ, 1973, № 4; *Она же.* Звуки [л], [*l*] и [ў] на месте этимологического [л] твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров. – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967.

[17] *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М.: Учпедгиз, 1949, с. 170.

системе без замены ее губно-губной[18]. Однако фонологическая мягкость во многих говорах этого ареала реализуется полумягкими согласными, выступающими как на месте старых полумягких, так и на месте исконно мягких[19]. Это делает понятным, почему восстановление утраченной в свое время смычно-проходной артикуляции осуществляется посредством полумягкого *л* или так называемого [*l*] среднего. Эта гипотеза подробнее излагается нами в отдельной статье.

Предположение о сильной вокализованности *л* в говорах северо-восточной зоны подтверждается также тем, что в подавляющей части этих говоров распространено явление отвердения [л'] в сочетаниях с [н] и [ш][20]. Известно, что чем звучнее сонорный, тем легче он утрачивает свою мягкость[21]. Эту закономерность, помимо отвердения [л'] в указанных сочетаниях, отражает отвердение [р'] в белорусском языке, отвердение [н'ш] в периферийных говорах русского языка и целый ряд других факторов[22].

Разную степень сонорности, как известно, может иметь и фонема ⟨ *j* ⟩. Неодинакова она как в пределах одной системы в зависимости от синтагматических условий (ср. ее реализацию в литературном языке: то как сонорный щелевой среднеязычный [*j*], то как неслоговой гласный [й][23]), так и в разных говорах, где ⟨ *j* ⟩ может различаться общим потенциалом своей звучности. Есть целый ряд прямых и косвенных указаний на то, что эти различия в говорах имеются и имели место в прошлом. Территориальная приуроченность фактов разной степени вокализованности ⟨ *j* ⟩ указывает также на их связь с противопоставлением центральных и периферийных говоров, хотя конкретный вид этой изоглоссы еще предстоит выявить.

О разном потенциале сонорности ⟨ *j* ⟩ в этих двух группах говоров можно судить по тем отношениям, в которые он вступает с другими звуками.

В центральных говорах встречается замена звуком [*j*] мягкого фрикативного задненебного звука [γ']. Этому явлению посвящена специальная статья Р.И. Аванесова[24], пафосом которой является доказательство того,

---

[18] Это имело место: 1) перед гласными переднего ряда (*левый, липа* и т.д.); 2) перед гласными [а] и [у] в ограниченном числе корневых морфем (типа *глядя, люди*); 3) перед любыми гласными словоизменительных аффиксов на стыке морфем (*поля, к полю, полем, побелят, побеленный*).

[19] См.: *Пауфошима Р.Ф.* Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. II. М., 1961; *Азарх Ю.С.* Отвердение парных мягких согласных перед гласными в вологодско-кировских говорах. – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967.

[20] См.: *Теплова В.Н.* Диспалатализация ⟨ л' ⟩ в положении перед согласными [н] и [ш] в русских говорах. – В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. Здесь помещена карта, отражающая это явление. Кроме говоров северо-востока отвердение [л'] в этих сочетаниях отражено на этой карте в части западнобрянских говоров, относящихся по своему происхождению к среднебелорусским.

[21] *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг. 1916, с. 23–24.

[22] См., например, наблюдения А.К. Васильевой о неустойчивости мягкой артикуляции у [*w*] губно-губного, в связи с чем [*w'*] раньше, чем [*w*] подвергается замене губно-зубным звуком (*Васильева А.К.* Указ. соч., с. 124).

[23] *Еськова Н.А.* Фонема ⟨ *j* ⟩ в современном русском языке. – Учен. зап. МГПИ им. В.П. Потемкина, т. XLII, вып. 4, 1957.

[24] *Аванесов Р.И.* О качестве задненебной фрикативной согласной перед гласными переднего ряда в русском языке. – Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. М., 1952, № 2.

www.ruslang.ru
БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

что в отличие от литературного языка, где [γ] и [j] различаются (ср. различие в произношении словоформ *о боге* с [γ'] и *о бое* с [j']), в некоторых южнорусских говорах на месте [γ'] может произноситься [j'], ср. *jи́р'а, наjи́л* (*гиря, погиб*) и др. Факт неразличения [γ'] и [j'] перед гласными переднего ряда Р.И. Аванесов подтверждает, в частности, случаями обозначения в диалектных записях самого [j'] посредством буквы *г* (*гя́йца, свиньгя́* и т.п.).

С утверждением о совпадении этих звуков в одном, и именно в [j'], нельзя не согласиться, и важнейшим доказательством тому является различение перед таким [j'] звонких и глухих согласных (ср. записи типа *с'jи́р'ай, с'jи́нул* и др.). Однако одновременно следует признать, что звук [j'] в этих говорах отличается от [j'] литературного языка, – он характеризуется в этих говорах большей степенью спирантизации (силой трения), что приближает его по своим качествам к шумным согласным. Только этим его свойством можно, с нашей точки зрения, объяснить, почему в записях он может обозначаться буквой *г*, т.е. буквой наиболее близкого к нему (фрикативному γ) шумного согласного. Ведь если [j'] по своему качеству не отличается от [j'] литературного языка, то вряд ли возникла бы потребность употреблять для его обозначения букву другого согласного. Только понимание этого звука как обладающего меньшим потенциалом звучности и большим уровнем шума позволяет объяснить, почему он в говорах описываемого типа может выступать в ряду шумных согласных – мягких среднеязычных [к'], [г'], [х'], являющихся средними между мягкими заднеязычными и соответствующими мягкими переднеязычными (первые два часто обозначают в диалектных записях как к'^{m}, г'^{ə}'), ср. параллельные процессы смещения заднеязычных в среднеязычную зону, приведшие к их образованию: [к'] > [к"], [г'] > [г"], [γ'] > [j'], [х'] > [х"][25]. Такой, приближающийся к шумным, слабосонорный [j'], будучи звуком переходным между сонорным и шумным, может, по-видимому, в отдельных говорах проявляет себя как звонкий. Так пример "з г'яйцами" (с яйцами) возможно, не ошибка, как предположил Р.И. Аванесов (Указ. соч., с. 39), а факт озвончения предлога *с* перед [j'] (переданным через *г*), т.е. – такого поведения согласного, парного по глухости-звонкости, которое свидетельствует о шумности следующего за ним согласного, – свойстве, которое, видимо, может факультативно проявляться у слабовокализованного [j'] в такой степени, что вызывает соответствующую реакцию предшествующего шумного.

Если перед гласным (в примере "з г'яйцами") такая степень шумности [j] может факультативно проявляться как звонкость, то в конце слова она (также факультативно, чаще в конце синтагмы, в условиях эмфазы) может оборачиваться глухостью; ср. звук типа средненебного мягкого *х* ([х"]) в случаях типа *откро́* [х"]!, *скоре́* [х"]![26]. Звук [х"] в соответ-

[25] Для обозначения мягких среднеязычных пользуясь способом Р.И. Аванесова. Звук [х"] охарактеризован им как "безголосое *j*'" (Там же, с. 37). Карта 69, вып. I ДАРЯ (рукопись Ин-та русского языка АН СССР) показывает, что реализация γ', в виде [j'] характерна для говоров той же части центральных говоров, что и звуки [к"] и [г"] на месте к' и г'.

[26] Звук [х'] такого происхождения (уже с потерей среднеязычной артикуляции или из-за неумения собирателей материала отличить ее на слух от заднеязычной) зафик-

ствии с [j] слабосонорного качества является аналогом других глухих сонорных в позиции конца слова после согласных (*ос* [тр], *во* [пл'] и т.п.).

В говорах периферийного типа [j], наоборот, проявляет значительную вокализованность. Ее можно усмотреть в свойственной севернорусским говорам черте фонетики – утрате интервокального ⟨j⟩ в определенных условиях[27]. Именно высокая степень вокализованности этой фонемы, реализующейся по преимуществу неслоговым гласным [й] со слабо выраженной артикуляцией трения (и несколько пониженного образования, приближающегося к [*e*]), приводит в этих говорах к его утрате в части интервокальных позиций[28].

Высокой сонорностью [j] можно объяснить и его способность выступать в определенных позициях в соответствии с мягким губным спирантом, причем только в тех говорах, где соответствующая фонема реализуется губно-губным [w][29]. Возможность такой мены характеризует в основном вологодские говоры и говоры Рязанской Мещеры, как раз те, которые являются наиболее яркими представителями говоров периферийного типа[30]. Сама же способность [j] выступать на месте [w'] – звука высокой степени сонорности, в любой из систем обладающего большей сонорностью, чем [j], недвусмысленно свидетельствует и о высокой сонорности [j] в этих системах.

Известно, что сонорные в контексте других звуков могут менять свое качество в довольно широком диапазоне. Это объясняется тем, что, обладая нефонологической звонкостью, сонорные могут вести себя относительно этого признака достаточно свободно, оставаясь самими собой, т.е. не совпадая с другими звуками[31]. Однако рамки этой свободы в центральных и периферийных говорах различны. В системах консонантного типа сонорные в соседстве с шумными частично теряют свою звучность, спирантизируются. Степень их оглушенности, например, в позиции конца слова после согласно-

---

сирован на месте *й* в качестве лексикализованного в приставочных словоформах глагола *идти: по*[х'т']*и́*, при[х'т']*и́* (соответственно *из пойти, прийти*). Такие словоформы зарегистрированы в трех нас. пунктах Дальне-Константиновского р-на Горьковской обл.

[27] О фонетических условиях возможности такой утраты [*j*] см.: *Бромлей С.В.* Стяжение в русских говорах и его морфологические следствия. – В кн.: ОЛА: Материалы и исследования. 1970. М.: Наука, 1972.

[28] Не могу согласиться с трактовкой этого явления как свойственного центральным говорам, данной в книге " Образование северного русского наречения и среднерусских говоров", см. в указанной статье (сноска 27) доказательства отсутствия утраты [*j*] и стяжения гласных как фонетической черты в восточной части среднерусских говоров.

[29] *Будде Е.Ф.* К истории великорусских говоров. Казань, 1896 г., с. 158. Там же (с. 148) указывается на связь с меной [*j*] и [*w*'] современных общерусских *домой, долой* из *домови, долови* через ступень утраты конечного *и*.

[30] Эти же два типа говоров по характеру "поведения" в них фонемы ⟨j⟩, выделяет Л.Л. Касаткин (О фонологическом содержании звука [j] в некоторых русских говорах. – В кн.: Исследования по фонологии. М.: Наука, 1966).

[31] *Кузнецов П.С.* Введение к объективному определению границ слова в потоке речи. – В кн.: Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. Изд-во МГУ, 1968; *Барановская С.А.* О согласных фонемах русского языка, не включенных в корреляцию по глухости-звонкости и твердости-мягкости. – В кн.: Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению, М., 1937.

го может приводить к их утрате в этом положении, ср. произношение *ру* [п'] (*рубль*), *жи* [с'] (*жизнь*). В периферийных говорах обнаруживается другая модель их поведения в тождественных условиях. Здесь проявляется обратная тенденция – к усилению их звучности, что приводит к развитию побочной слоговости, ср. характерное для этих говоров произношение тех же словоформ: *ру́* [бль^{ъ}] или *ру́* [бъл'], *ру* [б^{ъ}л'], *жа́* [з'ьн'] (если это существительное не оформляется в соответствии с типом склонения на *-а*: *жа́зня*). Особенно сильно развитие побочной слоговости проявляется в периферийных говорах западного типа, ср. наличие именно здесь компактных ареалов произношения словоформ типа [ал']*ну* ([ил']*ну́*), [ар]*жа́* ([ир]*жа́*), хотя в некоторых случаях подобное поведение сонорных фиксируется и шире, почти повсеместно (например, в словоформах [пъш]*ени́ца*, [арж]*ано́й*), что может объясняться достаточно давним возникновением соответствующих фактов, – до того, как тенденция к консонантизации повлияла на сонорный. Лишний же слог со временем закрепился в фонемном составе слова уже вне зависимости от качества сонорных в соответствующих говорах.

В середине слов в сочетаниях шумных согласных с сонорными и в сочетаниях двух сонорных в периферийных говорах представлены результаты активных некогда процессов, среди которых преобладает ассимиляция, ср. долгие сонорные на месте сочетаний звонких взрывных с сонорными, объединенных местом образования: [дн] > [нн] (*ла́* [нн]*о*, [бм] > > [мм] (*о* [мм]*а́н*); разнонаправленные преобразования сочетания [л'н'], ср. [л'л']*яно́й*, где [л'н'] > [л'л'] и *пра́* [н'н']*ик*, где [л'н'] > [н'н']. Особо – *бо* [л'л']*о*, где осуществилась прогрессивная ассимиляция еще и по мягкости ([л'н] > [л'л']), а также бо [н'н']о, где [н'н'] из исходного [л'н] возникнуть не могло и, видимо, представляет более позднее изменение [л'л'] > [н'н'].

Как ассимиляция в сочетаниях двух сонорных [н'j] и [л'j] начался, по-видимому, в свое время (после утраты редуцированного перед [j]) и процесс в словах типа *весе́лье, свинья́*, широко известный западным говорам и имеющий рассеянное распространение в северных. В настоящее время такое произношение охватывает и сочетание других мягких согласных с [j] (т.е. также *пла́* [т'т']*е, коло́* [с'с']*а* и др.). Однако есть ряд фактов и соображений, позволяющих предполагать, что на сочетания других мягких согласных такое произношение распространилось позже и не как фонетический процесс, а как фонетическая модель произношения этих сочетаний в определенных положениях в слове.

В.Н. Чекман[32] указывает на необходимость при рассмотрении процессов йотации и ассимиляции [j] "обращать внимание на фонетические особенности самого йота" (с. 71), варьирующегося в языковых системах от шумного фрикативного согласного до неслогового гласного. Он также отмечает: "Зависимость хода йотации от природы предшествующего согласного, различная "валентность" согласных по отношению к j̯ обусловливают одну важную черту йотационных процессов – их поэтапность. Тот факт, что в языке палатальными стали, к примеру, l', n' < lj̯, nj̯ вовсе не обозначает,

[32] *Чекман В.Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск: Наука и техника, 1979, с. 77.

что параллельно с ними йотировались и остальные группы Ci" (Там же)[33]. Здесь со всем можно согласиться. Но, исходя из этого, можно славянскую йотацию этого позднего периода интерпретировать более конкретно, признав, что по существу она проявилась как процесс регрессивной ассимиляции между парами сонорных [n'j] и [l'j], в которых [j] – сильно вокализованный (слабо шумный!) сонорный, приближающийся к [i]. Именно таким характером [j], т.е. слабой выраженностью его консонантных свойств, обусловлена его неспособность оказать то преобразующее воздействие на зубные и губные согласные, которые он оказывал в предшествующий период развития славянской фонетики (ср. "переходное" смягчение зубных *svět–ja* > *свеча, med–ja* > *межа* и выделение эпентетических звуков у губных). "Поэтапность" же в этом случае следует, по-видимому, понимать не как чисто фонетический ход развития процесса с охватом в дальнейшем других категорий согласных, а как расширение сферы употребления двойных мягких согласных (в первую очередь взрывных и фрикативных зубных) в соответствии с новыми сочетаниями этих согласных с [j] уже по законам распространения фонетической модели.

О вероятности такой трактовки могут свидетельствовать и современные диалектные данные. Во-первых, это статистика, показывающая, например, что в сочетаниях с [j] случаев удвоенного [н'] в материалах содержится примерно в 2 раза больше, чем удвоенного [т'] (сравниваю сочетания [j] с наиболее частотными из этих двух групп согласных: сонорных и зубных шумных). Однако это соотношение может давать неточную картину из-за незнания реальной употребительности соответствующих сочетаний в диалектной речи. Во-вторых, и это представляется более важным, удвоение мягких согласных отмечается обычно на стыке морфем: корня и суффикса или основы и окончания, т.е. в случаях, где возможны процессы аналогии. Последовательное удвоение согласных именно в этой позиции подчеркивает в своей работе Л.К. Андреева, специально занимавшаяся этой темой[34]. Внутри или в начале корня это явление отсутствует. В словах *дьяк, дьячок, дьякон, дьявол*[35], в местоимении *чья*, в глаголе *шить* (*шjот* и др.) удвоения не происходит (исключения единичны). Однако в той же позиции сонорный согласный *л* последовательно удлиняется в формах глагола *лить* ([л'л']*у*, [л'л']*от* и др.). Таким образом, в этой позиции не происходит удвоения несонорных согласных и, наоборот, удвоение происходит, если согласный сонорный. Л.К. Андреева этого не замечает.

Преобладание сонорных или исключительно только сонорные фиксируются в формах с удвоенными согласными во всех извлечениях из памятников XV–XVII вв. (см., например, у Л.К. Андреевой на с. 61 из 7 примеров – 6 с сонорным, у С.И. Коткова[36] на с. 139, 140 – все 6 примеров с сонорным).

---

[33] Выше в указ. соч. (с. 64, 65) названы штокавские диалекты сербского языка, где ассимиляция [j] имеет место только в сочетаниях с предшествующими *n* и *l*.

[34] *Андреева Л.К.* Новые сочетания с *j* в восточнославянских языках. – В кн.: Материалы исследования по русской диалектологии. Новая серия, т. III. М., 1962.

[35] "В говорах, обследованных автором статьи, в этих словах ни разу не был отмечен удвоенный согласный: последовательно произносится *д'jак, д'jакън, д'jачок, д'jавъл*" (Там же, с. 66).

[36] *Котков С.И.* Южновеликорусское наречие в XVII ст. М., 1963.

Что касается белорусского и украинского материала, то он специально так тщательно, как русский не изучался. Но, может быть, о чем-то говорит то, как соответствующий белорусский материал характеризуется таким знатоком белорусского языка, каким был Е.Ф. Карский. Описывая этот материал[37] по отдельным сочетаниям и группам сочетаний, он употребляет такие формулировки: «... группы «льі, ньj» ... переходят в белорусском в л'л', н'н'"» (с. 294); относительно же зубных сказано: "«зьj, сьj, дьj, тьj» ... на белорусской почве в б о л ь ш и н с т в е г о в о р о в (разрядка наша – *С.Б.*) подверглись переходу в з'з', с'с', д'д', т'т'" (с. 297). Само разделение этих сочетаний, как и различие формулировок, данных для сонорных и зубных, позволяет думать, что Е.Ф. Карскому были известны говоры, где двойные согласные употреблялись только в соответствии с с первой группой сочетаний.

На основании всех приведенных соображений и фактов представляется возможным предполагать, что удвоение мягких согласных в новых сочетаниях с [j] в своей фонетической основе было ассимилятивным процессом в сочетаниях сонорных согласных. При своем типичном для периферийных явлений распространении он вписывается в зону реализации других ассимилятивных процессов в группах сонорных согласных (или с участием сонорных), свойственных этим говорам.

В периферийных говорах сонорные согласные претерпевают не только ассимилятивные, но и различные другие изменения, проявляя исключительную неучтойчивость, вариабельность. Эта вариабельность проявляется, однако, преимущественно в мене сонорных на сонорные же. Замена сонорных на звуки того же класса, причем чаще всего в соседстве с сонорными, имеет определенную упорядоченность: взаимозаменяться в тождественном окружении могут определенные звуки. Чаще всего наблюдается взаимная мена сонорных [н'], [л'], [j], ср. примеры типа *пе́се* [л'] *ник* (*песенник*), *моше́* [л'] *ник* (*мошенник*), *племя́* [л'] *ник* (*племянник*), *пра́* [й] *ник* (*пральник*), *шве́* [л'] *ня* (*швейня*), *са́* [й] *ник* (*санник*), *колыба́* [й] *ка* (*колыбалка* в говоре, где l "среднее").

Эти же сонорные могут заменять друг друга и между гласными и на конце слова, ср. примеры типа *рассто* [л'а́] *ние* (*расстояние*), *мо* [л] *астырь* (*монастырь*), *карто́фе* [й] (*картофель*). Ср. др.-рус. варианты *бо* [ја́] *рин* и *бо* [л'а́] *рин*, видимо, того же происхождения.

Только в этих положениях – между гласными и на конце слова – отмечается мена [р'] и [л'], ср. *косты́* [р'] (*костыль*), моты́ [р'] (мотыль), *ва́* [л'] *ежки* (*ва́режки*), *пехте́* [л'], (пехтерь), а также упомянутые выше мены [w'] и [j], ср. *руко* [w'] *а́тка* (*рукоятка*), *сыра* [w'] *е́жки* (*сыроежки*), *можже* [w'] *е́льник* (*можжевельник*)[38], *жне* [й] (*жневь*), *карто́* [й] (*картовь*) и мена [л] на [w] – [w] *а́мпа* (*лампа*), *бра* [w] *а́* (*брала*) и т.д.

Реже мена сонорных отмечается в соседстве с несонорными, например *кры́* [м] *ка* (*крынка*), *кос* [л'] *е́вище* (*косьевище*), *брю́к* [л] *а* (*брюква*), *о* [в] *ша́нник* (омшанник), *ж* [в] *и́твина* (жнитвина).

Отдельные слова, отражающие мену сонорных (ср. *я́рма* [н] *ка*, *про́* [л]

---

[37] *Карский Е.Ф.* Белоруссы, вып. I, М., 1955.

[38] О последних двух словах см.: *Касаткин Л.Л.* Указ. соч., с. 367, сноска 23. Единично мена [w] – [j] отмечается в сочетаниях, ср. *поло* [йн] *ик*.

убь, фе́[р]*ша*[л][39]), носят просторечный характер и распространены шире, не только в периферийных говорах. Подобные факты наблюдаются и в литературном просторечье (ср. . .*неврасте́*[й]*ник, моше́*[й]*ник*). В целом же массовый характер мены сонорных в различных условиях с преобладанием процессов ассимиляции – признак периферийных говоров и в первую очередь, их северных представителей.

Все эти явления имеют непосредственную связь с высокой степенью вокальности сонорных, свойственной этим системам, и имеют фонетическое объяснение. Известно, что сонорный перед следующим сонорным произносится достаточно звучно, поскольку в этой позиции он не теряет своей связи с центром слога – гласным: при произнесении слога он как бы вливается в следующий сонант. Очевидно, что при большей активности звукового потенциала сонорных и связанной с этим длительности тонального элемента[40] легко происходит объединение двух сонорных в одном звучании с утратой (полной или частичной) специфических тембровых характеристик одного из сонорных, составляющих сочетание. Те же качества сонорных – их сильная вокализованности и бо́льшая длительность, как бы забивающие различия их тембровой специфики, способствуют их смешению в аудитивном восприятии, чем в свою очередь объясняется их высокая степень вариабельности (взаимной мены) в различных условиях. В конечном счете все эти особенности в поведении сильно вокализованных сонорных стоят в прямой связи с двуединой природой сонорных, объединяющих в одном звуке вокальные и консонантные свойства: при сильной вокализованности их вокальная общность берет верх над консонантной спецификой, связанной с разным характером преграды.

Связь явлений, определяющихся разной степенью вокализованности сонорных – таких, в частности, как судьба сочетаний согласных, включающих сонорные – с определенными регионами восточнославянской языковой области еще не осознана в диалектологии. Изоглоссы соответствующих явлений, бо́льшая часть которых не предусматривается программами обследования говоров, только предстоит выявить и свести воедино. И все же в неявном виде такие данные содержатся в работах описательного характера, откуда их уже и сейчас можно извлечь. Видимо, не случайно в одной из последних работ, обобщающих по ряду славянских языков наблюдения над поведением сонорных в сочетаниях с согласными, – статье Л.Э. Калнынь[41], явления такого рода рассматриваются на следующем материале: для восточнославянских языков привлекаются данные севернорусских говоров (вологодской группы и севера костромской), данные украинских говоров, и данные белорусских полесских, – т.е. наиболее типичных русских периферийных говоров и объединяющихся с ними по "периферийным" признакам говоры других восточнославянских. И именно

---

[39] Преимущественно подобным фактам – мене сонорных в соседних слогах и ее закономерностям, посвятил одну из своих заметок по русской диалектологии "К диссимиляции согласных в русском языке" С.П. Обнорский (см.: Slavia, ČPSF, 1922, XI, 1).

[40] *Трахтеров А.Л.* Основные вопросы теории слога и его определение. – ВЯ, 1956, № 6.

[41] *Калнынь Л.Э.* Некоторые закономерности изменений в консонантных сочетаниях, содержащих сонорный, в славянских диалектах. – В кн.: ОЛА: Материалы и исследования. 1975. М.: Наука, 1977.

данные этих говоров в общем очень едины: они указывают на активные процессы в этих сочетаниях, в которых "стимулятором является сонорный", что, с нашей точки зрения, – показатель высокой степени их звучности. Привлеченные Калнынь немногочисленные данные из нижнелужицких диалектов дают во многом отличную картину, причем некоторые изменения в сочетаниях явно свидетельствуют о противоположной тенденции, – о подчинении сонорных соседним шумным. Тем самым выявляется их менее вокализованный характер, что и соответствует общей более консонантной фонетической системе нижнелужицкого языка, следующего по этому признаку сразу вслед за наиболее консонантным – польским[42]. Ср. среди проводимых в статье данных "уподобление *r* предшествующему взрывному *p, t, к* и замена согласного *r* передненебным фрикативным *š* (т.е. стимулятором изменения является шумный согласный). Сохранение при этом групп *br, gr, dr* свидетельствует о том, что утрата сонорности вторым согласным и замена смычно-проходного вибрантного образования фрикативным могла осуществляться только через стадию оглушения сонорного" (с.79).

Что касается процессов, которые расцениваются нами как специфичные для периферийных говоров, то они детально описываются Л.Э. Калнынь в терминах московской фонологической школы, и их интерпретация не противоречит развиваемым в нашей работе взглядам. Замечания требует лишь объяснение того, почему ассимиляция в сочетаниях взрывных с сонорными происходит только в тех случаях, когда взрывные являются звонкими, т.е. при наличии *ла*[нн]*о* (*ладно*) отсутствует в случаях типа *беспла́*[тн]*о* (с. 80, 81). Причину Калнынь видит в большей напряженности глухих по сравнению со звонкими, препятствующей утрате взрыва. Однако в сочетаниях типа [тн], [дн] и глухой, и звонкий согласные – имплозивны, т.е. в равной мере лишены взрывного элемента. Наличие же ассимиляции только в случае звонкости согласного, контактирующего с сонорным, объясняется скорее всего тем, что именно звонкость как их общий фонетический признак позволяет первому согласному сочетания набрать тот потенциал звучности, который соответствует уровню звучности следующего за ним сонорного согласного. Такое понимание сущности процесса объясняет, почему именно в говорах периферийного типа сонорный согласный с его повышенным вокальным потенциалом может выступать в качестве стимулятора процессов этого рода, где ведущей, по существу, является ассимиляция по степени звучности.

Вслед за работой Л.Э. Калнынь появилась статья И.И. Литвиненко[43], где на материале сибирского говора описывается судьба сочетаний сонорных с шумными. В ней демонстрируется весь комплект явлений, перечисленных выше как свидетельство высокой степени вокальности сонорных. В другой статье И.И. Литвиненко "К истории формирования старожильческого говора междуречья Сыма и Каса среднего бассейна Енисея", помещенной в том же сборнике и посвященной тем же говорам, доказывает, что "в основу старожильческого говора междуречья Сыма и Каса

[42] См.: Новое в лингвистике. М., 1963, вып. III, с. 115.

[43] *Литвиненко И.И.* Сонорные в сочетании с шумными согласными (на материале междуречья Сыма и Каса среднего бассейна Енисея). – В кн.: Проблемы сибирской диалектологии. Красноярск, 1979.

легли говоры первых русских переселенцев Сибири. Материнской территорией этих первых переселенцев была территория северо-восточной полосы Русского государства XVII в., в лингвистическом отношении это были представители северного наречия русского языка" (с. 10–11). Таким образом, и здесь явления, связанные с повышенной вокализованностью сонорных, зафиксированы в говорах, по своему происхождению периферийных северного типа.

Говоря о большей вокализованности сонорных в периферийных говорах, следует иметь в виду неравномерность, с которой это явление в них представлено, как, впрочем, и все признаки, характеризующие периферийные говоры. Однако неравномерность в проявлении признаков, связанных со степенью вокализованности сонорных, следует подчеркнуть особо. Соотношение звучности и шума, составляющих специфику конститутивных свойств сонорных как класса звуков языка, вообще – очень мобильный признак. И весь класс в целом, и каждый из сонорных в индивидуальном порядке очень тонко реагируют на общий уровень вокальности ~ консонантности фонетической системы и на ее сдвиги по этому признаку в ту или иную сторону. В связи с этим сонорные на разных участках территории периферии ведут себя неодинаково и индивидуально. Так, например, при общей значительной вокализованности звуков, представляющих фонемы ⟨л⟩ и ⟨в⟩ в периферийных говорах, высокое сонорное качество ⟨л⟩ проявляется в большей степени на северо-востоке, тогда как наибольшая вокализованность ⟨в⟩ (т.е. реализация ее как [w] и [ў]) характерна преимущественно для говоров юго-запада. Повышенная вокализованность ⟨j⟩ по имеющимся данным может усматриваться как в северных говорах (ср. выпадение интервокального [й]), так и в говорах запада и юго-запада, т.е. по всей периферии. Однако на разных участках этой общей территории проявление данного признака неравномерно, так как противоположная тенденция к спирантизации ⟨j⟩ в той или иной мере актуализируется (хотя бы факультативно) почти повсеместно, кроме разве северо-востока. Такое "индивидуальное" проявление разными сонорными качеств повышенной вокальности и должно, повидимому, приводить к неполному совпадению по говорам порядка сонорных в их рядах, построенных по признаку нарастания звучности.

Необходимость дальнейшего изучения диалектных различий, связанных с разной степенью вокализованности сонорных, очевидна. Они должны изучаться в первую очередь в синхронном плане, что потребует разработки специальных программ, особой методики наблюдений и, конечно же, использования звукозаписывающей аппаратуры с последующим инструментальным анализом произведенных записей. В сущности звуковой потенциал сонорных как специфика их физической характерики в современных диалектных системах совершенно не изучен. Те факты в пользу различной степени вокализованности сонорных в разных говорах, которые приведены выше, кроме очевидного соответствия [w] : [в], как правило, – результат изменения их в тех или иных условиях в другие звуки, обладающие большей или меньшей звучностью (гласные или согласные шумные). Строго говоря, эти факты могут быть лишь свидетельством того, что высокая степень сонорности характеризовала эти звуки в прошлом, в тот момент, когда эти изменения были живым фонетичес-

ким процессом. Степень скоординированности этих фактов со свойствами сонорных в современных фонетических системах соответствующих говоров еще предстоит установить, так как следует считаться с тем, что некоторые из них (например, результаты ассимилятивных процессов) в современных говорах могут имень характер своеобразных "фонетических фразеологизмов", т.е. вкраплений в современную систему элементов, обусловленных ее прошлым состоянием, не объясняемых исходя из ее современных характеристик, но вполне согласующихся с представлением о периферийных явлениях как явлениях архаических, свойственных в прошлом древнерусскому языку.

В свете сказанного есть еще больше оснований для изучения качества сонорных согласных диахронически как источника диалектных различий в истории языка. Выше уже было высказано предположение о том, что удвоение мягких согласных из новых сочетаний с [j] связано по происхождению с повышенной сонорностью [j] и первоначально осуществлялось как ассимиляция в группе сонорных. К подобного же рода явлениям с разной степенью очевидности принадлежат, по-видимому, и такие факты в истории языка как, например, развитие второго полногласия в древнепсковском диалекте[44], наличие протез в виде [w] и [j][45]. Не исключено, что разная судьба редуцированных перед [j], т.е. само развитие или неразвитие так называемых напряженных редуцированных гласных [ў] и [ĭ], также определялась разной степенью вокализованности ⟨j⟩ в разных славянских диалектах. На эту мысль наталкивает прежде всего то, что современным восточнославянским диалектам, знающим рефлексы этих редуцированных в виде [ы] и [и], одновременно свойственна и утрата следующего за ними j в положении конца слова (*пи, би* – повел. наклонение глаголов *пить, бить; молоды* – им. п. ед.ч. прил. муж. р.). Это служит указанием на сильно вокализованный характер [j], близкий к неслоговому [i], соседство которого с [ъ] и [ь], видимо, и определило повышение их подъема с дальнейшей (факультативной) ассимиляцией ими [j], выявляющейся в позиции конца слова[46].

С разной степенью вокализованности ⟨j⟩, возможно, связана и судьба начального сочетания [jь]. Предполагаемое изменение этого сочетания в одних говорах древнерусского языка (украинских и белорусских) в [i] с дальнейшей утратой последнего (ср. укр. *hóлка, hрати, з* вм. *из* и т.п.) как раз и предполагает повышенную степень вокализованности ⟨j⟩ в соответствующих говорах (т.е. реализацию ее в виде неслогового [i]), легко утрачиваемого по говорам, тогда как изменение этого сочетания в [и], свойственное русскому языку, предполагает сравнительно меньшую степень сонорности ⟨j⟩.

Можно думать, что вообще различия в поведении редуцированных

---

[44] Известно, что это явление обычно в той или иной форме связывается с длительностью или слоговостью сонорных, сохранившихся в этих диалектах вплоть до эпохи падения редуцирования. Точки зрения по этому вопросу см.: *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л.: Наука, 1972, с. 210 и след.

[45] См.: *Чекман В.Н.* Указ. соч., с. 160, 168, где наличие соответствующих протез связывается с наличием в фонетической системе сильно вокализованных [w] и [j].

[46] Интерпретацию этого явления, близкую к нашей (возможно, отличающуюся только терминологически), дает Ф.П. Филин (Указ. соч., с. 242–243).

в соседстве с сонорными в говорах древнерусского языка в сильной степени ни зависело от качества сонорных. Что касается плавных, то их степень вокализованности в период падения редуцированных была вообще высока, а на отдельных территориях (в частности юго-западе древней Руси) могла доходить до способности образовывать слог. Именно этим, по-видимому, и определяется различие в рефлексации старых сочетаний типа *trъt*, *tlъt*, *trьt*, *tlьt*, с одной стороны, в русском языке, где *ъ*, *ь* давали соответственно [о] и [е] (*глотать*, *греметь* и т.п.), и, с другой стороны, в украинском и белорусском, где на месте *ъ*, *ь* выступают [ы], [и] (укр. *глитати*, *гриміти* и т.п., белор. *глытаць*, *грымець* и. т.п.). Рефлексы типа украинских и белорусских, очевидно, возникли через стадию слоговых плавных [47], рядом с которыми позже развились гласные верхнего подъема. О таком ходе процесса говорят одинаковые рефлексы на месте *ъ* и *ь*. Показательно в этом смысле, что тот же гласный может развиваться в этих сочетаниях и п е р е д плавным, например, в карпатских говорах (ср. *дырва*, *сыльза* и т.п.), – факт, который не может быть понят иначе, как связанный с утратой слоговости плавным [48]. Русские же рефлексы говорят о таком качестве плавных, при котором они в этих условиях не были способны к слогообразованию, но в то же время были настолько сильно вокализованы, что способствовали прояснению соседних с ними редуцированных в обычные в сильном положении гласные полного образования [о] и [е]. На такую возможность указывал в свое время Н. Трубецкой[49].

Включение в анализ различий в степени вокализованности сонорных позволяет подвести под признак "вокальность ~ консонантность" практически все явления, которые авторами диалектного членения перечисляются в качестве характерных черт фонетики говоров центрального и периферийного типов и которые в отношении периферийных говоров представлялись случайными и разрозненными. Совокупные данные, относящиеся к поведению в этих говорах сонорных согласных, позволяют утверждать, что периферийные говоры представляют собой определенное лингвистическое единство, выражающееся в большей их вокальности по сравнению с центральными.

Важно подчеркнуть, что все явления исторической фонетики, которые свидетельствуют о повышенных свойствах вокальности языковых систем, основной областью своего распространения имеют юго-запад древнерусской территории, где происходило формирование черт, на основе которых выделились украинский и белорусский языки. Русским говорам свойственна только часть этих явлений (сочетания мягких согласных типа *сви* [н'н']*я́*, *весе́* [л'л']*е* на месте *ьj*, *lьj* и др., рефлексы с гласными [ы] и [э] на месте сочетаний редуцированных *с* [j]: *мыю*, *молодэй* и т.п.), причем все они характеризуют периферийные говоры.

Выявленные различия по линии вокальности ~ консонантности диа-

---

[47] См.: *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии, вып. II. Пг., 1915 г., с. 181 и след.

[48] См.: об этом у П.С. Кузнецова: *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка, М., 1963, с. 108.

[49] *Trubetskoy N.* Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit. ZFSP, Bd. 1, H. 3/4, Leipzig, 1925.

лектных систем открывают широкие перспективы дальнейшего исследования современных процессов в русских говорах, а также комплексного изучения восточнославянских диалектов, поскольку мы имеем дело с признаком, который отражает один из постоянно действующих циклических процессов в развитии славянских языков[50]. Важно также, что этот признак позволяет дифференцированно рассматривать русские диалекты в широком контексте других славянских языков, прежде всего восточнославянских, и может служить мерилом их типологического сравнения. В современном их состоянии наиболее консонантным из славянских языков является польский, наиболее же вокальным – сербский (в особенности штокавский диалект). Русский на этой шкале располагается ближе к консонантным, – сразу за польским. За основу в оценке меры вокальности ~ консонантности взят русский литературный язык и не учтены различия русских диалектов по этому признаку. Конечно, эти различия в масштабе всей шкалы, представленной славянскими языками, не столь велики, но степень вокальности наиболее выделяющихся по этому признаку северо-восточных говоров русского языка (например, говоров Вологодской группы северного наречия) позволила бы поставить их близко к украинскому языку, занимающему в этой шкале срединное место.

Вопрос о сравнительной вокальности ~ консонантности говоров может быть рассмотрен и аспекте строения звуковых цепей. Интересно, что и в этом плане различия русских говоров (всерьез, правда, еще не изучавшиеся) имеют определенную связь с выявленным противопоставлением центральных и периферийных говоров. Те периферийные говоры, которые были охарактеризованы как наиболее вокальные (и тем самым наименее консонантные), т.е. говоры северо-восточной зоны, с точки зрения строения звуковых цепей являются наиболее вокальнонасыщенными. Можно привести целый ряд явлений (конечно, далеко не исчерпывающий), из которых многие относятся к флексиям, иллюстрирующих более вокальное, чем в других говорах, строение однотипных морфов. Помимо явлений "зияния гласных", возникших вследствие выпадения интервокальных согласных *j* (*дéл* [ае] *т*, *зн* [áа] *т*, *бéл* [аа]), *w* (*д* [éу] *шка*, *кор* [óу] *шка*, *сам* [оá] *р*, *пр* [áи] *льно*, *дéр* [ео]), γ (к [оó], т [оó]), это особенно дает себя знать в строении флексий, где сохраняются старые структуры с сохранением конечных гласных (утраченные в других говорах) или былой двусложности, ср., например архаичные формы инфинитива типа *ходúти*, типа *клáсти*, типа *стрúчи*, формы повелительного наклонения типа *стáни*, *бróси*, старые формы нетематических глаголов *дасú*, *есú* [51], формы им. падежа ед. числа *мáти*, *дóчи*, двусложные окончания в форме род. падежа ед. числа женск. рода прилагательных (*у молодúе жены*) и местоимений (*у одниé девки*) [52], формант сравнительной

[50] *Левков И.* Насоки в развоя на фонологичните системи на славянските езици. София., 1960.

[51] Эти формы сохраняются и в периферийных говорах западного типа.

[52] Характерно, что именно в этих говорах возможны и новообразования, приведшие к возникновению новых двусложных окончаний, ср. формы косвенных падежей мн. числа прилагательных типа *у молод* [ые] *х* или *у молод* [éи] *х*, *к дорог* [ие] *м* или *к дорог* [éи] *м*, отраженные на карте 48 II выпуска ДАРЯ (рукопись).

степени *-ее* в качестве единственного, без конкурентной формы на *-ей*[53]. Весьма симптоматично в интересующем нас смысле широкое употребление в говорах этого региона вокализованных вариантов предлогов *ко, во, со;* выступающих здесь в более разнообразных контекстах, – не только перед словами, начинающими с определенных сочетаний согласных (*ко мне, со снохой, во рту* и под.), как это имеет место в большей части русских говоров (в том числе и всех центральных), но и перед словами, начинающимися с одиночных согласных (*ко по́лю, во лесу́, со тобо́й* и под.). В своей совокупности явления подобного рода значительно отличают периферийные говоры в их северо-восточном варианте от остальных говоров русского языка значительно большей насыщенностью звуковых последовательностей гласными.

Нет сомнений в связи этих явлений с законом открытого слога, определявшем вплоть до падения редуцированных высокую вокальную насыщенность звуковых цепей древнерусского языка. Система, характеризовавшаяся таким строением слога, должна была, конечно обладать и сильно вокализованными сонорными, о чем свидетельствует уже то, что из всех согласных только сонорные были разрешены в ней на конце слога, – тем самым они как бы приравнивались к гласным.

Признак относительной вокализованности звуковых цепей (в сопряженности со степенью вокальности самих фонетических систем) также мог бы быть использован при сравнении русских говоров[54], как и – шире – говоров восточнославянских языков (повышенная вокализованность звуковых цепей характерна, как и высокая вокальность фонетической системы, и для говоров украинского языка). Заметим, что антиподом этих говоров в пределах русского языка можно считать, видимо, те юго-восточные говоры, где в настоящее время широко представлена редукция гласных до нуля звука[55]. Говоры эти, относящиеся по степени развитости консонантных признаков к центральным, несомненно, развиваются по пути уменьшения вокальной насыщенности звуковых цепей– направлению, которое, хотя и в более слабой степени ощущается и в эволюции разговорной речи носителей русского литературного языка.

Учет выявленных закономерностей, реализующихся в русском диалектном языке по линии вокальности ~ консонантности, не может не отразиться и на осмыслении многих других диалектных различий, прямо или косвенно связанных с признаком вокальность ~ консонантность, – таких, например, как организация слога, распределение экспираторной силы в слоговой структуре слова, характер самого ударения, специфика пограничных сигналов (в том числе и степень их выраженности) и др.

---

[53] Преимущественное сохранение двусложных окончаний твор. падежа ед. числа существительных и прилагательных (*водо́ю, с большо́ю* и т.д.) свойственно в основном говорам юго-западной периферии.

[54] Эти вопросы в плане типологическом рассматривались В. Скаличкой в его статье "Типология славянских языков и в особенности русского" (Skalicka V. Vyvoj jazyka. Soubor stati. Statni pedagogicke nakladatelstvi. Praha , 1960). Однако В. Скаличка, строя типологические характеристики на основе данных о системе русского литературного языка, имеет в то же время в виду русский язык в целом.

[55] См. в настоящем сборнике: *Голубева Н.Л.* Редукция безударных гласных до нуля в русских говорах.

При тесной связи явлений фонетики и морфологии закономерности, определяющиеся различиями по линии вокальности ~ консонантности, проецируются и на морфологический уровень в той части, которая касается строения флексий.

Выявленный критерий сопоставления диалектных систем дает возможность пересмотреть некоторые оценки современного состояния диалектных систем, устойчиво бытующие в диалектологической литературе. Так, широко распространено мнение, что вариативность, характерная для диалектов, во всех случаях, когда один из вариантов совпадает с литературным, обусловлена влиянием на говоры литературного языка. В свете же тенденции к консонантизации языка эта вариативность во многих случаях могла возникать в порядке радиации черт, связанных с этой тенденцией, из центральных говоров и развиваться спонтанно задолго до той поры, когда влияние литературного языка стало на деле существенной составляющей в процессе развития строя русских говоров. Об этом говорит и характер ареалов распространения этих вариантов, не согласующийся с представлениями о воздействии на говоры наддиалектной формы языка[56].

Явления, связанные в той или иной мере с повышенной вокальностью диалектных систем, в настоящее время значительно потеснены признаками, свидетельствующими о развивающейся тенденции к повышению в диалектных системах черт консонантного строя[57]. Характеризуя русские периферийные говоры, признаки высокой вокальности связываются при этом всегда с восточнославянским западом, – с украинским языком, частично с белорусским, где они распространены, как правило, в качестве господствующих, большими целостными ареалами. В пределах русского языка наиболее архаичной зоной в этом смысле, как неоднократно подчеркивалось, является русский север и, в особенности, северо-восток. Недаром по этим признакам уже давно было замечено сходство говоров севернорусского наречия с украинским языком, в наибольшей степени выделяющимся своей вокальностью. Белорусский же занимает промежуточное положение: он делится на более консонантный северо-восток и менее консонантный юго-запад, хотя в целом проявляет заметно большую вокальность (по крайней мере по поведению сонорных), чем русские говоры центра. Для получения точной и объективной картины распространения признаков вокально-консонантной оппозиции, манифестирующих важное для истории языка противопоставление групп восточнославянских

---

[56] См.: *Бромлей С.В.* Лингвогеографические критерии оценки языковых вариантов в русских говорах в связи с проблемой воздействия на них литературного языка.– В кн.: Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: тезисы докладов и сообщений (Волгоград, 21–24 сентября 1982 г.), М., 1982.

[57] При общей архаичности явлений, связанных с повышенной вокальностью диалектных систем, следует помнить, что процессы, в которых обнаруживаются потенциальные возможности систем вокального типа, могли проявляться и в эпоху после падения редуцированных, т.е. относиться к инновациям. О сложном взаимодействии процессов, связанных своим происхождением как с центральными, так и с периферийными говорами на разных этапах истории русского языка см.: Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М.: Наука, 1968, с. 183–188.

диалектов, которое выявлено на материале русского диалектного языка как противопоставление центральных (консонантных) и периферийных (вокальных) говоров, необходимо прежде всего детальное изучение этих признаков как элементов одного восточнославянского лингвистического ландшафта.

К.Ф. Захарова

ОБ ОСНОВЕ УМЕРЕННОГО ЯКАНЬЯ В ВОСТОЧНЫХ СРЕДНЕРУССКИХ ГОВОРАХ

Гипотеза о механизме образования умеренного яканья в среднерусских говорах на основе севернорусского вокализма была разработана и теоретически обоснована В.Н. Сидоровым[1]. Основанием для этой гипотезы послужило представление о том, что при взаимодействии диалектов с разными системами предударного вокализма утверждается произношение гласных влияющего диалекта, но фонетические условия, в которых произносятся новые гласные, отражают структуру вокализма того диалекта, который испытывает влияние. В данном случае, при взаимодействии оканья с аканьем в говорах после твердых согласных развивалось аканье, а после мягких – умеренное яканье, так как вместо [о] и [е] окающего говора стали произноситься [а] и [и], свойственные акающим говорам, но зависимость их произношения от твердости–мягкости последующего согласного отражала структуру вокализма окающего говора. Так получался, по выражению В.Н. Сидорова, "акающий слепок, отлитый по окающей модели"[2]. Согласно этому пониманию, открытые диалектологами разновидности умеренного яканья – тороповская (с типом произношения *а-а-а ‖и-и-а*[3]), новороссийская (*а-а/и-а ‖и-и-а*) и соколовская (*а-а-и-‖и-и-и*) являлись, по мнению Сидорова, акающими слепками с разных разновидностей владимирско-поволжского вокализма: тороповская – с типа *о-о-а ‖е-е-а*, новороссийская – с типа *о-о/е-а ‖е-е-а*, соколовская – с типа *о-о-е ‖е-е-а*. Обычное же умеренное яканье – *а-а-а ‖и-и-и* – появилось позднее из тороповской разновидности, путем замены [а] перед мягкими

[1] *Сидоров В.Н.* О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах. – Изв. ОЛЯ АН СССР, 1951, т. X, вып. 2; *Он же.* Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах. – Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, 1952, вып. 2; *Он же.* Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье. Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах. – В кн.: Из истории звуков русского языка. М., 1966; *Он же.* Два пути образования умеренного яканья из ёканья. – В кн.: Из русской исторической фонетики. М., 1969.

[2] *Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка, с. 105.

[3] Так здесь и далее схематически обозначается произношение гласных в 1-м предударном слоге после мягких согласных на месте этимологических *е-ё-а* в положении перед твердыми ‖ мягкими согласными. Наличие двух гласных на месте одной и той же этимологической гласной, например *а/е*, обозначает возможность произношения каждого из гласных только в определенном круге слов, состав которых может варьироваться в разных говорах.

согласными гласными [и] в результате обобщения произношения [и] перед мягкими согласными[4].

Работы В.Н. Сидорова в области диалектологии имеют огромное значение как в теоретическом, так и практическом отношении. Они побуждают исследователей вновь и вновь обращаться к диалектному материалу, чтобы ставить и решать вопросы как современного диалектного языка, так и истории образования отдельных его явлений. Самому Сидорову как ученому свойствен был неослабевающий интерес к новым диалектным данным и стремление к критическому их осмыслению. В своих работах он неоднократно возвращался к вопросу о происхождении умеренного яканья для анализа новых данных и выдвижения добавочных доказательств высказанного ранее предположения. Однако, даже признавая, что основным типом предударного вокализма перед твердыми согласными в современных владимирско-поволжских говорах является тип *о-е-а*, а не *о-о-а*, В.Н. Сидоров продолжал считать последний первоначальным типом владимирско-поволжского вокализма[5].

Признание типа *о-о-а* основным (и первичным по отношению к типу *о-е-а*) типом предударного вокализма владимирских говоров имеет свою историю. Считается, что этот тип образовался фонетически-закономерно в результате того, что гласные **е* и **ѣ*, различающиеся под ударением, совпали в безударном положении в [е], который как всякий [е] перед твердыми согласными фонетически-закономерно переходил в [о]. Московские памятники письменности, различающие *ѣ* и *е* под ударением и фиксирующие, начиная с XV в., совпадение *ѣ* и *е* в [е] в безударном положении, и открытие диалектологами случаев произношения [о] на месте *ѣ* в 1-м предударном слоге при произношении [е] на месте *ѣ* под ударением, типа *бег–б'огу́т*, как будто подтверждали это представление[6].

Первый, кто высказал сомнение в отношении наличия в 1-м предударном слоге фонетически-закономерного [о] на месте *ѣ*, была Е.С. Скобликова[7]. Анализируя материалы Атласа[8], она доказала, что в говорах, которым приписывается тип *о-о-а*, не все слова с этимологическим *е* из *ѣ* в первом предударном слоге перед твердым согласным произносятся с [о], а только те, у которых затемнена фонемная принадлежность предударного гласного (т.е. те, в которых гласный предударного слога остается безударным в системе словоизменения). Утверждая совершенно справедливо на этом основании вторичность произношения типа *о-о-а*, Е.С. Скобликова, однако, исходила по сути дела из того же, из чего исходили П.С. Кузнецов и В.Н. Сидоров при рассмотрении типа *о-о-а* как первичного по отношению к типу *о-е-а*[9], а именно, из признания действующей

---

[4] См.: *Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка, с. 112, 150.

[5] См.: *Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка, с. 142, 154.

[6] См.: *Обнорский С.П.* Переход *е* в *о* в современном русском языке. – В кн.: Шахматов А.А. М.; Л., 1947; *Горшкова К.В.* Очерки исторической диалектологии северной Руси. М., 1968.

[7] *Скобликова Е.С.* О судьбе этимологического *ѣ* в 1-м предударном слоге перед твердым согласным в говорах владимирско-поволжской группы. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, т. 3. М., 1962.

[8] См.: Атлас русских говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. Карты 4, 5 и комментарии к ним.

[9] См.: *Сидоров В.Н.* Из истории звуков русского языка, с. 113.

в современных говорах тенденции произносить в 1-м предударном слоге те гласные, какие произносятся в других формах тех же слов под ударением. Так, по мнению В.Н. Сидорова, первичный вокализм был: *н'осу́–р'ока́–гр'ада́*. В результате действия указанной тенденции при *н'ос, р'ек, гр'а́ды* могло получиться соответственно: *н'осу́–р'ека́–гр'ада́*. По тем же причинам, по Е.С. Скобликовой, вместо исконного *н'осу́–р'ека́, дв'енд̆цать, сл'еп̆ой–гр'ада́* в говорах имеется: *н'осу́–р'ека́*, но *дв'онд̆цать, сл'оп̆ой–гр'ада́*, так как рядом с *р'ека́* есть *р'ек*, а у слов, подобных *двенадцать, слепой* нет форм словоизменения с ударением на корневую гласную, вследствии чего в них произносят [о], как в словах с [о] из **е*, **ь*. Таким образом, сама логика подобных объяснений наличия [о] или [е] на месте **ӗ* могла приводить к заключению как о вторичности системы *о-о-а*, так и об ее исконности.

Причины преобразования предударного вокализма, выдвигаемые Сидоровым и Скобликовой, вообще отрицать, конечно, нельзя, но нельзя и утверждать, что именно ими определяется наличие типов *о-о/е-а* и *о-е-а*. Кроме этого, оба толкования не должны бы исключать из рассмотрения характер произношения на месте **е* в тех категориях слов, в которых и под ударением в том же соответствии отсутствует [о] (это слова с поздно отвердевшим согласным после *е*, типа *пе́рвый, оте́ц*, слова церковнокнижные, относящиеся к административной сфере и новые слова), а также произношение в предлогах, отрицательных частицах – категориях, наиболее показательных для выявления действующих фонетических тенденций в силу того, что предударный гласный в них постоянно безударный.

Точка зрения, согласно которой тип *о-о-а* перед твердыми согласными является фонетической лексически не ограниченной закономерностью произношения, действующей в современных окающих говорах, очень устойчива в диалектологии [10]. Однако анализ материалов Атласа показал, что в современных владимирско-поволжских говорах при различении гласных в 1-м предударном слоге к фонетическому уровню относится только сама возможность произносить [о] в предударном слоге, а лексическая приуроченность *о* в этом положении определяется фонемным составом слова, так как предударный [о] в этих говорах репрезентирует только фонему ⟨о⟩, а не является звуком, в котором совпадают ⟨о⟩ и ⟨е⟩[11]. Такой предударный вокализм лексически точно отражает фонемный состав слов, где при *с'остра́, н'осу́, см'отна* закономерно произносится не толкьо *р'ека́, ст'ена́*, но и *сп'ерва́, кр'еста́, м'еда́ль, н'е зна́ю, п'ер'еду́л* и под., так как последние слова также имеют фонему ⟨е⟩, хотя и не из **ӗ* (ср. то же под ударением: *с'о́стры, н'ос, р'ек, ст'е́ны*; *п'е́рвый, кр'ест* . . .)

Для решения вопроса о том, какой тип предударного вокализма владимирско-поволжских говоров – *о-о-а*, как предполагал В.Н. Сидоров, или *о-е-а* – мог явиться основой умеренного яканья, материал атласов был рассмотрен с точки зрения состава слов, в которых в 1-м предудар-

[10] Ср.: Русская диалектология /Под ред. Мещерского В.И. Л., 1972, с. 102, 103; Русская диалектология/Под ред. Кузнецова П.С. М., 1973, с. 45; *Пожарицкая С.К.* Русская диалектология. М., 1982, с. 37, 38.

[11] См.: *Захарова К.Ф.* К вопросу о ёканье. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1981.

ном слоге произносится [о] и [е] с учетом этимологического и фонемного соответствия этих звуков.

Было установлено[12], что для вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных всех говоров Владимирско-Поволжской группы характерны следующие два типа различения гласных в соответствии фонемам ⟨о⟩-⟨е⟩-⟨а⟩: *о-е-а‖е-е-а* и *о-о/е-а‖е-е-а*. В положении между мягкими согласными возможен тип *и-и-а*, при условии, что в говоре и под ударением в том же положении отмечается произношение [и] на месте *е* из **ѣ́*, **е*, **ь*. Тип же вокализма *о-о-а‖е-е-а* по сути отсутствует: в материалах Атласа он отмечается крайне редко и только в тех ответах, которые или вызывают сомнение по количеству и качеству материала, или относятся к говорам, находящимся на окраине распространения ареала типа *о-о/е-а*, которые к тому же граничат с ареалом говоров с принципиально иной системой предударного вокализма, в частности, на границе с аканьем[13].

Наличие типа *о-о-а* в последних говорах определяется собирателями в достаточной мере условно, так как на ряду с этим типом в этих говорах отмечается и утрата ёканья вообще, хотя [о] возможно в любых словах на месте предударного *е* из **ѣ́* в отличие от [о] в типе *о-о/е-а*. Судя по тому, что подобный вокализм отмечен в говорах Калининской обл.[14], которым может быть свойственно ассимилятивное оканье, можно предположить, что в них тип *о-о-а* не является следом старых фонетических закономерностей, а представляет результат новых процессов, связанных с перестройкой системы предударного вокализма на пути утраты ею различения гласных ⟨о⟩ и ⟨е⟩ и совпадения их в [о] перед ударенным *о* и в [е] или [а] перед другими ударенными гласными независимо от лексики, в которой эти гласные встречаются. Могут быть и некоторые другие формы поздних процессов, приводящих к расширению ёканья в говорах, где возможны междиалектные взаимодействия. Но они единичны и индивидуальны.

Тип *о-о/е-а*, который Сидоров принимал за тип *о-о-а* и называл его "полным" или "сильным", никогда, по данным Атласа, не проводится в говорах действительно последовательно: всегда наряду с [о] на месте *ѣ́* в части слов произносится [е]. Кроме того, [е] обычно произносится в словах с поздно отвердевшими согласными на месте **е*, **ь*, в новых словах, в предлогах, приставках, отрицательных частицах. Поэтому в отношении такой системы предударного вокализма можно говорить скорее не о "полном ёканье", а о более широком охвате слов ёкающим произношением при системе различения гласных типа *о-е-а* за счет слов с [е] в 1-м предударном слоге. При этом говоры с подобными отступлениями от типа различения *о-е-а* в направлении к типу *о-о/е-а* не однородны по охвату разных категорий слов с [о] на месте *ѣ́*.

Говоры с различением типа *о-е-а* также могут иметь отдельные случаи произношения [о] в соответствии с этимологическим *ѣ́* в 1-м предударном слоге, которые, однако, не нарушают типа различения *о-е-а*, поскольку

---

[12] См.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 359–370.

[13] См.: *Кириллова Т.В.* Динамика предударного вокализма в советский период Докт. дис. М., 1974.

[14] Там же.

отмечаются в словах, в которых на месте *ѣ* в современных говорах имеется фонема ⟨о⟩, а не ⟨е⟩. Ср., например: *о* [д'о] *ъва́ть* – *о* [д'о́] *жа*, [б'о] *гу́т* – *у* [б о́] *г*, *по* [с'о] *вна́я* – [с'о] *в*, *ц* [в'о] *ту́т* – *ц* [в'о] *л* (но при этом всегда: *ц* [в'е] *ток* – *ц* [в'е] *т*) и под. Имеются говоры также с типом различения *о-е-а*, в которых кроме указанных случаев наличия [о], являющихся закономерными в системе говора, встречаются отдельные слова с непроверяемым [о] на месте этимологического *ѣ*, например, *прет* [с'о] *да́тель*, [п'о] *ту́х*, [б'о] *да́* (в роли междометия). Подобные слова с [о] на месте *ѣ* всегда единичны и индивидуальны в каждой из систем с типом различения *о-е-а*. Они являются лексикализованными отступлениями, связанными со спецификой усвоения слов. Например, [п'о] *ту́х* – слово более позднее, ранее было *ко́чет* или *певу́н* и под. Все эти случаи с утратой этимологического *ѣ* не нарушают систему различения *о-е-а*, а только перераспределяют в ней количество слов с фонемами ⟨е⟩ и ⟨о⟩. Следует сказать, что говоры сел Кишлеева, Вишенки и Запажья Владимирской обл., описанные П.С. Кузнецовым[15] и трактуемые как имеющие различение типа *о-о-а*, принадлежат как раз к различению типа *о-е-а* с лексическими отступлениями, подобными рассмотренным выше. См. примеры с [о] и [е] на месте *ѣ*, приводимые Кузнецовым: *выс'овáл'и, выс'овáл, выс'овáлка, цв'отýт, уб'огла́, выб'огáт, выб'огáит*, а также: *б'ода́, п'отýх, пр'отс'ода́т'ел*; но *р'ека́, б'едд, п'етýх, сл'еды, гн'ездо́, в в'едро́, сл'епóй, б'ела́, цв'етóч'к'и-т'е, д'елóв-то, бр'езáют, выр'езáл'и*.

В говорах, где отмечается тип различения гласных неверхнего подъема *о-е-а*, он сохраняется во всех разрядах слов независимо от того, относятся ли они к словам, в которых предударная гласная проверяется формами словоизменения или не проверяется [16]. Так, гласный [е] может произноситься во всех словах, где был когда-то звук **ѣ*, а гласный [о] – во всех, где были гласные **е*, **ь* перед исконно твердыми согласными. В таких говорах [е] произносится не только в словах типа *р'ека́–р'ек*, но и в формах слов *сл'епóй, дв'енáдцать*, где гласная может проверяться только формами словообразования, а также и в словах с неподвижным ударением и с постоянной, непроверяемой гласной 1-го предударного слога, например, *п'есóк, п'етýх* и под. Так же и гласный [о] постоянно произносится в соответствии с *е, ь* перед исконно твердыми согласными во всех словах, как в таких, в которых возможна проверка, типа *с'остра́–с'óстры*, так и в таких, в которых такая проверка невозможна. Ср.: *б'орý, см'отна́* и под. Подобный характер вокализма свидетельствует о том что он сложился в результате фонетического изменения [е] (из **е*, **ь*) в [о] перед твердой согласной, проходившего в этих говорах как под ударением, так и в первом предударном слоге[17]. Гласный, произносящийся на месте *ѣ*, не переходил в [о] ни под ударением, ни в первом предударном слоге. Следом этого в современных говорах и является система различения гласных *о-е-а* в соответствии с фонемами ⟨о⟩-⟨е⟩-⟨а⟩. В чистом виде

---

[15] *Кузнецов П.С.* О гласных 1-го предударного слога в некоторых владимирских говорах. – В кн.: Бюллетень Диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР. М., 1948, вып. 4.

[16] См.: *Пожарицкая С.К.* Типы вокализма 1-го предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах. Канд. дис. М., 1970.

[17] См.: *Захарова К.Ф.* Указ. соч.

она сохраняется лишь в центральной части говоров Владимирско-Поволжской группы[18].

Система произношения предударных гласных *о-е-а* на месте этимологических *е-ѣ-а* в этих говорах, конечно, не объясняется современным действием живых фонетических законов. Она является лишь результатом действия их в прошлом. В современных говорах, в которых эти законы как живые уже не действуют, различение *о-е-а* соответствует не этимологическим *е-ѣ-а*, а фонемам ⟨о⟩-⟨е⟩-⟨а⟩, при этом этимологически правильное употребление этих гласных в непроверяемых положениях основывается только на традиции произношения. Естественно, что такая система может иметь отступления, вернее, нарушения первоначальных отношений, что выражается в одних говорах только в произношении отдельных слов с наличием предударного гласного, не соответствующего этимологическому; в других – в появлении целых групп слов с тенденцией к распространению в них предударного [о] за счет [е] или наоборот – [е] за счет [о]. Так возникает возможность чередования предударного [о] с ударенным [е] в разных формах словообразования и словоизменения (например, *с*[л'о]*нóй* – *ос*[л'é]*н*, [б'о]*дá* – [б'е]*д* и под.), которая определяется тем, что такое чередование является не фонетическим чередованием звуков одной фонемы, а морфонологическим чередованием двух фонем – ⟨о⟩ и ⟨е⟩, подобным чередованию этих фонем под ударением. (Ср.: [п'о]*к* – [п'е]*чь*, *о* [з'ó]*ра* – *зао* [з'é]*рье* и под.)

Как показывает анализ слов с *е* из**ѣ* в 1-м предударном слоге, на которые с разной степенью обязательности в разных говорах распространяется ёкающее произношение, наличие [о] на месте *ѣ* в них не столько зависит от проверяемости или непроверяемости предударного гласного (как предполагала Е.С. Скобликова), сколько объясняется вхождением одних слов и не вхождением других в состав одного и того же акцентологического класса слов, имеющих в предударном слоге [о] из**е*, и численностью слов этой грамматико-акцентологической категории с закономерным [о] на месте *е*. Это значит, что распространение [о] в данном случае относится к явлению морфологической аналогии, действие которой протекает в строго лимитированных рамках конкретной формы. Так, если в один и тот же грамматико-акцентологический класс слов входят слова с этимологическими *е* и *ѣ* в 1-м предударном слоге перед твердой согласной, при этом слов с этимологическим *е* и следовательно с гласным [о] в предударном слоге, гораздо больше, чем слов с этимологическим *ѣ*, то последние могут объединиться с первыми в одну общую модель произношения по типу слов с предударным [о]. Такому аналогическому процессу особенно благоприятствует парадигма склонения, при которой во всех падежах ед. числа имеется постоянное ударение на окончании при переносе ударения на основу во мн. числе, что создает единство основы в составе всей парадигмы ед. числа целого класса слов. Так, слово *звездá*, имеющая в предударном слоге *ѣ*, входит в один класс со словами, имеющими в предударном этимологическое *е* (*сестрá*). Из двух моделей произношения *зв'ездá–зв'ездý* и *с'острá–с'острý* стала употребляться последняя, что привело не только к распространению [о] в классе этих слоев в некоторых го-

[18] См.: Образование севернорусского наречия . . . , с. 361, 369, 370.

ворах Владимирско-Поволжской группы: *з*[в'о]*зда́*, [р'о]*ка́*, [б'о]*да́*, но и к замене фонемы под ударением в слове *звезда–з*[в'о́]*зды* во многих говорах и в литературном языке.

В то же время слова женского рода того же, что и *сестра́*, *река́*, типа склонения, но другого акцентологического класса не отмечаются с ёканьем в системе одного и того же говора, например, *с*[т'е]*на́–с*[т'е́]*ну–с*[т'е́]*ны*, потому что в этом классе слов отсутствует ёкающая модель произношения: нет слов с этимологическим *е* в предударном слоге.

Подобное отчетливо выступает в словах среднего рода, относящихся к разным акцентологическим классам. Так, хорошо известно произношение [о] на месте *ӗ* в словах типа *ведро́*, входящих в тот же акцентологический класс, что и *село́* с [о] на месте *е* ([с'о]*ло́*). Грамматическая особенность этой группы слов – наличие неподвижного ударения на окончании в формах ед. числа и перенос ударения на основу в формах мн. числа: [с'о]*ло́*–[с'о]*ла́*–[с'о]*лу́*... – [с'о́]*ла*–[с'о]*л*. Эта акцентологическая группа слов, хотя и не очень многочисленная, характеризуется тем, что слов с этимологическим *е* в1-м предударном слоге и, следовательно, с [о] на месте *е* в ней значительно больше, чем слов с *ӗ* в том же положении, и они часто встречаются в речи. Ср.: *с'оло́*, *ст'окло́*, *р'обро́*, *бр'овно́*, *в'осло́*, *зв'оно́*, *з'орно́*, *п'оро́*, *кол'осо́* и др., а слов с этимологическим *ӗ* очень мало, практически только *ведро́*, *гнездо́*, *седло́*. Поэтому очень широко распространено произношение [о] в этих последних словах в говорах: *в'одро́*, *гн'ездо́*, *с'одло́* (ср. также *вёдра*, *гнёзда*, *сёдла* в литературном языке). Такое произношение этих слов отсутствует лишь в центральной части владимирско-поволжских говоров со строго выдержанным типом *о-е-а*, но почти обязательно присутствует в говорах с вокализмом типа *о–о/е–а* даже там, где под ударением сохраняется фонема ⟨е⟩: [в'о]*дро́*–[в'е́]*дра*.

С другой стороны, слова среднего рода, но иного акцентологического типа – с постоянным ударением на основе в ед. числе и переносом ударения на окончание во мн. числе типа *де́ло–дела́*, *ме́сто–места́*, даже при типе вокализма *о–о/е–а* не отмечаются с произношением [о] на месте *ӗ*, поскольку среди слов этого класса нет слов с этимологическим *е* после мягкого согласного в предударном слоге, нет модели типа *t'otá*.

В классе слов муж. рода с суф. *-ок* типа *цвето́к* большинство слов имеет в корне **ӗ*, а не **е*; ср.: *бело́к*, *мешо́к*, *ездо́к*, *седо́к*, *снежо́к*, *лесо́к*, *цвето́к*, *песо́к* и др., слов же с исконным *е*, перешедшим в [о], мало: *ч'осно́к*, *ч'олно́к*, *ш'ш'олчо́к* (слово *тело́к* – название теленка – бытует не во всех говорах русского языка и, судя по данным Ю.С. Азарх и Е.Г. Буровой[19], отсутствует в рассматриваемых говорах, а слова типа *шесто́к*, *желто́к*, в произношении *шосто́к*, *жолто́к*, ассоциируются с положением [о] после твердого согласного). Поэтому слова этого типа с исконным *ӗ* в предударном слоге очень редко отмечаются с [о] в говорах с произношением типа *о-о/е-а*[20].

Наличие [о] в соответствии ⟨е⟩ из**ӗ* в других словах также всегда

[19] *Азарх Ю.С., Бурова Е.Г.* Об одной диалектной модели имен со значением невзрослости (см. настоящий сборник).

[20] Более подробный анализ разных групп слов с возможным [о] на месте *ӗ* см.: Образование севернорусского наречия ..., с. 364, 365.

обнаруживает зависимость от наличия слов того же акцентологического типа с [о] из*е в предударном положении и от количества этих слов. Там же, где такой зависимости нет, не отмечают, как правило, произношения [о] на месте *ѣ*, даже если говору свойственно расширение состава слов с фонемой ⟨о⟩ в 1-м предударном слоге за счет слов с этимологическим *ѣ*.

Таким образом, то, что все говоры обнаруживают прямую зависимость в наличии [о] на месте *ѣ* от наличия словарной ёкающей модели внутри каждой отдельной грамматико-акцентологической группы слов, доказывает первичность вокализма типа *о-е-а* по отношению к типу *о-о/е-а* и нефонетическую природу типа *о-о/е-а*. Различение гласных типа *о-о/е-а* на месте **е-*ѣ-*а* в современных говорах фактически является типом различения фонем ⟨о⟩-⟨е⟩-⟨а⟩ с бо́льшим количеством слов, имеющих в предударном слоге фонему ⟨о⟩.

Возникает вопрос: если не было исходной системы предударного вокализма типа *о-о-а*, остается ли в силе гипотеза Сидорова об образовании умеренного яканья на основе севернорусского вокализма? Да. Несомненно, что при взаимодействии говоров с различением гласных неверхнего подъема в предударном слоге и говоров с неразличением тех же гласных возникала новая система, в которой северная основа оставляла свои следы. Это выражалось в том, что в предударном вокализме оставалась зависимость качества предударного гласного, в котором совпадали гласные неверхнего подъема, от качества последующего согласного: *а-а-а* || *и-и-и*. Ср. *о-е-а* || *е-е-а* или *и-и-а* в окающих владимирских говорах. Роль северной основы при образовании умеренного яканья блестяще доказана В.Н.Сидоровым на примере анализа причин наличия гласного [и] в предударном слоге перед сочетанием твердого согласного с мягким[21].

Однако взаимодействие говоров с разными системами вокализма нельзя сводить к прямолинейному замещению предударного гласного [о] на гласный [а] как в положении после твердых согласных, так и после мягких, т.е. при появлении [ва]*да́* вместо [во]*да́* нельзя обязательно ожидать [с'а]*ла́* вместо [с'о]*ла́*. Причиной этого является прежде всего то, что система гласных в этих позициях не одинакова. Кроме этого, характер изменения вокализма после твердых и после мягких согласных может быть однородным и параллельным только тогда, когда является результатом действия общего фонетического закона, равно касающегося изменения качества предударных гласных как после твердых, так и после мягких согласных (так, например, было при образовании диссимилятивного аканья и яканья архаического типа)[22]. Когда же изменения вокализма не связаны с воздействием общего не зависящего от консонантного окружения фонетического закона и происходят при пятифонемном вокализме, то они, как правило, происходят по-разному в положениях после твердых и после мягких согласных. В результате складываются разные системы вокализма в этих положениях. Примером этого может служить вокализм литературного языка с аканьем и иканьем, где после твердых согласных гласные

[21] *Сидоров В.Н.* Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье, с. 128–139.

[22] См.: *Дурнаво Н.Н.* История русского языка. М., 1924.

неверхнего подъема при неразличении и совпадении в [а] противостоят гласным верхнего подъема ([а] – [у] – [ы]), а после мягких согласных – не противостоят, совпадая с [и] ([у] – [и]).

Можно думать, что к моменту образования среднерусских акающих говоров, во владимирских говорах, также как во всех центральных говорах[23], существовал пятифонемный вокализм, при котором количество различающихся в предударном слоге гласных было, как и в ударенном слоге, не одинаковым в положениях после твердых согласных – [а], [о], [у], [ы] – и после мягких – [а], [о], [е], [у], [и]. Наличие [е] могло мешать проведению параллельных изменений в этих положениях. К тому же пути и характер изменения предударного вокализма после мягких согласных определяются не только той системой, которая влияет, но и внутренними возможностями изменяющейся системы изменяться, что определяется количеством и качеством различающихся в ней гласных.

Конечно, в каждое историческое время характер междиалектного взаимодействия был свой, и здесь имел значение не только чисто языковой фактор – тип взаимовлияющих систем, но и внеязыковой – количество акающего населения, время взаимодействия и др. Этими причинами отчасти объясняется, видимо, то, что на территории среднерусских говоров, где можно было ожидать ранние контакты акающего – южного и окающего – владимирско-поволжского населения, имеются разные типы предударного вокализма с неразличением гласных неверхнего подъема.

Данные взаимодействия современных окающих говоров Владимирско-Поволжской группы с находящимися по соседству акающими среднерусскими говорами свидетельствуют, что путь изменения вокализма после мягких согласных мог быть разным при одной и той же исходной системе.

Один путь – при основе *о-е-а* ‖ *е-е-а* – это утрата ёканья и переход к еканью через ступень *е-е-а* ‖ *е-е-а*. Утрата ёканья – черты резко диалектной – и замена [о] гласным [е] определялись возможностями исходной системы говора, в которой [е] произносилось и перед твердыми и перед мягкими согласными: *о-е-а* ‖ *е-е-а* > *е-е-а* ‖ *е-е-а* > *е-е-е* ‖ *е-е-е* (еканье).

Другой путь при той же основе – *о-е-а* ‖ *е-е-а* – это развитие умеренного яканья. Тоже первоначально через утрату ёканья – как черты наиболее резко отличной, – а затем путем постепенного изменения [е] в [а]. Элементы изменения последнего типа отмечаются в окающих-ёкающих говорах западной половины Владимирско-Поволжской группы. Они заключаются в том, что вместо [е] в соответствии фонеме ⟨е⟩ (из **ě* и **е* перед поздно отвердевшими согласными) в этих говорах отмечаются звуки типа широкого [ę], а также [ä] и даже [а][24]. Следовательно, перед твердыми согласными из системы *о-е-а* идет образование неразличения типа *а-а-а* при сохранении еще системы *о-е-а*. При этом [а] появляется главным образом вместо [е], а не [о] (типичны, например, такие количественные соотношения [а] вместо [е] и – вместо [о], приводимые в материалах по этим говорам:

---

[23] См.: *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970, с. 54–69.

[24] См.: Атлас русских народных говоров к востоку от Москвы (карты 4, 5 и комментарии к ним, с. 324–328); Образование севернорусского наречия ..., с. 368, 369; *Кириллова Т.В.* Указ. соч.

нä хóчет, перäсáтка, рäмóнт, крúстыI, рäкáI, бĕ^{а}дá, мäстáми и – *нäсýI, зäрнáI*.). В современных владимирских говорах такое явление, расширяющее сферу употребления [а] независимо от фонемной принадлежности, не приводит еще к полному неразличению гласных, поскольку в основном сохраняется система различения типа *о-е-а*. Однако на границе с аканьем этот процесс – появление [а] вместо [е] – более определенно сближает владимирский вокализм с умеренным яканьем. Особенно показательны в этом отношении калининские говоры, где в связи с наличием ударенного [и] на месте **е* и **ĕ* между мягкими согласными, отмечается соответствующая этому положению предударная система, типа *и-и-а*, а не *е-е-а*.

Возможно, что в прошлом, при переходе системы к аканью этот процесс – появление [а] вместо [е] – мог способствовать возникновению умеренного яканья, тем более, если акающий – влияющий – говор был еще и якающий. Так, из системы *о-е-а* || *е-е-а* или *о-е-а* || *и-и-а* путем утраты [о] и замены [е] > [а] перед твердыми согласными могло возникнуть неразличение гласных типа умеренного яканья.

Таким образом, образование умеренного яканья первоначально, как и предполагал В.Н.Сидоров, в виде тороповской разновидности: *а-а-а* || *е-е-а* или *а-а-а* || *и-и-а* – могло осуществиться и на основе различения типа *о-е-а* перед твердыми согласными.

Кроме того, данные современных владимирско-поволжских говоров свидетельствуют, что образование умеренного яканья в виде "акающего слепка" с северного предударного вокализма также было возможно, но только при определенных условиях, а именно: если в говоре с вокализмом владимирско-поволжского типа после мягких согласных существовала система различения четырех гласных – [а], [о], [и], [у] (где бы отсутствовал [е], совпавший с [и]) –, параллельная системе гласных, различающихся после твердых согласных – [а], [о], [ы], [у]. Подобная система могла возникнуть в некоторых говорах Владимирско-Поволжской группы, в которых на месте ⟨е⟩ из **ĕ* и **е* между мягкими согласными стало произноситься [и] как под ударением, так и в безударном положении[25]. В положении 1-го предударного слога при такой системе возможно аналогическое распространение [и] вместо [е] и перед твердыми согласными, так как позиция закономерного появления [е] в соответствии ⟨е⟩ (только перед твердыми согласными) становилась редкой по сравнению с бóльшей частотой позиции [и] в том же соответствии.

Так, в некоторых юго-восточных владимирско-поволжских говорах, где при системе различения *о-о/е-а* || *и-и-а*, свойственной этим говорам, гласный [е], вследствие некоторой ущербности позиции, мог нефонетически замениться гласным [и][26], возникала система *о-о/и-а* || *и-и-а*, которая при взаимодействии с системой аканья легко могла перейти в умеренное яканье новороссийского типа: *а-а/и-а* || *и-и-а*, образовав, как и предполагал В.Н.Сидоров, акающий слепок с ёкающего вокализма.

---

[25] См.: Образование севернорусского наречия ..., карта 48.

[26] См.: *Сидоров В.Н.* Об одном случае позиционно не обусловленного изменения гласной в севернорусских говорах. – В кн.: Из русской исторической фонетики. М., 1969.

Г.С.Оксман

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ УМЕРЕННОГО ЯКАНЬЯ В ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЗДНЕЙШЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ

В процессе собирания и обработки материалов для Атласов русских народных говоров был обнаружен ряд переходных типов умеренного яканья – тороповский, соколовский[1], новороссийский[2], позволивший по-новому поставить вопрос о путях образования умеренного яканья в некоторых среднерусских говорах. В решении этой проблемы большая заслуга принадлежит В.Н.Сидорову[3].

Путем целой системы доказательств и выявления группы взаимосвязанных звуковых отношений Сидорову удалось установить происхождение умеренного яканья в ряде среднерусских говоров на основе севернорусского ёкающего вокализма. В настоящее время это положение является общепринятым в русской диалектологии[4].

Сидоров высказал предположение о возможности существования первичных типов умеренного яканья и в говорах на территории позднего заселения – в Поволжье и Сибири[5]. Это предположение подтверждено наблюдениями Л.И.Баранниковой над фонетическими процессами в переходных говорах Саратовского Поволжья, где была зафиксирована тороповская разновидность умеренного яканья[6]. Элементы тороповского умеренного яканья отмечены в ряде старожильческих говоров Сибири, сложившихся на севернорусской основе[7].

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы образования и развития умеренного яканья тороповской и новороссийской разновидностей в среднерусских говорах Саратовского Поволжья и Западной Сибири. Эти разновидности умеренного яканья объединяются характером функционирования: они являются переходными типами предударного вокализма от севернорусского ёканья к умеренному яканью.

Исторически общими оказались и условия бытования интересующих нас

---

[1] См.: *Сидоров В.Н.* Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье. – В кн.: Из истории звуков русского языка. М.: Наука, 1969, с. 109, 114.

[2] См.: *Сидоров В.Н.* Об одной разновидности умеренного яканья. Там же, с. 143.

[3] *Сидоров В.Н.* Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье.

[4] См.: *Аванесов Р.М.* Лингвистическая география и история русского языка. – ВЯ, № 6, 1952, с. 34; *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л.: Наука, 1972, с. 146.

[5] *Сидоров В.Н.* Изменение предударного *е* в *и* в акающих говорах. – В кн. Из русской исторической фонетики. М.: Наука, 1969, с. 11.

[6] *Баранникова Л.И.* О некоторых переходных типах предударного вокализма. – Материалы XXII научной конференции Саратовского гос. пед. ин-та, 1961, с. 90–91.

[7] См.: *Гриб Р.Т.* Говор селений по Московскому тракту в западной части Красноярского края. – Учен. зап. Красноярского гос. пед. ин-та, т. 13, вып. 1, 1958, с. 65; *Иванова А.И.* Вокализм старожильческого говора северо-западной части Енисейского района Красноярского края. – Учен. зап. Красноярского гос. пед. ин-та, т. 16, 1960, с. 247; *Бобряков Н.А.* Вокализм говоров Кирянского района Иркутской области. – Труды кафедры русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960, с. 177.

типов умеренного яканья. Они находятся на территории позднего заселения в окружении говоров с иной системой предударного вокализма – говоров с иканьем.

Тороповский тип умеренного яканья, отличительная особенность которого – различение этимологических гласных *е* (из *е, ь, ѣ*) и *а* в положении перед мягкими согласными[8], обнаружен нами в одном из говоров новоселов на территории Сибири (в говоре д.Петропавловка Чебулинского р-на Кемеровской обл.)[9].

Произносительная модель тороповской разновидности умеренного яканья здесь имеет следующий вид.

Этимологические гласные	Перед твердыми согласными	Перед мягкими согласными	Перед сочетанием твердого согласного с последующим мягким согласным
е (из *е, ь*)	*а* (*ӓ, е, и^{е}, и*)	*и*	*и*
ѣ	*а* (*ӓ, е, и^{е}, и*)	*и*	*и*
а	*а* (*ӓ, е, и^{е}, и*)	*а* (*и*)	*а* (*и*)

Перед твердыми согласными: *с'астра́, в'асна́, в'асла́, л'аса́, пъб'агла́, р'ада́ми, в'аза́т'; с'ало́, гн'аздо́, св'ато́въ, кип'ато́к, н'асу́т, ф пл'ану́, пр'ады́т, хр'асты́, сл'аны́, пърт'аны́йи, – см'ӓта́ну, сл'ӓnда́, кълʼӓдда́, кр'ӓсто́вый, св'ӓтло́, св'ӓто́й, н'есу́т, хр'есты́, см'ета́на, разб'ега́йца, св'еза́л, – с'и^{е}стра́, сн'и^{е}гда́, вз'и^{е}ла́, с'и^{е}ло́, в'и^{е}нцы́, – пъв'ила́, см'ита́ну, гр'иха, п'итна́цът', с'ило́, нъ сн'игу́* и т.д. (всего 226 примеров).

Перед сочетанием твердого согласного с последующим мягким согласным: *ст'икл'а́ный, з'имл'а́нку, п'икл'и́, т'ипл'е́й, св'итл'е́й, пъайск'и́, туйаск'и́, зъпр'игл'и́, йигн'а́ты* и т.д. (всего 24 примера).

Перед мягкими согласными.

1. На месте гласного *е* (из *е, ь, ѣ*): *т'ил'а́ты, кр'ис'т'а́т, б'ил'а́нък, с'ир'а́нки, т'ик'о́т. в'ир'о́фки, б'ир'о́ску, цв'ит'о́т, д'ир'е́вн'ъ, д'ит'е́й, в'ин'е́ц, н'ис'и́, м'ис'и́ли, д'ир'у́шки, см'ийу́цъ* и т.д. (всего 137 примеров).

2. На месте этимологического гласного *а*: *выгл'ад'а́т, пр'ад'о́ш, нъпр'ад'о́ш, нъпр'ад'о́м, пр'ад'о́м, пр'ад'о́т, нъпр'ад'о́т, нъпр'ад'о́т'ъ, м'ач'о́м, сн'ал'и́с', йайи́ц, йайи́ч'ки, йайи́ч'къ, йайи́ч'къф, т'ан'и́ти, снър'ад'и́лис'ь, ас'т'ак'и́, тъм'а́к'и́, стъйак'и́, – пъгл'ид'е́ли, пъгл'ид'е́л, пъгл'ид'е́т', пъгл'ид'е́лъ*[a], *йийи́чки, м'ик'и́на, д'ис'ит'и́н, сибир'ик'и́, снър'ид'и́лс'ъ.*

Как свидетельствуют приведенные материалы, умеренное яканье тороповской разновидности в рассматриваемом говоре д.Петропавловка суще-

[8] *Сидоров В.Н.* Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье, с. 109; *Орлова В.Г.* Говоры северо-восточной части Рязанской области. – Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР, 1948, вып.3, с. 50.

[9] Деревня Петропавловка была основана в 1866 г. выходцами из Уфимской губ. См.: Список населенных мест Российской империи, L X. Томская губерния. СПб., 1868, с. LXX.

ствует не в "чистом" виде: оно характеризуется определенным кругом отклонений от этого принципа предударного вокализма.

1. Произношение гласного [и] на месте этимологического гласного *а* перед мягкими согласными и перед группой согласных, начинающихся на твердый согласный: *пъгл'ид'е́л, м'ик'и́на, д'ис'ит'и́н, йиг н'а́ты, зъпр'игл'и́.*

2. Произношение гласного [и] на месте гласных неверхнего подъема в положении перед твердыми согласными: *пъв'ила́, см'ита́ну, гр'иха́, с'истру́, нъ сн'игу́, в'инцы́.*

3. Наличие произносительных вариантов типа [ӓ], [е], [и^{е}] на месте гласных неверхнего подъема *е* (из *е, ь, ѣ*) и *а* перед твердыми согласными: *с'ӓстра́, п'ӓкла́, сл'ӓпа́йа, ср'ӓзда́т', св'ӓзда́л, кол'ӓда́, бр'ӓвно́, п'ӓсто́м, св'ӓтло́, св'ӓто́й, с'ӓстру́, хр'ӓсты́, тр'епа́ли, см'ета́на, ръзб'ега́йьца, св'еза́л, с'и^{е}стра́, прин'и^{е}сла́, сн'и^{е}га́, вз'и^{е}ла́, с'и^{е}ло́, в'и^{е}зу́т, в'и^{е}нцы́.*

Появление гласного [и] на месте этимологического *а* между мягкими согласными в системе тороповского умеренного яканья наблюдается и на территории его первоначального формирования и, как это убедительно доказано В.Н.Сидоровым, отражает процесс изменения этого первичного типа яканья в обычное умеренное яканье с предударным [и] перед мягкими согласными не только на месте *е* (из *е, ь, ѣ*), но и на месте *а*[10]. Однако в исследуемом нами говоре гласный [и] наблюдается не только в положении перед мягкими согласными, но и в положении перед твердыми. Можно думать, что тенденция к произношению звука [и] на месте гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге – результат более общего направления в развитии диалектных фонетических систем.

Одной из характерных особенностей существования диалектных систем в современный период является их подверженность различного рода инновациям, в результате которых возникают отдельные, более частные стабилизующиеся звенья этих систем. Особо продуктивной диалектной инновацией в настоящее время признаны широко наблюдаемые процессы перехода от умеренного яканья к иканью[11].

В этом смысле судьба тороповского (первичного) умеренного яканья на территории его позднего распространения весьма показательна: его развитие идет не в сторону ожидаемого умеренного яканья обычного типа, а по пути к иканью. В процессе трансформации тороповской разновидности умеренного яканья возникают сосуществующие фонетические варианты не только типа *нъпр'ад'о́м–нъпр'ид'о́м*, но и *см'ата́на–см'ита́ну, с'астру́–с'истру́.*

При этом привлекает внимание неравномерность употребления гласного [и] на месте гласных неверхнего подъема перед твердыми согласными: гласный [и] отмечен в большем количестве случаев перед ударенным гласным нижнего подъема *а* и в меньшем – перед ударенными гласными верхнего подъема – *и* (*ы*), *у*.

---

[10] *Сидоров В.Н.* Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье, с. 111–112.

[11] См.: Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М.: Наука, 1968, с. 186–202; *Баранникова Л.И.* Русские народные говоры в советский период. Изд-во Саратовского ун-та, 1967, с. 156.

Число случаев с произношением гласных [*а*] и [и] перед твердыми согласными распределяетя следующим образом:

Ударные гласные	Перед твердыми согласными		
	а (*ӓ*)	*и* (*и*^{е})	*е*
а	64	24	7
и (*ы*), *у*	43	7	–

Тенденция к более широкому распространению форм с [и] перед ударенным гласным *а* и большая устойчивость произношения [а] перед ударенными *и* (*ы*), *у* наблюдается и в системе обычного умеренного яканья, развивающегося по пути к иканью[12].

Вместе с тем степень распространения гласного [и] перед твердыми согласными в анализируемой системе тороповской разновидности умеренного яканья зависит еще и от качества этимологического гласного, на месте которого начинает употребляться гласный [и].

Гласный [и] ([и^{е}]) в этой позиции отмечен почти исключительно на месте гласного *е* (из *е*, *ь*, *ѣ*). Этимологический гласный *а* перед твердыми согласными выдержан более последовательно. Из 48 примеров, зафиксированных на произношение этимологического *а* перед твердыми согласными, отклонения отмечены только в четырех: *йизы́к, п'итна́цът', вз'и^{е}ла́, в'и^{е}за́л.*

Примеры *йизы́к, п'итна́цът'* не показательны, так как в первом случае гласный [и] мог появиться под воздействием предшествующего *j*, во втором – произношение [и] может быть отнесено к фактам лексикализации, наблюдающимся и в других системах умеренного яканья[13].

Устойчивость, последовательность в произношении этимологического *а* перед твердыми согласными, очевидно, определяется самим принципом организации тороповской разновидности умеренного яканья: различением этимологических гласных *е* (из *е*, *ь*, *ѣ*) и *а* в положении перед мягкими согласными, т.е. в той позиции, где при обычном умеренном яканье эти гласные совпадают в звуке [и]. Это различение, продолжающее функционировать в нашем говоре, способствует сохранению этимологического гласного [а] и в положении перед твердыми согласными: *стъйак'и́–стъйака́, пр'ад'о́ш–пр'адут, сн'ал'и́с'–сн'ала́* (ср. на месте гласного *е*: *в'из'е́ш–в'из'л'и́–в'азла́*).

Таким образом, различение этимологических гласных, отличающее тороповский (первичный) тип умеренного яканья, может определять некоторое своеобразие в перестройке этого типа предударного вокализма по пути к иканью.

Переход обычного умеренного яканья в иканье сводится лишь к утрате закономерности произношения гласного [а] и [и] на месте гласных неверх-

[12] *Баранникова Л.И.* Русские народные говоры в советский период, с. 154–157.

[13] Там же, с. 155.

него подъема в зависимости от твердости–мягкости последующего согласного: гласный [и] начинает употребляться и в положении перед твердыми согласными[14].

Процесс развития тороповского (первичного) умеренного яканья в иканье оказывается более сложным, состоящим из двух принципиально разных моментов: утрата различения этимологических гласных в положении перед мягкими согласными (появление гласного [и] на месте этимологического *а*) и распространение гласного [и] в положении перед твердыми согласными.

При этом гласный [и] перед твердыми согласными в говоре д. Петропавловка обнаруживается прежде всего на месте того [а], в котором совпадают гласные *е*, *ѣ* и который в положении перед мягкими согласными закономерно чередуется с гласным [и]: *пъв'ала́–в'ил'и́, пъв'ила́–в'ил'и́; п'ака́рн'а–исп'ик'о́ш–исп'ик'и́, п'ика́рн'а–исп'ик'о́ш–исп'ик'и́; в'анца́–в'ин'е́ц, в'инца́–в'ин'е́ц.*

Следовательно, тенденция к установлению произношения гласного [и] на месте гласных неверхнего подъема перед твердыми согласными определяется прежде всего наличием чередования гласных [а] и [и]. Причем произношение [и] в большинстве случаев зарегистрировано в таких категориях слов, где имеется чередование основ или разных форм одного и того же слова. Можно думать, что произношение *пъв'ила́, п'ика́рн'а, в'инца́* и т.п. при *в'ил'и́, исп'ик'и́, в'ин'е́ц* возникло в результате действия аналогических процессов.

Сходные явления проанализировал Р.И. Аванесов. Он рассмотрел взаимодействие фонетических моделей типа [п'ил] – [п'ила́] и [м'ол] – [м'ала́] и пришел к выводу, что "под влиянием модели [п'ил] – [п'ила́], вместо [м'ол] – [м'ала́] может появиться [м'ол] – [м'ила́], т.е. осуществится изменение, которое от умеренного яканья постепенно привело бы к иканью"[15].

В связи с этим возникает вопрос о "механике" замещения гласного [а] гласным [и] при переходе умеренного яканья в иканье. Этому вопросу большое внимание уделено в трудах В.Н. Сидорова. Прослеживая пути трансформации севернорусского ёканья в умеренное яканье тороповского типа, Сидоров восстанавливает убедительную картину звуковых изменений, проходящих через ряд промежуточных звеньев[16].

Наличие нескольких звуков переходного типа – [ä], [е], [и^{е}], являющихся произносительными вариантами гласного [а] в системе тороповской разновидности умеренного яканья, отмеченной в говоре д. Петропавловка, позволяет вслед за В.Н. Сидоровым говорить не о замещении звука в про-

---

[14] Русский язык и советское общество..., с. 202; *Баранникова Л.И.* Русские народные говоры в советский период, с. 157.

[15] *Аванесов Р.И.* Русский вокализм 1-го предударного слога. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования, 1970. М.: Наука, 1972, с. 80.

[16] *Сидоров В.Н.* Изменение предударного *е* в *и* в акающих говорах, с. 11, 18. Аналогичные явления наблюдались и при трансформации иных типов предударного вокализма, в частности, диссимилятивного яканья задонского типа. См.: *Захарова К.Ф.* Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, т. 1. М., 1959, с. 48.

цессе развития тороповского умеренного яканья в иканье, а о переходе одного звука в другой – $a > ä > e > u^e > u$.

Показательно при этом, что произносительные варианты в нашем говоре отмечены в речи одного и того же лица: *см'ата́на–см'ӓта́ной–см'ета́на–см'и^{e}та́ньй–см'ита́ну; над'авали–нъд'ӓва́ш–над'ева́ли–нъд'и^{e}ва́т'–вд'ива́ли.*

Анализ приведенного материала показывает, что наступившие изменения тороповского (первичного) типа умеренного яканья в сторону иканья связаны с внутренними возможностями этой системы и проявляются в утрате различения этимологических гласных перед мягкими согласными и в ослаблении зависимости произношения гласных неверхнего подъема от твердости–мягкости последующего согласного. При этом образуются отдельные переходные звенья, характер которых обусловлен своеобразием исходной системы предударного вокализма.

Еще более редкий тип первичного умеренного яканья – яканье новороссийской разновидности, в основе которого лежит различение этимологических гласных *е* (из *е, ь*) и *ѣ* в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными, обнаружен нами в одном из среднерусских говоров Саратовского Поволжья (говор д. Бобровка Красноармейского р-на)[17].

Умеренное яканье новороссийской разновидности на территории исконного образования восточных среднерусских говоров по материалам Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы известно только в двух пунктах: в пос. Новороссийск–второй Большеболдинского р-на Горьковской обл., где оно было впервые обнаружено И.А. Оссовецким[18], а впоследствии исследовано В.Н. Сидоровым[19], и в с. Турдаково Кувакинского р-на Чувашской АССР.

Новороссийская разновидность умеренного яканья, отмеченная в говоре д. Бобровка Красноармейского р-на Саратовской обл., соответствует основному принципу данного типа предударного вокализма на территории его первоначального формирования[20] и имеет следующую произносительную модель:

Этимологический гласный	Перед твердыми согласными	Перед мягкими согласными	Перед сочетанием твердого согласного с последующим мягким согласным
е	*а* (*ӓ, и*)	*и*	*и*
ѣ	*и/а* (*ӓ, е, е^и, и^e*)	*и*	*и*
а	*а* (*и*)	*и/а*	–

Приводим материал, характеризующий новороссийское яканье д. Бобровка.

[17] Краткие сведения о данном типе предударного вокализма см.: Особенности существования и развития умеренного яканья новороссийской разновидности на территории позднейшего заселения. – В кн.: Современные проблемы русского языка и методики его преподавания в вузе и школе. Саратов, 1972.

[18] Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи и комментарии. М., 1957, с. 180.

[19] *Сидоров В.Н.* Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах, с. 141.

[20] Там же, с. 144–146.

Положение перед твердыми согласными.

1. На месте этимологического *е*: *л'ата́л, н'асла́, с'ала́, в'ис'ало́, с'ало́, в'аслом́, з'ӓрно́м, пл'ату́т, в'аснӯшк'и, с'астры́, в'асны́; л'ӓт'а́т, с'ӓла́, с'им'ӓна, з'ӓрна, в'ӓсно́й, т'ӓлко́м, ув'изла́, п'ика́рн'ь, из'ира́м, с'ила́, вр'им'ина́, с с'ило́м, ф кр'исты́.*

2. На месте этимологического *ѣ*: *м'иста́, д'ила́, л'иса́, с'инца́, хл'иба́, р'ика́, ад'ивда́ца, ф п'иска́х, дв'инда́цът', д'ило́ф, л'исо́ф, хл'ибо́ф, м'исто́ф, сн'иго́ф, с'инцо́, св'итло́, в'идро́, п'исо́к, в л'ису́, д'идӯн'ь, р'ику́, см'ихӯ, л'исны́х, в'итры́, в'инцы́; в'адра, б'ада́, в'анка́, зъб'ага́т, съгр'ава́цъ, п'асо́к, п'асо́ч'ик, б'агу́т, пр'иб'агу́т; цв'ӓта́м'и, йӓзды́, – р'ека́, в'едро́, п'е́со́к, п'еско́м, – йи^{e}да́, п'е^{u}ско́м, в'е^{u}дро́, л'е^{u}со́к, м'е^{u}сто́ф, – д'и^{e}ла́, в'и^{e}дра́, л'и^{e}со́к.*

3. На месте этимологического *а*: *вз'ала́, м'аса́, в'аза́л'и, п'атно́, тр'асу́т, р'абы́х, м'асны́йи; вз'ила́, в'изда́л'и.*

Положение перед сочетанием твердого согласного с последующим мягким согласным.

1. На месте этимологического *е*: *у с'истр'е́, ф т'ипл'е́, л'икс'е́йифка, п'икл'и́, н'исл'и́.*

2. На месте этимологического *ѣ*: *нъ в'идр'е́, св'итл'е́т', п'иск'и́, цв'итк'и́, в'инк'и́.*

Положение перед мягкими согласными.

1. На месте этимологического *е* (из *е*, *ь*) :*л'ид'а́нку, д'ир'ив'а́ный, ф ст'ип'а́х, б'ир'о́за, в'ис'о́лый, д'ир'е́вн'а, н'ид'е́л'у, ф с'ил'е́, б'ир'и́, н'ис'и́, в'из'л'и́.*

2. На месте этимологического *ѣ*: *см'ийа́цъ, д'ит'а́м, в'ин'е́ц, д'ит'е́й, з'в'ир'ӣо́, в р'ик'е́, л'ис'и́на, сл'ид'и́, см'ин'и́л'и, см'ийу́с'.*

3. На месте этимологического *а*: *пр'ид'о́м, тр'ис'о́ца, гл'ид'е́т', тр'ис'и́на, вз'ил'и́с', р'ид'и́цъ, зъпр'иг'и́; тр'ас'и́н'исты, н'ан'у́шка, пъгл'ад'а́т.*

Выявляя сущность первичных типов умеренного яканья, В.Н. Сидоров устанавливает полный параллелизм в системе предударных гласных между новороссийской разновидностью умеренного яканья и одним из типов ёканья в говорах Владимирско-Поволжской группы – тип ёканья, в котором перед твердыми согласными сохранилось различение предударных этимологических гласных *е* и *ѣ*[21]. В доказательство образования новороссийского умеренного яканья на основе севернорусского предударного вокализма Сидоров перечисляет ряд фонетических и морфологических черт говора Новороссийск–второй, которые "говорят о его непосредственной близости с Владимирско-Поволжской группой говоров"[22].

Все перечисленные Сидоровым черты (их 19) характерны и для говора д. Бобровка Саратовского Поволжья[23]. Общность черт говора пос. Новороссийск–второй Горьковской обл. и говора д. Бобровка Саратовской обл. позволяет предположить и для говора д. Бобровка близость к переходным говорам владимирско-поволжского типа, которые широко распространены

---

[21] *Сидоров В.Н.* Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах, с. 147.

[22] Там же, с. 155–157. См. также перечень диалектных черт Горьковской подгруппы Владимирско-Поволжской группы говоров: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука, 1970, с. 348–349.

[23] Архив сектора истории и диалектологии русского языка Ин-та рус. языка АН СССР, инв. № 202.

в Саратовском Поволжье[24]. По свидетельству Л.И. Баранниковой, здесь имеется ряд говоров с наметившейся переходностью от различения этимологических гласных в 1-м предударном слоге после мягких согласных к умеренному яканью тороповского типа[25]. Не исключено, что наряду с тороповской разновидностью умеренного яканья в говорах Саратовского Поволжья могли развиваться и другие первичные типы умеренного яканья. Для этого в системе предударного вокализма владимирско-поволжских говоров имелись соответствующие внутренние условия. Баранникова указывает на наличие в Саратовском Поволжье говоров с ёканьем, сохранивших следы различения предударных этимологических гласных *е* и *ѣ* в положении перед твердыми согласными, т.е. говоров с непоследовательным произношением гласного *'о* на месте этимологического *ѣ*: *л'оса́* и *б'еда́*[26]. Именно такой тип ёканья послужил основой для образования умеренного яканья новороссийской разновидности[27].

Показательно, что принцип новороссийского умеренного яканья в говоре д. Бобровка прослеживается и после отвердевших шипящих и *ц*, где исторически различаются этимологические гласные *е* и *ѣ*. Согласно этому принципу, на месте этимологического *е* после отвердевших шипящих произносится гласный [а], на месте этимологического *ѣ* после отвердевшего *ц* – гласный [и (ы)].

Положение после отвердевших шипящих перед t: *жана́тый, жана́, пшано́, жано́й, шасто́й, жалто́к, жалу́док, жану́, шасты́, – шага́м, жа́ра́, шата́л'ис'и, от жары́, ф шабры́.*

Положение после отвердевшего *ц* перед t: *цына́, цыпа́м'и, цыно́й, цылу́йу, нъцыжу́, цыпы́.*

Положение после отвердевших щипящих и *ц* перед tt': *йижыдн'е́внъ, в жылтк'е́, зъцыпл'а́м.*

Положение после отвердевших шипящих и *ц* перед t' *лъшыд'а́м'и, нъ лъшыд'а́х, шы^{е}л'на́йа, жыл'е́зны, пъ жыл'е́зной, жыл'е́скъм'и, лъшыд'е́й, лъшыд'о́нка, г жын'е́, жын'и́цъ, жын'и́лс'и, жын'и́х, пъшын'и́цу; цым'е́нт, цып'е́ц, пръцыд'и́лъ.*

Способ реализации гласного *е* после отвердевших шипящих и гласного *ѣ* после *ц* – еще одно доказательство в пользу суждения В.Н. Сидорова о происхождении умеренного яканья на основе севернорусского ёкающего вокализма с различением этимологических гласных *е* и *ѣ*.

Определяя пути и закономерности развития умеренного яканья новороссийской разновидности, Сидоров высказал предположение о возможности последующего изменения этого типа предударного вокализма в иканье. Условия для развития новороссийского яканья в сторону иканья, как убедительно показал Сидоров, заключались в обобщающем воздействии гласного [и], который употребляется на месте этимологического *ѣ* перед твердыми согласными и перед сочетанием согласных с последующим мягким согласным[28].

---

[24] *Баранникова Л.И.* Русские народные говоры в советский период, с. 138.

[25] Там же, с. 142.

[26] Там же, с. 141.

[27] *Сидоров В.Н.* Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах, с. 147.

[28] Там же, с. 153.

Характеристика процессов, которые определяют механизм изменения новороссийского умеренного яканья в иканье, подтверждается особенностями отклонений, наблюдающихся в системе предударного вокализма говора д. Бобровка.

1. Наряду с параллельным употреблением на месте этимологического ѣ гласных [и], [а] (произношение с [и] преобладает), отражающих непоследовательное различение этимологических *е* и ѣ в исконной основе новороссийского умеренного яканья, отмечено несколько звуков переходного типа: [ӓ], [е], [е^{и}][29].

2. Гласный [и] в положении перед твердыми согласными появляется и на месте этимологических гласных *е* (из *е*, ѣ) и *а*: *с'илд́, вр'им'инд́, ув'излд́, п'икáрн'ъ, из'ирáм, с'илóм, ф кр'исты́, вз'илд́, в'изд́л'и.*

Привлекает внимание опять-таки тот факт, что гласный [и] на месте гласных неверхнего подъема в большем количестве случаев произносится перед слогом с ударенным гласным нижнего подъема *а*.

Одинаковые явления, наблюдаемые в системе обычного умеренного яканья, с одной стороны, и в системе первичного умеренного яканья тороповской и новороссийской разновидностей, с другой, очевидно, неслучайны и позволяют предположить, что закономерности, определяющие характер распространения гласного [и] перед твердыми согласными, могут оказаться общими для механизма изменения умеренного яканья разных моделей в иканье.

Анализ различных переходных типов умеренного яканья с точки зрения их происхождения и развития инноваций позволяет сделать вывод.

Доказанная В.Н. Сидоровым генетическая связь между различными типами умеренного яканья и ёканья открывает все новые перспективы в изучении предударного вокализма среднерусских говоров, ибо специфичность каждой разновидности умеренного яканья зависит от характера исходной системы, основанной на различных принципах севернорусского ёканья. Эта зависимость оказывается очень устойчивой и проявляется как на территории исконного формирования различных типов умеренного яканья, так и в районах позднего распространения диалектного языка. Поэтому условия распространения инноваций, совпадающих по своим конечным результатам (развитие иканья в системе умеренного яканья), определяются внутренними возможностями каждой из существующих разновидностей умеренного яканья.

Но общие тенденции звукового развития, прослеживающиеся в исторической судьбе различных типов умеренного яканья, оказываются более существенными и начинают побеждать особенности их исходной севернорусской основы. Это еще раз подтверждает один из выводов Сидорова о том, что переходные типы предударного вокализма (тороповское и новороссийское умеренное яканье) в современных условиях малочисленны.

---

[29] О характере звуков переходного типа см.: *Аванесов Р.И.* Русский вокализм 1-го предударного слога, с. 79.

Е.С. Скобликова

СИСТЕМЫ ДИАЛЕКТНОГО ВОКАЛИЗМА И ПРОИЗНОШЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО *О* ВО ВТОРОМ ПРЕДУДАРНОМ СЛОГЕ

Широкая вариативность рефлексов начального *о* во втором предударном слоге по русским говорам – факт широко известный. Среди вариантов: основное для акающих говоров *а* (*агаро́т, атапру́*), исходное для окающих говоров *о* (*огоро́т, отопру́*), а также *у* (*угоро́т, утопру́*), *и* (*игаро́т, итапру́*), *ъ* (*ъгаро́т, ътапру́*), изредка – *ы* и разного рода "промежуточные" варианты – $ъ^{o}$, $у^{ъ}$ и под. Особенно точное представление о конкретных вариантах начального гласного и их бытовании в русских диалектах дали материалы, связанные с созданием диалектологического Атласа русского языка: "Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" (М., 1957) и подготовленные Институтом русского языка АН СССР неопубликованные тома Атласа по территории раннего русского заселения; обобщающие труды Р.И. Аванесова, П.С. Кузнецова, коллективная монография Института русского языка АН СССР "Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров" (М., 1970). В связи с обобщением материалов, собранных для Атласа, произношение начального *о* в последние десятилетия неоднократно привлекало внимание также при изучении говоров территорий позднего заселения[1].

Поводом для написания настоящей статьи послужило новое обобщение материалов по произношению начального *о*, осуществленное (под руководством Е.С.Скобликовой) в дипломной работе студентки Куйбышевского ун-та Л.А.Степановой-Клыковой "Произношение гласного *о* в начале слова в говорах Куйбышевской области" (1978). Эта работа дала дополнительный фактический материал для конкретизации картины распространения разных произносительных вариантов начального *о*. Главное – она послужила толчком для уточнения роли тех системных факторов, которые определяют жизнеспособность или, напротив, утрату различных произносительных вариантов в условиях определенного типа говора и определенной системы безударного вокализма[2].

Изучение куйбышевских говоров со стороны рассматриваемого явления имеет, на наш взгляд, отнюдь не узко местное значение. Дело в том, что многие специфически диалектные варианты начального *о* связаны преимущественно с говорами средней полосы Европейской части СССР. А в Куйбышевской обл. представлены все основные разновидности этих говоров: неполноокающие говоры владимирско-поволжского типа (мы будем называть их, в соответствии с традиционной классификацией, говорами северно-

---

[1] См., например: *Скобликова Е.С.* К вопросу об особенностях безударного вокализма владимирско-поволжских говоров. – В кн.: Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1965, с. 76–84; *Горбачева Е.Ф.* Предударный вокализм владимирско-поволжских говоров (на материале окающих говоров Куйбышевской области). Автореф. канд. дис. Куйбышев, 1969; *Смолякова Л.П.* Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья. М., 1974.

[2] В данной статье, написанной в основном по материалам работы Л.А.Степановой-Клыковой, осуществляется теоретическая интерпретация фактологических данных, содержащихся в этой работе.

русскими); образованные на их основе акающие среднерусские говоры; говоры южнорусские (главным образом с сильным, ассимилятивно-диссимилятивным и умеренным яканьем) и образованные на их основе среднерусские. Поэтому диалектные явления, связанные с произношением начального *о*, в совокупности получают здесь достаточно полное, типичное и концентрированное отражение. Изучение этих явлений поможет уточнить сведения о произношении начального *о*, которые в курсах русской диалектологии неизбежно имеют очень общий характер[3].

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ НАЧАЛЬНОГО ГЛАСНОГО В ГОВОРАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ

Чтобы дать цельное представление о бытовании разных вариантов начального *о* на территории Куйбышевской обл., мы приводим в табл. 1 и 2 – сводные данные. Цифрами обозначается количество населенных пунктов, в которых отмечены определенные варианты произношения: в первых четырех рубриках таблиц фиксируются данные о безвариантном произношении начальных *о, а, у, и* или *ъ*; в последующих – данные о двух или нескольких сосуществующих произносительных вариантах[4].

Несмотря на очевидную сложность и кажущуюся неопределенность картины, в бытовании разных произносительных вариантов наблюдается достаточно четкая закрепленность за определенными типами говоров. Чтобы показать эту закрепленность более наглядно, в табл. 3 мы суммируем данные об употреблении каждого из вариантов без учета часто встречающегося сосуществования его с другими вариантами[5].

Как показывают эти данные, основными для севернорусских говоров Куйбышевской обл. являются произносительные варианты *у* и *о*.

Для всех акающих говоров основным является вариант *а*, отмеченный в 121 нас. пункте из 135. Употребительность остальных вариантов резко различается в зависимости от характера акающего говора.

В среднерусских говорах с севернорусской основой[6] достаточно широко распространены все три специфически диалектных варианта, возможных в акающих говорах: *у* отмечено в 16 нас. пунктах (из 58); *и* – в 17; *ъ* – в 18.

---

[3] Иногда встречаются и ошибочные сведения. Например, утверждение, что во владимирско-поволжских говорах в связи с редукцией *у* (типа *с*[ъ]*ндуки*) "не реализуется так называемое уканье, т.е. произношение [у]*дногó*, [у]*топрú*, [у]*гурцы́* и др., свойственное западным срвр говорам, например, в Псковской и Новгородской областях". См.: Русская диалектология. М.: Высшая школа, 1979, с. 112.

[4] Исследование показало отсутствие существенной роли позиции гласного в абсолютном начале слова, после согласного или гласного предшествующего слова. Поэтому соответствующие данные в последующем рассмотрении, преследующем цели суммарной характеристики, не учитываются.

[5] Мы полагаем, что фактически случаи сосуществования разных вариантов, многочисленнее отмечаемых собирателями, нередко фиксирующими только основной вариант.

[6] О различиях среднерусских говоров с севернорусской и южнорусской основой в Куйбышевской обл. см.: *Скобликова Е.С.* К вопросу об основе среднерусских говоров на территории Куйбышевской области. – Учен. зап. Куйбыш. пед. ин-та, вып. 12, 1954.

Таблица 1

Варианты произношения начального *о*, зафиксированные в окающих говорах Куйбышевской обл.

Варианты произношения	у	о	ъ	а	у, а	у, о	у, о, ъ	у, о, а	у, и, ы, ъ	и, а, ъ	о, ъ	о, а, ъ	Всего населенных пунктов
Количество населенных пунктов	25	14	4	2	1	9	5	1	1	1	3	4	70[7]

Таблица 2

Варианты произношения, зафиксированные в акающих говорах

Тип говора \ Варианты произношения	а	и	у	ъ	а, у	а, ъ у	и, а	и, а, ъ	а, ъ	у, и, а, ъ	и, ъ
Южнорусский	45	–	–	3	3	1	1	1	4	–	–
Среднерусский с южной основой	11	–	–	–	1	–	4	–	3	–	–
Среднерусский с северной основой	25	3	5	–	2	6	5	3	3	3	3
Всего	81	3	5	3	6	7	10	4	10	3	3

Таблица 3

Тип говора \ Варианты произношения	у	о	а	и	ъ
Севернорусский	42	36	9	2	18
Среднерусский с северной основой	16	–	47	17	18
Южнорусский	4	–	55	2	9
Среднерусский с южной основой	1	–	19	4	3

В южнорусских говорах Куйбышевской обл. из специфически диалектных вариантов известной употребительностью характеризуется только ъ. Он отмечен в 9 нас. пунктах (из 58); *и* – в 2; *у* – в 4.

В среднерусских говорах с южнорусской основой диалектные варианты распространены несколько шире: ъ зафиксирован в 3 нас. пунктах (из 19); *и* – в 4; *у* – в одном.

Значительной распространенностью нелитературных произносительных вариантов среди акающих говоров характеризуются, таким образом, только говоры среднерусские, особенно с севернорусской основой.

[7] Учитывались те населенные пункты, которые (по разреженной сетке) подлежат картографированию в создаваемом Атласе русских народных говоров Среднего и Нижнего Поволжья.

ВАРИАНТЫ НАЧАЛЬНОГО ГЛАСНОГО В УСЛОВИЯХ РАЗНЫХ СИСТЕМ БЕЗУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА

Заслуживает внимания тот факт, что, несмотря на резкие различия в употребительности, специфически диалектные произносительные варианты *у*, *и* и особенно *ъ* фиксируются в Куйбышевской обл. во всех разновидностях говоров и нередко в сосуществовании друг с другом (см. табл. 1 и 2). Какими особенностями систем вокализма объясняется та или иная мера, если не продуктивности, то хотя бы возможности этих произносительных вариантов? Во-первых, согласно мнению современных диалектологов, начальные *у*, *и* и *ъ* – порождение системы редукции гласных во втором предударном слоге[8], а редукция эта является свойством всех разновидностей говоров на территории Куйбышевской обл. Во-вторых, унаследованная от предшествующих эпох общерусская возможность *у* и *и* в позиции начала слова, обусловливает относительную легкость распространения произношения типа *угарóй* и *игарóй*, в том числе распространение его не на чисто фонетической основе, а как явления лексикализованного.

Резкие различия в употребительности и продуктивности отдельных произносительных вариантов между говорами разного типа, несомненно, зависят как от различий в синхронических особенностях систем безударного вокализма, так и от диахронических закономерностей в формировании этих систем.

Для неполноокающих владимирско-поволжских говоров Куйбышевской обл. очень знаменательным оказывается не только преобладание начальных *у* и *о*, но и редкое использование начального *а*. В качестве единственного варианта *а* отмечено только в двух населенных пунктах и даже в качестве сопутствующего лишь в 7 (из 70 обследованных нас. пунктов с окающими говорами). Эти данные – не случайность. Слабая проницаемость неполноокающих говоров по отношению к начальному *а* неизменно выявляется на всех этапах обобщения материалов по владимирско-поволжским говорам. Очень ярко обнаруживают ее материалы "Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы" (М., 1957). Анализ комментариев к карте № 9 (по отдельным населенным пунктам) выявляет широкое распространение безвариантного произношения *у* (больше чем в 100 нас. пунктах), а также – безвариантного произношения *о* (40 нас. пунктов). В тех случаях, когда *у* или *о* отмечаются в качестве хотя и не единственных, но основных вариантов, они очень редко сосуществуют с произношением *а*. Например, при основном *о*, отмеченном в комментариях по 37 населенным пунктам, на сопутствующее произношение *а* (наряду с *у*) указывается только в одном. При основном *у*, фиксируемом почти в 100 нас. пунктах, произношение *а* отмечается только в двух (в то время как произношение *ъ* при основном *у* указывается в 38 нас. пунктах). Несвойственность *а* для всех владимирско-поволжских говоров подчеркивается К.Ф.Захаровой: "О системной обусловленности... появления *у* на месте начального *о* во 2-м предударном слоге в говорах Владимирско-Поволж-

---

[8] См.: *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 109–110; *Кузнецов П.С.* Русская диалектология. М., 1960, с. 70–71; *Скобликова Е.С.* К вопросу об особенностях безударного вокализма владимирско-поволжских говоров, с. 81–82; Русская диалектология. М.: Высшая школа, 1972, с. 112.

ской группы свидетельствует и тот факт, что наряду с гласным *у* в том же положении отмечают в качестве сосуществующих только гласные *ъ* или *о*, но никогда не *а*: случаи с *а* возможны лишь на южной границе группы в говорах, совершающих или недавно совершивших переход от оканья к аканью. Характерно, что в говорах южной и юго-западной части территории Владимирско-Поволжской группы, подверженных южнорусскому влиянию, но не утрачивающих оканья, случаев произношения *а* не отмечают: подобное произношение чуждо системе этих говоров..."[9]. По территории Куйбышевской обл. нехарактерность *а* для неполноокающих владимирско-поволжских говоров была ранее отмечена Е.Ф.Горбачевой (правда, без количественных сведений)[10].

Все сводные данные о субститутах начального *о* отчетливо обнаруживают, таким образом, что одним из наименее освоенных в неполноокающих говорах является вариант *а*. Между тем произношение начального *а* во втором предударном слоге – это норма литературного языка; обычно оно и для соседних акающих говоров. Поэтому в условиях, когда влияние литературного языка, взаимодействие разных диалектов и связанная с ними нивелировка диалектных особенностей являются в настоящее время глобальными, постоянно действующими процессами, устойчивое неприятие начального *а* – факт многосторонне интересный.

Слабая проницаемость по отношению к литературному *а* прежде всего показывает, что наблюдающееся в неполноокающих говорах совмещение принципов окающей и акающей системы (окающей – для 1-го предударного слога, акающей – для остальных безударных слогов) не является следствием прямолинейного заимствования произносительных норм из акающих систем неразличения безударных гласных во втором предударном и заударных слогах. Совершенно очевидно, что в процессе частичного (а потом и полного) усвоения аканья окающие говоры проходят путь специфического преобразования окающей системы, а не просто "замены" ее какой-либо конкретной разновидностью аканья. Своеобразие такого преобразования не раз становилось предметом внимания лингвистов при изучении систем произношения гласных в первом предударном слоге[11]. В области произно-

---

[9] Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 375–376.

[10] "Произношение *а* на месте *о* не является типичным для наших говоров. Так, не зарегистрировано ни одного говора, где произношение *а* в данной позиции являлось бы последовательным или превалирующим. Даже в тех селах, где оканье сильно разрушено, наиболее распространенным является произношение *ъ* и *у*. Вероятнее всего, более интенсивному проникновению *а* препятствует в таких говорах сравнительно устойчивая позиция начального лабиализованного звука". См.: *Горбачева Е.Ф.* Указ. соч., с. 9.

[11] См., например: *Гвоздев А.Н.* К вопросу о влиянии междиалектного общения на фонетические системы русских говоров. – Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1948, вып. 3 (то же в кн.: *Гвоздев А.Н.* Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1961); *Сидоров В.Н.* О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах. – Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1951, вып. 2; *Он же.* Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах. – Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1952, вып. 2; *Скобликова Е.С.* К вопросу об основе среднерусских говоров; *Она же.* О судьбе этимологического ять в первом предударном слоге перед твердыми согласными в говорах Владимирско-Поволжской группы. – В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, т. III. М., 1962, с. 116–117; *Баранникова Л.И.*

шения начальных гласных во втором предударном слоге об этом своеобразии свидетельствует, с одной стороны, факт очень медленного усвоения начального *а*, с другой, — характер наиболее употребительных произносительных вариантов начального гласного.

Первопричиной сопротивления усвоению начального *а* является, очевидно, его исконная несвойственность русскому языку. Именно севернорусские говоры в силу окающей системы являются хранителями этой исторической особенности (ср. произношение типа *огроно́м, Ондр'е́й, Ол'о́ша* и т.д.). Сложившись исторически, отсутствие начального *а* в рассматриваемой позиции оказывается синхроническим системным фактором, препятствующим закреплению литературного *а*: оно обусловливает даже чисто артикуляционные трудности усвоения *а*. Поэтому распространяясь на начальную позицию, тенденция к редукции гласного второго предударного слога реализуется в неполноокающих говорах путем изменения *о* в более задний и более закрытый, но тоже лабиализованный (!) звук *у*. Есть основания считать, что и собственно редуцированный звук ъ нередко сохраняет в начале слова в окающих говорах лабиализованный характер и воспринимается на слух как звук, с трудом отличаемый от краткого *у* или краткого *о*. В фонетической записи собиратели нередко фиксируют $ъ^{о}$, $у^{ъ}$, $ъ^{у}$ и под.[12], отмечая две особенности такого гласного — во-первых, его количественную редукцию, во-вторых, — лабиализованность.

Именно в длительном сохранении лабиализованного характера начального гласного и устойчивом сопротивлении усвоению *а* состоит, на наш взгляд, наиболее яркое проявление своеобразия в процессе постепенного усвоения акающей системы во владимирско-поволжских говорах.

Очень показательно в этом отношении, что произношение *у* (*уддава́т'* и под.), несмотря на резкое противостояние литературным нормам, оказывается более устойчивым, чем даже оканье первого предударного слога. Об устойчивости его свидетельствует достаточно распространенное на нашей территории сохранение начального *у* в тех акающих среднерусских говорах, которые имеют севернорусскую основу и формирование которых осуществлялось путем утраты оканья в первом предударном слоге. Как уже указывалось, из 58 обследованных нас. пунктов с такими говорами произносительный вариант *у* в той или иной мере сохраняется в 16.

Факты заставляют предполагать, таким образом, что усвоение аканья в первом предударном слоге, являющееся последним этапом в закреплении литературной системы безударного вокализма в положении после твердых согласных, осуществляется раньше, чем усвоение начального литературного *а*. С чем это связано? Одним из важнейших факторов являются, очевидно, артикуляционные предпосылки овладения новым произношением, имеющиеся в условиях определенной системы вокализма.

Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967; *Пауфошима Р.Ф.* О переходе от окающего предударного вокализма к акающему в одном севернорусском говоре (по данным спектрального анализа). – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

[12] Упрощая соответствующие записи, авторы Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы (М., 1957) в комментариях к карте 9 указывают: "Изредка встречающееся написание $ъ^{а}$ объединено с ъ, с *о* объединены знаки $о^{ъ}$ и $ъ^{о}$, с *у*–$о^{у}$ и $\hat{о}$, с ъ–*ы*" (с. 390).

Потенциальная возможность усвоения аканья в первом предударном слоге обеспечивается тем, что в положении после твердых согласных *а* как таковое не чуждо окающим говорам, см.: *сады́, найду́, заснул́* и под. Как пишет А.Н.Гвоздев, в подобных случаях "фонетическая система говора располагает возможностью включать заимствованные звуки в одну из имеющихся... фонем"[13]. Поэтому коренные изменения, связанные с отказом от основного принципа системы оканья – от принципа различения гласных неверхнего подъема, в какой-то мере облегчаются тем, что постепенное закрепление безударного *а* вместо *о* не осложняется освоением совершенно непривычных артикуляций.

В отличие от этого какие-либо предпосылки для усвоения начального *а* во втором предударном слоге в системе окающего владимирско-поволжского вокализма практически отсутствуют. Начальное *а* чуждо этим говорам не только во втором предударном слоге, но и в первом предударном, где произносится *оддáм, откáжут* и т.д.

Есть все основания полагать, что активное усвоение начального *а* начинается только после усвоения аканья в первом предударном слоге. О том, что в условиях акающей системы произношение начального *а* заметно активизируется, свидетельствуют данные по населенным пунктам с акающими среднерусскими говорами, имеющими севернорусскую основу. Среди 58 нас. пунктов с такими говорами специфически севернорусское начальное *у* продолжает бытовать в 16. Из них в 11 фиксируется его сосуществование с *а* (почти 70%). В окающих говорах такое сосуществование отмечается только в 7 селах из 42, имеющих произносительный вариант *у* (16,5%).

Нельзя вместе с тем думать, что становление аканья в первом предударном слоге автоматически предопределило (в среднерусских говорах с севернорусской основой) вытеснение начального *у* и закрепление на его месте *а* во втором предударном слоге. Дело в том, что, как указывалось выше, в русском языке по существу нет говоров, которым был бы фонетически противопоказан *у* в начале слова.

С какими же факторами связано вытеснение *у* и усвоение начального *а* в условиях развившегося аканья?

Во-первых, возникновение вторичного аканья является свидетельством мощного воздействия литературного языка и "первичных" акающих говоров. Поэтому оно само по себе заставляет предполагать дальнейшее интенсивное развитие говоров по пути сближения с литературным языком.

Во-вторых, в результате усвоения аканья в первом предударном слоге, во вторичных акающих говорах завершилось формирование такой системы безударного вокализма после твердых согласных, которая полностью или почти полностью соответствует литературной системе. Это облегчает дальнейшее влияние литературного языка, тем более что на фоне максимального сближения с литературными нормами, резче обозначаются специфически диалектные явления, что способствует сознательному изживанию их носителями диалектов.

В-третьих, утрата оканья неизбежно влечет за собой резкое снижение удельного веса лабиализованных безударных гласных – своеобразную син-

---

[13] *Гвоздев А.Н.* К вопросу о влиянии междиалектного общения на фонетические системы русских говоров, с. 206.

тагматическую делабиализацию гласных. На наш взгляд, это способствует как вытеснению начального *у* литературным вариантом *а*, так и становлению (либо сохранению) диалектных нелабиализованных вариантов *и* и *ъ*: *итапру́, иддала́; ътапру́, ъддала́* и под. (Одним из проявлений тенденции к делабиализации безударных гласных не в начальной позиции является редукция *у* в случаях типа *сындук'и́, дъхата́, фъдбал'и́ст, за́мъш*).

Наконец, в-четвертых, после усвоения аканья в первом предударном слоге закрепление начального *а* стало поддерживаться факторами фонетико-морфологическими. Дело в том, что основная масса слов с рассматриваемым начальным гласным – это слова с приставками *от-* или (реже) *о-*. Появление в этих приставках начального *а* в позиции первого предударного слога (*аддам́, аткро́й, ад'е́т'* и т.д. вместо прежнего произношения *оддам́, откро́й, од'е́т'*) неизбежно должно было поколебать тенденцию к неприятию начального *а* и в позиции второго предударного слога. Можно предполагать, что под воздействием форм типа *аддат', аддам́; аткры́л, аткро́й; ад'е́л, ад'е́н'* и под. с начальным *а* в первом предударном слоге появились аналогичные формы с *а* во втором предударном слоге: *аддавда́т', аддайу́т; аткрывда́л; ад'евда́т', ад'евда́йу* и т.д. Косвенным подтверждением активной роли этого фактора является то, что лексикализованное сохранение диалектных произносительных вариантов *у* и *и* наблюдается чаще за пределами этого морфолого-словообразовательного круга слов – в словах с затемненным морфологическим составом: *изар'н'и́к, игаро́т; узарн'и́к, угаро́т* и под. Произношение начального гласного во 2-м предударном слоге стоит здесь вне корреляций с гласным первого предударного слога.

Выявление роли второго, третьего и четвертого из рассмотренных выше факторов, способствующих закреплению начального *а*, отчетливо обнаруживает, таким образом, что и в условиях аканья использование конкретных субститутов начального *о* многосторонне зависит от наблюдающихся при аканье внутрисистемных отношений.

В потенции та акающая система, которая безраздельно господствует в южнорусских и среднерусских говорах Куйбышевской области (т.е. система в основном совпадающая с литературной системой недиссимилятивного аканья с редуцированным *ъ* во втором предударном и заударном слогах после твердых согласных), достаточно динамична в возможностях реализации разных рефлексов начального *о*.

Она не исключает произношение специфически владимирско-поволжского *у*, (сохраняющего (и даже усиливающего!) лабиализацию исходного севернорусского *о*[14]. Не исключает и усвоения такого *у* под влиянием соседних говоров (– в единичных и обычно лексикализованных проявлениях).

Произношение начального *ъ* может возникать на базе аканья как следствие общей тенденции к редукции гласного во втором предударном слоге, а произношение *и* – как результат вторичного "прояснения" начального редуцированного снова до гласного полного образования (П.С.Кузнецов полагает, что такое прояснение проходит через стадию *ы*[15]).

---

[14] Усиление лабиализации мы считаем не самостоятельным направлением изменения, а "производным" результатом редукции *о*, вызвавшей передвижку в область более заднего образования и, соответственно, более высокий подъем гласного. При сохранении лабиализации эти изменения дали *у*-образный звук.

[15] *Кузнецов П.С.* Указ. соч., с. 71.

Примечание. Аналогичным образом *и* может появляться и в окающих говорах, хотя практически, в силу рассматривавшейся тенденции к сохранению лабиализации, оно встречается здесь редко. В окающих говорах *и* может развиваться, на наш взгляд, и на базе севернорусского *у* – как следствие его делабиализации. Об этом косвенно свидетельствуют условия бытования *и* на тех островках окающих говоров, где оно встречается [16]. Во-первых, *и* в таких говорах обычно либо сосуществует с *у* в пределах одного говора, либо наблюдается в близком соседстве с говорами, знающими *у*. Во-вторых, *и* бытует или на периферии территории окающих говоров, или даже вне сплошного массива окающих говоров, что является "внешним" фактором, способствующим утрате лабиализации. Характерно, что в говорах одного из таких островков (в Сосновоборском р-не Пензенской обл.) Л.А.Зелепукина отмечает: "Звуки ъ, *и* (*ы*) в рассматриваемой позиции отмечены во всех наших пунктах, а *у* – только в пунктах с наиболее устойчивым оканьем"[17]. Вряд ли этому наблюдению противоречит вывод Е.Ф.Горбачевой, сопоставлявшей употребление двух других вариантов начального гласного – *о* и *у* – на территории Куйбышевской области (где окающие говоры почти не знают начального *и*!): она отмечает, что вариант *у* (по сравнению с *о*!) особенно распространен "в селах с тенденцией к проникновению аканья"[18]. Видимо, *у* следует рассматривать как более раннюю ступень отхода от собственно окающего произношения, а *и* – как дальнейшее движение в сторону этого отхода.

* * *

В целом рассмотренный нами динамизм возможностей в реализации разных вариантов произношения начальных гласных, равно как и определенное сходство этих возможностей в неполноокающих и акающих говорах, несомненно, обусловлены редукцией гласных неверхнего подъема во втором предударном слоге, т.е. такой системной особенностью безударного вокализма, которая охватывает все разновидности говоров на территории Куйбышевской области (достаточно типично представляющие, как уже говорилось, различные говоры средней полосы).

С другой стороны, существенные различия в использовании каждого из произносительных вариантов или определенной их совокупности в говорах различного типа обнаруживают ярко выраженную зависимость от различий в синхроническом состоянии систем безударного вокализма и в значительной мере – от своеобразия их развития.

---

[16] О произношении начального *и* в окающих говорах см., например: *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 109–110; более подробно о фиксируемых островках таких говоров в Ульяновской обл. (Кузоватовский р-н), в Пензенской (Сосновоборский, Городищенский р-н) см.: *Зелепукина Л.А.* Севернорусские говоры Сосновоборского района Пензенской области. Канд. дис. Куйбышев, 1956, с. 71–75; *Она же.* Система гласных звуков севернорусских говоров Сосновоборского района Пензенской области. – Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та, вып. 26, с. 281–284; *Скобликова Е.С.* К вопросу об особенностях безударного вокализма владимирско-поволжских говоров, с. 78–83 (заметим, что изучавшиеся при нашем личном участии окающие говоры Кузоватовского и Городищенского р-на по совокупности своих особенностей были очень неоднородными).

[17] *Зелепукина Л.А.* Система гласных звуков..., с. 283–284.

[18] *Горбачева Е.Ф.* Указ. соч., с. 8.

Те произносительные варианты, существование которых обусловлено внутренними возможностями развития определенной системы, оказываются в той или иной степени продуктивными.

В условиях неполноокающей системы такими вариантами являются, как показывалось выше, *у*, *ъ* и *и* (наряду с возможным сохранением фонематического качества *о*), но не *а*. При этом наиболее продуктивно *у*, реализующее одновременно тенденцию к редукции безударного гласного и в то же время сохраняющее лабиализованность исходного гласного. Наоборот, наименее продуктивно *и*, распространению которого препятствует, с одной стороны, свойственная неполноокающим говорам "внутренняя" тенденция к лабиализованности начального гласного на месте *о*, а с другой – "внешняя" причина – несоответствие литературной орфоэпической норме, притом – несоответствие очень заметное.

В условиях акающей системы среднерусских говоров с севернорусской основой реализуются все диалектные произносительные варианты, свойственные неполноокающей системе (кроме *о*) плюс вариант *а*, появляющийся в результате усвоения аканья. Однако продуктивностью обладают, видимо, только *а*, *ъ* и *и*, получающие поддержку в синхронических особенностях системы вокализма этих говоров. Что касается *у*, то оно сохраняется здесь только как реликт прежней неполноокающей системы, поскольку с усвоением аканья развивается отчетливо выраженная тенденция к синтагматической делабиализации безударных гласных (о чем см. выше). Естественно, что из числа продуктивных вариантов основным по употребительности оказывается *а*, поддерживаемое литературными произносительными нормами. Те же отношения – системные потенции к продуктивности *а*, *ъ* и *и* и фактическая реализация преимущественно *а* – наблюдаются и в других акающих говорах средней полосы – южнорусских и среднерусских на южнорусской основе. Спорадически встречающееся здесь произношение *у* (обычно лексикализованное) имеет принципиально иной характер не только по сравнению с окающими говорами, но и по сравнению со среднерусскими акающими, развившимися на севернорусской основе. Если в последних оно представляет собой реликт прежней системы, результат ее саморазвития, то в говорах южнорусского происхождения *у* может быть только результатом "внешнего" иносистемного диалектного воздействия.

В целом, как показывает проведенный анализ, произношение гласных на месте начального *о* представляет собой очень интересную область исследования, поскольку позволяет обнаружить ярко проявляющуюся системную обусловленность и в потенциальных возможностях использования разных произносительных вариантов, и в особенностях их конкретного функционирования в говорах разных типов.

Н.Л. Голубева

О КОНСОНАНТНОМ ОКРУЖЕНИИ ГЛАСНЫХ, РЕДУЦИРУЕМЫХ ДО НУЛЯ

Статья написана на материалах ДАРЯ, относящихся к юго-восточным говорам.

К фонетическому явлению, условно называемому редукцией до нуля, отнесены не только случаи полной редукции гласных, но и такие случаи их сильной редукции, "когда гласный настолько краток и неясен, что трудно решить, если ли в данной позиции гласный"[1]; случаи глухого редуцированного; случаи, когда после выпадения гласного окружавшие его согласные несут о нем информацию[2].

Задача статьи – определение частотности разных типов консонантного окружения редуцированного до нуля гласного и интерпретация некоторых из полученных данных об указанной частотности (исходя из того, что если редукция гласных до нуля чаще отмечается в консонантном окружении данного типа, значит этот тип консонантного окружения благоприятен для осуществления такой редукции, и наоборот[3]). Предварительно в статье дается характеристика материала.

В работах, написанных на материале Атласа, уже освещалось явление редукции гласных до нуля[4]. В статье Т.Ю. Строгановой и статьях В.Н. Теп-

---

[1] Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971, с. 98. При рассмотрении редукции гласных до нуля в юго-восточных говорах использованы результаты анализа этого явления в разговорной речи русского литературного языка, на материале которой явление изучено более детально (в дальнейшем – РР), – не только для сравнения, но и (в ряде случаев) в качестве основополагающих сведений об этом явлении. Такой подход представлялся возможным потому, что, во-первых, редукция гласных до нуля (или эллипсис гласных, или выпадение гласных) – "явление, хорошо известное каждому исследователю живой речи, будь то диалектная речь или разговорная разновидность литературного языка" (*Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах". М., 1983, с. 48; разрядка моя. – *Н.Г.*), и первопричиной эллипсиса является "наличие универсальной тенденции к упрощению речевых артикуляционных программ", при этом "характер эллиптических явлений тесно связан с системой данного языка" (*Кодзасов С.В.* Фонетический эллипсис в русской разговорной речи. – В кн.: Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. Изд-во МГУ, 1973, с. 110 и 132). Во-вторых, фонетические системы РР, с одной стороны, и юго-восточных говоров, с другой, имеют много сходных черт, в том числе, сходство с точки зрения ритмической структуры слова. Исследования редукции гласных до нуля (см. ссылки в данной и др. сносках) показывают, что фонетические системы РР и юго-восточных говоров также и с точки зрения рассматриваемого явления обнаруживают больше сходств, чем различий (ср., с другой стороны: характер эллипсиса и позиции эллипсиса гласных в северо-восточных говорах русского языка существенно отличаются от соответствующих явлений в РР; см. об этом: *Пауфошима Р.Ф.* Указ. соч., с. 42, 48).

[2] Об этих, а также других фонетических особенностях реализации редукции гласных до нуля см. указанную работу С.В. Кодзасова.

[3] Частотность того или другого типа консонантного окружения гласного (в случаях осуществления редукции этого гласного до нуля) связана также и с частотностью согласных в речи. Соответствующих данных по юго-восточным говорам русского языка нет. Учитывались относящиеся к русскому литературному языку данные о частотности консонантных сочетаний разных типов.

[4] *Строганова Т.Ю.* О вокализме 2-го предударного слога после твердых соглас-

ловой редукция гласных до нуля рассматривается как один из вариантов *о, а* после твердых согласных в позициях 2-го предударного и 1-го заударного слогов в южнорусских говорах. Материал, рассмотренный в названных статьях, был пополнен[5], во-первых в связи с тем, что (как показали материалы ДАРЯ – см. сн. 5) редукции до нуля могут подвергаться все гласные, а также потому, что такая редукция отмечается не только во 2-м предударном и 1-м заударном, но и в других безударных слогах (при этом две названные выше позиции являются для нее основными).

Из упомянутых работ и прилагаемых к ним лингвистических карт следует, что основной территорией распространения редукции гласных до нуля является территория юго-востока ДАРЯ. Пополненный материал подтверждает это положение: хотя примеры редукции гласных до нуля и отмечаются на остальной территории русских говоров, представленной в ДАРЯ, – однако очень редко (эти примеры в статье не рассматриваются). С другой стороны, пополненный материал позволяет несколько детализировать лингвогеографическую картину явления[6]: территория наибольшего распространения редукции гласных до нуля, в соответствии с этим материалом, предстает более широкой и компактной; в пределах основной территории распространения явления наблюдается некоторая неоднородность. По-видимому, редукция гласных до нуля более интенсивно представлена в говорах юго-восточной, а также центральной части этой территории; причем, можно предположить, что в говорах юго-восточной части редукции до нуля гласного конечного открытого слога более распространена, чем в говорах остальной части территории наибольшего распространения явления. Предположение основано, помимо количественной стороны, на характере некоторых отмеченных только здесь примеров: имеются в виду словоформы, в звуковом составе которых в результате сильной редукции утрачены гласные окончаний, отличающие их от других словоформ, – таким образом, на фонетическом уровне возникает "омоним" или создается как бы несогласование форм. Здесь отмечены примеры типа: *рабо́та* [л] (= 'рабо́тала'), *принесе́* [н^{ъ}] (= 'принесе́ны'), *ры́* [б^{ъ}] *лови́л* (= 'ры́бу'), *сы́* [н] *не́т* (= 'сына') и др.

ных в акающих говорах. – В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977; *Теплова В.Н.* О заударном вокализме после твердых согласных в русских говорах. – В кн.: Диалектология и лингвогеография русского языка. М., 1982, с. 55–56; *Она же*: О вокализме заударного конечного открытого слога после твердых согласных в акающих говорах русского языка. – В кн.: Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983, с. 46–47.

[5] Материал, рассмотренный в статьях Т.Ю. Строгановой и В.Н. Тепловой, представляет собой ответы на вопросы 13 и 15 "Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" (М.-Л., 1945, в дальнейшем – Программа). Специального вопроса, ориентирующего собирателей на фиксацию редукции гласных до нуля, в Программе нет. Для данной статьи примеры извлекались из ответов на все вопросы фонетического раздела, а также некоторые вопросы морфологического и лексического разделов Программы. Пополненный таким способом материал относится к территории между 38°–45° вост. долготы и 50°–56° сев. широты. На этой территории, называемой в статье юго-восточной, распространены, прежде всего, говоры Рязанской (Восточной) группы – по современной классификации.

[6] На основе пополненного материала по редукции гласных до нуля составлена карта 32 вып. 1. ДАРЯ "Фонетика", посвященная данному явлению (в печати).

В юго-восточных говорах, как и в РР, редукция гласных до нуля чаще всего отмечается во 2-м предударном и 1-м заударном слогах. По мнению исследователей, в РР наиболее подвержен сильной редукции гласный 1-го заударного слога[7]. По материалам Атласа, относящимся к юго-восточным говорам, количество случаев редукции гласных до нуля, отмеченное во 2-м предударном и 1-м заударном слогах, приблизительно одинаково (ср.: соответственно 1060 и 1000 примеров, см. табл. 1). Однако при интерпретации этого факта нужно учесть возможность влияния Программы на материал ДАРЯ: количество примеров редукции до нуля в предударных слогах (особенно в 1-м предударном) может быть завышено по сравнению с заударными за счет того, что в фонетическом разделе Программы предударному вокализму уделено значительно больше внимания, чем заударному (соответственно: 15 вопросов, включающих в себя 60 вопросов-подпунктов – из них гласному 1-го предударного слога посвящено 58 вопросов-подпунктов, – и 5 вопросов, включающих 12 вопросов-подпунктов). Кроме того, относительно большое количество примеров редукции гласных до нуля в 1-м предударном и 1-м заударном слогах и небольшое количество таких примеров в 3-м предударном, 2-м и 3-м заударных слогах можно объяснить и разной частотностью этих позиций в речи.

Редукция гласных до нуля относится к факультативным явлениям. Замечено, что условия, способствующие появлению такой редукции гласных, разноплановы, и не всегда ясно, как происходит воздействие некоторых из них[8]. Одним из факторов, влияющих на осуществление редукции гласных до нуля, является консонантное окружение гласного. Как известно, благоприятно для редукции гласных до нуля соседство сонорных и *в*, а также щелевых, положение между одинаковыми, гоморганными[9] и между мягкими согласными[10]. Бóльшая часть наблюдений и выводов о влиянии консонантного окружения на редукцию до нуля получена на материале РР. В данной статье, как уже говорилось, консонантное окружение редуцированного до нуля гласного рассматривается на материале юго-восточных говоров русского языка.

Объектом наблюдения были сочетания согласных, возникшие в результате редукции гласных до нуля. Следует уточнить: в начале статьи говорилось об условности понятия "редукция до нуля" – в соответствии с этим, условным является понятие "сочетание согласных" применительно к тем, которые "возникли" в результате указанной редукции. Для обозначения сильной редукции гласных в материалах Атласа находим следующие способы: 1) отсутствие гласного – [*ср*]*афáн*; 2) надстрочный уменьшенный знак ъ – [*с*ъ*р*]*афáн*; 3) надстрочный уменьшенный знак гласного с обозначением его глухости – [п$^{\breve{а}}$т]*олóк*; 4) знак ˘ на месте редуцированного гласного – [*п*˘*т*]*олóк*; 5) отсутствие гласного с обозначением долготы или слоговости окружавших гласный согласных – *я́б*[д]*ко*, [з*γγ*]*отóвка* (= 'заготóвка'). В подавляющем большинстве примеров явление обозна-

[7] **Развитие...**, с. 102.
[8] См.: *Кодзасов С.В.* Указ. соч., с. 110–113, 133; **Развитие...**, с. 97–116.
[9] См.: *Кодзасов С.В.* Указ. соч., с. 115–120.
[10] См.: **Развитие...**, с. 106.

чено первыми двумя способами. Возможно, что эти обозначения соответствуют разной степени сильной редукции, отражают фонетические особенности ее реализации, однако полного соответствия степени сильной редукции и ее обозначения, вероятно, предполагать нельзя. На основании перечисленных выше обозначений с уверенностью можно сказать лишь то, что в каждом подобном примере произошла сильная редукция гласного, в результате чего окружавшие его согласные оказались рядом. В данной статье примеры с разным обозначением сильной редукции объединялись.

Материал обработан следующим образом. Все многообразие возникших в результате редукции гласных до нуля "сочетаний" согласных, большая часть которых является двухфонемными[11], было сведено к ограниченному числу моделей этих сочетаний с помощью следующих обозначений для согласных: R – сонорный и j, а также *в* в позиции перед гласным и сонорным[12]; T – смычный глухой, а также аффрикаты *ц* и *ч*; D – смыч-

[11] В анализируемый материал не включены отмеченные в ДАРЯ примеры, которые связаны с редукцией гласных до нуля, но составляют особые группы.

1) Слова *борнова́ть* и *ма́три*, о которых на основании данных Атласа можно сказать, что в них произошла лексикализация редукции гласных до нуля (см. соответствующие этим словам карты выпусков 2 "Морфология" и 3 "Лексика", авторы С.В. Бромлей и А.И. Сологуб, рукопись).

2) Слова с редукцией до нуля в префиксе *пе́ре-*, напр.: *пе*[*р'в'и*]*ли́*. Хотя в подавляющем большинстве таких примеров действуют фонетические правила (гласный выпадает, находясь во 2-м предударном слоге, и сохраняется, находясь в 1-м предударном, напр.: *пе*[*р'ха*]*да́ть*, *пе*[*р'и*]*ше́л*), есть основания предположить, что в соответствующих говорах на базе редукции до нуля создаются фонетические условия для возникновения алломорфа этого префикса – *пе́р'-*, *пер-*: об этом свидетельствует большое число случаев редукции гласного до нуля в этом префиксе (476 примеров в материалах по юго-восточным говорам), а также тот факт, что есть много населенных пунктов, в материалах которых редукция до нуля зафиксирована только в префиксе *пере-*. В анализируемых материалах ДАРЯ есть и другие морфемы, в которых часто происходит редукция гласного до нуля: суффикс глагола *-ыва-/ива-* (82 примера), уменьшительный суффикс существительного *-очк-/ечк-* (54 примера) – см. материал в конце статьи, а также сн. 24.

3) Случаи, когда редукция гласного до нуля произошла в частицах: *ты* [*б*] *се́л*, *давно́* [*л'*] *вы́*, *где́* [*ж*] *пе́чь*, *пыля́* [*т*] *кака́я*, *то́* [*ж*] *вы́селились*, *каки́*[*н'т'*] – и других слабоударяемых словах: *э́*[*т*] *уж последний*, *э́н*[*т*^{ъ}], *он́* *э*[*тк'и*]*й*, *е*[*л'*] *поспева́ла*.

4) Слова типа [*кэл*]*дова́я* (='кладовая'), [*кэл*]*довщи́к*, *па*[*хън'т'*] (='пахнет') – с "перестановкой" гласного, которая возникла, по всей вероятности, в результате редукции его до нуля. Не ясно, являются ли подобные примеры результатом того, что как услышана слоговость сонанта, которая могла возникнуть после того, как сонант в результате редукции гласного до нуля оказался в окружении шумных; или же в результате слоговости сонанта развивался гласный, но не на прежнем месте (надо заметить, что в результате такой "перестановки" почти во всех примерах ликвидируется "неудобное" сочетание согласных, возникающее в начале или в конце слова в результате редукции гласного до нуля: во 2-м предударном слоге – в 24 случаях из 30, в 1-м заударном конечном слоге – во всех отмеченных 19 случаях. "Перестановке" подвергается гласный 2-го предударного слога ([*тъв*]*рожку́*, *по*[*хэл*]*почи́*, [*стръш*]*ины́*, [*бърна*]*ви́к* (='броневик') и др., всего 30 примеров), гласный 1-го заударного неконечного слога (*но́*[*жын*]*цы*, *я*[*бэл*]*ков*, *вы́*[*пэл*]*тила*, *ры́*[*б*^{ъ}*н'*]*ки* (='рыбники'), *ча́*[*пл*^{ъ}*н'ик*] – при широко распространенном *ча́пельник* (см. карту 30 вып. 3 ДАРЯ "Лексика" "Названия сковородника", автор Е.Г. Бурова, рукопись), гласный 1-го заударного конечного слога (*ча́*[*п*^{ъ}*л'*] – наряду с *ча́*[*пл'ъ*]в том же нас. п., *мо*[*к*^{ъ}*н'т'*], *пи*[*к*^{ъ}*н'т'*], *на у́*[*тр*] – наряду с *у́*[*тр*^{ъ}], *е*[*с'ел'*] – наряду с *е*[*сл'ъ*] , за[*фтыр'*], *не то*[*к*^{ъ}*м*] (='не токмо')и др., всего 19 примеров).

[12] Единично отмечаются примеры типа *остано*[*в'с'и*] (='*остановишься*'). Возможно, что здесь как губно-зубной обозначен билабиальный ([*w*]), сонорный во всех

ный звонкий; S – глухой спирант; Z – звонкий спирант[13]; C – общее обозначение согласных типа T, D, S или Z в случаях, когда не требуется их различения. Такая система обозначений не позволяет учесть влияния твердости–мягкости окружающих согласных на редукцию гласного до нуля.

В соответствии с указанными обозначениями, возникшие в результате редукции гласных консонантные сочетания были распределены по моделям. Результатом обработки материала является табл. 1, показывающая частотность случаев редукции до нуля в консонантном окружении разного типа в различных фонетических и морфологических позициях.

Основную массу составляют двухфонемные сочетания согласных, возникшие в результате редукции до нуля гласного 2-го предударного и 1-го заударного слогов (1.768 примеров из 2.203); на них сосредоточено основное внимание при анализе. В целях более полного представления о редукции гласных до нуля в таблицу введен материал по другим позициям: случаи редукции до нуля гласного в 3-м и 1-м предударных, во 2-м и 3-м заударных слогах (соответственно 23 и 93, 81 и 3 примера); случаи редукции до нуля в консонантном окружении, дающем в результате выпадения гласного трех- и четырехфонемные сочетания согласных (380 примеров); случаи, когда редуцируется до нуля (отпадает) гласный конечного открытого слога (1-го, 2-го и 3-го заударных), в результате чего слово оканчивается на один, два (единично – три) согласных (295 примеров).

На основе обработанного таким образом материала была сделана попытка выяснить: как соотносятся консонантные сочетания, возникающие в результате редукции гласного до нуля, с универсально удобными и неудобными сочетаниями согласных. – Как установлено, существуют универсально удобные модели консонантных сочетаний, и сочетания, построенные по этим моделям, преобладают в звуковых цепях разных языков (например, сочетания "смычный + сонорный" в начале слова, "сонорный + + смычный" в конце слова и др.)[14], а в середине слова правило об удобстве или неудобстве консонантных сочетаний, как известно, действует менее жестко.

позициях, иногда отмечаемый в юго-восточных говорах, например: *да*[*w'ч'а*], или же здесь имеет место случай более вокализованного губно-зубного ([в]). О такой возможности пишет С.В. Бромлей: "В промежуточной стадии этого процесса [перехода говоров от [*w*] к [в–ф]. – *Н.Г.*] фиксируется губно-зубной сонорный [в], проявляющий себя в таком качестве не только перед гласными и сонорными, как в литературном языке, но и перед шумными" (см. ее статью "Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров", опубликованную в данном сборнике).

[13] В том числе звук [γ], в котором реализуется задненебная звонкая фонема в большей части юго-восточных говоров (см. карту 44 вып. 1 ДАРЯ "Фонетика" "Звонкая задненебная фонема в сильной и слабой позиции", автор В.Г. Орлова, рукопись). В нашем материале рядом с [γ] отмечается бóльшее число случаев редукции гласного до нуля, чем рядом с остальными звонкими спирантами и по сравнению с [г]. В литературе высказывалось мнение о том, что [γ] (вместе с [*в*]) по своему качеству ближе стоит к сонантам, чем другие звонкие спиранты. При анализе материала мы относим [γ] к согласным типа Z, но допускаем возможность того, что количество примеров редукции до нуля гласных, находящихся в соседстве с согласными типа Z, несколько завышено в анализируемом материале (см. также сн. 18).

[14] См.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1963, с. 174–180.

Применим вышесказанное к нашему материалу. Если более удобные сочетания согласных имеют и бóльшую частотность в языке, представляется возможным считать, что согласные – члены более частотных сочетаний среди тех, которые возникли в результате редукции до нуля, являются и более благоприятным, удобным для осуществления сильной редукции гласных консонантным окружением.

Сравнив соотношение возникших в результате редукции гласного до нуля консонантных сочетаний с универсально удобными и неудобными, можно сделать следующий общий вывод: бóльшая часть возникших сочетаний согласных соответствует по своей структуре удобным сочетаниям согласных, существующим в языке, реже возникают сочетания согласных, аналогичные по структуре неудобным, существующим в языке, очень редко возникают сочетания, построенные по моделям типа DT, DS, – назовем их "запрещенными", так как в русском языке они невозможны среди постоянно существующих сочетаний. Существенно подчеркнуть, что сочетания неудобные и "запрещенные" по составу обычно возникают в случаях редукции гласного на стыке морфем.

Выводы подтверждаются табл. 2. В ней показана относительная частотность (в процентах и в абсолютном количестве примеров – цифра в скобках) консонантных сочетаний, возникших в результате редукции до нуля гласного начального и конечного слогов слова: в первой графе (по горизонтали) – данные о сочетаниях, соответствующих по структуре наиболее типичным удобным консонантным сочетаниям, существующим в языке постоянно (как известно, среди удобных сочетаний есть более и менее удобные, среди неудобных – более и менее неудобные); во второй – данные о сочетаниях, соответствующих по составу бесспорно неудобным; в третьей – данные о сочетаниях, названных "запрещенными"; в четвертой — о сочетаниях которые не соотносятся по своему составу с бесспорно удобными и неудобными, существующими в языке постоянно. Последние учитывались при подсчетах для того, чтобы доли сочетаний первых трех типов не оказались преувеличенными. Данные о консонантных сочетаниях в середине слова не приводятся по уже упоминавшейся причине – так как правила об удобстве – неудобстве сочетаний согласных действуют в таких позициях менее строго (имеют характер тенденции)[15]. Для обозначения начального и конечного положения в слове консонантных сочетаний каждой модели употребляется дефис: TR- – консонантное сочетание в начале слова, -TR – в конце.

Интерес представляет то, что удобные и неудобные по составу сочетания, возникающие в результате редукции гласного до нуля, нередко расходятся по частотности с сочетаниями, аналогичными по составу, существующими в звуковой цепи русского языка. Рассмотрим подробнее это расхождение.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что большую часть среди возникающих в речи консонантных сочетаний составляют сочетания с сонорными (на соседство сонанта с гласным, который подвергается силь-

[15] См.: *Богомазов Г.П.* Интервокальные сочетания согласных в русском языке. – РЯЗ, 1969, № 3. Автор делает вывод о том, что интервокальные сочетания в предударной части слова ближе по составу к начальным, а в заударной – к конечным сочетаниям.

Таблица 1

Количество разных типов "сочетаний" согласных, возникающих в результате редукции безударных гласных до нуля в разных фонетических и морфологических позициях

Типы "сочетан." согласн.			Позиции. Предударные слоги: 3-й: В афф. Нач. и ненач.	3-й: В кор. Ненач.	2-й: В аффиксах Нач.	2-й: В аффиксах Ненач.	2-й: В корне Нач.	2-й: В корне Ненач.
Двухфонемные	С сонорными	TR	2	9	3	–	284	19
		DR	–	1	–	2	59	24
		SR	–	–	2	–	43	16
		ZR	–	1	2	–	78	48
		RT	2	–	–	–	–	70
		RD	–	–	1	1	1	7
		RS	1	–	–	2	–	124
		RZ	1	–	1	–	5	4
		RR	1	–	–	1	25	50
			(7)	(11)	(9)	(6)	(495)	(362)
	Без сонорных	TT	–	–	2	2	21	10
		DD	–	–	–	–	–	–
		ST	–	–	–	–	6	1
		ZD	–	–	3		–	2
		TS	–	–	29	2	9	1
		DZ	–	–	–	–	–	–
		SS	–	–	–	2	7	–
		ZZ	–	–	4	–	–	–
					(38)	(6)	(43)	(14)
	"Запрещенные"	TD	–	–	–	–	1	–
		DT	–	–	–	–	–	–
		ZT	1	–	–	–	–	–
		SD	–	–	1	3	–	–
		DS	–	–	–	–	–	–
		SZ	1	–	–	–	–	–
			(2)		(1)	(3)	(1)	
Трех (четырех) фонемные		RCC	3	–	5	14	16	28
		CCC	–	–	7	1	2	3
		RCCC	–	–	–	–	2	1
		CCCC	–	–	–	–	2	–
			(3)	–	(12)	(15)	(22)	(32)
Тип согл. в случ. редук. гласн. кон. откр. слога	C	R J T D S Z						
Итого по позициям:			12	11	60	30	562	408
			23		90		970	
			1.176					

Всего 2.203

Позиции							
Предударные слоги		Заударные слоги				1-й, 2-й и 3-й конечн. открыт. в афф.
1-й		1-й		2-й		
В корне		В корне и афф.		В аффиксах		
Нач.	Ненач.	Неконечн.	Конечн. закр.	Неконечн.	Конечн. закр.	
1	–	56	6	–	–	–
1	–	35	2	–	–	1
1	3	39	6	–	–	1
–	–	57	–	1	–	3
1	2	154	7	6	2	13
1	–	11	–	1	2	2
–	3	18	17	–	–	1
–	–	9	–	1	–	3
1	31	66	6	4	2	4
(6)	(39)	(445)	(44)	(13)	(6)	(28)
–	–	27	18	2	1	6
–	–	12	–	–	–	–
8	1	10	7	–	–	4
1	–	15	–	–	–	1
5	3	15	7	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
2	1	6	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
(16)	(5)	(85)	(32)	(2)	(1)	(11)
–	–	–	–	–	–	–
–	–	3	7	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
1	2	–	–	–	–	–
–	1	1	3	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–
(1)	(3)	(4)	(10)			
3	18	120	4	2	–	5
1	1	125	1	–	–	–
–	–	4	–	–	–	–
–	–	5	–	–	–	–
(4)	(19)	(255)	(5)	(2)		(5)
						167
						61
						18
						22
						32
						8
27	66	617	91	17	7	295
93		708		24		295
		732				

Всего 2.203

Примечания:

1. В моделях трех- и четырехчленных сочетаний согласных не учитывался тип шумных согласных (смычный – спирант, звонкий – глухой), положение и количество сонорных согласных, место редуцировавшегося до нуля гласного, например: сочетания, построенные по моделям $RS^{b}R$ и $T^{b}RS$, даются в таблице одним обозначением – RCC, соответственно, $TT^{b}S$ и $SS^{b}T$ – CCC.

2. Примеры, иллюстрирующие консонантные сочетания разных типов (сочетания, являющиеся результатом редукции гласного до нуля), приводятся в конце статьи.

3. Разделение примеров с точки зрения того, в какой морфологической позиции произошла редукция гласного до нуля, осуществлялось по принципу: в корне – не в корне (т.е. в аффиксах, в том числе на стыке морфем). Такое разделение не проведено в 1-м заударном слоге – в связи с большим количеством спорных случаев, когда трудно решить, является ли данная часть слова аффиксом или же в результате опрощения стала частью корня.

4. В последней (по вертикали) части таблицы, непосредственно перед итоговыми цифрами, приведено общее количество случаев редукции до нуля гласного конечного открытого слога (295), когда в результате редукции слово оканчивается не на сочетание согласных, а на один согласный. При этом количество примеров редукции после согласных типа R (соответственно в 1-м, 2-м и 3-м заударных слогах) – 136, 28 и 3, после j – 51, 10 и 0, после согласных типа T – 16, 2 и 0, после согласных типа D – 20, 2 и 0, после согласных типа S – 20, 12 и 0, после согласных типа Z – 8, 0 и 0.

ной редукции, исследователи обращали внимание давно): от 82% до 96% во 2-м предударном слоге, от 51% до 100% в 1-м заударном слоге (табл. 3).

Сравним – сначала в общем плане, а потом более детально – частотность консонантных сочетаний однотипной структуры, с одной стороны, существующих в языке, с другой стороны, спорадически возникающих в речи в результате редукции гласных до нуля. Частотность выражена в процентах, а также в абсолютном количестве примеров.

Доля (в процентах) консонантных сочетаний, возникающих в результате редукции гласных до нуля, следующая[16]:

I	Сочетания сонанта со смычным (RT, TR, RD, DR)	– 42%
II	– " – сонанта со спирантом (RS, SR, RZ, ZR)	– 29%
III	– " – смычного со смычным (TT, DD)	– 11%
IV	– " – сонанта с сонантом (RR)	– 9%
V	– " – смычного со спирантом (TS, ST, DZ, ZD)	– 8%
VI	– " – спиранта со спирантом (SS, ZZ)	– 1%

Сравним с приведенными данными известные по литературным источникам сведения о большем или меньшем удобстве и, следовательно, частотности, консонантных сочетаний тех же типов, что приведены выше, существующих в языке. Как известно, сочетания первых двух типов (сонант со смычным, сонант со спирантом) являются наиболее удобными и, следовательно, можно предположить, более частотными в звуковой цепи. Удобными являются также сочетания смычного со спирантом; между тем среди возникших в речи в результате редукции до нуля они занимают пятое место по частотности и составляют только 8%. Сочетания же, стоящие на третьем и четвертом месте по частотности (сонант с сонантом, смыч-

[16] Общее число примеров консонантных сочетаний, от которого подсчитывалась доля в процентах консонантных сочетаний каждого типа, складывалась из количества примеров сочетаний, возникших в речи в результате редукции гласных до нуля в основных позициях. Числа округлены до целых единиц.

Таблица 2

Относительная частотность возникающих в результате редукции двухфонемных консонантных сочетаний

Сочетания согласных	Позиции		
	2-й предударный начальный слог		1-й заударный конечный слог – в корне, аффиксах и на стыке морфем
	В корне	В аффиксах и на стыке морфем	
Соответствуют по составу существующим в языке удобным: CR-, TS- и -RC, -ST	89% (478)	75% (36)	36% (31)
Соответствуют по составу существующим в языке неудобным: RC-, TT- и -TT, -CR	5% (27)	8% (4)	37% (32)
По составу являются "запрещенными" в русском языке: TD-, SD- и -TD	0 (0,2%) (1)	2% (1)	12% (10)
Не отнесены к сочетаниям трех предшествующих типов: RR-, ST-, ZD-, SS-, ZZ- и -RR, -ST, -TS.	6% (33)	15% (7)	15% (13)

Таблица 3

Относительная частотность консонантных сочетаний с сонорными и без сонорных

Консонантные сочетания	2-й предударный слог в корне				1-й предударный слог в корне				1-й заударный слог – в корне, в аффиксах и на стыке морфем					
	Начальный		Неначальный		Начальный		Неначальный		Неконечный		Конечный закрытый		Конечный открытый	
	С сонор.	Без сонор.	С сонор.	Без сонор.	С сонор.	Без сонор.	С сонор.	Без сонор.	С сонор.	Без сонор.	С сонор.	Без сонор.	С сонор.	Без сонор.
Двухчленные	92% 495	8% 44	96% 362	4% 14	26% 6	74% 17	83% 39	17% 8	84% 445	16% 88	51% 44	49% 42	75% 27	25% 9
Трех- и четырехчленные	82% 18	18% 4	91% 29	9% 3	27% 6	73% 16	89% 39	11% 5	51% 130	49% 125	88% 7	12% 1	100% 5	– –

ный со смычным), являются как известно, менее удобными для звуковой цепи языка (менее удобны две однотипные артикуляции, следующие одна за другой), однако насчитывают соответственно 11% и 9% в числе возникших в речи в результате редукции гласных до нуля.

Как видно из сравнения, частотность у некоторых типов возникающих в речи сочетаний не совпадает с частотностью сочетаний такого же состава, существующих в языке.

Аналогичная, но более детальная картина получается, если сравнить по частотности (выраженной в процентах и в абсолютном количестве примеров) сочетания одного и того же состава, – с одной стороны, существующие в русском языке постоянно, с другой стороны, спорадически возникающие в речи как результат редукции гласного до нуля.

Известные нам данные о частотности консонантных сочетаний, существующих в языке постоянно, относятся к русскому литературному языку. Русский литературный язык и южнорусские говоры обнаруживают близость фонетического строя, и поэтому в настоящей статье допущено сравнение данных, относящихся к двум названным частным языковым системам, – как относящихся к одной системе (о соотношении этих систем в плане редукции гласных до нуля см. в сн. 1). Сравниваемые данные помещены в табл. 4.

Данные русского литературного языка взяты из упоминавшейся работы Г.М. Богомазова. Для сравнения данных Богомазова и анализируемого материала осуществлены следующие преобразования: символы для типов согласных, употребляемые Богомазовым, переведены в символы, употребляемые в данной статье; в связи с тем, что в системе символов, употребляемой Богомазовым, не учитывается глухость–звонкость согласных – членов сочетаний, количество моделей однотипного состава со звонкими и глухими согласными в нашем материале объединено в табл. 4.

Обратимся к данным табл. 4. Среди возникающих в речи как результат редукции до нуля консонантных сочетаний общая частотность всей совокупности сочетаний с сонорными выше, чем среди существующих в языке (ср. соответственно: 60% и 92% в начале слова, 65% и 90% в середине, 42% и 58% в конце), а частотность всей совокупности сочетаний шумных ниже, чем среди существующих в языке (40% и 8% в начале слова, 55% и 10% в середине, 58% и 42% в конце). При этом, однако, среди возникающих в результате редукции сочетаний с сонорными есть такие, частотность которых ниже, чем у существующих в языке сочетаний того же состава (ср.: частотность сочетаний модели SR – 9% и 8% в конце слова, модели RT – 23% и 9% в конце слова, TR – 19% и 15% в середине), а среди возникающих в речи сочетаний шумных есть такие, частотность которых выше, чем у существующих в языке сочетаний того же состава (ср.: частотность сочетаний модели TT: 3% и 4% в начале слова, 2% и 24% в конце; модели TS: 1% и 2% в начале и середине слова, 1% и 9% в конце). Итак, частотность случаев редукции гласного до нуля понижается в консонантном окружении типа S и T, R и T по сравнению с окружением типа T и S, T и R, несмотря на то, что возникающие в первом случае сочетания согласных (RT и ST) не являются неудобными. Согласные типа S и R в известном смысле можно противопоставить согласным типа T как щелевые и сонорные смычным. Сопоставив приведенные цифры, можно предположить,

Таблица 4

Сравнение по частотности моделей консонантных сочетаний, существующих в языке и возникающих в речи как результат редукции гласных до нуля (РДН)

Модели консонантных сочетаний	Доля в процентах и абсолютное количество случаев употребления моделей сочетаний в разных позициях					
	В начале слова во 2-м предударном слоге в корне		В середине слова: во 2-м предударном слоге в корне + в 1-м заударном слоге в корне, аффиксах и на стыке морфем		В конце слова в 1-м заударном слоге в корне, аффиксах и на стыке морфем	
	Сочетания существуют в языке	Сочетания возникают в речи как результат РДН гласных	Сочетания существуют в языке	Сочетания возникают в речи как результат РДН гласных	Сочетания существуют в языке	Сочетания возникают в речи как результат РДН гласных
TR	36% 6428	64% 343	19% 7964	15% 134	3% 28	11% 8
SR	22% 3969	23% 121	16% 6589	18% 160	9% 99	8% 6
RT	≈0 (0,04%) 7	≈0 (0,2%) 1	12% 4836	27% 242	23% 254	9% 7
RS	≈0 (0,1%) 23	0	5% 2186	17% 155	4% 39	22% 17
RR	2% 389	5% 25	13% 5443	13% 116	3% 29	8% 6
Общ. число % соч. с сонор.	60%	92%	65%	90%	42%	58%
TT	3% 459	4% 21	11% 4433	5% 49	2% 28	24% 18
ST	28% 5031	1% 6	20% 8077	3% 28	54% 603	9% 7
TS	1% 103	2% 9	1% 591	≈2% (1,7) 16	≈1% (0,6) 7	9% 7
SS	8% 1471	1% 7	3% 1368	≈0 (0,7) 6	≈2% (2,5) 28	0
Общ. колич. % соч. шум. согл.	40%	8%	35%	10%	58%	42%

что для редукции гласного до нуля более благоприятно такое консонантное окружение, когда смычный согласный предшествует гласному, и менее благоприятно, если смычный стоит после гласного.

Среди сочетаний сонорных с шумными, возникающих в речи как результат редукции гласных до нуля, можно заметить преобладание сочетаний сонанта с глухим шумным, особенно с глухим смычным (это видно из таблицы 1). В возникающих в результате редукции до нуля сочетаниях частотность шумных звонких вообще намного ниже частотности шумных глухих[17]. Известно, что сочетания, построенные по моделям RD и DR, RZ и ZR, менее удобны по сравнению с RT и TR, RS и SR: первые требуют большего напряжения артикуляционных органов (это еще одно подтверждение того, что такая редукция чаще происходит в случаях, когда в результате редукции возникает удобное сочетание согласных). С другой стороны, можно предположить, что большое количество сочетаний с шумными глухими, отмеченное среди сочетаний, возникающих в речи в результате редукции гласных до нуля, связано с особенностями восприятия названной редукции: возможно, такая редукция воспринимается труднее, если гласный находится между звонким шумным и сонантом, то есть если при выпадении гласного голос не прерывается. Уточнить этот вопрос можно было бы на звучащем материале.

В анализируемом материале частотность сочетаний шумных согласных разных типов с сонорными следующая (при подсчете учитывались все позиции редукции гласных до нуля, кроме конечного открытого слога):

RT и TR – 637 примеров, или 43%
RS и SR – 277 примеров, или 19%
RZ и ZR – 214 примеров, или 14%[18]
RR – 191 пример, или 13%
RD и DR – 162 примера, или 11%

Проанализированный материал позволяет сделать следующий вывод о консонантном окружении гласного, подвергающегося редукции до нуля. Такая редукция чаще появляется в случае соседства гласного с сонорным, – при этом в таком случае, если в результате редукции возникает удобное консонантное сочетание. Реже возникает редукция до нуля гласных в окружении шумных согласных, при этом возможно окружение, дающее в речи как удобные, так и неудобные консонантные сочетания, – в том числе нередки сочетания "смычный + смычный". Для редукции гласных до нуля более благоприятно соседств шумных глухих, чем звонких.

---

[17] Ср. отмеченные О. Броком в севернорусских говорах "безголосные гласные" в конечном открытом слоге после "безголосных согласных", представляющие собой, вероятно, одну из стадий сильной редукции гласного: *d'óny̆šk*$^{o}_{\smile\!\!\!\frown}$ донышко, *boéts'*$^{o}_{\smile}$ бояться, *f – polk*$^{u}_{\smile}$ в полку, а также его замечание о том, что в исследованных им южных диалектах сербского языка "явление... имеет более широкую форму и часто наблюдается и после согласных с голосом"; см.: *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. – Сб. ОРЯС, т. 83. СПб, 1907, с. 51–52.

[18] Частотность сочетаний типа RZ и ZR, возможно, преувеличена за счет случаев редукции гласного рядом с [γ]. Ср.: количество примеров с редукцией до нуля гласного, находящегося в окружении сонорного и [γ], – 141 из 214 (см. также сн. 13).

Как в случае соседства сонорного, так и в случае отсутствия сонорного рядом с гласным, благоприятно соседство глухого смычного, причем, препозиция смычного по отношению к гласному, вероятно, более благоприятна, чем его постпозиция.

То, что в результате редукции гласных до нуля чаще возникают удобные сочетания согласных, естественно и в какой-то мере очевидно[19], но анализ в целях проверки и конкретизации этого очевидного положения, на наш взгляд, имеет смысл.

Возможно, в анализируемом материале доля неудобных консонантных сочетаний среди возникающих в результате редукции гласных до нуля преуменьшена, так как в случае возникновения неудобных сочетаний редукция до нуля труднее воспринимается по сравнению со случаем, когда в результате редукции до нуля возникает удобное сочетание согласных (см. цитату из работы С.В. Кодзасова в сн. 19). Соотношение удобных и неудобных сочетаний среди возникающих в результате редукции гласных до нуля может быть проверено на звучащем материале.

На основании данных табл. 4 построена табл. 5 в целях выяснения того, как соотносится распределение консонантных сочетаний разных моделей по отношению к началу, середине и концу слова – в сочетаниях, возникающих в речи как результат редукции по сравнению с сочетаниями, существующими в языке.

В графах, обозначенных цифрой I (по горизонтали), приводятся данные о консонантных сочетаниях, существующих в языке, в графах, обозначенных цифрой II, – данные о консонантных сочетаниях, возникающих в речи как результат редукции гласных.

Из табл. 5 видно, что различия между существующими в языке и возникающими в речи как результат редукции гласных до нуля сочетаниями с точки зрения распределения их по отношению к началу, середине и концу слова заключаются в следующем. Существующие в языке сочетания распределяются таким образом, что бóльшая часть их приходится на середину слова, в сочетаниях же, возникающих в результате редукции, эта тенденция несколько ослаблена – хотя и в разной степени, но у сочетаний всех моделей. Как правило, на середину слова приходится большее количество сочетаний – как среди возникающих в результате редукции, так и среди существующих в языке, однако относительная частотность первых в середине слова всегда ниже, чем вторых, а из возникающих в результате редукции сочетаний типа TR большее количество приходится на начало слова.

---

[19] С.В. Кодзасов пишет, что "образование устойчивых разговорных дублетов с утраченным редуцированным, естественно, возможно только в том случае, если получившееся стечение согласных не противоречит сочетаемостным закономерностям языка", в противном случае "мы слышим гласный, хотя в фонетическом сигнале может и не быть этого гласного" (Указ. соч., с. 122). Ср. также факты истории падения редуцированных в русском языке: гласный утрачивался в первую очередь в случае, когда возникало привычное, уже существующее в языке сочетание согласных, при – этом сочетание с сонорным, и процесс утраты редуцированного задерживался, когда в результате могло возникнуть неудобное сочетание согласных (см.: *Чекман В.Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск, 1979, с. 212). Общие черты этих двух фонетических явлений – древнерусского и современного русского языка – связаны, вероятно, с тем, что оба явления касаются перестройки звуковых цепей языка.

Таблица 5

Относительная частотность (в процентах) консонантных сочетаний разных моделей в начале, середине и конце слова

Модели конс. соч.		Позиции			Модели конс. соч.		Позиции		
		Начало слова	Середина слова	Конец слова			Начало слова	Середина слова	Конец слова
TR –	I	45%	55%	0	TT –	I	9%	90%	1%
	II	71%	28%	1%		II	24%	56%	20%
SR –	I	37%	62%	1%	ST –	I	37%	59%	4%
	II	42%	56%	2%		II	15%	68%	17%
RT –	I	0	95%	5%	TS –	I	15%	84%	1%
	II	0	97%	3%		II	28%	50%	22%
RS –	I	1%	97%	2%	SS –	I	51%	47%	1%
	II	0	90%	10%		II	54%	46%	0%
RR –	I	7%	93%	0%					
	II	17%	79%	4%					

Обратимся к возникающим в речи в результате редукции гласных до нуля сочетаниям, являющимся неудобными и "запрещенными" по составу. Как было показано в табл. 2, доля таких сочетаний среди возникающих в результате редукции гласного 1-го заударного конечного слога выше, чем в результате редукции гласного в начальном 2-м предударном. Это объясняется, вероятно, непосредственной близостью 1-го заударного слога (и соответственно консонантного сочетания, возникающего в результате редукции) к ударному слогу – это, возможно, облегчает произнесение сочетаний согласных[20].

Рассмотрим трех- и четырехфонемные сочетания согласных. Обращает на себя внимание большое количество таких сочетаний в 1-м заударном неконечном слоге, ср.: из 617 консонантных сочетаний, возникших в этой позиции в результате нулевой редукции гласного, 255 (что составляет 41%) являются трех- и четырехфонемными (табл. 6). А ведь само по себе стечение трех и более согласных фонем является неудобным для

[20] Г.М. Богомазов пишет: "произношение слова с конечным сочетанием (двухфонемным консонантным. – *Н.Г.*) представляет определенную трудность", поэтому слова с таким сочетанием "имеют односложную форму, а в многосложных ударение чаще находится около сочетания, чем в иных позициях. Очевидно, два последние фактора облегчают произношение такого рода слов" (см.: *Богомазов Г.М.* Указ. соч., с. 89).

www.ruslang.ru

Таблица 6

Доля трех- и четырехфонемных консонантных сочетаний в общем количестве сочетаний, возникающих в результате РДН гласного в разных позициях

2-й предударный слог в корне		1-й предударный слог в корне		1-й заударный слог в корне, аффиксе и на стыке морфем		
начальный	неначальный	начальный	неначальный	неконечный	конечный закрытый	конечный открытый
4% 22 из 562	8% 32 из 408	15% 4 из 27	29% 19 из 66	41% 255 из 617	6% 5 из 91	2% 5 из 292

русского языка. Далее, это единственный в нашем материале случай, когда количество сочетаний шумных согласных почти равно количеству сочетаний шумных с сонорными (как правило, консонантные сочетания последнего типа заметно преобладают – см. табл. 1), ср.: 125 сочетаний типа CCC (без сонорного) и 130 сочетаний типа CCR, RCC и т.п. (с сонорным). Кроме того, среди трехфонемных сочетаний без сонанта (т.е. вероятно, вдвойне неудобных, труднопроизносимых) преобладают, хотя и незначительно, неудобные по структуре сочетания, в частности, построенные по моделям: TST (25 примеров), TTT (26 примеров) и др., при том, что часть неудобных трехфонемных сочетаний превратилась в результате ассимиляции в удобные: STT → SST – 21 пример, большинство из которых составляют слова с редукцией до нуля гласного в суф. *-очк-* (примеры типа *пы́* [шч'к'а] – *пы́* [ш'ш'к'а] – см. также материал в конце статьи). Вероятно, можно сделать вывод, что позиция 1-го заударного неконечного слога имеет меньше ограничений для сильной редукции гласных по сравнению с другими позициями – в отношении консонантного окружения гласного. Это связано с близостью 1-го заударного слога к ударному, его неконечным положением в слове, а также с высокой частотностью некоторых суффиксов, в частности, суф. *-очк-*. Расширение в 1-м заударном неконечном слоге условий, допускающих редукцию гласного этого слога до нуля, возможно, является одной из причин того, что, как отмечали исследователи РР, гласный в этой позиции наиболее подвержен редукции до нуля.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о типе консонантного окружения гласного, благоприятном для редукции этого гласного до нуля: благоприятно консонантное окружение, дающее в результате выпадения гласного сочетание с сонорным, являющееся удобным по составу. Вероятно, способствует редукции до нуля глухой смычный перед гласным, подвергающимся такой редукции, а также окружение глухих шумных вообще – больше, чем звонких шумных. В слогах, непосредственно соседствующих с ударным слогом (1-м заударном, а также 1-м предударном) нередко появляется редукция гласного до нуля в таком консонантном окружении, которое дает в результате выпадения гласного неудобное консонантное сочетание. Такие случаи чаще наблюдаются в результате редукции гласного на стыке морфем и в аффиксах, реже – в корне.

Ниже приведены примеры редукции безударных гласных до нуля. Поря-

док их следования в основном соответствует структуре табл. 1. Перед примером дается модель консонантного сочетания, которую данный пример иллюстрирует. В пределах затранскрибированной части слова в круглых скобках иногда приводится вариант произношения окружающих гласный согласных; в круглые скобки заключается знак гласного ъ, если он отмечен не во всех случаях произношения данного слова. Приводимые в скобках пояснения значений слов даны собирателями. Цифры, стоящие после примеров, обозначают количество отмеченных в материале случаев редукции гласного до нуля в данном корне (аффиксе). Примеры сопровождаются сокращенным обозначением областей: Б – Белгородская, В – Воронежская, Г – Горьковская, Вл – Волгоградская, И – Ивановская, Л – Липецкая, М – Мордовская АССР, Мс – Московская, П – Пензенская, Р – Рязанская, С – Саратовская, Т – Тамбовская, Тл – Тульская.

ПРЕДУДАРНЫЕ СЛОГИ. РЕДУКЦИЯ ГЛАСНЫХ В ПРЕФИКСАХ (ПРЕДЛОГАХ), НА СТЫКЕ МОРФЕМ И В КОРНЕ

Начальный и неначальный 3-й предударный слог слова[21]: TR [пр'ь] *падáют* (= 'перепадáют')[22] П; RT [н' п] *отеряй* Р; RR [млъ] *тобóйщик* В; ZT [зъ т] *опорóм* М; SZ [съз] *оровáла* Р; RCC [пˇплав'и́нъ] Мс; RT *пе* [рп] *олоскáю* М; RS *по* [лс] *апожкóв* Р; RZ *пе* [р'γ] *орожоны* Вл; RCC *о* [ргн'] *изовáли* С; в корне слова: TR [кр] *отаи́* Л, в том числе [пр] *осуки́* 6; DR [гл] *одовáли* П; ZR [з'ъл'ь] *новáта* П.

Начальный 2-й предударный слог слова в префиксах и на стыке морфем: TR [пър'а] *дúлась* Т, [пл'и] *вáли* (= 'поливáли') 2; SR [св'и] *щáться* 2, П; ZR [зр'е] *зáют* П; [зв] *ожжáют;* RD [нъд] *убý* П; RZ [н'γа] *лдú* В; TT [пт'а] *кéт,* [пк] *ормúли;* ZD[23]; TS [пшу] *мúт* Т, [пх] *озя́йничают* Т, в том числе 26 [пс]: [пс] *адúть* 6, [пс'и] *дéть* 3, [пс'и] *дéлки* 2, [пс] *ылáть* 4, [пс] *олúть* 2, [пс'и] *льнéе* 2, [пс] *ытнéе,* [пс'и] *нéе;* ZZ [зъγ] *орéла,* [зъγ] *орúтся* Т, [з(ъ)γ] *онú* Т и В: SD [сб'а] *рут*[24] В: RCC [здр] *угóго* (= 'за другóго'); CCC [пст'е] *лю́,* [пст'е] *лены* 3, Т, сочетание типа TST 6 ([пъст] *оя́нно,* [пъск] *орéй*).

Неначальный 2-й предударный слог слова в префиксах и на стыке морфем: TR *не* [дн'а] *сéшь* Т, *на* [дје] *дáет* Л; RD *пе* [рд] *ождéм* (= 'перед дождéм') С; RS *че* [рс'е] *дéльник* В; RR *не* [въра] *стáет* Т; TT *не* [пч'а] *сáм* Р; TS *не* [пс'и] *бе́* Р; *не* [пс] *олю́* Л; ZD *не* [зъд] *авú* Т; SD *на* [с'б'и] *рáешь, про* [сб'и] *рáешь* Т, *по* [сб'а] *ри́* В; CCC *по* [зфч'а] *рá* Бл; RCC *не* [пръха]-

---

[21] Имеется в виду фонетическое слово: предлоги и отрицательная частица *не* – считались слогами слова, к которому они относятся.

[22] В позициях 3-го и 1-го предударных слогов примеры редукции до нуля в префиксе пере- не отводились (ср. сн. 11).

[23] Можно предположить, что данный тип консонантного окружения представлен в материале словом [зб'и] *рáй,* [зб'и] *рáет,* [зб'и] *рáют,* отмеченном в 3-х нас. пунктах Р и В. Однако в материалах ДАРЯ слово зафиксировано без контекста, поэтому значение и фонемный состав слова точно установить нельзя: так могли быть произнесены *сбирать* в значении 'собирать' и *забирать* с редукцией до нуля гласного в префиксе *за-*.

[24] Согласные – члены подобных "запрещенных" сочетаний, по всей вероятности, имеют особенности реализации, однако в данной статье воспроизводится упрощенная ("полевая") фонетическая транскрипция материалов ДАРЯ, не отражающая этих особенностей.

ди́мый Р; наиболее частотны сочетания типа: ZDR, STR 6 (*на* [стн] *овле́ны, ра* [згр'а] *ва́ться*), TTR, DDR 3 (*не* [птр'а] *се́т, по* [дʼбра] *лси́*).

Начальный 2-й предударный слог слова в корне: TR [тл'а] *шо́м* Т, в том числе [пра] *су́к*, [пра] *се́нок*, [пра] *ся́та* 104[25], [пла] *те́нце* 70, [к(ъ)ра] *мы́с, -сел* 10, [кру] *се́ли* 5, [кʼра] *ни́ли* 7, [кра] *у́л, -лил* 29, [п(ъ)ла] *ска́ть* 6, [клу] *па́ть* 6, [пра] *хо́д* (='*параход*') 4, [пла] *ви́на* 3; DR [бʼры] *шо́м* М, в том числе [г(ъ)ва] *ри́ть* 21, [(д'в')дв'а] *но́сто* 12, [(д'в')дв'а] *тна́дцать* 2, [г(ъ)ла] *ва́* 5, [гла] *до́вки* 3, SR [хʼла] *ти́шко* В, в том числе [х(ъ)ра] *шо́* 21, [фл'у] *га́н*, [хл'у] *га́нить* 3, [хла] *дно́* 8; ZR [гла] *си́ть* Л, в том числе [г(ъ)ва] *ри́ть* 51, [гула] *ва́* 11, [гра] *дски́е* 3, [гра] *дьба́* 4; RD [рыд'и] *лси́* Т; RZ [мжы] *ки́* 3, [р(ъ)ж] *ество́* В и П; 3; RR [вʼла] *сник* П, в том числе [мла] *дые* 8, [мла] *ко́* 5, [в(ъ)ра] *та́* 4, [вра] *ва́ть* 3; TT [кп'а] *тко́м* Т, в том числе [п(ъ)та] *ло́к* 12, [п'та] *чо́к* 4, [кч'а] *рга́* 2; ST [с(ъ)па] *ги́* 5; TS [кʼш] *емир* С, в том числе [кшу] *ны́* (='кувшины') 4, [пха] *ты́* 2; SS [шʼфа] *не́р* С, в том числе [сха] *ркý* 3; TD [кʼга] *то́чек;* RCC [пкра] *ва́* Т, в том числе [сква] *ро́дник* 3; наиболее частотны сочетания типа ST R 7 ([стʼр'и] *ки́*, [стʼра] *на́х*), SSR 4 ([с хла] *дцо́м* 2, [схра] *ни́ли* 2); CCC [псту] *хи́* Р и Т; CCCC [ф Скʼп'и] *не́*; RCCC [с кʼлʼка] *ла́ми*, [вʼскр'] *есе́нье* П.

Начальный 2-й предударный слог слова в корне: TR [тл'а] *шом* Т, в том числе *на* [кра] *мы́слах* 3, *о* [кл'] *ева́ть* (='околева́ть') 5; DR *о* [бра] *хли́лась* Л, в том числе *не* [дл'а] *ко́* 7, *по* [гва] *ри́ть* 5, *на* [б(ъ)ла] *ва́ться* 2, SR *по* [хла] *дне́е* Л, в том числе *по* [хра] *ни́ли* 3, *во* [с'м'а] *рых* 2; ZR *по* [зл'и] *не́ли* Р, в том числе *за* [гра] *жоны, при* [гра] *жо́ны, о* [гра] *жо́на* 13, *по* [гла] *ве́* 3, *по* [гва] *рить* 27, RT *в со* [рка] *во́м* П, в том числе *на ве* [(рт') р'т'а] *не́* 44, *с ко* [лка] *ла́ми* 16, *ко* [рта] *и, ко* [рта] *ны́* 4, *мо* [лта] *бо́ец* 3; RD *го* [лда] *ва́ть* В, в том числе *пе* [(р'д) рда] *во́й* 3; RS *ве* [л'с'и] *пе́д* Т, в том числе *са* [(рф) рхва] *ны́* 113, *на* [лш] *адя́х* 4, *бо* [лха] *ны́* 3; RZ *сто* [рж] *ево́й*, в том числе *до* [рж] *ества́, на* [рʼж] *ество́;* RR *на* [мла] *ти́ли* Т, в том числе *де* [(*р'в'*) *рв'а*] *ны́е* 31, *по* [*лв'и*] *ки* 5, *по* [*вра*] *ти́ли* 2; TT *у* [ч't'е] *ля́* Т, в том числе *на* [пта] *лке́* 6; ST *на* [хʼта] *ра́х* Т; ZD *бла* [гд] *аря́т* П и Р; RCC

---

[25] Большое количество случаев выпадения гласного в данной, а также других корневых и аффиксальных морфемах (см. далее материал) заставляет поставить вопрос о том, не наблюдается ли здесь лексикализация редукции гласного до нуля. Однако в материалах ДАРЯ часто отмечается не только [пра] *су́к*, но и [пърсу] *ки́*, [пъръ] *суки́*. О.Д. Кузнецова пишет о том, что факты лексикализации фонетических явлений еще мало изучены, и в качестве признаков, различающих лексикализованные и регулярные фонетические явления, предлагает такие, как утрата фонетическими явлениями их позиционной обусловленности, а также то, что при лексикализации "возвращения к старому фонетическому облику уже не происходит" (см.: *Кузнецова О.Д.* Слово в современных говорах русского языка. (Лексикализация фонетических явлений). – В кн.: Диалектная лексика. 1979. Л., 1972, с. 8). На основании этих критериев некоторые слова с выпадением гласного исключены из анализируемого в данной статье материала как лексикализованные (см. сн. 11).

Вероятно, между случаями бесспорной лексикализации явления редукции гласных до нуля и примерами чисто фонетического явления есть переходные стадии, когда еще нельзя говорить о лексикализации явления, однако много раз зафиксировано произношение слова с выпадением гласного (наряду с произношением без его выпадения). Видимо, аналогичные случаи в РР имеет в виду С.В. Кодзасов, когда он пишет о сокращенных дублетных формах высокочастотных слов (см.: *Кодзасов С.В.* Указ. соч., с. 111).

по (дулу] *бить* С, в том числе *с во* [ртн'и] *ко́м* 4, *и* [нтр'а] *суются* 4; ССС *два* [ксты] *ля́* С; RCCC *по* [тстры] *гу́т* (='подстерегу́т') П.

Начальный и неначальный 1-й предударный слог слова: TR [п^{ъ}ло] *тна́* Р; DR [б'р'о́] *за* Р; RT [л'ц'о́] Вл; RD [н'^{ъ}д'е́] *ли* Р; RR [н'в'е́] *ста* Р, *пе*- [р'^{ъ}м] *ою* В; TT [ч'ты́] *ре* П; ST [с'ч'ас], [с'ц'ас] 8, в том числе в Т; Т [шшо́л] Т, [пш'ш'а́] *ная* В; [х^{ъ}х] *о́л* В, [с^{ъ}с] *а́ть;* SD [хд'и́л] Р; RCC [в'д'м'е́] *дь* Л; ССС [с'т'га́] (='стега́') Мс; RT *во* [рта́] Л; *во* [с'на́] *дать;* RR [ал'л'но́] *е* Р; в том числе *де* [р'в'а́] *нные* 25, *де* [р'в'е́] *нский* 3; ST *с де́*- [с'т'и]; в том числе [п'итс'ат] 3; SD *по* [хд'а́] *чая* ('о каждодне́вной оде́жде'); RCC *о* [тклу́] *пывать* Вл; *у* [йж'ж'а́] *ть* Т, в том числе *ква* [рт'ру́] *ют* Вл; RCCC *во* [скр'^{ъ}с'е́] *нье* В[26].

ЗАУДАРНЫЕ СЛОГИ. РЕДУКЦИЯ ГЛАСНЫХ В АФФИКСАХ, В КОРНЕ И НА СТЫКЕ МОРФЕМ

Неконечный 1-й заударный слог слова: TR *крова́* [т'м'и] Вл; в том числе в словах *ху́* [тр] *ы* 5, *до́* [ч'р'] *и* 5; в суффиксе глагола *-ива-* на стыке с корнем 13: *при* [ка́тв] *аем* 3, *причи́* [тва] *ть;* *рабо́* [т^{ъ}л'и] 5; в суффиксе существительного *-тель* 11: *председа* [т'л'ам], *с учи́* [т'л'ам] 4, *роди* [(т'л')-тл'иф] 4; DR *вы* [γгн'и] *м* (='вы́гоним') С; в том числе *сморо́* [д$^{(ъ)}$н'] (д$^{(ъ)}$н'/д'н) а] 10, *пу́* [гв'и] *цы* 2; в суф. глагола *-ива-* 13: *гре́* [бва] *ть* 8, *выки́* [два] *ла* 2, *отбесе́* [дву] *ют;* SR *к Су́* [хр'и] *вой* Т; в том числе в суф. глагола *-ива-* на стыке с корнем 14: *спра́* [шв] *ает, выпи́* [св] *ает, подпоя́*- [св] *ались;* в суфф. *-ов-* прилагательного 14: *горо́* [хв] *ая, горо́* [хв'и] *на* и однокоренные 9, *пли́* [св] *ые, ри́* [св] *ый;* ZR *о́* [з'р] *о* П, *с подру́* [γ'м'и] В; в том числе в суф. глагола *-ива-* 30: *развя́* [зв] *ают, расска́* [зв] *ал* 3, *растя́*- [γв] *ает* 3, *бре́* [γв] *ать* 4; в суф. *-ов-* прилагательного на стыке с корнем 2 (*ро́* [зв] *ые, бере́* [зв] ые), гласный основы глагола на стыке с суф. *-н-* причастия 3 (*нево́* [жн] *ые, обма́* [зн] *ые*), гласный основы глагола в форме прошедшего времени 6 (*отре́* [з^{ъ}л'и] 4, *обматы́* [ж^{ъ}л] *а, уничто́* [ж^{ъ}л] *а*), в словах: *ко́* [ж$^{(ъ)}$н] *ые* 4, *пою́* [жн] *ала, нау́* [жн] *алась* 5; RT *ва́* [л'к'и] *ми* Р; *зо́* [дт] *а* Мс, в том числе в словах: *у́* [л'ц] *а* 55, *ку́* [р'ц] *а* 7, *тепе́* [р'ч'–(рч'/рц)] *а* 43, *да́* [в'ч' (w'ч'/в'ч'ч')] *а* 5, *ко́* [лк] *ол* 5, *без па́* [м'т'и] 4, в суф. существительных *-очек* на стыке с корнем 20 (*жеребе́* [нч'и] *к* 8, *ребе́* [нч'и]-*к, като́* [нч'и] *к*); RD *с со́* [л^{ъ}д] *ом* Р, в том числе в словах: *в го́* [р^{ъ}д'и] 5, *за́* [рб] *отки, вы́* [р^{ъ}б] *отал* 3; RS *вы́* [н̣'с] *у* Т, *во́* [л^{ъ}с] *ы* Тл, *ко́* [л^{ъ}с] *а* Р; RZ *вы́* [р'з] *ана* В, *до́* [рγ] *о* В, в том числе в словах: *сто́* [рж (р^{ъ}ж/рж)] *ем* 4, *вы́* [л'з] *у* 3; RR *Ти́* [мн] *ово* Мс, в том числе в словах: *де́* [р'в̣] *о*° 4, *ши́*-

[26] Исследователи отмечают, что редукция гласных до нуля возможна в РР во всех безударных слогах, в том числе в первом предударном, хотя и реже, чем в других позициях. Случаи редукции до нуля в 1-м предударном слоге отмечены и в наших материалах. Ср.: С.С. Высотский, говоря о ритмической структуре слова в русских говорах, пишет о типе ритмической структуры слова с ослабленной 2-ступенчатостью, при которой "иногда 2-й предударный слог даже превалирует над 1-м", и связывает такой тип с украинскими поселениями "на территории Курской и других областей" (см.: *Высотский С.С.* О звуковой структуре слова в русских говорах. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973, с. 37). Следует напомнить, что количество таких примеров может быть преувеличено, во-первых, за счет большого числа вопросов Программы, посвященных гласному 1-го предударного слога (см. начало статьи), во-вторых, за счет высокой частотности этой позиции в речи.

[врат] 3, *надé*[лʲ'л'и] 3, в суф. глагола *-ива-* на стыке с корнем 25 (*разгова́*[р'в(рв)]*аем* 9, *обма́*[нв]*ают* 3, *заку́*[р'в]*аем* 3), гласный основы глагола на стыке с суф. *-н-* причастия 4 ((рас)*по́*[рʲн]*ый*, *ва́*[л'н]*ый*), в суф. *-ов-* прилагательного на стыке с корнем 4 (*па́*[л'в]*ый*, *озы́*[мв]*ая*); TT *вы́*[кт'и]*л* Г, в том числе в словах: (*по*)*сва́*[т(ъ)ц(щ)]*а* 4, в суф. *-чик* существительного 6 (*огуре́*[ч'к'(цк')]*и*, *пле́*[ч'к'и]*ми*); DD *я́*[гʲд]*ы* 4, *па́*[дбук(бак/бык)], па́[дб'и]*ца* 7; ST *вы́*[сп]*ано* П, в том числе в словах: *ты́*[сц(с'ц/ш'ч')]*у* 4, *ме́*[с'ц]*ы* 3; ZD *я́*[γ(ъ)д]*ы* 15; TS *ле́*(тс'а] 15, Р; SS *повы́*[сʲс]*али* В; в том числе в слове *вы́*[шʲш]*ут* (= 'высушат') 3; DT *посо́*[д'т'а] Р, *бу́*[д'т'и] Л, *ро́*[д'ч'а]*м* Т; DS *заве́*[дшшъ]*му* Л; RCC *па́*[м'т'л'и]*вый* Т, в том числе в словах *зе́*[ркл(р'кл/ркл)]*о* 20, *бре́*[згв(зув)]*ать* 9, *я́*[бл(ъ)к'и] 2, *я́*[бл'н'и] 3, в суф. *-ива-* глагола на стыке с корнем 6 (*завё́*[ртв]*ает*, *подде́*[ржв]*ал*, *кома́*[ндв]*али*), в корнях прилагательных 11 (*карто́*[шшн]*ая*[27], *негра́*[мтн]*ый*, *малогра́*[мтн]*ый* 4, *приуса́*[д'ʲбн]*ый*), в суф. *-ов-* прилагательного на стыке с корнем 3 (*шо́*[лкв]*ые*, *то́*[лкв]*ый*), в суф. *-щик-* существительного (*веде́*[р'щ'к'и], 2), в уменьшительно–ласкательных суффиксах 36 (в суф. *-очк-* существительного на стыке с корнем 21: *па́*[лч'к]*а*, *с обо́*[рч'к]*ой*, *кита́*[йч'к'и], *я́*[м'ч'к'и], *лози́*[нч'к]*а*, в суф. *-оньк-* прилагательного 5: *ма́*[н'н'к'ий], *зелё́*[н'н'кай]; в суф. *-ушк-* в слове *ва́*[р'шк'и] 6; в суф. *-чик-* существительного: *ма*[л'ч'ʲк]*ов*, *с махо́*[р'ч'к'и]*ми*, *в кости́*[мч'к']*е*; CCC *вы́*[тск]*ал* Т, в том числе в словах *вы́*[пст'и]*л* 4, *ма́*[кфк]*у* 2, в результате редукции до нуля гласного в суф. *-очк-* на стыке с корнем 54 (*карто́*[шч'к(шч'к/ш'ч'к)]*а* 26, *каду́*[шч'к]*а* 5, *кру́*[ж'(ь)ч'к'а] 2, *ло́*[ж'ч'к]*а*, *заку́*[тʲч'к'а] 2, *у́*[тч'к'и], *ша́*[пч'к]*а*, *полча́*[ш'ш'к'и], *ши́*[ш'ш'к'и] и др.), в результате редукции гласного до нуля в суф. *-ушк-* 27 (*ба́*[т'(ь)шк(т'ч'к/т'ш'к')]*а* 13, *ма́*[тшк]*а* 3, *те́*[тʲшк]*а*, *ба́*[б(ъ)шк]*а* 6, *хле́*[бʲшк]*а* 3, *де́*[дшк]*а*); RCCC *то́*[рбч'к'а] Л, *це́*[р'кфк]*у* М, *ме́*[ртвʲва] П, *передра́*[жнʲвʲйʲт'] Т; CCCC *елестри́*[ч'ств]*о* Т, *по имю-оте́*[ч'ств]*у*, *гне́*[здʲч'к'и]*ми* В.

Конечный 1-й заударный закрытый слог слова: TR *стё́*[кʲл] Т, в том числе в слове *о́*[ч'н'] 2, в результате редукции до нуля гласного в суф. *-тель* 3 (*учи́*[т'л'], *председа́*[т'л']); DR *за хле́*[бʲм] Т, *Фе́*[др] Бл; SR *о́*[с'н'] В, *стра́*[хʲм] С, *поды́*[шʲм] Т, в том числе в слове *во́*[с'м'] 2; RT *го́*[рт] П, *со́*[лт] П, в том числе в результате редукции до нуля в суф. *-ок-* на стыке с корнем 2 (*опё́*[нк], *подтё́*[лʲк]), в результате редукции до нуля в окончаниях глагола 2 (*ста́*[н'т'] Г, *ло́*[в'т'] Вл); RS *во́*[рх] П, *ко́*[лʲс] Т, в том числе в словах: *ста́*[рʲх] 2, бо́[р(ъ)ф] 5; в результате редукции до нуля в окончаниях существительных 4 (*ба́*[н'ф], *клу́*[н'ф], *де́*[н̥х], *в по́*[л'х]), в результате редукции до нуля в окончаниях возвратных глаголов 4 (*кувырка́*[лс'], *стара́*[л'с'], *дели́*[л'с'], *посади́*[л'ʲс']); RR *ща́*[в'л'] Р, *зе́*[л' н'] П, *под ко́*[р'н'] П, *гри́*[в'н] П, *у́т*[рʲм] В; TT *пла́*[ч'т'] П, в том числе в слове *ко́*[ч'(ь)т] 5, в результате редукции до нуля гласного в суф. *-чик-* 8 (*дене́*[ч'к] 3, *вну́*[ч'ʲк], *мешо́*[ч'к], *лещё́*[ч'к]), в окончаниях глаголов 2 (*не пло́*[т'ʲт]), в числительных 3 (*два́*[цʲт'], *двена́*[цт'], *пятна́*[цт']); ST *пове́*[с'т'] Т, *пи́*[шт] И, в том числе в словах: *ло́*[шʲт'] 2, *де́*[с'т'] 3; TS *постриже́*[т'с'],

[27] [ш'ш'] и [шш] учитывались как две фонемы в случаях ассимиляции [ш] и [ч'] в примерах типа *пы*[ш'ш'к'а].

моло́ [т'ᵇш], втом числе в слове *ле́* [т(ᵇ)с'] 4; RCC *жо́* [рнᵇф] P, в том числе в результате редукции до нуля в суф. *-ник* (*деви́* {шн'к], *нака́* [т'н'к]); CCC *вы́* [пск] П; DT *при́* [д'ᵇт'] Т, в том числе в слове *бу́* [д't] 2, в окончаниях глагола 2 (*прие́* [д'ᵇт']), в суф. *-ок-* 2 (*в поря́* [дᵇк]); DS *бу́* [д'ᵇш] Вл, в том числе в результате редукции до нуля в окончаниях существительных 2 (*на и́з* [бᵇх], *завó* [дᵇх]).

Неконечный 2-й заударный слог: RT *прито́* [лк]*а*, *вы́ко* [лᵇт'и]*шь* Т; RD *при́го* [рд]*а* С; ZR *вы́ло* [жн]*ый* П; TT *четы́рна* [цт]*ом* П; RCC *по́льзо* [влс'а].

Конечный 2-й заударный слог: RT *Ка́у* [р'ц] (=Ка́урец) П; RS *на́ бе* [р'х] Р; RR *председа́те* [л'м] Бл; TT *Кузёно* [ч'к] Р.

Конечный 1-й заударный открытый слог: DR *вё́* [дрᵇ] П; RT *то́* [нкᵇ] Р; RD *до́* [лгᵇ] П; SR *коне́* [шнᵇ] В; ZR *гря́* [знᵇ] С; RS *жени́* [лс'] Р; RZ *до́* [лγᵇ] П; RR *колоко́* [л'н'] Р; TT *пя́* [ткᵇ] Вл; *неве́* [ст'ᵇ] П; *пра́* [вдᵇ] Р; RCC *за́* [фтр'ᵇ] Т; R *крича́* [лᵇ] С; T *робя́* [т] *подрали́сь* В; D *шу́* [б] *была́* Р; Z *ры́* [γ] *была́* Т; S *пло́* [х] *живу́т* П; *рубя́* [х'ᵇ] *бы́ли* П.

Конечный 2-й заударный открытый слог: RD *ма́не* [н'т] *была́* В; RS *собира́е* [мс'ᵇ] Т; ST *де́ду* [шк'] И. пад. Р; TT *стёже* [ч'кˢᵃ] В; R *де́ла* [л] Ж. род П; T *зо́ло* [т] *мука́* Т; D *не́ку* [д] Л; S *и́з но* [с] *кро́вь* Т; *на опера́ци* [j].

Конечный 3-й заударный открытый слог: R *вы́проси* [л] Ж. род П.

Л.Л. Касаткин

К ИСТОРИИ СОЧЕТАНИЯ *ЧЬН* И ШЕПЕЛЯВЕНЬЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (*‹С'Н'›* НА МЕСТЕ *ЧЬН* И СМЕЖНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ОДНОМ АРХАНГЕЛЬСКОМ ГОВОРЕ)

По единодушному мнению историков русского языка исконное сочетание *чьн* в результате падения редуцированных гласных изменялось в русском языке в *чн*, а затем в *шн*[1]. Но было ли изменение *чн* > *шн* последовательным, или оно происходило только в части слов, неясно. Так, например, А.И. Соболевский считал, что "звук *ч* перед *н* во всем русском языке перешел в *ш*. . . Но великор. отличный, сочный, точный, ночной, общерусск. начну, качну и др. сохранили древнее *ч* под влиянием родственных слов с *ч*: отличить, сочить, точка, ночь и др."[2]. П.Я. Черных считал, что в некоторых словах *чн* могло оставаться неизменным в результате омонимического отталкивания, например, *личный, точно*[3]. Н.Н. Дурново

[1] См.: *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд., М., 1907, с. 107; *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. – Энциклопедия славянской филологии, вып. 11. 1: Пг., 1915, с. 285; *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка. М., Л., 1924, с. 167–168; *Обнорский С.П.* Сочетание *чн* в русском языке. – В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1960; *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1964, с. 234.

[2] *Соболевский А.И.* Указ. соч., с. 107.

[3] *Черных П.Я.* Русские говоры Илимского края. – Изв. Вост.-Сиб. отд. Русского географического общества, т. 53, 1928, с. 18.

в отличие от этого считал, что "переход аффрикаты *ч* в фрикативную *ш* перед *н*" был последовательным. "Позднее *ч* перед *н*... могло вновь возникать по аналогии с другими формами или в новообразованиях, напр., *начну* по аналогии с *начать, дачный* – новообразование от *дача*"[4]. С.П. Обнорский полагал, что исконное *чн* в некоторых говорах могло сохраняться без изменения[5], в некоторых же диалектах, в частности московском, "со всею последовательностью... из всякого исконного русского *чн*" возникло *шн*[6]. В литературном же языке, наряду с подобным *шн*, свое "старое обличье" с *чн* сохраняли "книжные слова, в частности древнеболгаризмы". Кроме того, могли быть и фонетические условия сохранения *чн*. Так, "ударяемость слова на слоге непосредственно за сочетанием *чн* фонетически обеспечивала в большинстве случаев сохранность *ч* в данном сочетании": *личнóй, мучнóй, ночнóй, печнóй, речнóй, ручнóй*[7]. Е.Г. Бурова, рассмотрев это последнее условие, указывает, что в материалах ДАРЯ отмечено много таких слов с ударением на гласном, следующим за исконным *чьн* (*волчня́к, свечнóй, уточни́ть* и др.), у которых произносится в подавляющем большинстве случаев *шн*. По мнению Буровой, существенно не место ударения в слове, а то, сколько звуков содержится в слове перед этимологическим *чн*. "Подсчет произносительных вариантов у всех слов... имеющих... два звука перед *чн*... (типа *со́чный*), показал почти равное соотношение *шн* и *чн*... Слова... в которых перед *чн* содержится три звука, приводятся с *шн* примерно в два раза чаще, чем с *чн*... Сравнительно более частое сохранение *чн* характерно для слов с краткой корневой морфемой. Этот факт можно истолковать как стремление сохранить узнаваемость морфемы"[8].

Как известно, в современном русском литературном языке на месте исконного *ч* перед *н* в одних словах произносится [ч']: *то* [ч'] *ный, но* [ч'] *ной, пе* [ч'] *ной, пе* [ч'] *ник, уборо* [ч'] *ная, ал* [ч'] *ный, фабри* [ч'] *ный, отли* [ч'] *ник* и др., в других словах произносится [ш]: *коне* [ш] *но, скворе* [ш] *ник, яи* [ш] *ница, двое* [ш] *ник* и др. В некоторых словах допускается и [ч'], и [ш]: *було* [ч'] *ная* и *було* [ш] *ная, сливо* [ч'] *ный* и *сливо* [ш] *ный, подсве* [ч'] *ник* и *подсве* [ш] *ник* и др.

Соотношение этих слов со временем меняется. "Мы имеем красноречивое свидетельство постепенного, на протяжении последних 100–150 лет, роста норм произношения с *чн* за счет старейшего произношения соответственной лексики с *шн*. Замечательно, что эта эволюция в произношении идет параллельно с эволюцией в правописании соответственных слов. Свидетельство это содержится в данных наших печатных Словарей русского языка, последовательно издававшихся Академией наук в 1789, 1847 и 1890-х гг."[9]. Есть и более поздние свидетельства продолжающегося процесса вытеснения [шн] новым произношением [ч'н][10].

---

[4] *Дурново Н.Н.* Указ. соч., с. 167–168.

[5] См.: *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 248.

[6] См.: Там же, с. 246.

[7] См.: Там же, с. 236–237.

[8] *Бурова Е.Г.* К вопросу о сочетании *чн* в русских говорах. – В кн.: Русские говоры. М., 1975, с. 137–138.

[9] *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 247.

[10] См.: *Горбачевич К.С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971, с. 102–105.

Но все эти свидетельства, так же как и примеры написания *шн* вместо *чн* в памятниках письменности, отмечаемые с XIV в.[11], никак не говорят о том, было ли возможно в языке той эпохи [ч'н] наряду с [ш'н] – ⟨шн⟩ или хотя бы в каких-нибудь говорах всякое [ч'н] изменилось в [ш'н]. Таким образом, ни данные современного литературного языка, ни данные письменности не дают ответа на этот вопрос.

Часто в некоторых диалектах сохраняется явление, исчезнувшее или трансформировавшееся в других диалектах и литературном языке. Примеры широко известны. Наиболее полная сводка материалов по произношению [ч'н] и [шн] (из *чн*) в русском языке была сделана в 1930 году С.П. Обнорским в указанной статье. Обобщением сведений, появившихся за последующие сорок лет, и главным образом богатейших материалов ДАРЯ явилась упоминавшаяся статья Е.Г. Буровой.

Оба автора пишут о сложности картины распространения [ч'] (и его закономерных замен: [ч], [ц'], [ш']) и [ш] в современных говорах. "... пестрота современной картины распространения *шн*, – пишет С.П. Обнорский, – говорит о том, что старые нормальные соотношения в распределении между отдельными диалектными группами тех или иных рефлексов *чн* взаимно переплетены и смешаны под перекрестными влияниями как смежных диалектных группировок, так и течений, направлявшихся от книжной и разговорной стихии литературного языка"[12]. "... для современных диалектов, – пишет Е.Г. Бурова, – на всей нашей территории характерно наличие одновременно двух рефлексов **-чьн-*: *шн* и *чн* (*цн*)... По говорам имеется параллельное употребление *шн* и *чн* в одних и тех же словах, но все же в большинстве современных говоров, подобно литературному языку, выбор произношения *шн* и *чн* определяется и лексически. Каждый из вариантов закреплен за своей группой слов, разумеется, при наличии колебаний, еще более значительных, чем в нормализованном литературном языке. В разных говорах лексика распределяется между *чн* и *шн* по-разному, что и составляет диалектные различия по данному явлению"[13]. В материалах ДАРЯ "имеются, правда, ответы, указывающие только на один вариант... но... материал... заставляет предполагать, что отсутствие одного из вариантов в таких ответах объясняется неполнотой последних, а не отсутствием соответствующего произношения в говоре"[14].

Таким образом, и в современных русских говорах не встречается такой системы, когда бы существовало не знающее исключений фонетическое позиционное чередование [ч'] в позиции не перед [н, н'] с [ш] перед [н, н'] – типа *пе* [ч'] – *пе* [шн] *о́й*, *кирпи* [ч'] – *кирпи* [шн] *ый* и т.п.

На месте исконного *чьн* в русских говорах отмечается также произношение [сн], [с'н']: *пшени* [сн] *ый*, *моло* [сн] *ый*, *яи* [с'н'] *ица* и др. В 1920 годы сведения о таком произношении были немногочисленны[15]. И только по материалам ДАРЯ стало возможным установить территорию этого явления и охват им различных слов с этимологическим *чьн*. Как пишет Е.Г. Бурова,

[11] См.: *Соболевский А.И.* Указ. соч., с. 107.
[12] *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 243.
[13] *Бурова Е.Г.* Указ. соч., с. 131.
[14] Там же, с. 130–131.
[15] *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 237–238.

"произношение *сн* оказалось определенно локализованным и связанным с немногими словами, причем для каждого из этих слов характерен свой ареал. Наиболее широко распространено произношение *сн* в слове *пшеничный*. Оно встречается внутри территории, которую приблизительно можно ограничить линией, идущей через Ветлугу, Кологрив, Чухлому, Вологду, Кириллов, Череповец, Весьегонск, Вышний Волочок, Ржев, Можайск, Москву, Владимир, Муром, юго-западнее Саранска и далее западнее и южнее Пензы на восток ... Ареал произношения *молосный* вписывается в ту же территорию, но оказывается уже ее... *Яисница* имеет еще более узкое распространение... Произношение *ясневый, ясный* (вм. *ячневый, ячный*) в пределах основной территории... отмечено лишь в нескольких отдельных населенных пунктах... Произношение *сн* отмечено также и в ряде других слов, но в единичных случаях (обычно 1 фиксация)..."[16].

Возникновение [сн] на месте *чьн* связывают с цоканьем. Так, в говорах с мягким цоканьем сочетание [ц'н] должно было измениться в [с'н] параллельно тому, как это происходило в говорах, знающих произношение [ч'] в этом сочетании: у аффрикаты перед [н, н'] утрачивался затвор. Затем перед твердым [н] происходило ассимилятивное отвердение [с']: [с'н] > [сн][17]. Однако имеющиеся диалектные данные позволяют делать только весьма общие предположения о происхождении такого [сн]. Немногочисленные факты произношения [сн] дали основание С.П. Обнорскому "думать, что рефлекс *сн* вообще с давней поры находится в процессе исчезновения"[18]. Не во всех цокающих говорах возникало это изменение [ц'н] > [сн]. "По данным северо-восточных цокающих говоров, тенденцию изменения *ц'н* > *с'н* > *сн* нельзя считать распространенной столь же широко, как тенденцию *ч'н* > *ш'н* > *шн* в говорах с различением аффрикат. Наиболее глубинные говоры описываемой территории, хорошо сохраняющие мягкое цоканье, чаще всего представляют его и в этом сочетании (*молоц'ной, скуц'ной*); говоры с изменением *ц'н* в *с'н* чрезвычайно редки"[19].

В 1979, 1980 и 1982 годах я побывал в двух деревнях Архангельской области. Деревни эти – Смоленец и Белощелье Лешуконского р-на – расположены на р. Мезени в среднем ее течении. В Смоленце я был две недели в 1979 г. и десять дней в 1980 г., в Белощелье – восемь дней в 1980 г. и 9 дней в 1982 г., сделал магнитофонные записи на 55 часов звучания. Во время моего пребывания в этих деревнях там работали собиравшие материал для Архангельского областного словаря экспедиционные группы МГУ под руководством О.Г. Гецовой. Записывали мы речь старшего поколения.

В говоре Смоленца и Белощелья обнаруживаются фонетические черты, имеющие отношение к рассматриваемой в статье проблеме.

В этимологическом сочетании *чьн* здесь произошла прогрессивная ассимиляция и звук [н'] всегда мягкий. На месте же *ч* произносят следующие звуки:

[ш"] палатальный: *подру́ш"н'ик, зажы́тош"н'ик, с'п'и́ш"н'ик, након'е́ш"*

[16] *Бурова Е.Г.* Указ. соч., с. 127.

[17] *Селищев А.М.* Избранные труды. М., 1968, с. 253, 329–330; *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, с. 134.

[18] *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 238.

[19] *Орлова В.Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959, с. 29–30.

н'ик'и, нал'и́ш''н'ик, шчып'и́ш''н'ик, кор'и́ш''н'евой, однору́ш''н'ей, двойеру́ш''н'ей, бруш''н'и́ш''н'ей (брусничный), *двойн'и́ш''н'ей, к'ирп'и́ш''н'ой, йед'инол'и́ш''н'о, у́л'иш''н'о, нарбш''н'о, колбд'еш''н'а, до урбш''н'ого*;

[ш'] : *сп'и́ш'н'ик, в нош'н'у́, нарбш'н'о, р'еш'н'а́*;

[с'] : *полу́нос'н'ик, сп'и́с'н'ик, таба́с'н'ик, шчып'и́с'н'ик, морбшес'н'ик*;

[с''] – палатальный звук, обычно определяемый как "шепелявый", причем шепелявенье может быть различной степени, от чуть заметного отличия от [с'] до почти [ш"] : *ов'ёс''н'ик, сбс''н'и, йийи́с''н'иц'у, га́с''н'ик, сп'и́с''н'ик, шып'и́с''н'ик, с''ив'ер'и́с''н'ик'и, нарбс''н'о, п'ес''н'о м'ёсто, парал'и́с''н'а, холод'н'и́с''н'ей, мус''н'и́х* (*из мук'и́*), *молбс''н'е, шйн'г'и на сос''н'а́х, в'ёк'и пр'ив'ёс''н'и, в'еков'ёс''н'о, ма́л'ис''н'а рубаха – ма́л'иц'а, врус''н'у́* (вручную).

Нас заинтересовало, как сами говорящие расценивают свое произношение, какую звуковую единицу, фонему они воспринимают на месте [ш", ш', с', с"] в этом сочетании. Неоднократно мы задавали вопросы разным жителям Смоленца и Белощелья, какую букву они бы написали в этих словах. Ответы всегда были однотипны: в этих словах местные жители произносят звуки, которые на письме должны обозначаться буквой *с*. Так, В.К. Прокопаева, 53 лет, бывшая заведующая почтой, местная, объяснила, что слово, которые мы слышали как *с'п'и́ш''н'ик, сп'и́ш'н'ик, сп'и́с'н'ик, сп'и́с''н'ик* (полотенце, которое вешают на *сп'и́ц'у* – деревянный гвоздь), надо писать *списник*. Заведующая клубом М.А. Киприанова, 55 лет, местная, записала *потосня вода или потока, сосни* (тонкие пресные лепешки). А.Е. Носырева, 77 лет, вышедшая замуж в д. Смоленец из соседней деревни и прожившая здесь всю жизнь, произнесла *в'еков'ес''н'о*. Тут же я переспросил, какая буква пришется на месте [с''], и она ответила [ч] и произнесла по слогам: *в'е-ко-в'е-чно*. "Так по-вашему?" – спросил я. "Нет, по-нашему *с''*, – ответила А.Е. Носырева. Учителя в Смоленце говорили нам, что написание *сн* вместо *чн* – типичная местная ошибка, так как здешние жители произносят в словах с этим сочетанием "букву *с*".

В отдельных редких случаях произносят и другие звуки на месте *ч* в этом сочетании, но всегда это либо новое для говора слово, либо говорящие стараются произносить "правильно". Так, А.Е. Носырева, рассказывая о том, какая продается в магазине у них мука, сказала: *пшен'ич'на*. Но пшеницу здесь никогда раньше не сеяли, муку такую раньше и не завозили, так что слово это здесь новое. Кроме того, сам звук [ч'] – для говора новый: исконно для говора цоканье. Так же не типично произношение *нав'ёч'но*, встретившееся в рассказе М.А. Петрушкиной, 76 лет, местной, неграмотной, о том, как детей раньше отдавали в монастырь, находящийся неподалеку. *"На в'ёк*?" – удивилась присутствовавшая при рассказе другая местная жительница, помоложе. *"И нав'ёч'но оддава́л'и"*, – повторила М.А. Петрушкина.

В двух словах встретилось произношение [шн] : *на убо́рошну, зажы́тошным*. Оба слова новые в говоре. Кроме того, в рассказе о конце 1920-х годов встретилось не только *зажы́тошным* (термин того времени), но и *зажы́тош''н'ик*.

Выводы об истории этимологического *чьн* в рассматриваемом архангельском говоре могут быть сделаны только после анализа того, какие звуки произносятся здесь на месте этимологических *ч, с', ш.*

В говоре Смоленца и Белощелья мягкое цоканье: обычно в соответствии с этимологическими ч и ц произносится в самых различных морфемах [ц']: *ч – ц'ер'в'ец'о́к, л'е́кц'е, до́ц'и, ц'ис'т'ат, к в'е́ц'еру, муўц'и́ш* (молчишь), *ф п'ец', свайебн'иц'ат', Палац'о́ф, Палац'и́* (прозвище), *фц'ера́, м'ец'у́, в'иц'ерко́м, крыи́шоц'к'и, ц'игуны́, о́ц'ер'ед'и, н'иц'о́, хо́ц'от, ц'истопло́дна, ц'ухар'и́, су́ц'йо, Вас'и́л'йев'иц'а, отв'ец'а́ла, н'е ц'у́йу, с'иц'а́с, ов'е́ц'ей, робо́тоц'к'и, йел'ц'ик'и, йина́ц'е, фскац', ц'елов'е́к, т'ел'е́ц'йей, кр'е́пц'е, фстр'ец'а́л, по т'иц'е́н'ийу, ко́н'ц'ила, к'ирп'и́ц'ика, нар'е́ц'йо, снац'а́ла, москв'и́ц'ка* и др.;

ц – кон'е́ц', ц'е́лу, ов'е́ц', ц'ел'но, на пал'ц'а́х, ц'ил'но, крыл'ц'а́, жыл'ц'а́, огур'ц'и́, о́фц'и, го́рн'иц'а, ул'иц'а, осту́л'иц'а, йел'ц'е́й, от'е́ц' молод'е́ц', ку́з'н'иц'и, полот'е́н'ец', ц'е́р'коф', м'ис'ец'а, кол'ц'о́, на у́л'иц'и, полот'е́н'ц'о, в горн'иц'и, пт'и́ц'а, ворон'е́ц', од'ова́л'н'иц'и, со́н'ц'о, на жер'епц'и́, вдофц'е́й, ц'ив'йо́м, п'ер'ес'ел'е́н'ц'и, п'йа́н'иц'а, с'е́р'ц'о, кон'ц'и́, м'ил'и́ц'ийу и др.

Долгий звук [ц̄] выступает в формах возвратных глаголов, где в древности возникало сочетание *т* (*д*) с последующим мягким *с*: 3 л. ед. ч.: *загн'е́ц'ц'а, зат'е́н'ец'ц'а, разойд'е́ц'ц'е, же́н'иц'ц'е*; 3 л.мн.ч.: *выр'езáйуц'ц'е, зовуц'ц'а*; инфинитива: *притвор'а́ц'ц'а, подн'а́ц'ц'а, л'иц'иц'и́'а* и др.

Этот же звук произносится и на месте сочетания *т* (*д*) с ц: *оц'ц'а́, к оц'ц'у́, коло́ц'ц'а, ф коло́ц'ц'и, тун'е́ц'ц'оф, тун'ейа́ц'ц'ей, воро́ц'ц'а, два́ц'ц'ат', ш''омна́ц'ц'ет'и, вос''омна́ц'ц'атой* и др.[20].

Мягкий [ц'] обычно бывает и на месте сочетания *т* (*д*) с *с* на стыке корня и суффикса: *бо́горо́ц'ка трава́, парохо́ц'к'и, новгоро́ц'ко*. Видимо, обобщением этого [ц'] является произношение его в соответствии с суффиксальным *с*: *мас'т'ерц'ко́й, оц'ц'о́фц'кой, ц'онова́рц'ко, ц'оногорц'к'и, по-д'ер'ев'е́н'ц'к'и, попо́фц'ко, тако́фц'кой, морц'ко́й*.

Встречается и произношение звука [ц''] палатального (его часто определяют как средний между [ц'] и [ч']): *бо́гац''и́, бы́ц''ка, в'е́ц''ором, ц''олов'е́к, соскоц''у́, хо́ц''от, ф п'ец'', р'е́ц''к'и, с'иц''а́с, гор'е́ц''у, зац''е́м; на у́л'иц''у, на ц''ер'кова́х, на осо́б'иц''и, найд'е́ц''ц''а, сва́тац''ц''о, зав'ид'е́ц''ц''е* и др. Этот "шепелявый" звук иногда ближе к [ч'] и обозначается как [ч'']: *ов'е́рч''оны, коро́боч''кам'и, ч''ого́, пр'ич''и́на, точ''и́ноч''к'и, ч''о́рного, наколо́ч''он, гор'е́ч''ей, ис''п'еч''о́ны, ч''а́с''т'ин'к'ий, ч''е́лу тар'е́лку*.

Примеры с [ч''] соответствуют обычно *ч*. Это, вероятно, свидетельствует о начале отхода от цоканья под влиянием нормализованного типа языка. Об этом же говорят сравнительно немногочисленные примеры произношения и других звуков в соответствии с аффрикатами. В соответствии с *ч* отмечаются звуки:

[ч]: *чай, ча́йн'ик, по́чта, п'еча́т', чо́кнута, отл'ичда́йец'ц'а, зачопа́ц'ц'а, пу́чк'и*;

[ч·]: *о́ч·ун', уч·и́лса, ч·о́рд знат*;

[ч']: *ч'елов'е́к, гор'ач'о́, ч'о́ртушко, пл'е́ч'ик'и, укач'а́ло, поч'ому́, о́ч'ун', науч'и́лас''а, молоч'ко́, скуч'а́т, ч'о́рной, п'е́ч'ку, ту́ч'ем'и, п'ер'еско́ч'ат*.

В соответствии с ц отмечаются звуки:

[ц]: *обл'игда́цый, матра́ц, огур'цы́, л'е́с''н'ица, огур'ца́, на полот'е́н'цах,*

[20] Такое произношение в тех же категориях типично и для других говоров с мягким цоканьем. (См.: *Орлова В.Г.* Указ. соч., с. 28–29).

оцца́, подыи́н'ецца, шестна́ццат', п'етна́ццат', с'омна́цът'и; этот же звук и в соответствии с суффиксальным *с*: *морцк'и́, д'ер'е́в'е́нцкой, по-нахна́л'цк'и, кон'ешче́л'цкой*;

[ц·] : *м'е́с'ц·а, подыи́н'ец·ц·а.*

Звуки [ч, ч·, ч'] отмечены только в соответствии со звуком [ч'] нормализованного типа языка, а звуки [ц, ц·] – в соответствии с [ц]. Мной записан только один пример *ц·елно́к*, нарушающий эту закономерность, и пример *к'иц·и́гой*, когда нет соответствующего слова в литературном языке.

Все это свидетельствует о том, что, как и в других подобных говорах, "мягкое цоканье следует здесь признать наиболее исконным типом употребления аффрикат", а "интенсивное влияние нормализованного типа языка" происходило здесь поздно, "уже в послереволюционное время. Различение аффрикат устанавливается... гораздо более непосредственно и упорядоченно", чем в некоторых других говорах, испытавших влияние нормализованного типа языка в более раннее время[21].

В этом процессе установления различения двух аффрикат странным может показаться употребление твердого и полутвердого (полумягкого) звука в соответствии с литературным [ч']. Однако следует, по-видимому, учесть, что такой звук для говора обычен, но произносится только рядом с [ш]. Таково сочетание [шч], выступающее в соответствии с литературным [ш̄'], [ш'ч']: *тр'ешчу́, нав'ешчи́йут, ро́шчу, запу́щчу, кр'ешче́н'йа, отпушчи́йут, т'о́шча, йи́шчык, ташчыла, ишче́, кошче́й, у́шчел'йо, шчу́ка, ста́шчыт, нашче́п, кат'ишчо, гу́шче, запу́шчоно, кли́йб'ишчо, тышчы, бол'ша́шчый, холод'и́шча, смо́ршчыт, запр'ешчи́т', хр'ешчы́, шча́с'йо, шча́л'иват'* (счаливать) и др. Сочетание [шч] выступает также в соответствии с литературным [шт]: *шчаны́, шчо, пошчо́, шчо́бы, шчо́л'и, шчи́б'ел', шчокоту́ры* (штукатуры), *в одны́х пошчи́йн'иках* (подштанниках). Твердый [ч] произносится также перед [ш], в результате сочетания этих звуков возникает долгая аффриката (аффриката с долгим затвором): *лу́чче, полу́чче.*

Таким образом, этапом усвоения говором литературной нормы употребления аффрикат является использование своего звука [ч], но в необычной для говора позиции – не рядом с [ш].

Мягкое цоканье говора объясняет, почему в соответствии с этимологическим *чьн* мы наблюдаем в говоре [с'н']: это сочетание могло возникнуть непосредственно из [ц'н]. Наличие же не только [с'н'], но и [с"н'], а также и [ш"н'] и [ш'н'] может быть следствием другой фонетической черты говора – шепелявенья.

Шепелявенье обычно представляет собой произношение на месте фонем ⟨с', з'⟩ "звуков, акустически производящих впечатление звуков как бы средних между мягкими свистящими (*с', з'*) и мягкими шипящими (*ш', ж'*)"[22]. Именно так определил эти звуки и Е.Ф. Будде, впервые описавший данное явление в русских говорах[23]. Вскоре возникло и обозначение этих звуков как [с'ш'] и [з'ж'], хотя в современных диалектологических работах чаще используются знаки [с"] и [з"][24].

[21] См.: *Орлова В.Г.* Указ. соч., с. 53.

[22] *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 135.

[23] См.: *Будде Е.Ф.* К истории великорусских говоров. Казань, 1896, с. 130.

[24] *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 135.

По данным современных экспериментально-фонетических исследований звуки [с'', з''], хотя акустически и могут считаться "промежуточными" между [с', з'] и [ш', ж'], но они ближе к [ш', ж'], чем к [с', з']. По наблюдениям А.М. Кузнецовой, на спектрограммах у звуков типа [с'] "доминирующая форманта расположена в зоне наиболее высоких частот – 8000 Гц... Основная формантная область для [ш'] – 3000 – 3200 Гц, а доминирующая формантная область для [с''] – 4000 Гц."[25].

Артикуляционно же, как подчеркивает А.М. Кузнецова, "[с''], [з''] не составляют фонетический ряд, промежуточный между рядом мягких (палатализованных) переднеязычных свистящих и рядом мягких (палатализованных) переднеязычных шипящих, а представляют особый среднеязычный (палатальный) ряд"[26].

В говоре Смоленца и Белощелья фонема ⟨с'⟩ реализуется и звуком [с'], и чаще звуками типа [с'']:

[с']: *с'иц''ас, вос'им', с'ено, с'еду, м'ис'ец'а, сойд'емс'е, с'остра, фс'огда, с'о ромно, фс'а, кос'акам'и, шес', жыс', йис', шер'с', з'д'ис', с'йежджал'ис', с' йих, шчас'йо, с'т'ены, вм'ис'т'и, с'т'ен'ом, Кос'т'а, с'т'иха, ис'п'ик'ец'ц'а, с'в'окрову*;

[с'']: *с''ид'и, с''иц''ас, ос''ины, крас''иво, с''ино, с''имйа, с'ит'ей, пус''ид'и, м'ис''ил'и, с''еры, с''ем', с''ено, с''ед'ош, фс''е, сус''ет, с''едло, сад''илос''е, с''ерпом, с''едатый, фс''о, с''омгу, с''од'н'и, с''остра, у кр'ис''ол, фс''а, Вас''а, бойс''а, науч'илас''а, уб'йес''с'а, фс''у, с''уда, йес'', уб'ид'ит'ес'', ц'ел'ис'', от'ел'илас'', путал'ис'', д'оржыс'', ср'ед'ил'ис'', договор'ит'ес'', Л'ус''ка, вос''мого, сладос''т'и, п'ес''т'ик, бл'ес''т'ит, см'ис''т'ах, гос''т'ам, ц'ис''т'ик, шес''т'иклас''н'ик'и, с''н'ел'и, зас''н'ом, лопос''н'а, с''н'ек, фкус''н'е, к'ис''н'от, пос''л'едно, с''л'ок'к'им, пос''л'е, ес''л'и, с''л'ег'и, с''л'изуны, скорос''п'елка, ис''п'еч''оны, с''п'инка, с''в'окор, С''в'етка, с''в'ежи, с''в'етлушка, с''в'ер'ху, с'' М'ишкой, с''м'ир'он'ин'ка, с''м'етанкой, с''м'ел'ут, с''м'отан, с''йим, рыс''йу, с''йел'и, кус''йо, л'ис''йо, к'ибас''йо* и др.

Шепелявые звуки встречаются у всех представителей старшего поколения, речь которых приходилось наблюдать, а также и у детей, и у молодых. Но у одних оно выражено ярче, у других слабее. Очевидно, здесь имеет значение воздействие нормализованного типа языка, хотя проявляется оно не всегда прямо. Так, у мужчин шепелявенье наблюдается в меньшей степени. Пожилые женщины, часто бывающие в городе, живущие зимами там, у своих детей, также в большей или меньшей степени утрачивают шепелявенье. Но вместе с тем у местной жительницы 74 лет, никуда не выезжавшей из деревни, шепелявенье проявляется реже, чем у женщины 54 лет, участницы Лекушонского народного хора, часто выезжающей с хором в разные города на концерты. Видимо, здесь имеет значение языковое "чутье", свойственное разным людям в различной степени.

Наряду со звуками [с''] и [с'], в описываемом говоре на месте фонемы ⟨с'⟩ произносятся звуки типа [ш'']: *закуш''ил'и, д'еш''ит', ш''етк'и, ш''ейут, ш''емд'ес'ат, ш''екут, Ш''ел'ишчо, ф Ш''ер'ед'н'ом, ш''ем'йей, ш''омга, пън'иш''ом, б'еш''отка, фш''о, п'еш''онк'и, ш''адут, так ы ш''ак, кваш''-*

[25] *Кузнецова А.М.* Разновидности способа образования согласных в русских говорах. – В кн.: "Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977, с. 128–129.

[26] Там же, с. 120.

а́т, в'еш", йеш", настро́ил'иш", ш"йиш" (съесть), *ш"в'о́кор, ш"в'иш"т'и́* (свезти), *ш"м'ех, ш"йе́ла, ц"и́ш"т'иш, ш"т'е́нк'и, Ко́ш"т'а, вы́рош"т'ил'и, уш'п'ева́м, ш"п'и́л'им, ш"п'иц"а́, йе́ш':л'и, наш"л'ива́йут, рош"л'и́, по́ш"л'е, ш"л'ифк'и* и др. Реже отмечается [ш']: *ш'е́ил'и, ш'е́м'еро, ш'и́ла, н'еш'о́т, йеш'* (есть), *ш'п'и́л'иш.*

Вместе с тем и звуки типа [с"] не однородны. Мне приходилось не раз отмечать в одних случаях у такого [с"] близость к [с'] или близость к [ш"]. Такую же неоднородность шепелявых звуков в одном и том же говоре отмечают и другие наблюдатели. Так, Е.Ф. Будде отмечает в Касимовском уезде Рязанской губ. мягкие звуки типа $с^{ш}$, или $ш^{с}$, или "очень мягкое *ш* вместо мягкого *с'*"[27]. С.А. Копорский в Осташковском р-не Калининской обл. наблюдал "шепелявость зубных *з* и *с"*, которая "выражена не сильно" и обозначается им как *з"* и *с"*. "В редких случаях шепелявость настолько сильна, что в записях она обозначается *ш', ж'* "[28]. Разную степень шепелявости [с"], [з"] и произношение наряду с ними звуков [ш'], [ж'] в русских говорах на Печоре отмечают Д.Т. Лисенкова[29] и Ю.Ф. Денисенко[30]. Об этом же пишут и авторы ряда ответов на "Программу собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка"[31].

Различие между звуками [с'] – [с"^{с}'] – [с"], наблюдаемыми в одних и тех же говорах, заключается в степени продвинутости языка: [с'] – это звук переднеязычный зубной, [с"^{с}'] – звук, по терминологии О. Брока, краепалатальный[32], или, по терминологии С.С. Высотского, препалатальный[33], образующийся на границе переднеязычной и среднеязычной областей, звук [с"], по терминологии О. Брока, переднепалатальный[34], или, по терминологии С.С. Высотского, постпалатальный[35], или, по терминологии В.Н. Чекмана, центральнопалатальный[36]. Но чем объяснить, что дальнейшее усиление шепелявости приводит, по наблюдениям различных диалектологов, к звуку типа [ш'], который в литературном языке является переднеязычным. Язык как бы прекращает свое продвижение в палатальную зону и возвращается вспять.

Дело, очевидно, не только в месте образования этих звуков. Звуки [с'] и [ш'] отличаются не только местом образования ([с'] – зубной, [ш'] – передненебный). Разница их артикуляции еще в форме щели: [с'] –

---

[27] *Будде Е.Ф.* Указ. соч., с. 130.

[28] *Копорский С.А.* Архаические говоры Осташковского района Калининской области. – Учен. зап. Калининского гос. пед. ин-та, 1945, т. 10, вып. 3, с. 19–20.

[29] *Лисенкова Д.Т.* Консонантизм в говоре села Трусово Усть-Цилемского р-на Коми АССР. Сыктывкар, 1964, с. 17.

[30] *Денисенко Ю.Ф.* Шепелявые шипящие в Печорских говорах. – В кн.: Северно-русские говоры, вып. 1. Изд-во ЛГУ, 1970, с. 67, 73.

[31] См.: Диалектологический атлас русского языка, ч. 1. Фонетика. Карта 64. Диалектное произношение мягких переднеязычных *т, д, с, з* (автор Т.Ю. Строганова).

[32] См.: *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910, с. 24, 26.

[33] См.: *Высотский С.С.* Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. – В кн.: Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969, с. 29.

[34] *Брок О.* Указ. соч., с. 27.

[35] См.: *Высотский С.С.* Указ. соч.

[36] См.: *Чэкман В.Н.* Гісторыя проціпастаўленняў па цвёрдасці–мяккасці у беларускай мове. Мінск, 1970, с. 100.

круглощелевой, [ш'] – плоскощелевой[37]. Усиление шепелявенья приводит к изменению [с'ˣ] > [с"] > [ш"], причем этот [ш"] образуется в той же среднеязычной зоне, но он плоскощелевой[38].

Фонема ⟨с'⟩ реализуется звуками [с'], [с"], [ш"], [ш'] в говоре Смоленца и Белощелья не только перед гласным, на конце слова и перед теми согласными, примеры на которые были приведены выше. Эти же звуки воплощают фонему ⟨с'⟩ и перед [н']: *роз'йес'н'и́т, брус'н'и́ка; фкус'н'е́, к'и́с'н'от, п'е́с'н'а, л'е́с'н'ица, с'н'ек, об'йес'н'и́т', ло́пос'н'а́, сос'н'а́к, сос'н'ик и́, брус'н'и́ку, п'е́с'н'и, пойес'н'и́ц'а, ба́с'н'и, во с'н'и́', сс'н'има́л'и, с'н'е́гу; зга́ш'н'им, р'еш'н'и́ц'и, п'е́ш'н'и, л'еш'н'и́ц'есво, ра́дош'н'о, бруш'н'и́ка, бруш'н'и́ш'н'ий; бруш'н'и́ка, ш'н'ек.*

На месте этимологического *ч* перед *н* выступают, как указывалось выше, те же звуки [с'], [с"], [ш"], [ш'], которые также следует считать реализацией фонемы ⟨с'⟩ (или гиперфонемы ⟨с'/ц'⟩).

Подтверждением этого является то, что фонема ⟨ш⟩ реализуется твердым [ш] во всех позициях, в том числе и перед [н, н']: *йагы́шн'иц'а* – 'овца' (*йагы́ш* – 'ягненок'), *п'е́шн'а* (– *л'от оп'е́шат'*), *ар'ешн'ик* – 'крупная галька, непригодная для пахоты земля', *малышн'а́; в'о́шный, с'м'ешны, л'ѣшно, кы́шнула, шл'е́л'иш'а, ушли, пр'ишли, вышл'и, сошл'ис", йешт'е. шйот, ушйу́.* (Точно так же и ⟨ж⟩ во всех позициях реализуется твердым звуком, в том числе и перед [н']: *на по́жн'у, по́жн'и, л'о́жн'а, л'о́жн'и, л'о́жн'оф*, и перед [н]: *доложна́, из Н'и́жного, ка́жну, до́ложно, вало́жно, ка́жно).*

Только в редких случаях на месте ⟨ш⟩ произносится звук не веляризованный и не палатализованный, который на слух производит впечатление полутвердого согласного: *вы̆шл'и, п'ер'ешл'и́, пр'ишла́, шйу, в'и́диш ты, жи́л'и, м'е́н'ш'их, наш'йо́м, ка́ш'л'илъ.*

Мне не встретилось ни одного случая, когда бы звук [ш'] или [ш"] выступал на месте этимологического *ш* или звук [ш] выступал на месте этимологического *с*[39], а также на месте *ч* перед *н*. Это свидетельствует о том, что фонемы ⟨с'⟩ и ⟨ш⟩ в описываемом говоре никогда не смешивались: звуки, воплощавшие одну фонему, и звуки, воплощавшие другую фонему, в любых позициях представляли два разных множества и четко разграничивались в языковом сознании говорящих.

Такое разграничение звуков [ш] и [с', с", щ", ш'] не могло установиться под воздействием нормализованного типа языка. При анализе цоканья

---

[37] См.: *Кузнецова А.М.* Указ. соч., с. 95, 126.

[38] Ср. определение Е.Ф. Будде этого *ш'* как "очень мягкого" звука (Будде Е.Ф. Указ. соч). Ср. также указание Л.Р. Зиндера на то, что среднеязычные "плоскощелевые имеют относительно низкий ("шепелявый") тембр", а для среднеязычных круглощелевых "характерен высокий ("свистящий") тембр" (*Зиндер Л.Р.* Общая фонетика. М., 1979, с. 162).

[39] Кроме форм 2 лица ед. числа возвратных глаголов *найе́шиш, об'йе́шиа, с'м'ийешиа,* (наряду с обычными *уб'йе́с"с'а, поба́иваис"с'е, руга́ис"с'е* и т.п.), которые можно рассматривать как результат прогрессивной ассимиляции или, скорее, как попытку усвоить звук [ш] соответствующих форм литературного языка, заменив им свой долгий [с̄"]. (Иное объяснение этих форм с [ш̄] в белозерских и поветлужских говорах, как результата совпадения шепелявых свистящих с мягкими шипящими с последующим общим отвердением шипящих, дает К.Ф. Захарова (см.: Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 118.)

уже указывалось, что характер отклонений от древней системы свидетельствует о том, что это воздействие началось в недавнее время и незначительно поколебало старые закономерности. Воздействие нормализованного типа языка на речь местного населения наиболее сильно стало проявляться лишь в последние десятилетия, когда установились регулярные полеты пассажирских самолетов между районным центром Лекушонским и Архангельском и когда в связи с оттоком молодежи в города их отцы и матери стали бывать в городах, главным образом в Архангельске и Северодвинске и жить там зимой, возвращаясь в деревню на лето. В прежние же годы из-за отсутствия дорог местные жители выезжали из деревни крайне редко.

Можно ли, исходя из этого, делать выводы об истории или хотя бы относительной хронологии отвердения шипящих и возникновения шепелявенья в рассматриваемом говоре?

Как известно, шепелявое произношение звуков на месте фонем ⟨с'⟩, ⟨з'⟩ получило отражение на письме в псковских памятниках XIV – XV вв. в результате того, что эти звуки совпали там со звуками на месте фонем ⟨ш⟩, ⟨ж⟩, в ту эпоху еще мягкими. Проявилось это в смешении букв *с* и *ш*, *з* и *ж*[40]. Есть шепелявенье и в современных псковских говорах. Но шепелявенье отмечено и во многих других говорах, не связанных исторически с бывшей Псковской землей. Таково белорусское шепелявенье и шепелявенье многих севернорусских и среднерусских говоров и русских говоров Сибири[41].

Происхождение псковского шепелявенья и шепелявенья в других говорах обычно относят к разным эпохам и объясняют разными причинами. Так, С.М. Глускина говорит о древнем псковском шепелявенье, представлявшем собой "неразличение свистящих и шипящих", как о "результате двуязычия, скрещения языка, знающего только свистящие (эстонского), с языком, различающим свистящие и шипящие (русским)". Это явление "наблюдается и теперь как живое явление в некоторых деревнях Псковской области, главным образом в Печорском районе, в русской речи эстонцев". В других же, "южных районах Псковской области... теперь значительно распространено сильно смягченное (иногда – шепелявое) произношение мягких свистящих, тогда как твердые свистящие и шипящие произносятся так же, как в литературном языке. Такое произношение не отличает систему согласных в говорах от системы литературного языка, поскольку эти говоры сохраняют противопоставление трех рядов фонем: [с' – с – ш] ... Происхождение этой особой мягкости вряд ли восходит к большой древности"[42]. В.Г. Орлова считает, что такое шепелявое произношение "связано по своему происхождению с тем вторичным усвоением мягкости согласных перед *е, и,* которое складывалось в процессе взаи-

[40] Литература об этом явлении весьма обширна. См., например: *Соболевский А.И.* Очерки из истории русского языка. Киев, 1884; *Каринский Н.М.* Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909; *Шахматов А.А.* Указ. соч., с. 327–328; *Кандаурова Т.Н.* К истории древнепсковского диалекта XIV в. – Тр. Ин-та языкознания АН СССР, т. VIII. М., 1957, с. 256–260; 280–282.

[41] См.: *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков Л., 1972, с. 268–271; Диалектологический атлас русского языка, ч. 1. Фонетика. Карта 64. Диалектное произношение мягких переднеязычных *т, д, с, з.*

[42] *Глускина С.М.* Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах – В кн.: "Псковские говоры". I. Псков, 1962, с. 39–40.

модействия говоров, имевших разную степень палатализации согласных"[43]. В.В. Колесов пишет: "...только в северо-западных русских говорах отражается древнее неразличение зубных фрикативных и передненебных. "Шепелявое" произношение свистящих в прочих северновеликорусских говорах является вторичным диалектным признаком, обязанным взаимодействию диалектной и литературной систем"[44]. "Такое произношение возможно только в говорах с отвердевшими шипящими. Поэтому... однофокусные альвеолярные [с"], [з"] всегда отграничены от двухфокусных шипящих [ш], [ж]", "не пересекаются с ними"[45]. В.Н. Чекман считает, что время возникновения [с"], [з"] в белорусском языке – XIV–XV вв.[46]

В противоположность этим взглядам Ф.П. Филин не разделяет "совпадение и сближение мягких свистящих и шипящих". Он полагает, что и то, и другое явление "представляет собой продукт развития праславянского звукового наследства, поддержанного иноязычным воздействием в балтийском районе, имевшим место приблизительно в VIII–IX вв."[47].

Если до отвердения шипящих фонемы ⟨ш⟩, ⟨ж⟩ воплощались в переднеязычных плоскощелевых мягких согласных [ш'], [ж'], а фонемы ⟨с'⟩, ⟨з'⟩ – в среднеязычных круглощелевых мягких [с"], [з"], то артикуляционно эти звуки отличались двумя признаками: местом образования и формой щели. Если же и те, и другие звуки образовывались в одной, палатальной зоне и были среднеязычными, то все равно различие по форме щели у них оставалось. Такими звуками могли быть [ш"], [ж"] и [с"], [з"].

Достаточно ли этого различия, чтобы указанные звуки не смешивались? Известно, что различия между звуками, фонологически несущественные для одного языка, могут быть существенными для другого. Известны также современные русские говоры, знающие шепелявое произношение звуков на месте ⟨с'⟩ ⟨з'⟩ и сохранившие мягкость звуков на месте ⟨ш⟩, ⟨ж⟩, причем фонемы эти не смешиваются[48].

В современном русском литературном языке звуки [с'], [з'] и [ш'], [ж'] (которые чаще долги, но могут и терять долготу, ср.: *мощней* – [маш'н'э̆и] и *ясней* – [ис'н'э̆и], *вещь* – [в'эш'] и *весь* – [в'эс']) относятся к переднеязычным. Правда, между ними есть различия по месту образования: [с'], [з'] – зубные, а [ш'], [ж'] – передненебные, но и у среднеязычных палатальных согласных выделяют три разновидности: краепалатальные, переднепалатальные, заднепалатальные[49].

[43] *Орлова В.Г.* Указ. соч., с. 174.

[44] *Колесов В.В.* К характеристике исходной палатальности согласных в древнепсковском говоре. – В кн.: Псковские говоры. III. Псков, 1973, с. 6.

[45] *Колесов В.В.* Фонологическая характеристика фонетических диалектных признаков. – ВЯ, 1971, № 4, с. 55.

[46] *Чэкман В.М.* Указ. соч., с. 119–121.

[47] *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 272.

[48] См.: Диалектологический атлас русского языка, ч. 1. Фонетика, карта 64; карта 63. Мягкие звуки в соответствии с *ш, ж.* (автор Е.Г. Бурова); *Кузнецова А.М.* Указ. соч., с. 129–130.

Видимо, из подобного предположения исходит В.Н. Чекман, реконструируя для предков восточных славян палатальный ряд согласных, куда входят, в частности, *ź* и *ž'*. (См.: Чекман В.Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск. 1979, с. 95).

[49] См.: *Кузнецова А.М.* Типология палатального ряда в русских говорах. – В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977, с. 97.

Таким образом, до отвердения мягких шипящих звуков, воплощавших ⟨ш⟩, ⟨ж⟩, могли в русских говорах быть шепелявые звуки [с''], [з''], воплощавшие ⟨с'⟩, ⟨з'⟩. Но не могло быть произношения [ш'', ш'], [ж'', ж'], отмечаемого, как указывалось выше, в соответствии с ⟨ с'⟩, ⟨з'⟩.

"Область рассеивания" (по терминологии А. Мартине[50]) фонем ⟨с'⟩, ⟨з'⟩, воплощенных в звуках [с''], [з''], была ограничена "областью рассеивания" фонем ⟨ш⟩, ⟨ж⟩, воплощенных в звуках [ш''], [ж'']. Фонемы ⟨с'⟩, ⟨з'⟩ могли варьировать по месту образования от зубных звуков до палатальных, но не могли варьировать по форме щели. "Зона безопасности" между ⟨с'⟩, ⟨з'⟩ и ⟨ш⟩, ⟨ж⟩ была весьма мала. После отвердения шипящих эта зона резко увеличилась. В результате увеличилась и "область рассеивания" фонем ⟨с'⟩, ⟨з'⟩: они могли теперь варьировать и по форме щели и воплощаться не только в звуках [с''], [з''] (или [с'], [з']), но и в звуках [ш''], [ж''] (или [ш'], [ж']).

Таким образом, лишь это явление – произношение мягких шипящих звуков в соответствии с ⟨с'⟩, ⟨з'⟩ – могло возникнуть только после отвердения шипящих звуков, воплощавших ⟨ш⟩, ⟨ж⟩. Что же касается шепелявого произношения [с''], [з''] в соответствии с ⟨с'⟩, ⟨з'⟩, то оно может относиться и к древней эпохе.

В пользу этого предположения говорит то, что в русских говорах (в том числе и архангельских) обнаружены палатальные звуки не только на месте ⟨с'⟩, ⟨з'⟩, но и на месте других фонем, реализующихся в литературном языке и многих говорах мягкими переднеязычными звуками. Таковы палатальные [т''], [д''], [н''], [л''], [ц''][51]. Отмечены мной такие звуки и в говоре Смоленца и Белощелья.

Можно, следовательно, говорить об особенностях артикуляционной базы подобных говоров. Артикуляционная база – явление чрезвычайно устойчивое в языке и сохраняется на протяжении многих столетий. Поэтому можно предполагать, что палатальная артикуляция мягких согласных в указанных говорах, в том числе и в говоре Смоленца и Белощелья, – наследие глубокой древности.

Если произношение [с'] или [с] на месте *ц* (< *ч*) перед *н* отмечено во многих говорах (хотя и не является там, судя по записям, последовательным, фонетически позиционным чередованием), то сочетание этого явления с прогрессивным смягчением *н* ([с' н']) известно мало.

Отмечено это явление в говоре двух деревень Приморского р-на Архангельской обл. – Нижней Золотицы, расположенной при впадении р. Золотицы в Белое море на "зимнем" его берегу, и Верхней Золотицы, находящейся в шести километрах вверх по течению реки. Обе деревни издавна называют вместе Зимней Золотицей. В 1898 – 1899 годах А.В. Марков

---

[50] *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, с. 70–71.

[51] См.: *Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967, с. 48–49; *Кузнецова А.М.* Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости – мягкости согласных в русских говорах. – В кн.: Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969, с. 65–66; *Она же.* Разновидности способа образования согласных в русских говорах. – В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977, с. 72–76; 159–163.

записывал здесь былины и позднее издал эти записи[52]. Точность этих записей весьма высоко оценивалась В.Ф. Миллером[53] и Л.Л. Васильевым[54]. В этих записях обнаруживаются примеры с [с' н'] на месте *чьн: кирписьнёй, троёсутосьнёй, скусьнё, прожытосьнёй, бесстросьнёго, сердесьнёю, востосьню, на осьню ставку, королевисься, песьнёй-от столб, зысьним, кирписьнёю, королевисьню, королевисьнёй, прожитосьних, нерадосьнё.* Наряду с [с'], отмечается [ц']: *прожитоцьни, скуцьнё, зыцьним, бессроцьнёго, востоцьню, владыцьнёй* и др.; [ч']: *вековечьняя, безсрочьнёго, прожиточьнёго, восточьню, королевичьня, королевичьню, королевичьни* и др., а также [ш'], после которого [н] твердый: *кирпишьною, востошьну, Никулишьна*[55].

В Верхней Золотице в 1967 г. экспедиционная группа, в составе которой я собирал материал для Общеславянского лингвистического атласа, обнаружила аналогичные примеры.

Подобные же примеры записаны А.Д. Григорьевым в самом конце XIX в. в былинах и исторических песнях на Пинеге и в Поморье: *кирписьнюю, радосьня, сердесьнёё, сердесьню, сердесьние, сердесьних, по тусьним ребрам; королевицьню, на пёцьнём столбу, по пецьню столбу, разлуцьнёго, сердецьнёго, строцьнёе, не порядочнё*[56].

А. Грандилевский в говоре Холмогор Архангельской губ. отмечает "звук *с* на месте *ш*", "где внутри слова после *ш* следует звук *н: наро́сьнё, коро́лёвисьня, поро́сьняя*... Изредка звук *с* стоит на месте *ч*...: *я́сний, ... мусьно́й, русьной*..."[57].

Вероятно, это же явление отражено Д.Т. Лисенковой в печорском говоре с. Трусово Усть-Цилемского р-на Коми АССР, где записаны примеры *моло́с''н'и бр'игад'и́р, наро́с''н'и бро́с'ил, д'ев'и́с''н'ик, йис''н'иц'а*, наряду с *у́л'ес''ны дв'ёр'и, моло́с''ной суп-от; ноц'но́й, пото́ц'на вода́, сма́зоц'ного ма́сла, пшан'и́ц'на мука́, руц'на́ робо́та* и др.[58]

Все эти говоры характеризуются одними и теми же основными диалектными чертами и являются "наследием" древненовгородского говора. Об этой связи говорят и воспоминания жителей указанных мест о том, что их предки были выходцами из Новгорода.

---

[52] Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.

[53] См.: Там же. – Предисловие.

[54] *Васильев Л.Л.* Язык "Беломорских былин". – В кн.: Изв. ОРЯС, т. 7, кн. 4. СПб., 1902, с. 2.

[55] Цит. по: *Васильев Л.Л.* Указ. соч., с. 21, 25; *Колесов В.В.* Отражение корреляции согласных по мягкости – твердости в старых записях былин. – В кн.: Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1979, с. 113.

[56] Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым. М., 1904 (цит. по: *Колесов В.В.* Указ. соч.).

[57] *Грандилевский А.* Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. – В кн.: Сборник ОРЯС, т. 83, № 5. СПб., 1907, с. 31. Л.И. Пирогова через полвека обнаружила в этом говоре уже только "изменение аффрикаты ч в фрикативный *ш* перед сонорным *н* как твердым, так и мягким: *скушно, л'ишно, кон'ешно, пор'адошны, мушнайа: д'ев'ишн'ик, кор'ишн'евой, горшошн'икоф* (повсем.)" (*Пирогова Л.И.* Описание говора шести пунктов Холмогорского района Архангельской области. – Материалы и исследования по русской диалектологии. Кафедра русского языка, вып. 9. МГПИ им. В.И. Ленина, 1959, с. 192).

[58] *Лисенкова Д.Т.* Консонантизм в говоре села Трусово Усть-Цилемского района Коми АССР. Сыктывкар, 1964.

Таким образом, в некоторых севернорусских говорах с мягким цоканьем сочетание [ц"н], возникшее из *цьн* (<*чьн*) после падения редуцированных гласных, изменилось в [с"н"] вполне последовательно, что привело к возникновению нейтрализации фонем ⟨ц'⟩ и ⟨с'⟩ перед ⟨н, н'⟩.

По существующей сейчас традиции "шепелявыми" звуками называются и свистящие круглощелевые палатальные [с", з"], и шипящие плоскощелевые палатальные [ш", ж"], и переднеязычные [ш', ж'], выступающие на месте ⟨с', з'⟩. Так же называются эти звуки в настоящей статье. Однако такое объединение всех этих звуков в термине "шепелявые" не должно затемнять суть явления и его историю. В современных говорах с "шепелявеньем" на месте ⟨с', з'⟩ могут произноситься все эти звуки, и они отражают три этапа в истории "шепелявенья". Наиболее древней реализацией фонем ⟨с', з'⟩ были [с", з"]. После отвердения шипящих звуков, воплощавших ⟨ш, ж⟩, в реализации ⟨с', з'⟩ появились [ш", ж"]. И лишь позднее в этом ряду возникли [ш', ж'].

Р.Ф. Пауфошима

СЛЕДЫ МУЗЫКАЛЬНОГО УДАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ВОЛОГОДСКОМ ГОВОРЕ

Есть ли в современных говорах следы древнего различения тонов? Известно, что наследие праславянского различия акута и циркумфлекса хранят до наших дней те говоры, где есть противопоставление фонем ⟨ω⟩ – ⟨о⟩. Это явление достаточно хорошо известно и описано во многих работах по русской диалектологии.

Задача этой работы – выявить другие черты просодической и сегментной организации фразы и слова в этих говорах, которые могут быть расценены как реликты старых тоновых различий.

В качестве объекта исследования были выбраны говоры Катромского сельсовета (деревни Арзубиха, Злобиха, Полутиха, Макаровская, Никитинское) Харовского р-на Вологодской обл., где до сих пор живо противопоставление семи гласных фонем.

Вначале обратимся к суперсегментному уровню, или к просодической организации фразы в этих говорах.

Замечено, что интонационный контур фразы в этих говорах (и в других типологически близких говорах) имеет тенденцию к п о с л о в н о м у построению. Иными словами, в интонации говора отмечается склонность к выделению каждого самостоятельного слова с примыкающими к нему проклитиками и энклитиками в отдельную синтагму.

Этот интонационный тип описан Т.М. Николаевой применительно к славянским языкам[1]. Она отмечает, что пословное оформление интонации свойственно наиболее архаичным языковым системам (согласно данным Николаевой, пословное построение интонационного контура свойственно

[1] *Николаева Т.М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

трем языкам из славянских – словацкому, македонскому и белорусскому).

Л.К. Цеплитис в своей монографии, посвященной анализу речевой интонации, определяет такой тип фразовой мелодики как повторение восходяще-нисходящего мотива в пределах одной синтагмы[2].

Е.А. Брызгунова, исследуя интонацию говора д. Селищи Междуреченского р-на Вологодской обл.[3], обратила внимание на необычное мелодическое оформление фраз – ответов школьников на уроке: ударные слоги были выделены по тону, так что каждое слово имело свой мелодический контур. Брызгунова оценила мелодику фразы как необычную для говора и объяснила это неестественностью обстановки во время магнитофонной записи: присутствием посторонних лиц на уроке, реакцией школьников на микрофон и т.д.

Однако в наших записях из Харовского р-на, – а говоры Междуреченского р-на, исследованные Брызгуновой, типологически очень близки харовским, – случаи пословного оформления мелодического контура фразы нередки. Эта тенденция усиливается в ритмизованных участках текста: совершенно отчетливо проявляется она в заговорах, заклинаниях, пословицах, поговорках и других фольклорных жанрах.

Анализ нашего материала дает основания считать, что пословное оформление интонационного контура фразы в вологодских говорах происходит с помощью акцентного усиления п е р в о г о с л о г а в многосложных словах. Тем самым первый слог получает как бы дополнительное ударение. Слуховой эффект акцентного усиления первого слога создается за счет таких акустических средств, как повышение частоты основного тона на гласном этого слога, усиление физической интенсивности и увеличение длительности гласного[4].

Наиболее ярко сказанное можно проиллюстрировать на примере текста заклинания, обращенного к "полевому"[5]:

"Батюшко полевой!
Матушка полевая!
Ваши полевята!
Возьмите мою цернухонькю
На сохранение.
Пойте, кормите,
Домой пригоните.
Людям на завидост,
А мне на радост".

График движения основного тона в первой половине этого текста приве-

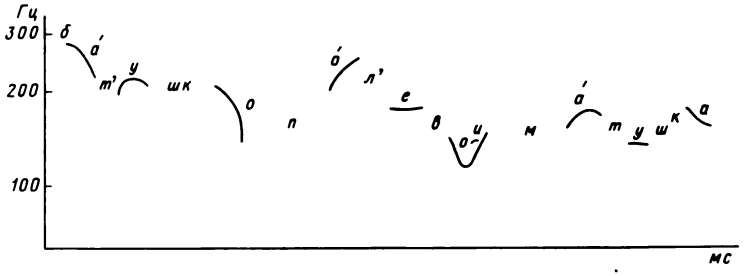

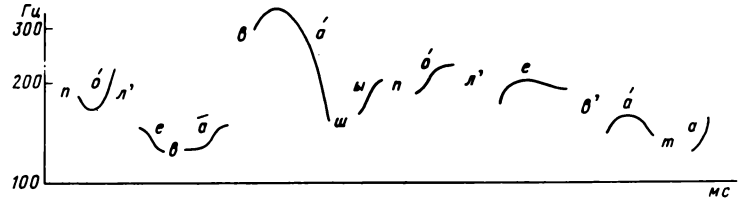
[2] *Цеплитис Л.К.* Анализ речевой интонации. Рига, 1974, с. 115.

[3] *Брызгунова Е.А.* Анализ русской диалектной интонации. В сб. Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977, с. 262.

[4] По-видимому, слуховое впечатление о "рубленности" севернорусской речи создается не только из-за равновеликости слогов, но и из-за пословного оформления фразовой мелодики.

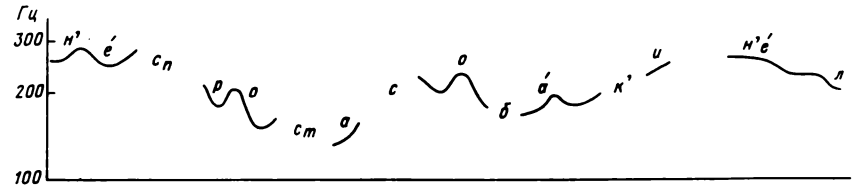
[5] Согласно древнему поверью, полевой – дух, обитающий в поле, так же как водяной – в воде, леший – в лесу. При этом дом охраняет, вопреки ожиданиям, не домовой, а доброхотушко (с доброхотицей).

Батюшко полевой, матушка полевая, ваши полевята...

Рис. 1

(Захожу в деревню) не спроста, собаки не (лайте)...

Рис. 2

ден на рис. 1. На графике отчетливо прослеживаются "всплески" частоты основного тона на первых слогах каждого слова.

Таким же образом может строиться интонация и отдельных фраз в обычной разговорной речи говора. На рис. 2 представлен график движения основного тона во фразе.

Эта фраза произнесена в три синтагмы. Каждая синтагма состоит из одного фонетического слова. Вторая и третья синтагмы имеют повышение тона и усиление первого слога, что отчетливо видно на графике.

Естественно предположить, что для реализации музыкального ударения интонационный контур фразы, оформляющий каждое слово отдельно, был наиболее подходящим. Недаром такой тип фразовой мелодики, по наблюдению Т.М. Николаевой, свойствен наиболее архаическим языковым системам.

Поэтому, хотя вологодские говоры и не сохранили до наших дней музыкального ударения, сохранена основа его прежнего существования — пословное оформление фразовой мелодики.

Из возможных следов древних тоновых различий это первый — м е л о д и ч е с к и й.

Другой возможный коррелят старых тоновых различий, сохранивший-

ся в противопоставлении гласных, в которых реализуются фонемы ⟨ω⟩ и ⟨o⟩, – д и н а м и ч е с к и й.

При благоприятных фразовых условиях фонема ⟨ω⟩ реализуется в говоре в дифтонге [y͡o], который принадлежит к категории восходящих дифтонгов, поскольку его динамический контур имеет нарастающий характер. Первая фаза дифтонга – верхнего подъема – отличается слабой интенсивностью, но постепенно возрастающей к концу фазы; вторая фаза – среднего и иногда средне-нижнего подъема – характеризуется значительно большей интенсивностью. Эта динамическая структура дифтонга [y͡o] хорошо прослеживается на осциллограмме[6], представленной на рис. 3.

Различия в интенсивности двух фаз дифтонгов нельзя отнести только лишь за счет различия в собственной интенсивности гласных *у* и *о*, поскольку контраст по силе между фазами дифтонга значительно больше.

Замечательно, что такое распределение интенсивности в дифтонге сохраняется в разных участках фразы и не обнаруживает зависимости от фразовой просодии.

Наши исследования интенсивности фразы в говорах Харовского р-на показали, что фраза имеет четко выраженный динамический контур – сильное начало и постепенное понижение интенсивности к концу (исследовалась только динамика фраз, оформляющих повествовательные предложения)[7].

Т.М. Николаева на материале многих славянских языков показала, что такое распределение интенсивности в пределах фразы является нормальным[8] и отражает динамическую структуру древнего славянского стиха[9].

Конечные участки фразы – самые слабые, тихие. Динамический контур фразы подчиняет себе слово; слова, находящиеся в конечной позиции, строятся по той же динамической модели, что и фраза в целом: начальные слоги более сильные, конечные – слабые. Даже слова анапестической модели (СГСГСГ . . .), т.е. с ударением на третьем слоге от начала, испытывают ослабление интенсивности в конце, т.е. в ударном слоге. Ср. примеры:

Кольца брякнут [ù д у г' и́]
−7,5 −9 −20 дБ

Он был побогаче, а я была [п о б' и д н' а́ е]
−22 −18 −25 дБ

У ее была избушка [н а̀ з а д а́ х]
−12 −13 −20 дБ

Он послал тетушку [с в о j у́]
−18 −23 дБ

Графики распределения интенсивности во фразе см. на рис. 4.

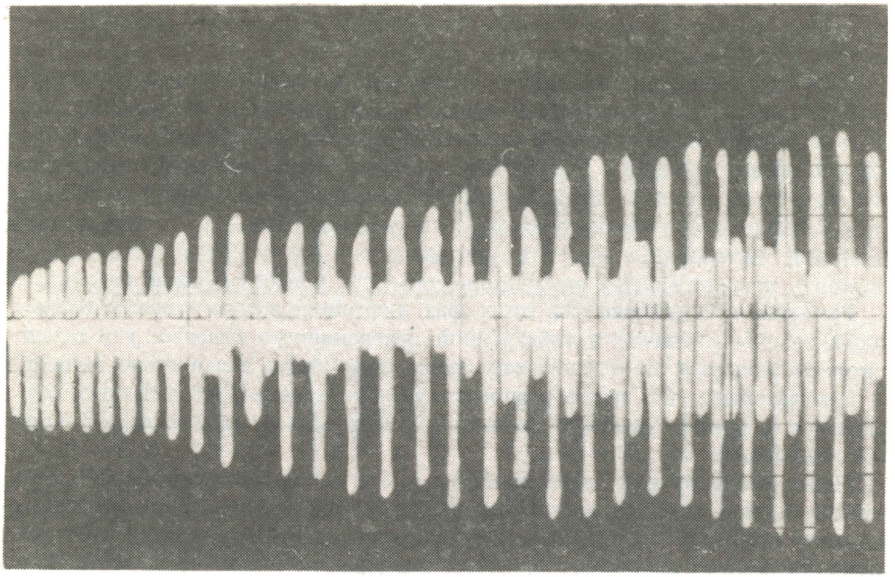
Однако этот жесткий порядок динамического контура нарушается, когда в позиции конца фразы оказывается слово с дифтонгом [y͡o] под ударением. В таких случаях динамический контур восходящего дифтонга одер-

[6] Осциллограммы снимались с экрана электронно-лучевого осциллографа, соединенного с сегментатором.

[7] См.: *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М.,1983.

[8] *Николаева Т.М.* Указ. соч.

[9] См.: *Николаева Т.М.* Стихотворная и прозаическая строки: первичное и модифицированное. Balcanica. М., 1980.

[у͡о] *из натву́рат*

Рис. 3

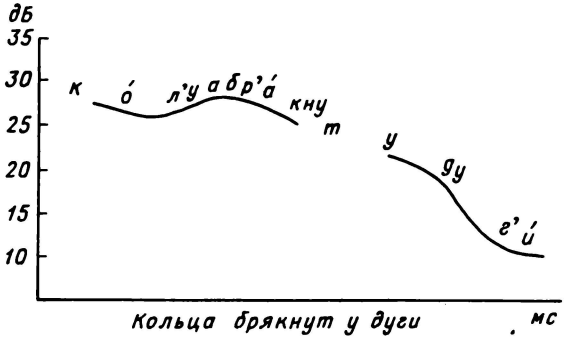

Рис. 4

живает верх над динамическим контуром фразы. Ср., например, графики распределения интенсивности в следующих случаях:

Мой Саша стал шести [г о д у͡о в]
– 15 – 10

Давай, говорит, сделам полотн [у͡о]
– 18 – 15

А давно это было? – д а в н [у͡о]
–12 –10

Отвода раньше вот были, топер нет о т в о д [у͡о] в
–15 –12

Я сама пришла корову доить. Дою к о р [у͡о] в у
–17 –12

Следовательно, можно говорить о том, что древний восходящий тон получил заместительное восходящее усиление на ударном гласном; эта реликтовая черта реализации фонемы ⟨ω⟩ настолько сильна, что не подвержена воздействию фразовой просодии, которая в других случаях подчиняет себе слово.

Фонема ⟨о⟩, противопоставленная ⟨ω⟩, релизуется в монофтонге [о], однако в наиболее благоприятных фразовых условиях, например, при эмфатическом усилении, возможна реализация этой фонемы в дифтонге [о͡у]. На существование таких дифтонгов в других архаических говорах впервые обратил внимание С.С. Высотский[10].

Дифтонг [о͡у] присутствует на правах просодической вариации и в нашем говоре. Например, в следующем отрывке текста:

"Бери с собой [ико͡уну]; [ико́ну] пущай берет этот, бери [ико́ну] ты, и хлеб ты. С этой, с петухом, с хлебом и [с'ико́ноӡ] приходишь домой, в избу", слово *икона,* произнесенное четыре раза, лишь один раз было реализовано с дифтонгом [о͡у]. Это было первое произнесение, слово было акцентно выделено, это усиленное акцентирование и вызвало к жизни дифтонг; в остальных случаях фонема ⟨о⟩ была реализована в монофтонге [о̯].

Дифтонг [о͡у] относится к категории нисходящих: фаза [о] в его составе более сильная, громкая, а фаза [у] более слабая. На рис. 5 представлены осциллограммы, свидетельствующие о нисходящем динамическом контуре в пределах этого дифтонга.

Таким образом, пара дифтонгов [у͡о] – [о͡у], в которых могут быть (при благоприятных фразовых условиях) воплощены противопоставленные фонемы ⟨ω⟩ – ⟨о⟩, имеют контрастные динамические характеристики, которые могут рассматриваться как заместительные по отношению к прежним тоновым характеристикам.

3. И наконец, последний фактор, который может быть расценен как след прежних тоновых различий – тембровый. Здесь имеется в виду не то различие в тембре противопоставленных дифтонгов [у͡о] и [о͡у], которое достаточно хорошо описано в диалектологической литературе.

Имеется в виду частный случай тембровых различий, замещающих старые тоновые различия, проявляющийся в одной позиции – в абсолютном начале слова. Позиция эта – достаточно редкая, в спонтанной речи ее встретить чрезвычайно трудно. Обнаружить это явление нам помог счастливый случай – нашего основного информанта в д. Полутиха звали Ольгой (Ольга Ивановна Фокина). Артистичная по натуре, эта женщина в своих устных импровизациях нередко передавала речь других лиц, реплики, обращенные к ней. Поэтому разные формы имени *Ольга* довольно часто встречаются в наших записях. Встречаются они и в абсолютном начале фразы, преимущественно в звательной форме, например: "Оль, ты идешь?", "Оль! – Я говорю: што? – Пойди сходи по Николая!" и т.п.

---

[10] См.: *Высотский С.С.* Работы Е.Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных. – Бюллетень диалектолог. сектора Ин-та русского языка АН СССР. М., 1949, вып. 6; *Он же.* О говоре д. Лека. – Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II. М., 1949; *Он же.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. – В кн.: Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.

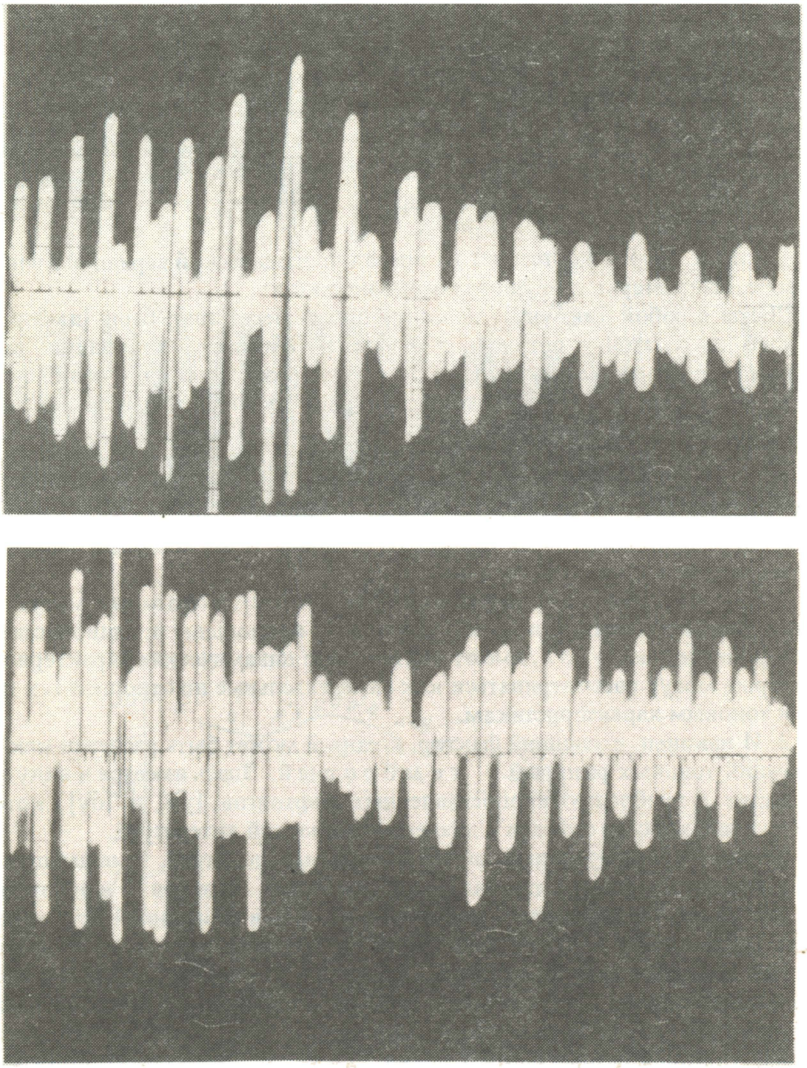

Рис. 5

Во всех этих случаях началу гласного предшествовал консонантный элемент типа смычно-гортанного согласного: [ʔo̯л'а], [ʔo̯л'], [ʔo̯л''а]. Это наблюдение было проверено на других словах с фонемой ⟨ о ⟩ в начальном неприкрытом слоге: *окна, окунь, олово.* Информанты произносили их также с начальным смычно-гортанным согласным: [ʔo̯кна], [ʔo̯кун'], [ʔолово].

На осциллограммах виден смычно-гортанный глухой согласный, начинающий слово: "щелчок" взрыва и нерегулярный высокочастотный шум, предшествующий периодическому рисунку гласного.

Наряду с другими словами с начальным *о* информантам было предложено слово *он*. В произношении этого слова ничего необычного обнаружено не было, смычно-гортанный приступ перед гласным отсутствовал. Это местоимение нередко начинает собою фразу и оказывается таким образом в позиции абсолютного начала: "Он пришел и говорит", "Он тут проходит сутки, его возьмут, сольют через решето", "Он и просит прийти" и т.д. Ни в одном из приведенных примеров начальной гортанной смычки обнаружено не было.

Этому явлению можно предложить следующее объяснение. Возможно, что в современных говорах, сохраняющих различие фонем ⟨ ω ⟩ – ⟨ о ⟩, есть слова с *о* в корне, не участвующие в этом противопоставлении. И одним из таких слов является местоимение *он*.

Наше исследование зависимости сегментной фонетики слова от фразовых условий показало, что противопоставление фонем ⟨ ω ⟩ – ⟨ о ⟩ в полной мере может выявиться лишь в сильных фразовых позициях. А таковыми для слова оказываются позиции под фразовым ударением или каким-либо другим акцентным усилением. Иными словами, только слово, оказывающееся во фразе коммуникативным центром (согласно терминологии О.А. Лаптевой[11]), может оптимальным образом выявить свои фонетически потенции. Сильная фразовая позиция способствует "расцвету" дифтонгов, четкой реализации гласных безударных слогов и т.д. Слова, оказывающиеся в "теневых" позициях фразы, могут произноситься "скомканно", кое-как, с редукцией безударных слогов (даже в севернорусских говорах!), с гласными неясного тембра под ударением. И совершенно очевидно, что существуют целые категории слов, в первую очередь служебных, но видимо, и не только служебных, которые никогда не получают акцентного усиления.

К таким словам, по-видимому, относятся в исследуемом говоре личные местоимения *он, она, оно*. Местоимение *он* в прослушанных нами текстах может быть проклитикой: [о͡н пр'ишо́w] либо энклитикой [пр'ишо́ w͡он]. Не имея самостоятельного ударения на *о*, это слово и не произносится со смычно-гортанным приступом перед гласным.

Можно предположить, что подобно тому, как в праславянском языке были слова-энклиномены, не имевшие самостоятельного ударения, в современных севернорусских говорах есть категории слов, подобных древним энклиноменам.

Итак, начальное *о* под ударением в говоре произносится с гортанной смычкой [ʔ]. Этот консонантный элемент может рассматриваться как заместитель древнего высокого тона[12] или как след прежнего нисходящего ударения.

В противоположность этому, старое *о* под восходящим ударением, которому в современных говорах соответствует фонема ⟨ ω ⟩, в позиции абсолютного начала развивает консонантную протезу типа *в*. Ср.: *вотчим, вост-*

---

[11] *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976.

[12] Ср. по этому поводу наблюдения Вяч.Вс. Иванова в работе: *Иванов В.В.* К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными фонемами. – В кн.: Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.

рый, вобла, вольха, воспа и т.д. Примеров такого рода довольно много, и они достаточно хорошо известны.

Следовательно, древнее противопоставление по тону – *о* под нисходящим ударением – *о* под восходящим ударением – в начале слова в современном вологодском говоре трансформировалось в противопоставление по тембру начальных слогов с консонантными протезами: [ʔ o̯- – во-]: [ʔ o̯л'га – вол'х'а]. При этом, если сочетание звуков [во-] следует рассматривать как бифонемное, то сочетание звуков [ʔ o̯] представляет собой реализацию одной фонемы, так как гортанная смычка в говоре появляется только перед [o̯] и только в рассмотренной фразовой позиции.

В таком случае, приходится фактически констатировать отказ от старого противопоставления фонем ⟨ω⟩ – ⟨о⟩ в этой позиции, поскольку монофтонги [o̯] и [о] относятся к числу реализаций одной и той же фонемы – ⟨о⟩.

Итак, проведенное исследование позволило установить, что в современных говорах Харовского р-на Вологодской обл. существуют, по крайней мере, три фонетических фактора, которые могут быть расценены как реликты древнего музыкального ударения: мелодический, выявляющийся на уровне интонационного контура фразы; динамический, выявляющийся на уровне просодии слова; тембровый, выявляющийся на сегментном уровне слова.

Е.В. Щигель

ОСОБЕННОСТИ ИНТОНАЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФРАЗЫ В НЕКОТОРЫХ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Данная статья представляет собой экспериментально-фонетическое исследование особенностей диалектной интонации на примере реализаций в разговорной речи вопросительных предложений, а также ответов на вопрос, при условии, если ответ составляет не более, чем одну синтагму. В качестве объекта исследования были выбраны говоры разных районов Вологодской и Архангельской областей. Материалом исследования послужили выборки нужных конструкций из магнитофонных записей живой разговорной речи, сделанных теми или иными диалектологами и хранящихся в настоящее время в фонотеке Лаборатории экспериментальной фонетики ИРЯ АН СССР.

При помощи осциллографического анализа были получены графики движения основного тона, частота которого измерялась в герцах. Интенсивность измерялась в децибелах на регистраторе интенсивности РИ-58. Длительность измерялась в миллисекундах по отметке времени на осциллограмме.

Интонация русских говоров (как впрочем, диалектная интонация вообще) очень мало изучена. Едва ли не единственной работой на эту тему является статья Е.А. Брызгуновой[1]. В связи с этим некоторые методические

[1] *Е.А. Брызгунова.* Анализ русской диалектной интонации. – В кн.: Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.

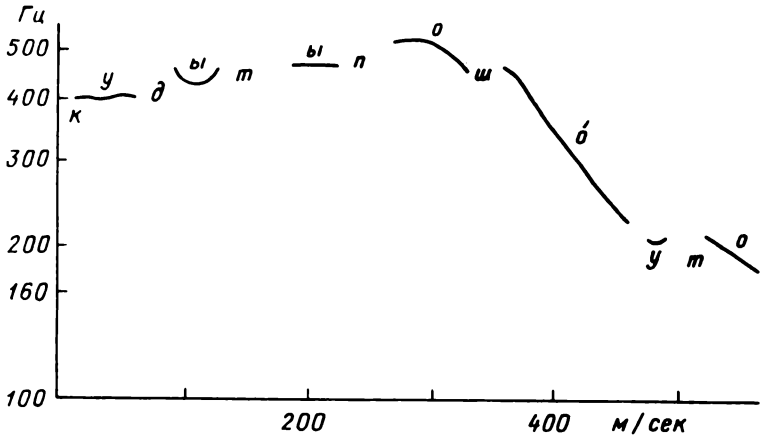
моменты изучения диалектной интонации представляют определенные трудности. В частности, на начальном этапе изучения интонации важно исследование нейтральных (т.е. не окрашенных эмоционально) реализаций как носителей основной информации. Этот момент принимался во внимание при выборе примеров для исследования. Предпочтение отдавалось именно тем вопросительным конструкциям, в которых в наименьшей степени присутствовали эмоциональные наслоения (что определялось общей речевой ситуацией, контекстом в целом). Но нельзя не признать, что в исследуемых примерах в большей или меньшей степени отражается субъективность говорящего, которая не может не оказывать влияния на изучаемые физические параметры интонации. По-видимому, идеальной "нейтральной" реализацией той или иной конструкции явилось бы выразительное чтение изолированного предложения (что, например, широко применялось Е.А. Брызгуновой для изучения интонации русского литературного языка, Т.М. Николаевой – для изучения фразовой интонации славянских языков). Но этот метод вряд ли применим для изучения диалектной интонации.

Часть рассмотренного материала составили вопросительные предложения с вопросительным словом, представленные в вологодских говорах однотипным мелодическим контуром, в котором наивысший уровень тона приходится на начало фразы (вопросительное слово). Причем в исследуемых примерах интонационный центр ни разу не совпадает с вопросительным словом. Данная конструкция соответствует ИК-2 в литературном языке по классификации Брызгуновой. В приведенном примере (см. рис. 1) довольно значительный (в пределах 150–200 гц) по сравнению с литературным вариантом общий сдвиг тона вверх является видимо особенностью речи данного диктора (высокий женский голос). Таким образом, в данном примере предцентровая часть реализуется при помощи высокого тона говорящего (при среднем тоне в литературном варианте), центр представляет собой нисходящее движение тона от нижней границы высокого уровня тона до верхней границы среднего тона и соответственно следующая за центром часть фразы произносится на среднем тоне.

Что касается движения интенсивности в вопросительных предложениях с вопросительным словом, то оно, в общем совпадает с мелодическим контуром. Т.е. наивысшие значения интенсивности относятся, в основном, к началу фразы – вопросительному слову, смещаясь в некоторых случаях в сторону гласного интонационного центра. Самые низкие значения интенсивности относятся к концу фразы. По этому признаку данная конструкция как будто не отличается от соответствующей в литературном языке.

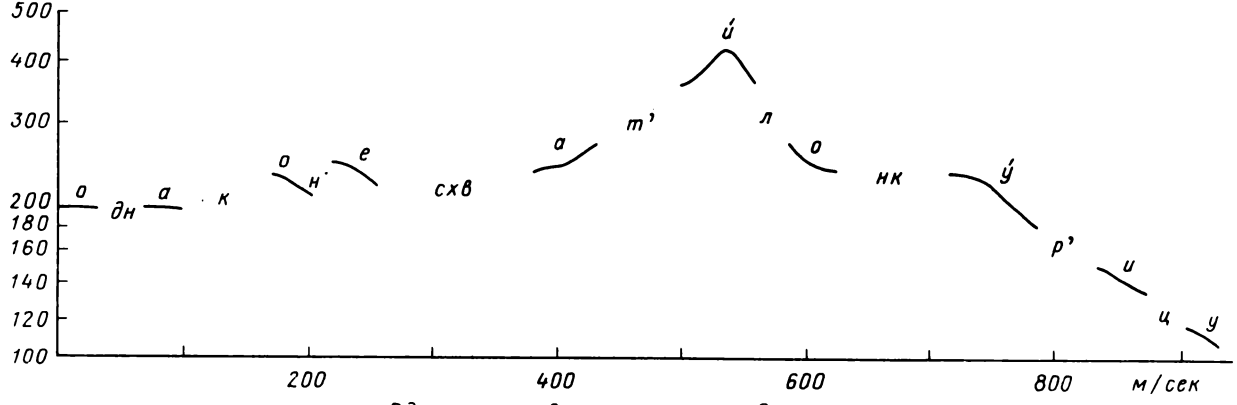
Каким же образом воспринимается центр высказывания – носитель основного смысла, если по выше приведенным данным гласный центра не характеризуется высшими либо низшими значениями частоты основного тона и интенсивности? По-видимому, за счет большей его длительности (в 1,5, 2 и 2,5 раза большей, чем длительность всех других звуков в предложении (рис. 1).

В том, что касается соотношения частей высказывания, мелодический контур вопросительного предложения без вопросительного слова соответствует мелодическому контуру подобной конструкции в литературном языке. Высшие значения частоты основного тона соответствуют центру выска-

Куды ты пошел-то?

Рис. 1

Однако не схватил он курицу? **Рис. 2**

зывания, предцентровая часть – среднему тону, постцентровая часть ниже предцентровой.

Движение тона в интонационном центре составляет три варианта мелодического контура: ◜, ◠, ◝ . Схема 1-го варианта представляет собой общее повышение тона с небольшим понижением в конце (не достигающим, однако, исходного, а часто даже и среднего уровня движения основного тона на протяжении гласного интонационного центра) или участком ровного тона (рис. 2).

Второй вариант мелодического контура представляет собой плавное повышение тона до какого-то наибольшего для данного высказывания уровня и его плавное понижение до исходной величины. При этом участки понижения и повышения тона приблизительно равны по длительности, хотя сама длительность варьирует в зависимости от особенностей речи диктора и речевой ситуации (от 40 до 100 мс) (рис. 3).

Третий вариант – понижение основного тона, иногда при некотором повышении тона на небольшом участке гласного центра (рис. 4).

Основное отличие второго варианта от первого и третьего состоит не только в относительном равенстве длительности повышающейся и понижающейся частей, но и в равенстве частоты основного тона в начальной и конечной фазе его движения в интонационном центре. К тому же наличие примеров с очень незначительным подъемом средней части контура и даже с совершенно ровным тоном в гласном интонационного центра (рис. 5) также подтверждает правомочность выделения второго варианта движения основного тона в гласном центра.

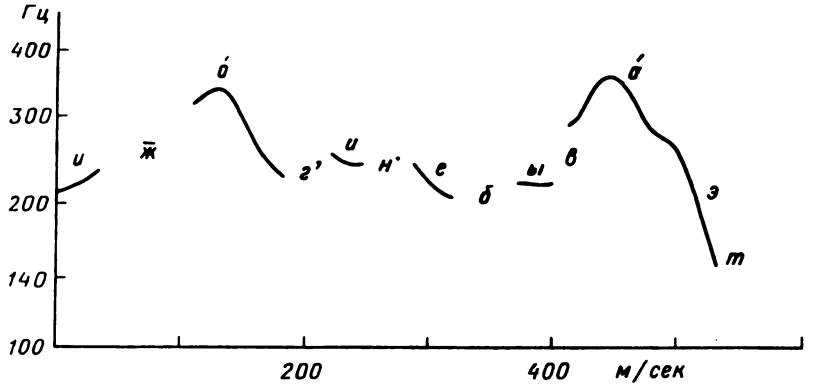
Таким образом, нейтральной реализации данной конструкции литературного языка (ИК-3) наибольшим образом соответствует первый вариант из рассматриваемых выше. По-видимому, есть некоторая закономерность зависимости длительности гласного интонационного центра от степени перепада высоты основного тона предцентровой, постцентровой частей и центра фразы. Чем больше такой перепад, чем больше мелодический контур вопросительного предложения без вопросительного слова напоминает нейтральный вариант подобной конструкции литературного языка[2], тем, меньше длительность гласного центра отличается от длительности гласных предцентровой части. И, наоборот, чем меньше диапазон перепада основного тона в процессе высказывания (на протяжении всех частей синтагмы), тем больше длительность гласного центра.

Интенсивность и мелодика имеют очень схожие контуры почти во всех исследуемых примерах. Высшим значениям интенсивности соответствуют высшие значения мелодики. Некоторые расхождения наблюдаются в начале фразы, где интенсивность на протяжении 1–2-го слогов имеет несколько большую величину, чем в последующих слогах предцентровой части, а мелодика, напротив, повышается сразу от начала фразы. К концу вопроса интенсивность постоянно падает.

Особенностью одного из дикторов из Междуреченского р-на Вологодской обл. является совпадение высших значений мелодики и интенсивности в 1-ом предударном слоге в тех случаях, когда в вопросе присутствует отрицание (рис. 6).

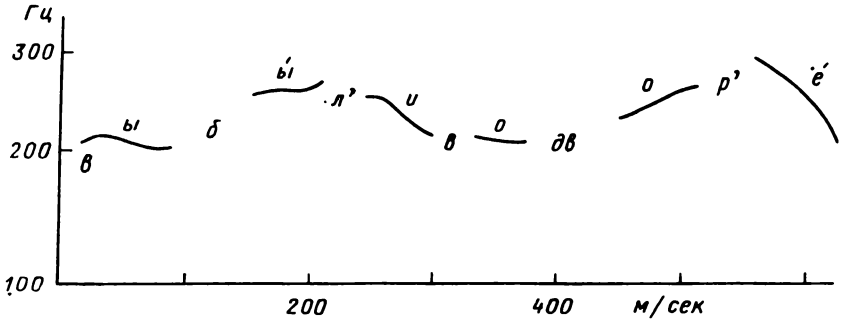
---

[2] См.: Русская грамматика, т. 1. М., 1980, с. 106, рис. 5, 11, 14.

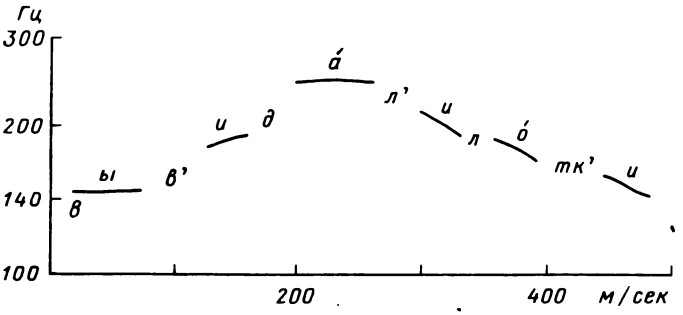
Изжоги не бывает?

Рис. 3

Вы были во дворе?

Рис. 4

Вы видали лодки?

Рис. 5

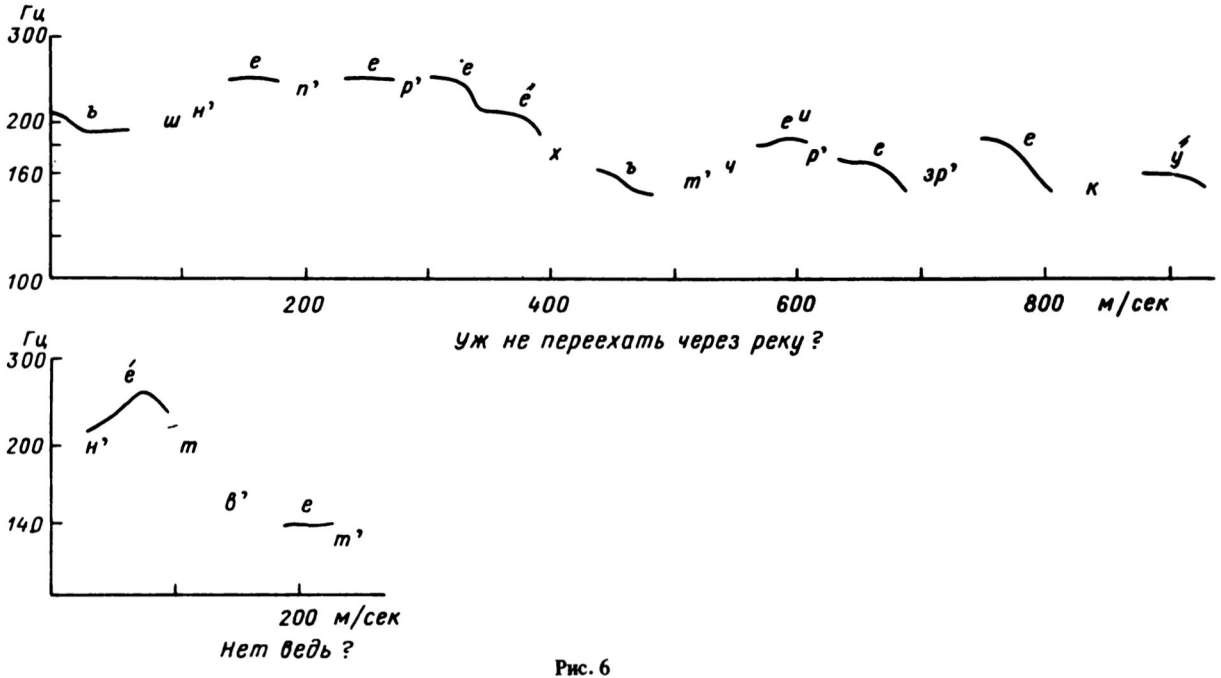

Гц
300
200
160
100
ъ
ш
н'
е
п'
е
р'
е
е́
х
ъ
т'
ч
е и
р'
е
зр'
е
к
ý
200
400
600
800
м/сек
Уж не переехать через реку ?
Гц
300
200
140
е́
н'
т
в'
е
т'
200 м/сек
Нет ведь ?

Рис. 6

Гц
300
200
180
160
140
110
з
а
ч
é
м
п
р'
и
j
é
х
а
л'
и
200
400
600
800 м/сек
Зачем приехали?

Рис. 7

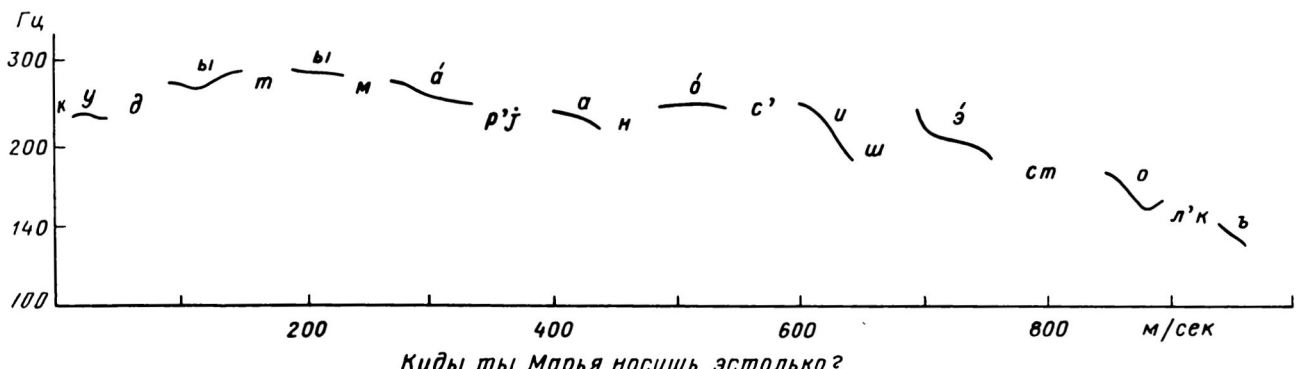

Гц
300
200
140
100
к
у
д
ы
т
ы
м
á
р'j
а
н
ó
с'
и
ш
э́
ст
о
л'к
ъ
200
400
600
800
м/сек
Куды ты Марья носишь эстолько?

Рис. 8

Помимо вопросительных предложений с вопросительным словом и без него изучались и ответы на вопрос. Критерием отбора подобных ответов в качестве объекта изучения являлась их краткость, они состоят из одного – двух слов и представляют собой одну синтагму.

По строению мелодического контура эти ответы разбиваются на две группы, одна из которых объединяет примеры интонации завершения по типу ИК-1 в литературном языке, для другой группы примеров характерно повышение тона на постцентровой части, причем уровень тона в центре несколько ниже уровня тона предцентровой части. Эта группа мелодических контуров соответствует ИК-4 литературного языка.

Вопросительные предложения с вопросительным словом в говорах Архангельской обл. представлены двумя вариантами движения мелодического контура.

Одна из конструкций представляет собой мелодический контур, в котором выделяются два пика наивысших значений частоты основного тона. Вопросительное слово выделяется при помощи подъема тона на ударном слоге, затем уровень тона повышается в слове – носителе логического ударения (иначе, интонационном центре), причем повышение уровня тона начинается приблизительно с того же уровня, с какого повышался тон в вопросительном слове, далее следует подъем тона в гласном интонационного центра, но наивысших значений частота основного тона достигает в 1-ом заударном слоге, после чего уровень тона снижается, оставаясь в пределах диапазона среднего тона говорящего. Диапазон колебаний основного тона в слове – носителе интонационного центра шире, чем в вопросительном слове. Естественно, что подобная двухпиковая конструкция мелодического контура характерна только для тех случаев, когда интонационный центр не совпадает с вопросительным словом. В тех случаях, когда вопросительное слово является носителем основного смысла вопроса и следовательно центр реализуется в его пределах, гласный центра имеет наибольшее значение частоты основного тона, в последующих слогах тон понижается, его уровень ниже уровня предцентровой части (рис. 7).

Другой мелодический контур движения основного тона в вопросительном предложении с вопросительным словом представляет собой подъем тона в пределах вопросительного слова, дальнейшее движение тона в пределах этого подъема и понижение тона, начиная с гласного интонационного центра до конца вопроса. Этот последний вариант мелодического контура соответствует ИК-2 литературного языка. Движение интенсивности в подобных конструкциях выделяет вопросительное слово (начало фразы) и интонационный центр, в этих частях вопроса интенсивность наиболее велика, к концу конструкции она падает (рис. 8).

В тех случаях, когда мелодический контур является двухпиковым, трудно выделить какую-то общую закономерность распределения интенсивности. В целом можно говорить о сильном начале вопроса, т.е. об относительно высокой интенсивности вопросительного слова, что касается гласного интонационного центра, то в исследуемых примерах разброс значений интенсивностии значителен (от наименьшего до наибольшего во фразе). Такой же разброс значений интенсивности относится и к концу высказывания, где интенсивность могла иметь наивысшее, среднее и наименьшее значение во фразе.

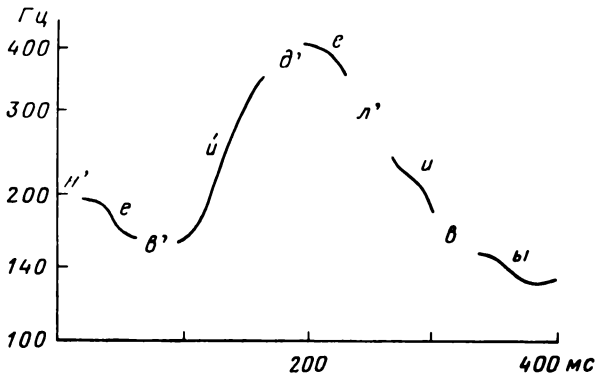

Рис. 9

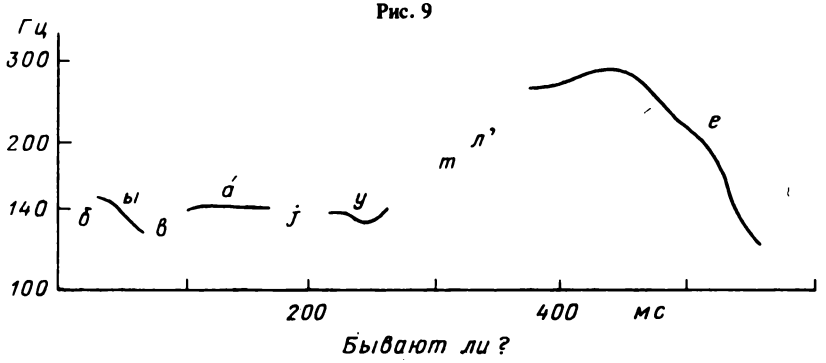

Рис. 10

Вопросительное предложение без вопросительного слова представлено в говорах Архангельской обл. тремя вариантами мелодического контура. Один из них имеет параметры, соответствующие нейтральному варианту вопроса без вопросительного слова со значительным повышением тона гласного центра в литературном языке, т.е. ИК-3 (рис. 9).

В другом варианте данной конструкции уровень тона в гласном центра соответствует среднему тону говорящего, на гласном следующего слога тон значительно повышается. Конец высказывания оформлен по-разному у различных дикторов. Он может сохранять высокий уровень тона, может быть на уровне предцентровой части. Возможно также значительное понижение тона (ниже уровня предцентровой части). Если в конце предложения есть вопросительная частица *ли*, то она особым образом интонационно оформлена большим перепадом уровня тона – до 150 гц (при восходящем и нисходящем движении тона) и большей длительностью (в 2–3 раза большей, чем длительность других звуков этой конструкции) (рис. 10).

Третий вариант мелодического контура представляет собой понижение тона на гласном центра.

Приведенные физические характеристики интонации вопросительных конструкций позволяют сделать некоторые предварительные выводы об

особенности реализации этих конструкций в говорах Вологодской и Архангельской областей (в сравнении с данными литературного языка).

Во всех исследуемых говорах имеются вопросительные конструкции, соответствующие нейтральным реализациям вопроса в литературном варианте русского языка.

Наряду с этим в вологодских говорах вопросительное предложение с вопросительным словом произносится на относительно более высоком уровне тона, чем в литературном языке. Усиление словесного ударения на гласном центра реализуется путем значительного удлинения этого гласного.

Вопросительное предложение без вопросительного слова имеет наряду с общерусским вариантом (повышение тона на гласном центра), конструкции, в которых движение основного тона в центре может быть понижающимся, а также ровным (что можно считать некоторым переходным вариантом). Таким образом, для восприятия вопроса без вопросительного слова признак направления движения основного тона в гласном центра не является релевантным.

Архангельские говоры, помимо общего литературного, имеют собственный вариант реализации вопросительного предложения с вопросительным словом — двухпиковую конструкцию движения основного тона с выделением 1-го заударного слога.

Одна из реализаций вопроса без вопросительного слова также представляет собой выделение заударного слога путем повышения уровня основного тона в этом слоге.

Еще одна характерная особенность интонации архангельских говоров по сравнению с вологодскими и литературным языком — возможность оформления конца предложения (вопроса и не вопроса) резким повышением тона или повышением с последующим понижением на последнем гласном предложения при значительном его удлинении.

Вопрос о степени распространения и обусловленности употребления тех или иных вариантов вопросительных конструкций в говорах (по сравнению с литературным языком) требует дальнейшего рассмотрения.

О.Е. Кармакова

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СРЕДНЕГО РОДА НА **-MEN* В РУССКИХ ГОВОРАХ

К изучению существительных среднего родна на **-men* неоднократно обращались исследователи, освещая вопросы исторического развития русского языка. При этом учитывались в определенной мере данные диалектов[1]. Уделялось внимание склонению слов на *-мя* и в специальных ра-

[1] См.: *Дурново Н.Н.* Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924; *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Единственное число. Л., 1927; *Кузнецов П.С.* Очерки исторической морфологии русского языка. Изд. АН СССР, 1959; *Житенева Л.И.* Из истории склонения имен существительных на *-мя.*- Учен. зап. Новгородского гос. пед. ин-та, т. 11. Вопросы диалектологии и истории русского языка. Мурманск, 1966; *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики

ботах по диалектологии[2]. Рассматриваемые ниже материалы ДАРЯ, касающиеся этой замкнутой группы имен, позволяют уточнить существующее представление о структуре словоизменительных типов, к которым принадлежат слова на *-мя* по говорам[3], что и будет предметом описания в статье.

Анализируемая группа существительных с точки зрения лексического состава как в литературном языке, так и в говорах ограничивается 10 словами: *бремя (беремя), время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семя, стремя, темя* (хотя по памятникам известно большее число имен на *-*men*[4]). Следует заметить, что в материалах ДАРЯ наиболее часто зафиксированы существительные *имя, время, семя, стремя*, менее часто – *вымя, бремя (беремя)*, значительно реже – *знамя, темя, пламя (полымя), племя.*

Рассмотрение абсолютного числа примеров на разные падежные формы дает следующие результаты: достаточно полно представлены формы им.п. – в 98% ответов на программу, род.п. – в 94% ответов, дат.п. – в 81% ответов, твор.п. встречается в 76% ответов, предл.п. – в 68%, вин.п. собирателями фиксируется факультативно, так как вопросом программы он не предусмотрен. Поскольку программа ориентирована на шестипадежную систему единственного числа, в дальнейшем материалы будут анализироваться в рамках этой системы.

Аксиоматично, что в склонении существительных на *-мя*, свойственном литературному языку, сохраняются чередования основ, унаследованные из праславянского языка; с одной стороны, основа И.-В. на *-м'*, с другой стороны, основа косвенных падежей на *-ен'*, а также нестандартный набор падежных окончаний. В словоизменительной системе говоров реализуется стремление языка избавиться от нерегулярного типа склонения: происходит обобщение одной из основ (выпрямление основ) в пределах всей парадигмы. Именно это подчеркивают К.В. Горшкова и Г.А. Хабургаев, касаясь изменения слов на *-мя:* ≪Диалектная речь... отразила "естественный" путь морфологического развития этих имен – их последовательное сближение с остальными существительными среднего рода, включая (наряду с обобщением форм словоизменения) ликвидацию противопоставленности основ И.-В. и остальных падежей≫[5]. Еще С.П. Обнорский, указывая на эту тенденцию, делал вывод о том, что наибольшей распространенностью пользуется склонение данной категории слов по типу "поле"[6].

Унификация основ при склонении анализируемой группы существительных принимается нами за отправную точку при выделении типа парадигм.

славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974; *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981 и др.

[2] См.: Русская диалектология /Под ред. Аванесова Р.И., Орловой В.Г. М., 1964; *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

[3] Материалом послужили сведения, содержащиеся в ответе на вопрос 75 "Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка". М.; Л., 1949.

[4] В памятниках встречаются существительные *зеремя, голомя, письмя, поромя, пресмя, слемя, соломя, чисмя, шоломя (шеломя)*. См.: *Шахматов А.А.* К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903; *Богатова Г.А.* Из истории существительных среднего рода в древнерусском языке. – В кн.: Вопросы истории русского языка. МГУ, 1959.

[5] *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Указ. соч., с. 167.

[6] *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 4.

Логично начать рассмотрение словоизменения с той парадигмы, которая имеет самое широкое распространение, т.е. парадигмы с унифицированной основой И.-В. для всех прочих падежей, совпадающей с I склонением современного русского языка – типа "поле" по Грамматике – 80[7] – назовем ее 1-ой парадигмой:

И.В. ⟨и́м'о⟩ Р. ⟨и́м'а⟩ Д. ⟨и́м'у⟩

Тв. ⟨и́м'ом⟩ Пр. ⟨и́м'е⟩, ⟨и́м'у⟩[8]

1-я парадигма отмечена на территории, входящей в ДАРЯ, повсеместно: в говорах южного и северного наречий, а также в среднерусских говорах[9]. В том случае, когда явление охватывает множество говоров на обширной территории, вряд ли его можно расценивать как недавнюю инновацию, вероятнее всего предположить, что оно опирается на некоторую традицию в функционировании.

Обращение к памятникам показывает: примеры форм без наращения по типу 1-ой парадигмы единично попадаются в южновеликорусских деловых текстах с конца XVI в.[10] Встречаются подобные формы и в просмотренных нами памятниках русского народного языка XVII – начала XVIII вв.[11]: *писат нет время* (22, с. 191), *на семена оставили семя осмину* (17, с. 231), *поосеели да четверть полбы да четверт семя канопнава* (31, с. 239), *а моего имя им не извол гсдрь обювливат* (55, с. 107) – это формы род.п.; форма дат.п. без *-ен* встретилась однажды: *ездилъ двожды по долгому времю* (74, с. 211), аналогичные формы других падежей отсутствуют[12].

Что касается XVIII в. и начала XIX в., стихия народной речи сказалась в это время даже на языке художественной литературы. Так, С.П. Обнорский[13] и другие исследователи приводят множество примеров несоответствия норме в словоизменении имен на *-мя* у Кантемира, Фонвизина, Радищева, Державина, Жуковского, Крылова, Рылеева, Грибоедова, Лермонтова и других писателей. Но уже начиная с Пушкина, литераторы стараются не допускать в произведениях разговорных форм без *-ен*[14]. Естественно, что в народной речи подобные формы не исчезают. Даже в современной разговорной речи (РР), несмотря на сплошную грамотность населения, высокий уровень культуры, нормализаторскую деятельность школы, влияние средств массовой коммуникации и пр., падежные формы, свойст-

---

[7] Русская грамматика, т. 1. М., 1980, с. 484.

[8] См. карту 19. ДАРЯ, вып. II. Морфология (автор Е.Г. Бурова).

[9] В материалах ДАРЯ записаны замечания учителей из Брянской обл. о том, что крайне трудно отучить школьников склонять существительные на *-мя* по склонению типа "поле".

Напомним, что подобная 1-ой парадигма господствует в белорусских говорах и закрепляется в белорусском литературном языке; в украинском языке употребительнее архаичное склонение (с *-ен*), но и здесь новые формы начинают в говорах конкуренцию со старыми. См.: *Бернштейн С.Б.* Указ. соч., с. 189.

[10] *Житенева Л.И.* Указ. соч., с. 192–193.

[11] *Котков С.И., Панкратова Н.П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII–начала XVIII века. М., 1964 (первая цифра указывает номер документа, вторая – страницу издания).

[12] Твор.п. в памятниках обычно имел основу с *-ен.* (См.: *Житенева Л.И.* Указ. соч., с. 192).

[13] *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 302.

[14] *Житенева Л.И.* Указ. соч., с. 194.

венные 1-ой парадигме, широко употребимы вследствие действия в РР тенденции к регулярности моделей (исключение представляет твор.п., в котором всегда наличествует *-ен*). Наиболее распространена в РР основа без *-ен* при отрицании (*нет время*) и в вопросе (*сколько время?*)[15]. Нетрудно заметить, что это форма род.п. Аналогичные примеры частотны и в наших материалах. Кроме того, в говорах широко употребима еще одна модель – род.п. с предлогом *без* (со значением отсутствия чего-либо): *без имя, без семя, без время* и под. Отметим, что при недостаточности материала в ответах чаще других падежей зафиксирован род.п. (имеется в виду 1-я парадигма).

Как представляется, и в диалектах, и в разговорной речи, самой высокочастотной из форм 1-ой парадигмы выступает форма род.п. Скорее всего этот факт можно объяснить, исходя из большой встречаемости данного падежа в речи[16].

Слова на *-мя* с обобщенной основой И.-В. могут изменяться по типу склонения существительных на *-а* жен. рода[17]. Назовем приводимую ниже парадигму 2-ой:

И.⟨и́м'а⟩	В.⟨и́м'у⟩
Р.⟨и́м'и⟩	Тв.⟨и́м'ой⟩
Д.⟨и́м'е⟩	Пр.⟨и́м'е⟩

Относительно вин.п. следует заметить: обычно он отмечается собирателями при условии изменения рассматриваемых существительных по жен. роду. Это закономерно: диалектная форма привлекает внимание своей необычностью и фиксируется даже в том случае, когда вопросом специально не оговаривается.

2-я парадигма существует в говорах, где не только данная группа слов склоняется по жен. роду, но вообще имеет место тенденция к переходу многих существительных ср. рода в жен. род[18], хотя, как отмечает Л.Н. Булатова, говоры, где класс существительных ср. рода полностью отсутствует, не характерны для русского языка[19]. Наиболее четко склонность имен ср. рода изменяться по женскому прослеживается в Рязанской группе говоров южного наречия, а также в межзональных говорах типа "Б" того же наречия; именно на этой территории сосредоточена 2-я парадигма, последовательно приведенная (более 30 нас.п.).

---

[15] *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979, с. 79.

[16] Е.А. Земская приводит следующие цифры, характеризующие употребление в РР падежей существительных: И. – 32,6%, Р. – 22%, Д. – 4,1%, В. – 25, 3%, Т. – 5%, П. – 11%. Как видим, род.п. стоит в РР на третьем месте, хотя в научной речи, по замечанию Е.А. Земской, он самый употребительный. (См.: *Земская Е.А.* Указ. соч., с. 74–75).

Мы исходим из того, что подобное положение верно и для имен на *-мя* (ср. подсчеты количества приведенных примеров в начале статьи).

По наблюдениям В.С. Ващенко над украинскими говорами, именно в род. и твор. падежах чаще фиксируются новые формы: *ім'а–ім'ам.* (См.: *Ващенко В.С.* Полтавські говори. Харьків, 1957, с. 110).

[17] См.: Русская диалектология..., с. 112.

[18] См. карты 11–13 ДАРЯ, вып. II. Морфология (автор А.К. Васильева).

[19] *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Указ. соч., с. 44.

В части говоров существует парадигма, носящая структурно переходный, промежуточный характер. Л.Н. Булатова, открывшая и исследовавшая этот тип склонения существительных ср. рода, определяет его как тип, лишенный специфических алломорфов в падежных формах, при котором существительные в прямых падежах имеют окончания жен. склонения на *-а*, а в косвенных – окончания склонения по муж. и ср. роду (типа "поле"), и указывает территорию его распространения – часть южнорусских говоров[20]. Назовем данный тип 3-ей парадигмой:

И.⟨и́м'а⟩ В.⟨и́м'у⟩
Р.⟨и́м'а⟩ Тв.⟨и́м'ом⟩
Д.⟨и́м'у⟩ Пр.⟨и́м'е⟩

3-я парадигма, на наш взгляд, может быть охарактеризована как неустойчивая, но не в синхронном, "сиюминутном" плане, а в диахронном, так как в нее постепенно внедряется все большее число элементов 2-ой парадигмы и намечается тенденция к полному переходу анализируемых имен во 2-ю парадигму (следовательно, в жен. род), что в свою очередь объясняется не уникальностью группы слов на *-мя*, а, наоборот, их общностью с категорией существительных ср. рода.

Проиллюстрируем это утверждение, приведя ответ на программу в говоре, типичном для Рязанской группы южного наречия: говор с. Поповка Старо-Юрьевского р-на Тамбовской обл. Первое обследование относится к 1964 г., второе – к 1981 г.[21]

Обследование 1 (1964):
И. *с'ем'а, какая вр'ем'а, им'а*
Р. *мнуóга с'ем'ь, им'а, вр'ем'ь*
Д. *па им'у, к такóму вр'ем'ъи, па им'и*
В. *в этъ вр'ем'у, паб'илъ с'ем'у, адну вр'ем'у*
Тв. *с͡с'ем'ам, вр'ем'ьм, им'ьм*
Пр. *ф͡с'ем'и, па с'ем'и, а вр'ем'и, аб͡ым'и*
Обследование 2 (1981):
И. *фс'áка им'а, наша вр'ем'а, с'ем'а, вым'а, её т'ем'а*
Р. *из этъй с'ем'и, ис͡с'ем'ь, б'иза вр'ем'ь, н'ет им'а, скóлькъ вр'ем'а*
Д. *па с'ем'у, па вр'ем'у, к͡ым'ин'и, па им'и, ка вр'ем'и*
В. *пра вр'ем'у, с'ему сеяли, во всю вым'у, на с'ем'у пошли*
Тв. *с этъй вым'ьй, с͡с'ем'ьй, своей им'ьй довольна, с пл'ем'ьй*
Пр. *на с'ем'и, а вр'ем'и, на вым'и, а пл'ем'и, аб им'ин'и*

Сопоставление материала показывает, что склонение имен на *-мя* осуществлялось ранее в говоре по типу 3-ей парадигмы, с элементами 2-ой; в настоящее время можно говорить о еще больших сдвигах по направлению ко 2-ой парадигме. Делая такой вывод, мы опираемся прежде всего на последовательное окончание 2-ой парадигмы в твор.п. Однако дат.п. еще сохраняет флексию, свойственную 3-ей парадигме (что типично и для

[20] Там же, с. 89.

[21] 1-е обследование проведено сотрудниками сектора истории языка и диалектологии ИРЯ АН СССР Л.Л. Касаткиным и Ю.Г. Сохацкой, второе – сотрудниками того же сектора И.А. Букринской и О.Е. Кармаковой. Возраст информантов: 1 обследование – свыше 70 лет, 2 – свыше 57 лет.

ряда др. говоров), несмотря на сосуществование в нем уже при 1-ом обследовании флексий 2-ой и 3-ей парадигм. Поэтому допустимо говорить об определенной консервативности дат.п.

Территория бытования 3-ей парадигмы в основном та же, что и 2-ой, но встречаемость ее в ДАРЯ невелика – 13 нас.п.

Далее обратимся к анализу парадигм с основой на *-ен* в косвенных падежах, а в некоторых парадигмах и в им.п.[22].

К числу таких парадигм в первую очередь относится традиционная, свойственная литературному языку. Она чаще отмечена в диалектах северного наречия, при этом в небольшом числе говоров – Онежская группа говоров, северная и восточная часть Вологодской группы говоров – без сосуществования с другими типами парадигм, на прочей территории фиксируется наряду с 1-ой парадигмой. В говорах южного наречия традиционная парадигма приводится преимущественно в юго-восточной диалектной зоне, обычно также сосуществуя с 1-ой парадигмой. В основном же, падежные формы с основой на *-ен* (одна или несколько) распространены по всей территории, входящей в ДАРЯ.

С.П. Обнорский, подробно разбиравший словоизменение имен на *-мя*, указывал на их словоизменение в ряде случаев по III склонению (типа "кость"), с формой им. п. на *-ен'* (*имень, времень* и под. – о фиксации аналогичных форм в ДАРЯ см. ниже)[23].

В материалах атласа отмечен такой тип словоизменения, однако с иным им.п. (напомним, что материалы для атласа собирались в 1940–1960-ые годы). Итак 4-ая парадигма:

И.В.⟨и́м'а⟩
Р.⟨и́м'ен'и⟩ Тв.⟨и́м'ен'йу⟩
Д.⟨и́м'ен'и⟩ Пр.⟨и́м'ен'и⟩

Парадигма представляется нам любопытной: она во всех падежах, кроме творительного, совпадает с традиционной, таким образом, твор. п. является единственным указателем на принадлежность слова к определенному типу склонения (заметим, что только в 2 из 13 нас.п., где встретилась 4-ая парадигма, зафиксировано параллельное существование в твор.п. алломорфов, относящихся к разным парадигмам: традиционной и указанной). К сожалению, в ответах нет примеров на согласование прилагательных с существительными для данной парадигмы, поэтому об их роде приходится судить по неполным данным: опять же основываясь на окончании твор.п.

Территория распространения 4-ой парадигмы весьма компактна – южное Прионежье (Онежская группа межзональных говоров северного наречия).

Большой интерес представляют новообразования, оканчивающиеся в им.п. на *-ено*[24]. Ответы на программу свидетельствуют о реализации подобных форм на территории ДАРЯ лишь в нескольких словах. Так, в говорах северного наречия упоминается *стремено* (им.п. указан для 65 нас.п., при этом находим два небольших ареала на границе Вологодской группы гово-

---

[22] См. карту 22 ДАРЯ, вып. II. Морфология (автор О.Е. Кармакова).

[23] *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 7, 302.

[24] С.П. Обнорский отмечал эти формы не только в части русских говоров (вокруг Брянска, Онежского оз.), но повсеместно в диалектах украинского языка (См.: *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 7).

ров и Лачских говоров, компактные ареалы в Ладого-Тихвинской группе говоров (южнее Будогощи и севернее Боровичей), в Костромской группе (восточнее г. Ветлуга); на прочей территории северного наречия слово приведено в отдельных говорах, преимущественно на востоке ДАРЯ. В южном наречии и среднерусских говорах им.п. на *-ено* встречается в 103 нас.п., из них *имено*[25] – в 45 говорах, *стремено* – в 43 говорах, *семено* – в 31 говоре, последнее чаще приводится севернее Новозыбкова. Вокруг Брянска, Севска и Стародуба отмечены все три существительных (ареалы, включающие 5–10 нас.п.). Другие лексемы с подобной основой не приводятся. Представляется очень убедительным мнение Л.Н. Булатовой по поводу того, что основы на *-ен* в им.п. ед.ч. встречаются у тех существительных, которые соотносятся с существительными мн. числа, имеющими ту же основу (ср. *стремена́, имена́, семена́; времена́* в диалектах не употребительно)[26].

Парадигма с унифицированной основой мн. числа на *-ен* – 5-ая парадигма – имеет вид:[27]

И.-В. ⟨им'ено́⟩
Р.⟨и́м'ена́⟩ Тв.⟨и́м'еном⟩
Д.⟨и́м'ену́⟩ Пр.⟨и́м'ен'е́⟩, ⟨и́м'ену́⟩

Как видим, набор алломорфов в 5-ой парадигме тот же, что и в 1-ой, а различие касается характера основы[28]. В говоре обычно 5-я парадигма сосуществует с другими типами парадигм, так как она лексически ограничена. Но даже в пределах одного говора у слов, на которые лексическое ограничение не распространяется, тип склонения может варьироваться: соответствовать 5-му и 1-му типу (реже, какому-либо другому); например: И. *им'ано́, йи́м'а,* Р. *б'из им'ина́, б'из йи́м'а* Д. *пъ им'ану́, па йи́м'у* Тв. *с им'ьно́м, с йи́м'ьм* Пр. *и́м'ин'и, на йи́м'и* (д. Журавля Кореневского р-на Курской обл.).

Собирателями чаще приводятся вышеназванные слова в им.п., значительно реже вся парадигма, что скорее всего свидетельствует о ее постепенном разрушении.

Кроме основы на твердый согласный, в ответах на программу даются падежные формы с мягкой основой (*-ен'*). Вновь обратимся к монографии С.П. Обнорского: новообразования на *-ень* в анализируемых им источниках принадлежат частью к именам жен. рода (на территории Вятск. губ., Арханг., Заон., Печор., Петрозавод.), а в части источников род существитель-

---

[25] От новообразования *имено* известен вариант без начального гласного – *мено́* (приведен в 6 нас.п., преимущественно в Курской обл.). По замечанию С.Б. Бернштейна, в современных славянских языках широко известны формы: *miano* (польск.), *meno* (словац.), *mjeno* (в.-лужицк.) (см.: *Бернштейн С.Б.* Указ. соч., с. 188).

[26] Русская диалектология..., с. 111–112.

[27] Там же, с. 112.

[28] В 2 нас.п. (д. Шустручей и д. Шеменичи Подпорожского р-на Ленинградской обл.) слово *стремено* относится к жен. роду и соответственно изменяется по II склонению (типа "страна"). Прочие имена на *-мя* в этих говорах изменяются по III склонению. Скорее всего именно влиянием упомянутого III склонения объясняется форма твор.п. "стременью": И. *одна́ стремена́, вре́мя́* Р. *от стремены́, вре́мени* Д. *к стремены́, ко вре́мени* Тв. *стре́менью, вре́менью, и́менью* Пр. *об одной стремены́, о вре́мени.* В приведенных говорах в дат. и пр. падежах зафиксировано: *на стены́, к стены́.*

ных неясен (Воронеж губ., Жиздр., Луж., Сызран., Терск.)[29]. В материалах ДАРЯ всего четырежды встретились примеры им. п. с *-ен'*: *времень* при Р. *ско́лька вре́мя*, Пр. *у каким у́ре́мени* (д. Черпеса Великолукского р-на Псковской обл.), *вы́мень* (д. Иванцево Куньинского р-на Псковской обл.), *пла́мень*[30] (с. Вяжли Пичаевского р-на Тамбовской обл.), *стре́мень* (д. Дракино Давыдовского р-на Воронежской обл.). При этом род существительных нигде не указан, формы косвенных падежей либо отсутствуют, либо соответствуют 1-ой парадигме. Показательно, что современные примеры территориально соотносимы как раз с теми источниками, взятыми С.П. Обнорским, для которых вопрос родовой принадлежности остался открытым, он не разрешен и в наших материалах.

Далее остановимся на формах косвенных падежей. Род. п. отмечен в следующих говорах: *какого пле́меню* (д. Осиповка Тарногского р-на Вологодской обл.); *без пле́меню* при Д. *по именю* (д. Стрекалово Хомутовского р-на Курской обл.); *безо вре́меню* при Д. *по и́мени* (с. Росташи Аркадакского р-на Саратовской обл.); прочие косвенные падежи в приводимых говорах соответствуют 1-ой парадигме.

Формы дат. п. на *-еню* значительно распространены на территории ДАРЯ – около 120 нас. п.. Они группируются в говорах Вологодской группы северного наречия (на север от Вологды) и Белозерско-Бежецких говорах межзональной группы того же наречия (на северо-запад от Череповца), а также представлены значительным числом примеров в юго-западной диалектной зоне, всюду сосуществуя с формами 1-ой парадигмы. Вслед за С.П. Обнорским, мы считаем, что упомянутая форма возникла под влиянием I склонения существительных муж. и ср. рода.

Формы дат. падежа на *-еню* отмечены исследователями и в памятниках: так, Ф. Буслаев указывал на наличие подобных форм уже в Болгарском сборнике 1345 г.[31]

Изредка приводятся в ответах формы с основной на *-енј*. И.: *и́меньё* при Д. *по и́меню* (д. Голодяйка Володарского р-на Ярославской обл.); *вре́меньё* при наличии в говоре традиционной и 1-ой парадигм (д. Зыково Шарангского р-на Кировской обл.); Р.: *б'ъз ы́м'ьнјь, нет вр'е́м'ен'јь* при Д. *по и́менью* (д. Неготино Калининского р-на Калининской обл.); *без ы́м'ен'ја* при Д. *по и́мени* (д. Булаково Щелковского р-на Московской обл.); *без ы́м'ен'је* (с. Овстуг Жуковского р-на Брянской обл.); *без ы́мен'ја* (д. Ягодно–Чистое Городецкого р-на Горьковской обл.); прочие косвенные падежи по 1-ой парадигме. Дат. падеж на *-ен'ју* (15 нас. п.) известен в северном наречии, чаще в Вологодских говорах, в 12 случаях от слова *имя*. Тв.: *и́меньем, вре́меньем* (д. Липовка Мухтоловского р-на Горьковской обл.); *с се́меньём* при Д. *по и́менью* (д. Бурундучиха Поназырского р-на Костромской обл.); *и́меньем* (д. Еврасово Улюмского р-на Вологодской обл.). Указанные формы чаще встречаются разрозненно, парадигма в полном виде нигде не отмечена.

Содержащийся в атласе материал разных диалектных систем дает основание считать, что, стремясь к регулярности склонения, слова на *-мя* "про-

[29] *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 6.

[30] Слово *пламень* в муж. роде издавна известно в литературном языке наряду с формой *пламя* ср. р. (см.: *Обнорский С.П.* Указ. соч., с. 7).

[31] *Житенева Л.И.* Указ. соч., с. 191.

буют себя" в различных типах парадигм, но в какой именно парадигме реализуется это стремление – 1-ой (типа "поле"), 2-ой (типа "земля"), или же 3-ей (смешанной) – зависит от системы конкретного говора, от поведения в нем всего класса существительных ср. рода. Уже высказывалось предположение, что наиболее продуктивно склонение рассматриваемых имен по 1-ой парадигма. Материалы атласа и сделанные на их основе лингвистические карты подтверждают ето и позволяют с уверенностью говорить о подавляющем преимуществе в настоящее время этой парадигмы над остальными, о конкретной территории ее распространения в пределах ДАРЯ.

Общность тенденций, связанная с экономией и регулярностью моделей, сближает характер словоизменения рассматриваемой категории существительных в разговорной речи и диалектах.

Склонение по типу 2-ой парадигмы, на наш взгляд, имеет тенденцию к расширению за счет утраты 3-ей парадигмы, причем, процесс этот живой и динамичный. Правда, это лишь гипотеза, которая нуждается в проверке. А потому представляется весьма целесообразным интенсивное изучение в современных языковых условиях словоизменительных процессов в русских говорах, включая говоры, исследованные ранее по программе для атласа.

И.А. Букринская

О СООТНОШЕНИИ ОКОНЧАНИЙ *-А* И *-И(Ы)* В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОДНОГО ЮЖНОРУССКОГО ГОВОРА)

Изучению форм мн. числа на *-а́* в генетическом и функциональном аспектах посвящено большое количество работ[1]. Исследуя данное явление в

[1] Приведем лишь некоторые: *Фидровская А.С.* К вопросу о процессе и факторах новообразования на *-а́* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода. – Учен. зап. Казанского ун-та, т. 112, кн. 6, 1952; *Демидова Г.И.* Новообразование именительного падежа множественного числа на *-а́* имен существительных мужского рода в памятниках XV–XVII веков. – Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 164, ч. 4. 1958; *Иванова Т.А.* Именительный множественного на *-а́* в современном русском языке. – В кн.: Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции Л., 1967; *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967; Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М. 1968; *Литвина З.Н.* О функционировании вариантных форм на *-а́, -и* (*ы*) именительного падежа множественного числа существительных мужского рода в современном русском литературном языке. – Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина, № 353, М., 1970; *Хазагеров Т.Г.* К вопросу о происхождении и распространении флексии *-а́* в именительном–винительном падежах множественного числа у существительных мужского рода. – Филолог. науки, 1970, № 2, *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.Н.* Грамматическая правильность русской речи. М., 1976; *Марков В.М.* Об отражении диссимилятивных тенденций в развитии флективных образований. – ВЯ, 1979, № 3; Русская грамматика, т. 1. М., 1980.

синхронном плане, ученые прежде всего стремились выявить и зафиксировать слова, у которых отмечается форма на *-а́*, а также наметить закономерности в распределении лексем между формами на *-и* (*ы*) и *-а́*, проанализировать функционирование вариативных форм. Но при этом данные русских говоров по этой проблеме исследованы далеко не исчерпывающе[2]. И именно за счет диалектного материала может значительно пополниться список слов, отмеченных с окончанием *-а́*, изучение говоров может уточнить и дополнить имеющиеся уже представления о функционировании и распространении окончания *-а́*. Процесс вовлечения новых слов в сферу данного окончания является активным как в литературном языке, так и в говорах. Опираясь на материалы ДАРЯ, можно утверждать, что наибольшую продуктивность окончание *-а́* имеет в говорах Восточной группы южнорусского наречия[3]. Это выражается в количестве слов, отмечаемых с этим окончанием, и в том, что здесь морфологические и морфонологические ограничения для образования форм на *-а́* не действуют столь строго, как в литературном языке и других говорах. В говорах по течению р. Цны и между реками Ворона и Хопер данные формы образуются и от такой категории слов, которая менее всех склонна иметь окончание *-а́* в им. падеже мн. числа, а именно от существительных жен. рода с окончанием *-а* в им. падеже ед. числа, например: *туча́, мельница́, буря́, книга́* и др. и даже *река́, зима́, слеза́,* (правда, подобные примеры единичны)[4]. Изучение закономерностей функционирования окончания *-а́* в этих говорах может способствовать выявлению факторов, влияющих на расширение сферы данного окончания, которые действуют и за пределами этой группы говоров, а также в литературном языке.

В данной статье рассматривается говор с. Поповка[5] Старо-Юрьевского р-на Тамбовской обл., находящийся в центре Восточной группы говоров южнорусского наречия. Статья написана по материалам двух диалектологических экспедиций. Первое обследование говора по программе ДАРЯ производилось сотрудниками Института русского языка Л.Л. Касаткиным и Ю.Г. Сохацкой в 1964 г. Опрашивалось старшее поколение носителей говора (70–90 лет). Второе обследование производилось со специальной целью сбора материала по формам мн. числа им. падежа существительных сотрудниками Института русского языка О.Е. Кармаковой и автором

---

[2] Диалектный материал приводится и анализируется в книгах: *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. Множественное число. Л., 1931; *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки Морфологии русских говоров.М., 1973.

[3] Эти данные соответствуют выводам историков языка: "Более широкая употребительность форм на *-а́* наблюдается в южнорусских говорах. Чрезвычайно показательны данные курских, воронежских и других южнорусских деловых документов, содержащих большее число словоформ на *-а* в сравнении с данными новгородских, двинских и в особенности московских памятников делового языка..." (см.: *Иорданиди С.И.* Из истории форм существительных именительного множественного на *-а* в русском языке. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. 1980. М., 1982, с. 217).

[4] Распространение окончания *-а́* в им. п. мн. ч. у существительных жен. рода показано на карте 31 (автор Н.А. Липовская) ДАРЯ, вып. 2. Морфология (рукопись хранится в институте русского языка АН СССР).

[5] С. Поповка Поповского сельсовета Старо-Юрьевского р-на Тамбовской обл. очень старое, в нем около 300 дворов, есть восьмилетняя школа, клуб. Население работает в совхозе, в котором есть животноводческая ферма, парк сельскохозяйственной техники.

данной статьи в 1981 г. Возраст опрашиваемых носителей говора 40–70 лет, иногда моложе. Для сравнения привлекается материал по другим говорам Восточной группы, взятый из картотеки ДАРЯ по 80 вопросу "Программы": "Какие окончания имеют существительные в им. падеже мн. числа?..."

В рассматриваемом говоре есть два типа соотношений основ ед. и мн. числа, при которых возможны окончания *-и* (*ы*) и *-а́*: основа мн. числа равна основе ед. числа, это наиболее распространенный в говоре тип соотношения; основа мн. числа равна основе ед. числа с суф. *-j*. Попутно хотелось бы сделать несколько замечаний о словах, образующих основу мн. числа с помощью суф. *-j*. Это слова ср. рода (они и в литературном языке имеют основу мн. числа с суф. *-j*): *дере́вьи, зве́ньи, кры́льи, пе́рьи* и 46 слов муж. рода, которые образуют несколько тематических групп. Прежде всего это термины родства, которые в большинстве говоров образуют мн. число с суф. *-j*: *бра́тья* (*-и*), *дядья́, деверья́, зятья́, мужья́, сватья́*; предметно-бытовая лексика, в составе которой выделяются группы названий одежды: *запанья́* (*за́пан* – женская тонкая одежда, похожая на фартук с рукавами, надевался поверх блузки), *шушпа́ньи* (*шу́шпан* – женская одежда, обычно шерстяная, похожая на длинную кофту, белого цвета с красной оторочкой), *тулу́пьи, костю́мьи, карма́ньи*; группа наименований ёмкостей: *бито́ньи, жба́нья, ста́каньи, уша́тьи, кузовья́*; а также: *анба́рьи* (*я*), *гво́здьи, кну́тья, ко́лья, кло́чья* (куски материи), *кли́ньи, крю́чья* (*и*), *клёпьи* (заклёпки), *клапанья́, кула́чьи* (детали мельницы), *матра́сьи, сту́лья* (*и*), *хому́тьи*; *тага́ньи* названия элементов неодушевленной природы: *коренья́, каменья́, ко́мья, ли́стья* (*и*), *пру́тья, су́чья*; названия живых существ: *боровья́, бара́ньи, кочетья́, оводья́, окунья́*; обозначение частей тела: *зу́бья* (*и*), *волосья́*. Вне перечисленных групп остались слова *друзья́* (то же и в литературном языке) и *офицерья́*. Форма *офицерья́* употребляется в говоре параллельно с формой *офице́ры* и скорей всего имеет оттенок собирательности в значении. Все остальные формы мн. числа с суф. *-j* данного оттенка в значении не имеют.

На современном этапе развития говора образование основы мн. числа с суф. *-j* является непродуктивным, об этом свидетельствует параллельное употребление форм мн. числа без суф. *-j* у большинства слов: *костю́мьи/костю́мы, кну́тья/кнуты́, ста́каньи/стаканы́, дядья́/дя́ди, жба́нья/жба́ны, крю́чья/крюки́, гво́здья/гво́зди, уша́тья* (первое обсл.)/*уша́ты* (второе обсл.), *кло́чья/клоки́, тага́ньи/таганы́, ко́лья/колы́, коренья́/корня́, су́чья/суки́, бито́ньи/бито́ни, матра́сьи/матра́си/матра́сы, волосья́/волоса́, тулу́пьи/тулу́пи, шушпа́ньи/шушпа́ны*. Варианты с суф. *-j* характерны для речи старшего поколения носителей говора, в речи молодежи их нет совсем, в речи среднего поколения широко представлена вариативность форм мн. числа, причем для некоторых форм наметилась семантическая дифференциация: "*ко́лья, су́чья – маленькие, колы́, суки́ – большие*"; "*крюки́ – любые, крю́чья – это те, которыми косят*" (т.е. название сельскохозяйственного орудия). Варианты, имеющие мягкую основу во мн. числе: *бито́ни, матра́си, тулу́пи*, вероятно, являются переходными, фиксирующими этап избавления говора от форм мн. числа с суф. *-j*. Устойчиво образуют форму мн. числа с суф. *-j* одушевленные существительные: термины родства и названия живых существ (эти существительные имеют ударные окончания во

мн. числе). Даже в речи молодого поколения носителей говора эти названия в основе мн. числа всегда имеют суф. *-j*. Среди слов жен. рода в основе мн. числа суф. *-j* имеет лишь существительное *дочь* (*дочерья*). Данная форма скорее всего образовалась по аналогии со словами-терминами родства муж. рода.

Как известно, на возможность появления окончания *-а́* в им. падеже мн. числа влияют следующие факторы: 1) морфологический (род и тип склонения существительного); 2) акцентно-слоговой (количество слогов в слове, место ударения, схема ударения); 3) "прагматический", (степень привычности слова для носителей говора и частотность форм мн. числа в речи). При анализе истории распространения форм на *-а́* учитываются и такие смысловые категории, как одушевленность, парность, собирательность, влияние которых иногда называется "семантическим фактором"[6]. Для современных отношений их тоже следует учитывать, особенно категорию собирательности.

Немаловажную роль в появлении форм с окончанием *-а́* играет также аналогия: грамматическая (род, исход основы и т.п.) и семантическая (продуктивность окончания *-а́* в какой-либо тематической группе существительных, например, у слов, обозначающих лицо по профессии).

У существительных ср. рода окончание *-а́* представлено только в словах, имеющих наосно́вное ударение в ед. числе (схема *c*)[7]: *проса́, дела́, средства́, места́, поля́, стада́, озера́, слова́, донца́* (ед. *до́нце*). Лишь слово *плечо́* с ударными окончаниями в ед. числе имеет форму мн. с окончанием *-а́*: *плеча́*. Существительные с постоянным ударением на основе (схема *a*) и с флексионным ударением в ед. числе и наосновным – во мн. числе (схема *d*) образуют форму мн. числа только с окончанием *-и* (*-ы*): 1) *одея́лы, де́ревы* (то же самое, что брёвна), *си́ты, коле́ны, коле́ны, блю́ды, боло́ты, лы́ки, покрыва́лы*; 2) *вёдры, брёвны, сёлы, о́кны, я́йцы, гнёзды, решёты, колёсы, по́льты, письмы, пятны*. Слова ср. рода, образующие основу мн.числа с суф. *-j*; (схема *d*) тоже имеют безударное окончание *-и*: *пе́рьи, кры́льи, звенья, дере́вьи*.

Среди односложных существительных муж. рода с безударным окончанием *-и* (*ы*) отмечены: несколько слов с постоянным ударением на основе (схема *a*): *вну́ки, не́вры, де́ды* (/*деды́*), *жба́ны, клу́бы, лу́ки*; существительное *сок* имеет вариантные формы *со́ки* и *сока́*. Форма с окончанием *-а́* встретилась в таком контексте: "... *кормили его, сока́ всякие давали*". Безударное окончание *-и* (*ы*) имеют также два слова схемы *e* (наосновное ударение в ед. числе и в им. падеже мн. числа, флексионное ударение в косвенных падежах мн. числа): *во́лки* (/*волки́*), *го́сти* и три слова схема ударения *f* (флексионное ударение во всех формах, кроме именительного множественного): *ко́ни, гво́зди, че́рви* – все остальные зафиксированные односложные существительные имеют в форме им. падежа мн. числа ударное окончание. Подавляющее большинство существительных схемы ударения *в* (с флексионным ударением во всех формах с ненулевым окончанием) имеют окончание *-и́* (*-ы́*): *дворы́, блины́, быки́, врачи́, грибы́, грачи́,*

[6] См.: *Фидровская А.С.* Указ. соч.

[7] В статье используются схемы ударения существительных и их условное буквенное обозначение, разработанные А.А. Зализняком в кн. "Русское именное словоизменение", а также в других работах.

жнецы́, жуки́, жуты́, (жгуты́), колы́, коты́, клоки́, крюки́, кнуты́, кресты́, кусты́, ключи́, лини́, льны, мосты́, ножи́, пуки́, попы́, посты́, пруды́, столы́, столбы́, серпы́, снопы́, сны, рты, цепы́, холсты́, хвосты́, холмы́, шары́. Существительное *дождь* (схема *в*) несколько раз отмечено с окончанием *-и́* и лишь один раз с окончанием *-а́*: *дожди́* "*обложные дожди́ шли*". Имеет вариантные формы слово *цеп*: *цепы́* отмечено три раза. Форма *цепа́* отмечена один раз в сочетании с местоимением *все*. Слово *путь* (схема *в*) отмечено только с окончанием *-а́*: "тянутся путя́".

Следующие существительные схемы ударения *с* имеют окончания *-и́(-ы)*: *бои́, горбы́, гробы́, долги́, сады́, дубы́, плуги́, ряды́, низы́, валы́, шкафы́, пуды́, полы́, дары́, носы́, круги́, кормы́*, а также *квасы́, воры́, сваты́, лифты́, фунты́, шприцы́, шарфы́;*[8] от некоторых слов отмечены параллельные формы: *де́ды* (*де́дами* – схема *а*) *деды́* (*дедам́* – схема *с*), *во́лки/волки́* (окончания косвенных падежей ударные). Переход к флексионному ударению во мн. числе может объясняться прагматическим фактором[9]. Слова *дед, волк, фунт, корм, сват, вор* вероятнее всего действительно являются привычными для носителей говора. Слова *лифт, шприц, шарф*, зафиксированные в речи молодого и среднего поколения, вряд ли являются привычными, а скорее всего попадают в говор через людей, для которых они освоены, привычны, т.е. говор усваивает слово в том виде, в каком оно к нему попадает. (Например, форма *лифты́* (*лифта́ми*) отмечена в речи женщины, сын которой учится в техникуме по ремонту лифтов).

Имеют окончание *-а́* (при схеме ударения *с*) в основном те же существительные, что и в литературном языке: *дома́, бока́*[10], *верха́, века́, года́*, (нет параллельных форм с *-и*), *глаза́, края́, клева́, луга́, леса́, рога́, снега́, стога́, сорта́, тока́, шелка́, цеха́*, а также диалектные: *планта́* (*план* – часть села), *склада́*. Употребляются параллельно формы *возы́/воза́*, слово отмечено в таких контекстах: *возы́ эти стягивали* и *воза́ раньше возили, воза́ огромные кладем одни бабёнки; пары́/пара́* (и то, и другое – незапаханные земли); *рои́/роя́*, формы отмечены в таких контекстах: *ульев 120 рои́ были* и *какие роя́ мух полетели...; супы́/супа́*, контексты: *супы́ поели свои?* и *супа́ разные варим*. Отмечена форма *рая́* от существительного *рай*, которое во мн. числе употребляется редко. Слово встретилось в таком контексте: *знамо рая́ теперь настали*. Два слова имеют семантически разграниченные варианты: *хлеба́* – злаки, *хле́бы* – печеные изделия из муки, *меха́* животных, *ме́хи* (pl. tantum) у гармони. Интересно отметить, что окончание *-а́* может появляться у существительных, не обладающих тем набором морфологических характеристик, которые благоприятны для появления данного окончания. А.А. Зализняк называет следующие характеристики, которыми существительные должны обладать одновременно[11]: 1) окон-

[8] Все эти слова имеют флексионное ударение в косвенных падежах: *вора́ми, лифто́в, сватам́* и др.

[9] См.: *Зализняк А.А.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода. – В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977, с. 74. Привычному и освоенному соответствует нетривиальное склонение, в данном случае флексионное ударение во мн. числе. Противопоставление привычного чуждому носит индивидуальный характер.

[10] Форма *бо́ки* сохранилась во фразеологическом сочетании *на все бо́ки гнуть* – ругаться.

[11] *Зализняк А.А.* О показателях множественного числа в русском склонении. – В кн: To Honor of R. Jakobson. V.3. Hague–Paris–Monton, 1967.

чания косвенных падежей либо уже ударны, либо стремятся стать ударными; 2) окончание именительного множественного безударно; 3) окончание именительного единственного не *-а*. Отвечают этим требованиям только слова *склад* и *сок*, у которых "в силу акцентуационной тенденции к противоположному ударению в разных числах"[12] становятся ударными окончания в косвенных падежах мн. числа, а потом и в именительном падеже появляется окончание *-а́*. Существительные *пар, путь, суп, рой, воз* имеют ударное окончание *-и(ы)* в именительном множественного, которое ограничивает появление окончания *-а́*, так как "замена ударного *-и* на *-а* представляет собой несомненную морфологическую подстановку"[13]; слова *дождь, цеп* тоже имеют ударное окончание *-и(-ы)* в именительном множественного, к тому же у них получаются омонимичные падежные формы: именительный множественного на *-а́* и родительный единственного. Представляется, что в появлении форм с окончанием *-а́* помимо прочих факторов немаловажную роль играет значение самой формы мн. числа. Как показывают контексты (употребление форм на *-а́* в сочетании с местоимениями *все, всякие, разные, какие*) формы с окончанием *-а́*, появляясь, обладают в отличие от форм с окончанием *-и(ы)* значением обширного, обобщенного множества: *сока́ всякие, супа́ разные, какие роя́, все цепа́*, – множества, протяженного в пространстве: *верха́ деревьев, пара́, обложные дожда́, планта́, тянутся пута́*, или во времени: *рая́ теперь настали*, (вероятно, есть аналогия с существительными *времена́, года́*). Противопоставление форм на *-и(ы)* и *-а́* может иметь оттенок значения конкретности – обобщенности: *возы́ эти* и *воза́* – вообще, *супы́ свои* и *супа́ разные*.

Интересно отметить, что многие литературные формы с окончанием *-а́* в им. падеже мн. числа имеют как раз существительные, обладающие значением пространственной или временной протяженности, которое во мн. числе подчеркивается: *леса́, луга́, края́, города́, округа́, века́, года́, вечера́*; или существительные, получающие это значением именно во мн. числе: *хлеба́* (злаки)[14], *снега́, клевера́, зеленя́*. Не случайно, по-видимому, существительные *лес, луг, город* относятся к числу слов, у которых сравнительно рано в им. падеже мн. числа фиксируется окончание *-а́* в памятниках письменности[15].

Большинство неодносложных существительных с начальным ударением имеет в говоре окончание *-а́* в им. падеже мн. числа: *волоса́, голоса́, города́, сторожа́, холода́, колокола́, берега́, поезда́, погреба́, договора́, образа́* (иконы), *обруча́, пояса́, подниза́, адреса́, корпуса́, кузова́, острова́, паспорта́, ордена́, корня́, перстня́, номера́, трактора́, вечера́, месяца́, хутора́, оскаря́, козыря́, желудя́, сокола́, кителя́, джемпера́, ящика́, пекаря́, лекаря́, писаря́, докторя́* (именит. ед. *до́ктор*ь), *токаря́, слесаря́, пахаря́, мастера́*,

[12] Там же, с. 25–27.

[13] Там же, с. 26.

[14] Интересный материал об употреблении формы *хлеба́* в несвойственном ей значении 'изделия из муки' в поэзии Маяковского см.: Фидровская А.С. Указ. соч. с. 50. Вывод автора таков: "Используемая Маяковским форма хлеба... призвана в силу собирательности своего значения создать гиперболизированный художественный образ хлебного изобилия".

[15] См.: *Иванова Т.И.* Из истории именного склонения. – ВЯ, 1957, № 6; *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974; *Иорданиди С.И.* Указ. соч.

столяра́, повара́, кучера́, фельшера́, конюха́, все они на современном этапе развития говора имеют схему ударения *с*, в том числе слова *я́щик (ящика́ми), ко́нюх (конюха́ми)*. С окончанием *-а́* отмечено два слова схемы ударения *в: скотника́* (у *скотника́, скотнико́м, скотника́ми*) и *плотника́* (у *плотника́, плотника́м*). Наличие форм с окончанием *-а́* у этих двух слов представляет особенный интерес, так как высказывалось мнение, что подобная словообразовательная структура (наличие суф. *-ник*) является неблагоприятной для появления данного окончания, кроме того, у этих слов возникает падежная омонимия. Надо отметить, что форма *плотника́*, по данным ДАРЯ, вообще имеет довольно широкое распространение. Оба слова являются очень употребительными в говоре как в форме ед., так и в форме мн. числа, т.е. привычными, освоенными. Вероятно, на эти слова действует семантическая аналогия образования мн. числа на *-а́* от существительных, обозначающих лицо по профессиям (большинство существительных с этим значением имеют в им. падеже мн. числа окончание *-а́*).

Имеют вариантные формы слова *ле́бедь* и *шу́шпа́н*. Первое встретилось в таких контекстах: *ле́беди прилетели* и *лебеда́ у нас есть*, семантически эти употребления очень близки, но все же, вероятно, различие есть. В первом случае речь идет о более или менее конкретных птицах, а во втором дано общее название вида птиц. Слово *шушпан* допускает колебания в акцентуации: *шу́шпан* и *шушпа́н*. От первой формы закономерно образование *шушпана́*, но такая форма зафиксирована лишь при первом обследовании, при втором отмечены формы *шушпа́ны* и *шушпа́ньи*. Наверное, такие изменения связаны с утратой самой реалии[16], что еще раз подтверждает прямую зависимость форм мн. числа на *-а́* от употребительности слова. Диалектные формы *оскаря́, подниза́* тоже связаны с привычностью слов для носителей говора, так как сами реалии очень широко распространены. Формы *кореня́, перстеня́, желудя́, ящика́* отмечены в сочетании с местоимениями: *..нужны всякие чапочки, перстеня́, колечки*; кореня́ все; *все желудя́ поели; такие ящика́ были всякие* – они имеют значение обобщенного множества (или, возможно, являются экспрессивными).

Неодносложных существительных с ударением на первом слоге, которые имеют окончание *-и(ы)*, зафиксировано немного. Это существительное *ветры́*, имеющее в диалекте схему ударения *с*[17]. Все остальные имеют безударное окончание, это слова схемы *а: па́льцы, за́йцы, я́стребы, клу́бни, фа́ртуки, пу́льманы, пра́здники, лётчики, ка́менщики, пи́льщики;* существительные схемы *е: ла́пти, го́луби.* Большинство из этих слов малоупотребительно в говоре (*клу́бень, фа́ртук, пу́льман, лётчик, ка́менщик, пи́льщик, ла́поть*). Имеются контексты, показывающие, что самих реалий, называемых некоторыми из этих слов, мало: *ястребов у нас нет; голубей никто не разводит; зайцов теперь мало стало.* Интересно, что при первом обследовании была записана такая фраза: *какая зайца́ была!*, где форма *зайца́* является собирательным существительным с экспрессивным значением обширного множества.

---

[16] Во время второй экспедиции во всем селе был обнаружен всего один шушпан у семидесятилетней женщины. Этот шушпан она не носила, а хранила в сундуке.

[17] Слово *ве́тер* (с беглой гласной) может подчиняться тем же закономерностям, что и односложные существительные. См.: *Зализняк А.А.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода, с. 81.

Подавляющее большинство двусложных слов с ударением на втором слоге имеет окончание *-и(ы)*. Слова схемы *в* – ударное *-и(ы)*: *котухи́, пастухи́, топоры́, бугры́, ковры́, комары́, стаканы́, чугуны́, зипуны́, журавли́, ремни́, плетни́, табаки́, чердаки́, пинжаки́, своякй, мужики́, старики́, сапоги́, пироги́, овсы́, репьи́, ручьи́, богачи́, толкачи́, кирпичи́, кузнецы́, крестцы́, чепцы́, шалаши́, станки́, мешки́, горшки́, платки́, вязки́ (вязо́к), рядки́*. Слова схемы ударения *а* имеют безударное окончание *-и(ы)*: *актёры, гекта́ры, узо́ры, подзо́ры, мото́ры, това́ры, кия́тры, уко́лы, подо́лы, костю́мы, дива́ны, курга́ны, кафта́ны, вагоны, бито́ны, комба́йны, овра́ги, сара́и, декре́ты, буфе́ты, хала́ты, ушаты, солда́ты, банди́ты, студе́нты, матра́сы, арбу́зы, заво́ды, горо́ды, (горо́д* 'огород'), *тулупы, суста́вы, медве́ди, подъе́зды*. С окончанием *-а́* отмечены всего четыре слова, все они имеют схему ударения *в*: *обшлага́, рукава́* (при первом обследовании зафиксирована была форма *рукавы́*), *маляра́* (вероятно, по аналогии с другими существительными, называющими лиц по профессии), *масла́* (имеет вариант *маслы́*). Среди неодносложных слов с серединным ударением окончание *-а́* имеют в форме им. падежа мн. числа всего четыре слова: *директора́, кондуктора́, бухгалтера́, учителя́* – все они являются названиями лиц по профессии и попали в говор из литературного языка.

Все остальные встретившиеся в говоре многосложные слова с серединным ударением и ударением на последнем слоге имеют окончание *-и(ы)*; большинство из них имеет схему ударения *а* и безударное окончание: *води́тели, строи́тели, апо́столы, това́рищи, рабо́тники, колхо́зники, нача́льники, пожа́рники, прика́зчики, холоди́льники, поло́вники, столе́шники, жаворо́нки, боти́нки, пода́рки, поста́вки, коло́дцы, гало́нцы, хулига́ны, тарака́ны, бараба́ны, витами́ны, почтальо́ны, приговбры, помидо́ры, коридо́ры, бригади́ры, инжене́ры, пенсионе́ры, комбайнёры, шифоне́ры, рыболо́вы, гардеро́бы, лисапе́ты, моцикле́ты, трактори́сты*. Слова схемы *в*: *кладовщики́, отпускники́, молотки́, воробьи́, огурцы́, продавцы́, жеребцы́, журавцы́*; одно слово схемы ударения *с*: *сарафаны́* (в косвенных падежах ударные окончание – *сарафана́ми, сарафана́м*). Итак, для начальноударных слов основным является окончание *-а́*, для неначальноударных – окончание *-и(ы)*. В появлении новообразований на *-а́* важную роль играет употребляемость слова и семантическая аналогия.

В других говорах Восточной группы южнорусского наречия окончание *-а́* среди неодносложных слов характерно тоже в основном для начальноударных. Достаточно широко распространены такие диалектные формы: *шофера́ (шо́фер), столяра́ (сто́ляр), конюха́, бондаря́, пекаря́, фельдшера́, писаря́, свекора́, жителя́, плотника́* (это названия лиц, в основном, по профессии). Еще с суффиксом *– ник* отмечены формы *скотника́* (в 2 нас. п.), *мельника́*, (в 2 нас. п.), *пчельника́* 'пасечник' (в 2 нас. п.), *сотника́*, (в 1 нас. п.). Довольно много отмечено форм: *голубя́, окуня́, овода́, кочета́* (это названия живых существ), а также: *месяца́, волоса́, голода́, шушпана́, фартука́, ящика́*. Отмечены в нескольких нас. п.: *выхода́, выгона́, подниза́, пологá, подпола́* (это слова с ударной приставкой); отмечены единично: *бреденя́, кореня́, гребеня́, переда́, кителя́, запана́, дьякона́, центнера́, табора́, знахаря́, войлока́, яруса́*. Среди неначальноударных слов с окончанием *-а́* регулярно отмечается форма *мороза́*, причем в нескольких ответах приведены контексты: *..были сильные мороза́; ух, мороза́ крепкие* и т.п. По

нескольку раз встретились формы: *маляра́, офицера́, председателя́, квартала́, медведя́, стакана́, челнока́;* отмечены единично: *плетня́, комара́, женича́, тулупа́, зипуна́, халата́, костюма́, сарафана́, патруля́, контроля́, пузыря́, набора́, кирпича́, калача́, утюга́, топчана́, товарища́.* Среди односложных существительных широко распространены с окончанием *-а́* следующие (приводим лишь диалектные формы): *плуга́, до [ж]а́, сада́, путя́, воза́;* отмечены во многих говорах Восточной группы: *цепа́, ветра́, дуба́, мозга́, двора́, куста́, скота́, деда́, снопа́, роя́, плаща́;* отмечены единично: *боя́, всхода́, ряда́, труда́, шарфа́, чана́, стола́, низа́, клуба́, класса́, шара́, долга́, крика́.* Обращает на себя внимание то, что среди перечисленных слов большинство имеет ограничения для появления окончания *-а́*, например, *сада́, дождя́, двора́, скота́* и др. К сожалению, в материалах ДАРЯ формы, как правило, приводятся без контекстов. Но те ответы, в которых контексты имеются, показывают, что формы с окончанием *-а́* имеют значение усиленного, интенсивного или экспрессивного множества. Например: *...были большие набора́; ух, жара́ пошли* (*жар* – муж. род); *все мои труда́ тут; сильные боя́ были; ух, скота́ ядрёные; у Хинляндии дуба́ громадные; осенью дожа́ будут сильные.*

У существительных муж. рода, образующих основу мн. числа с суф. *-j*, окончание *-а́* может быть ударным и безударным, а окончание *-и* – только безударным. Имеют окончание *-а́* односложные существительные: *мужья́, друзья́, зятья́, сватья́* – и двусложные слова с ударением на первом слоге (в форме ед. числа) *деверья́, дядья́, кочетья́, оводья́, боровья́, окунья́, каменья́, коренья́, клапанья́, кузовья́, волосья́.* Имеют безударное окончание *-а* семь односложных существительных с наосновным ударением в косвенных падежах: *пру́тья, су́чья, ко́мья, крю́чья, ко́лья, кнутья, жба́нья;* пять существительных имеют параллельные формы с безударным *-а* и безударным *-и: бра́тья/бра́тьи, ли́стья/ли́стьи, кло́чья/кло́чьи, сту́лья/сту́льи, зу́бья/зу́бьи;* у трех односложных слов отмечена лишь форма с безударным *-и: кли́ньи, клёпьи, гво́здьи.* Безударное окончание *-и* имеют также все двусложные существительные с ударением на втором слоге: *бара́ньи, кула́чьи, тулу́пьи, шушпа́ньи* (при *шушпа́н* в единственном числе), *карма́ньи, костю́мьи, бито́ньи, тага́ньи, стака́ньи, уша́тьи, хому́тьи, матра́сьи, амба́рьи.* Как можно заметить, в говоре действует тенденция к избавлению от форм с безударным окончанием *-а* у односложных существительных, среди двусложных существительных начальноударные слова имеют окончание *-а́*, неначальноударные – безударное окончание *-и.*

Среди существительных жен. рода окончание *-а́* возможно только у слов, имеющих нулевое окончание в им. падеже ед. числа. Слова жен. рода, имеющие окончание *-а* в им. падеже ед. числа, в им. падеже мн. числа в данном говоре отмечены только с окончанием *-и(ы).* Имеют окончание *-а́* следующие существительные жен. рода: 1) односложные – *печа́, дверя́, цепя́, степя́, грязя́, гатя́, кровя́, скорбя́, клетя́. плетя́, страстя́, смертя́, властя́;* 2) неодносложные с ударением на первом слоге – *церквя́* (*це́рковь* – им. ед.), *областя́, должностя́, скатертя́, зеленя́* (pl. tantum), *прорубя́, матеря́, дочеря́, очередя́.* С окончанием *-и* и *-а́* отмечены слова: *ло́шади* (пять случаев)/*лошадя́* (два случая, причем в одном из них речь идет о большом количестве лошадей), *шинели́* (второе обследование)/*шинеля́* (первое обследование), в каком контексте встретилась форма *шинеля́*, к сожалению, неиз-

вестно, само слово в говоре на современном этапе не употребительно. Все перечисленные существительные имеют ударные окончания в косвенных падежах мн. числа (например, *скатертя́ми, должносте́й, плетя́ми, прорубе́й, шинеле́й* и др.). Отмечены только с окончанием *-и* существительные: *ве́щи, же́рди, го́рсти, ко́сти, зве́ри* (*зверь* – женского рода), *бо́ли, жи́зни, гру́ди, ржи, плю́щади, боле́зни, поста́ти* (*поста́ть* 'грядка'), *дета́ли, тетра́ди.* У существительных женского рода появление окончания *-а́* в им. падеже мн. числа связано с аналогическим воздействием существительных муж. рода. В первую очередь окончание *-а́* появляется у начальноударных неодносложных существительных и односложных существительных, имеющих флексионное ударение в косвенных падежах (это морфологически закономерно). Так же, как и для существительных муж. рода, важным фактором является употребительность слова и формы мн. числа данного слова в говоре, а также семантические оттенки формы мн. числа. Так, например, существительные *вещь, боль, жердь, болезнь* – вообще малоупотребительны в говоре, у существительных *жизнь, грудь* малоупотребительной являются формы мн. числа. Форма *ржи* имеет аналогию с существительными муж. рода *овсы́, льны́.* Напротив, существительные *мать, дочь, печь, дверь, цепь, плеть, клеть, це́рковь* распространены в говоре широко. Существительные *грязь, степь, гать, область* имеют во мн. числе оттенок пространственной протяженности в значении: *грязя́ были большие; проложили гатя́; кругом степя́; все областя́.* Вещественное существительное *кровь* во мн. числе получает оттенок значения интенсивности *кровя́ открылись* и др. подобные контексты. Существительное *власть* во мн. числе имеет оттенок собирательности в значении *властя́ – это вся власть; должностя́* – может быть, по аналогии с *властя́.* Многие существительные отмечены в сочетаниях с местоимениями: *ходил всем печа́ клал; все скорбя́; скатертя́ все; очередя́ какие стоят; какие страстя́,* которые придают форме мн. числа значение обобщенного или экспрессивного множества. Таким образом, можно убедиться, что при распределении окончаний у существительных жен. рода действуют те же морфологические и семантические закономерности, что и у существительных муж. рода.

Интересно сопоставить выделенное значение форм мн. числа на *-а́* с материалами Деулинского словаря. В говоре с. Деулино Рязанской обл. выделяется лексико-семантическая группа существительных жен. рода с окончанием *-а́* в им. падеже ед. числа, обозначающих совокупное множество или подчеркивающих необычную интенсивность, многочисленность чего-либо[18]. Например: *воня́, грязя́, ветра́, дождя́, вора́, гриба́, гнида́, муха́, тарака́на* и др.; *грязя́ ужасная; он вора́ несказанная; ныне вон какая гриба́; Свинья прошла – у какая тут воня́* – то и т.д. Схожесть контекстов, в которых они отмечаются, и значений этих существительных с проанализированными выше формами мн. числа на *-а́* очевидна. Думается, что эти экспрессивные существительные, обозначающие необычную множественность, подтверждают предположение о том, что и у форм мн. числа

[18] Эти существительные описаны и проанализированы. (См.: *Некраева Е.А.* Существительные женского рода на *-а́*, образованные от существительных женского и мужского рода с безударным или нулевым окончанием в говоре д. Деулино Рязанской области. (Диалектологический сборник). – Учен. зап. Латв. ун-та, 1968, т. 92.

с окончанием *-а́* в некоторых говорах есть особое значение, передающее многочисленное, интенсивное или обобщенное множество.

Некоторые наблюдения за языком радио и телевидения, разговорной речью показывают, что выявленная тенденция характерна и для них: (хотя, конечно, нужно учитывать возможность стилистического разграничения вариативных форм). Мной записаны такие примеры: *дире́кторы фильма...* (речь идет о двоих); *директора́ школ всего района...*; эти *це́хи* (*производственный и учебный*); *все цеха́, все с ним связаны* (из телепередач); *реда́кторы этого выпуска...* (речь идет о двоих); *... в издательствах редактора́ самые лучшие куски у авторов сокращают; замдире́кторы сидят вдвоем в одном кабинете; наши замдиректора́, а их уже сменилось много за это время, всегда обращались к сотрудникам* (из разговорной речи). В речи лиц, владеющих литературной нормой, нелитературные формы с окончанием *-а́* очень часто имеют значение именно обобщенного, усиленного множества, с различными экспрессивными оттенками, например: *нельзя же так валять все стиля́ подряд!; там всякие инженера́ есть; у нас ветра́ жуткие; мускула́ у него теперь вон какие, сила!; у них слуха́ изумительные!; диктора́ на телевидении одеваются отлично; у меня все раза́ нога болела; новостя́ я тебе все рассказала...; надо же ей всякие степеня́ завоевывать* (из разговорной речи); *осваиваются новые площадя́ по производству автомобилей* (из программы "Время").

Известно, что новые формы с окончанием *-а́* появляются обычно в первую очередь в профессиональной среде и распространены там значительно шире, чем в литературном языке. Это объясняется привычностью и частностью слова в определенной среде. Но, возможно, это связано еще и с тем, что, как правило, профессионалы имеют дело с обширным или обобщенным множеством самих реалей, которые называются этими словами. Например, по моим наблюдениям, сотрудники онкологического центра говорят *опухоля́*, врачи из отделения челюстно-лицевой хирургии говорят *челюстя́*, а сотрудники Эрмитажа – *хранителя́* и т.п. Но для проверки этих предположений нужны более систематические наблюдения над разговорной и профессиональной речью, которые не входили в цель данной работы.

Ю.С. Азарх, Е.Г. Бурова

ОБ ОДНОЙ ДИАЛЕКТНОЙ МОДЕЛИ ИМЕН СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕВЗРОСЛОСТИ

Материалы, собранные по "Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка", содержат в себе немало таких данных, которые этой "Программой" не предусматривались. Некоторые из таких дополнительных сведений нашли отражение в картах Атласа, но бо́льшая часть осталась за его пределами, поскольку соответствующие данные приводятся в материалах недостаточно регулярно и не представлены в виде целостной характеристики явления, а рассыпаны по ответам на разные вопросы "Программы".

К числу таких явлений принадлежит и один из способов номинации детенышей животных, который рассматривается в настоящей статье. Помимо характерной для литературного языка и большей части русских говоров модели с суф. *-о́н(о)к-* (*котёнок, телёнок*), по говорам употребляются и образования с суф. *-(о́)к-* (*телок, цыплок, ягнок, жеребок, писклок*). В материалах Атласа встречаются и те, и другие. Обычно они приводятся в качестве примеров, иллюстрирующих какое-либо фонетическое явление в зависимости от фонемного состава конкретных слов. Иногда эти слова приводятся попутно в некоторых лексических вопросах, касающихся "зоологической" тематики. В разделе лексики есть только два вопроса, посвященных названиям невзрослых животных. Один из них (№ 186) требует выяснения специальных названий жеребенка в разные возрастные периоды, так что само слово *жеребёнок* или *жеребок* приводится в ответах на этот вопрос лишь случайно, или тогда, когда оно заменяет отсутствующие специальные термины. Другой вопрос (№ 191) предусматривает приведение названий цыплят только во мн. числе, а форма ед. числа появляется в ответе лишь изредка в качестве дополнительной информации.

Для исследования рассматриваемой модели в лингвогеографическом аспекте по каждому ответу на "Программу" был просмотрен материал вопросов № 3, 5 – 7, 13, 15, 25, 26, 35, 186, 187, 190–194, где с наибольшей вероятностью можно было обнаружить интересующие нас слова, а также 80 и 81, в которых приводятся формы мн. числа существительных, в частности – названий невзрослых животных (*телята, телёнки, телят, телёнков* и т.п.).

Картографирование полученных таким образом данных обнаружило существование довольно обширной территории, для которой характерно употребление названий детенышей некоторых животных с суф. *-ок-*: *телок, ягнок, цыплок, писклок* 'цыплёнок'. Хотя ввиду заведомой неполноты материала территория эта не может быть установлена совершенно точно, она все же выделяется вполне определенно и ограничивается примерно линией: Острогожск–Старый Оскол–Ливны–Ефремов–Тула–Коломна–Гусь Хрустальный–Муром–Касимов–Саранск. В южном и, может быть, в юго-восточном направлении этот ареал остается незакрытым и уходит за пределы территории, включенной в состав Атласа. Внутри этого же ареала встречается и слово *поросу́к* (*просу́к, порсу́к*) вместо *поросёнок*. Пользуясь диалектным членением русского языка, разработанным К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой[1], можно сказать, что выделившийся ареал полностью включает в себя Восточную (Рязанскую) группу Южного наречия (с большой степенью точности повторяя ее северную границу) и примыкающие к ней районы всех трех групп межзональных говоров типа "Б" Южного наречия.

Выделенная нами территория распространения рассматриваемой модели вполне согласуется с показаниями диалектных словарей. Слова *телок, ягнок, цыплок* (*цыплак*) и *поросук* (*просук*) зафиксированы именно в данной зоне или южнее ее[2]. Единственным территориальным

[1] *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.

[2] См.: Опыт областного великорусского словаря Ан. СПб., 1852; Дополнения к

несовпадением является свидетельство Словаря говоров Подмосковья об употреблении слова *цыплак*, помимо восточных районов Московской обл., также и в Можайском р-не.

Чаще всего данная модель представлена в ответах словом *телок*. Трудно на этом лишь основании утверждать, что оно действительно распространено более чем *ягнок* или *цыплок*. Его частое появление в наших материалах может быть легко объяснено высокой частотностью этого слова в диалектной речи. Точными данными на этот счет мы не располагаем, но такое предположение очень естественно, ввиду особой хозяйственной важности обозначаемого. Другой причиной может быть то, что в слове *телок*, во всех его словоформах реализуется такая яркая диалектная особенность, как яканье (произношение [ja]*гнóк* не так привлекает внимание, поскольку [а] в этом случае произносится в соответствии с фонемой ⟨а⟩; кроме того, яканье в этом слове может быть реализовано только в одной словоформе – им. падежа ед. числа, в других же словоформах ⟨а⟩ оказывается не в первом предударном слоге). В силу совокупного действия двух указанных факторов словоформы *телок, телка́, телком* и т.д. чаще других представителей этой модели фиксируются наблюдателями и помещаются в ответах. Наибольшая частота этого слова в материалах приводит к тому, что территория его распространения нам представляется по сравнению с другими словами несколько более широкой, что, может быть, и не соответствует действительности.

В XIX в. слово *телок* помещалось только в областных словарях. Позднее оно стало включаться в словари современного литературного языка, хотя и с пометой "просторечное"[3] или "разговорное"[4]. Как таковое, оно отсутствует в составленном по дифференциальному принципу "Словаре современного русского народного говора" под редакцией И.А. Оссовецкого, хотя неоднократно встречается там в цитатах-иллюстрациях.

Во всяком случае, систематическое, стилистически нейтральное употребление слова *телок* в соответствии с литературным *телёнок* является несомненной принадлежностью описанного выше ареала. За его пределами оно фиксируется материалами Атласа лишь спорадически, в отдельных населенных пунктах, в виде единственного примера, в то время как внутри ареала приводится примерно в каждом втором ответе (притом по нескольку раз), что при отсутствии специального вопроса в "Программе" следует признать очень убедительным показателем.

Следующим по количеству фиксаций является слово *цыплок*. Картографирование его показывает территорию распространения, близкую к ареалу слова *телок*. Кроме обычного *цыплок*, в нескольких ответах, относящихся к периферии ареала, приведен вариант с мягкой основой, представляющий собой, очевидно, контаминацию встречающихся здесь

опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд.; Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области)/Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969; *Иванова А.Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.; Словарь русских донских говоров. Ростов, 1976.

[3] Толковый словарь русского языка/Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1938.

[4] Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т.; *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1981.

вариантов *цыплок* и *цыплёнок*. Этот вариант отмечен в 10 нас. п., расположенных в Михневском р-не Московской обл., Курловском р-не Владимирской обл., Рыбновском, Чучковском, Конобеевском р-нах Рязанской обл., Моршанском р-не Тамбовской обл., Данковском р-не Липецкой обл., Екатериновском р-не Саратовской обл. Только в двух из десяти указанных случаев приведена форма им. падежа *цыплёк*, в остальных же представлены словоформы с безударным гласным в суффиксе (*цып* [л'а] *чо́к*, *цып* [л'а] *ка́*, *цып* [л'а] *ки́*), которые скорее всего следует отнести к исходному *цыплёк*, хотя не исключено и *цыпля́к*. В нашем материале собственно *цыпля́к* не обнаружено, но есть приведенное в трех ответах *цыпла́к* (Пронский р-н Рязанской обл. и Староюрьевский р-н Тамбовской обл.)[5]. Точно так же полагаем, что фонематически неоднозначные в акающем говоре словоформы *цыплачо́к*, *цыплака́*, *цыплаки́* и т.п., представленные в 22 ответах, должны быть отнесены не к *цыпла́к*, а к *цыпло́к*, как к безусловно преобладающему варианту, приведенному в 58 ответах.

Слово *ягно́к* представлено в ответах гораздо реже, но размещено территориально столь же широко, как и *телок*. Дважды зафиксирован вариант с мягкой основой: *ягнёк* (с. Поповка Староюрьевского р-на Тамбовской обл.) и *яг* [нà] *ку́* (с. Песковатка Коротоякского р-на Воронежской обл.).

Краем входят в нашу территорию несколько нас. п., где в соответствии с более западным *писклёнок* 'цыплёнок' употребляется *писклок*.

Все слова данной группы на *-о́к*, которые обнаружены на описанной территории (*телок, ягнок, цыплок, писклок*), объединяются одним общим признаком – лексической, а не словообразовательной коррелящией названий детенышей и соответствующих взрослых животных: *телок – корова, бык*: *ягнок – овца, баран*; *цыплок* или *писклок – курица, петух* или *кочет*. Ср. единственное слово подобной семантико-словообразовательной модели в нормированном языке: *щенок* (при *собака*). В языке XVIII в. литературной нормой наряду с *щеня* и *щенок* считалось и *щенёнок*[6].

Название невзрослой свиньи также образуется в части рассматриваемых говоров без суф. *-он* (*о*) *к-*. Правда, в этом случае употребляется образование *поросук*. *Поросок* по нашим материалам не отмечено, но зафиксировано в деловой письменности XVII в. (единичный пример): за некормного вепря 13 алтынъ 3 денги за *пороска* 4 гривенки[7]. Прозвище *Поросук* и фамильное прозвание от него фиксируются с конца XV в.: *Поросук*, крестьянин, 1492 г.; Переяславль; Иван Федорович *Поросуков*, 1563 г.[8].

Поросу́к ([прасу́к, парсу́к]) отличается от других слов более узким ареалом распространения в центре описанного ареала (сугубо приблизительно – внутри линии Борисоглебск–Мичурин–Ряжск–Коломна–Гусь Хрустальный–Ерахтур–Кадом–Моршанск и далее по современной границе Тамбовской обл. до устья р. Вороны). Можно предположить, что *по-*

---

[5] См. также *Иванова А.Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969: цыпла́к 'цыплёнок', но в иллюстративной части только *цыплака́, цыплако́в*.

[6] См.: *Ломоносов М.В.* Собр. соч. т. 7, с. 603.

[7] Дополнительные статьи к Судебнику ц. Иоанна Васильевича. Сообщ. А.Ф. Бычковым. – Архив ист.-юрид. сведений, кн. 2, половина 1. М., 1855, отд. 2. Сп. XVII в., с. 82 (Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв., хран. в ИРЯз АН СССР. Москва. В дальнейшем КДРС).

[8] *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974, с. 255.

росу́к вытеснило первичное для описываемой территории *поросок*. Одной из причин, внутриязыковой, является, видимо, существование слова *пороз/порос* 'некастрированный бык'. Кроме того, *пороз/порос* зафиксировано в древнерусских памятниках и в современных диалектах в значении самца свиньи. Этим словом могли именовать и барана, о чем свидетельствуют примеры из разных списков Хроники Георгия Амартола, памятника переводной древнерусской литературы: ср. ягнятъ тысящь (сто) а *порозъ* тысящь (сто)[9]; овець тысящь (сто) и овень тысящь (сто); *прасятъ* тысящь (сто)[10]; *агнятъ* тысящь (сто) а *порозятъ* тысящь (сто)[11].

Таким образом, в отличие от связанных корней *тел-, ягн-, цыпл-, щен-* в русском языке существовала уже в древнерусский период лексема *порозъ/поросъ* ⟨ *прасл. *porz-*, возможно родственное и.-е. *pork-*[12], причем в разных диалектах она могла обозначать самца животных разных видов – быка, барана, кабана. Присоединение к основе *порос(з)-* суф. *-о́к-* закономерно давало уменьшительное или уменьшительно-ласкательное образование от названия взрослой особи. Это могло препятствовать сохранению лексемы *поросок* от омонимичного связанного корня *порос-* ⟨ *pors-[13]. Интенсивные хозяйственные связи Рязанской земли и прилегающих к ней районов с Белоруссией и Украиной могли способствовать усвоению присущего ряду украинских и белорусских говоров однокоренного образования с суф. *-у́к-* (укр. *поросюк*, белор. *парсюк*). Твердость ⟨ с ⟩ в современном *росу́к* ([*параса́к*, *прасу́к*, *парсу́к*]) можно объяснить тем, что заимствование с суф. *-у́к-* вытесняло образование с суф. *-о́к-*, сочетавшимся с основой на твердый согласный.

Названия всех других детенышей, имеющие общую основу с названиями взрослых животных, образуются на описываемой территории с суф. *-о́нок: жеребёнок* (ср. *жеребец*), *козлёнок, котёнок, утёнок, гусёнок, индюшонок, волчонок, лисёнок, зайчонок, медвежонок, мышонок* и т.п. Ни одного случая образований на *-о́к-* от таких основ не встретилось в материалах, относящихся к этому ареалу. Для других территорий в материалах Атласа имеется более или менее значительное количество фиксаций только слова *жереба́к*. Они относятся к говорам Псковской, Новгородской, Ленинградской, Смоленской и Брянской областей, не образуя единого целостного ареала. Семантические уточнения, имеющиеся в части ответов, показывают, что слово *жеребок* может быть не равнозначно литературному *жеребенок*. В нескольких случаях помечено, что *жереба́к* употребляется по отношению к жеребенку-самцу, а для самочек имеются другие названия: *кобы́лка* (д. Леготково Киришского р-на Ленинградской обл., д. Кавширы Демидовского р-на Смоленской обл.) или *жерёбка* (д. Залоги Невельского р-на Псковской обл., с. Увелье Красногорского р-на Брянской обл.). Встречаются указания на то, что *жеребок* относит-

---

[9] Хроника Георгия Амартола, славяно-русский перевод XI в. в сп. XIII–XIV вв., л. 116б. – Истрин В.И. Книги временьныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст. Пг. 1920.

[10] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2.

[11] Там же.

[12] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, с. 330–331.

[13] Там же, с. 332.

ся к жеребенку-подростку, а более молодых животных называют *жеребенок* (Красногорский и Гордеевский р-ны Брянской обл., Белгородский р-н Белгородской обл.), *жере́бчик* (Гордеевский и Клинцовский р-ны Брянской обл.) *лошо́нок* (Красногорский и Суражский р-ны Брянской обл.). Наличие и в некоторых других ответах подобных наборов слов (например, *жеребо́к, жерёбка, жеребёнок* – Суражский р-н Брянской обл.) позволяет думать, что и в этих случаях *жеребо́к* не является общим названием детеныша лошади, а обозначает молодого самца. Такое значение слова *жеребок* обусловлено наличием *жеребец* 'некастрированный самец лошади'. В данном значении слово *жеребец* встречается в древнерусских грамотах со второй половины XIV в.

Возвращаясь к юго-восточному ареалу употребления названий детенышей с суф. *-о́к-*, уместно поставить вопрос об их соотношении со словами на *-ёнок*. Следует признать, что эти словообразовательные варианты являются соотносительными членами противопоставленного диалектного различия[14]. Об этом говорит прежде всего их территориальное распределение. Образования типа *теленок, ягненок* в пределах ареала слов типа *телок, ягнок* относительно широко представлены только на его периферии, а на основной части территории встречаются гораздо реже. Такой вывод поддерживается и конкретным материалом наиболее обстоятельных ответов, где указано, что приведенные образования с суф. *-(о́)к-* являются либо единственной, либо наиболее употребительной формой ед. числа (19 ответов из Староюрьевского, Пичаевского, Никифоровского, Мичуринского, Рассказовского р-нов Тамбовской обл., Нижнедевицкого, Поворинского, Верхнекарачанского р-нов Воронежской обл., Добринского р-на Липецкой обл., Балашовского р-на Саратовской обл., Наровчатского р-на Пензенской обл., Рыбновского р-на Рязанской обл., Каширского, Кимовского р-нов Московской обл.). Так же, по-видимому, надо оценивать и те многочисленные ответы, где образования типа *телок* представлены многократно и разными словоформами, а вариант с суф. *-о́нок-* одним примером. Сосуществование обеих моделей от одной и той же основы следует, вероятно, рассматривать как параллельные образования в результате влияния литературного языка или взаимодействия соседних говоров.

В семантическом отношении образования типа *телок, ягнок* обычно тождественны словам типа *теленок, ягненок* литературного языка и других говоров. Они обозначают невзрослое животное независимо от его пола. Это подтверждается данными упомянутых выше словарей. Ср. также у Л.Н. Толстого в несобственно прямой речи (передается речь крестьянки) *телком* называется теленок, который далее, в авторской речи именуется *телкой*[15]. Не исключено, однако, что на периферии ареала слова *телок, ягнок, поросук,* сталкиваясь с широким употреблением однокоренных образований на *-ёнок,* могут получать более узкое значение 'невзрослый самец'. Это в особенности вероятно для слова *телок* в говорах, удаленных от описанного ареала, где оно может выступать в противопоставление *тело́к – тёлка* при общем *телёнок.*

[14] См.: Вопросы теории лингвистической географии/Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962. с. 13–14

[15] *Толстой Л.Н.* Собр. соч. в 14-ти т. Т. 14, М., 1953, с. 273.

Образования со связанным корнем типа *телок, ягнок* имеют лексическое значение невзрослости. Они именуют детеныша обоего пола. В русском языке названия взрослых особей животных могут относиться либо к мужскому, либо к женскому роду, причем соответствие рода и биологического пола наблюдается у наименований самцов и производных от последних наименований самок, а видовые названия животных могут быть как мужского, так и женского рода. У слов со значением невзрослости семантический признак пола не выражен. У образований со значением невзрослости, носителем которого являются либо корень, либо суффикс, используются в русском языке или суффиксы, образующие слова разного грамматического рода (*-ок-* < *-ък-*, *-онок-* < *енък*, *-ат-* <-**ęt-*), или суффиксы, однозначно связанные с муж. родом, так как последний не является маркированным по признаку пола (суф. *-оныш-*). При связанном корне с лексическим значением невзрослости возможно употребление такого суффикса, который не только не является показателем рода и пола, но и не указывает на определенный тип семантического соотношения между производным и производящим. К числу подобных суффиксов и принадлежит суф. *-(о)к-*. Этот суффикс является общеименным, т.е. он участвует в производстве как существительных, так и прилагательных: ср. *ло́мка* < *ломать* и прилагательные *ло́мок, ломкий* от того же глагола; *мелочь* < **mel-ъk-ь* и прилагательные *ме́лок, мелкий*. Суф. *-(о)к-* образует существительные муж., жен. и ср. рода. Он указывает лишь на производность слова. Значение существительных с суф. *-(о)к-* определяется, во-первых, морфологическими показателями производного слова (род, падежная и числовая парадигмы, одушевленность/неодушевленность). Во-вторых, семантика существительных с суф. *-(о)к-* зависит от частеречной принадлежности производящего. Так, отглагольные имена с этим суффиксом могут обозначать либо отвлеченный процессуальный признак (*переделка, гребок*), либо носителя процессуального признака (*переделка* 'переделанная вещь', *гребок* 'орудие действия', которое в этом значении широко распространено в русских говорах, по данным СРНГ[16], и отражено в этом значении в деловой письменности XVII в.[17]; *стрелок* 'лицо'). Отадъективные образования с суф. *-(о)к-* могут иметь значение носителя качественного признака: *белок* (глаза, яйца). Отсубстантивные имена с суф. *-(о)к-* могут быть уменьшительно-ласкательными словами (*возок, ведерко, кроватка*), сингулятивами (*мело́к* < *мел, ватка*), коррелятами жен. рода по признаку пола (*соседка*). На базе устойчивых атрибутивных словосочетаний с помощью суф. *-(о)к-* образуются конденсаты: *зачетка* < *зачетная книжка.* Семантика существительных с суф. *-(о)к-* связана и с лексическим значением производящего, а также с синтагматическими связями производного в тексте и с его парадигматическими связями в лексике (принадлежность к определенной ЛСГ, синонимическому ряду) и словообразовании (отношения внутри словообразовательного гнезда). Итак, суф. *-(о)к-* не изменяет лексического значения связанного корня, он лишь служит одним из средств оформления слова и вместе с системой флексий преобразует связанный корень в имя существительное.

[16] Словарь русских народных говоров, вып. 7. Л., 1972, с. 126.

[17] Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 4. М., 1977, с. 128; в дальнейшем Сл. РЯ XI–XVII вв.

Отсутствие в русском языке самостоятельных лексем *пискл, тел, цыпл, щен, ягн* обусловливает возможность деривации от связанных корней стилистически нейтральных, неуменьшительных имен, сохраняющих лексическое значение корня – 'невзрослое животное' и в том случае, если к связанному корню присоединяются суффиксы, регулярные в производстве субъективно-оценочных слов, например, суф. *-(о)к-, -уш(е)к-, -он(о)к-*: *кутёнок* 'щенок', *цы́пушка* 'цыпленок', *ягно́к* 'ягненок' и т.п. в материалах ДАРЯ и региональных словарях. При сочетании тех же суффиксов с основами самостоятельных лексем образуются слова с субъективно-оценочным значением: *козело́к* ласк. 'козел' арх., волог., тул., самар., перм.[18]; *козёнка* уменьш.-уничиж. 'коза' влад., ленингр., курск., пенз.[19]; *козлушко* ласк. 'козел' фольк.[20].

При наличии у корня лексического значения невзрослости производные могут принадлежать к мужскому (образования на *-ок, -ёнок, -ёныш*, диал. *-енёнок, ятёнок*), женскому (диал. *жеребу́шка, цы́пка*) и среднему роду (др.-рус. *теля*, диал. *телёнко, телятко*). Отсутствие в семантике имен с лексическим значением невзрослости признака пола обусловливает возможность сохранения архаических моделей имен этой ЛСГ – существительных ср. рода – в диалектной речи. Подобные модели характерны для периферийных говоров, они противоречат сложившейся в русском литературном языке и центральных говорах норме распределения одушевленных существительных между муж. и жен. родом.

Существительные со словообразовательным значением невзрослости формируются в русском языке сравнительно поздно. Семантическими компонентами значения невзрослости являются: уменьшительность, указание на происхождение, одушевленность, немаркированность по признаку пола. Формально эти семантические признаки должны быть выражены производящей основой, обозначающей живое существо, и суффиксом, который должен указывать на принадлежность производного к тому классу живых существ, которые названы производящим, а также на признак уменьшительности у производного. Немаркированность по признаку пола у дериватов со значением невзрослости, относящихся к общерусским моделям, а также у дериватов продуктивных диалектных моделей выражается их принадлежностью к муж. роду.

Праславянская модель существительных с лексическим значением невзрослости типа *теля, телята* была архаической уже для древнерусского языка XI в. Слова этого типа принадлежали к непродуктивному склонению, разрушение которого относится, видимо, к позднепраславянскому периоду. Праславянский суф. *-ęt-* < *-ent-* вследствие фонетических изменений представлен в древнерусском языке репрезентантом *-ат-*. Первичное значение отношения/принадлежности, свойственное праславянскому суффиксу, утрачено его репрезентантом. Информативность согласных суффикса в славянских языках выше информативности гласных. Упрощение группы согласных суффикса может привести и к изменению его деривационных функций. Кроме того, суффикс является классифицирующим признаком про-

[18] СРНГ, вып. 14. Л., 1978, с. 61.
[19] Там же, с. 63.
[20] Там же, с. 69.

изводного слова. Утрата словообразовательного суффикса хотя бы в одной из словоформ или такое изменение фонетического облика суффикса в одной из словоформ, которое не определяется действующими в данной языковой системе живыми фонетико-фонологическими закономерностями, влечет за собой преобразование словообразовательного суффикса в формати в – показатель основы определенного словоизменительного класса.

Слова с суф. *-ат-* и значением невзрослости лишь воспроизводятся в древнерусском языке. Производные с этим суффиксом от названий взрослых особей животных или названий лиц, в семантику которых не входит указание на возраст, являются в древнерусском книжно-письменном языке семантическими дублетами производящих. Признак невзрослости у подобных образований выражен контекстом, а не суффиксом. При отсутствии в тексте слов, уточняющих возраст наименований живых существ с суф. *-ат-*, последние тождественны по значению производящим существительным. Например: а по семь не надобѣ въступатися ни дѣтемъ моимъ ни *внучатамъ* ни всему роду моему до вѣка[21]; аще убо оружие украдеть. сурово повелѣваеть бити. аще что о(т) яремникъ рекше конь. или *мьща*. или *осля* таковымъ руць усѣченѣ быти[22]; идущу же Петру и носящу брѣмя хлѣбовъ на *осляти*[23], ср. в идентичном тексте: на *ослѣ*[24]. В приведенных примерах речь идет либо о лицах, возраст которых не известен (*внучата*), либо о взрослых тягловых животных (*мьща* 'мул', *осел*). Отсутствие существенных семантических различий между производящими названиями лиц и животных с несвязанными корнями и производными с суф. *-ęt-* характерно и для памятников старославянского языка[25]. Только слова с суф. *-ат-* от связанных корней с лексическим значением невзрослости продолжают сохранять это значение в древнерусском языке[26].

На отсутствие у суф. *-ат-* в древнерусском языке определенного словообразовательного значения указывают и собственные мужские имена типа *Гостята* < *Гостимиръ, Гостиславъ*. Это общеславянский антропонимический тип[27]. В древнерусский период подобные личные мужские имена не обнаруживают следов субъективно-оценочного значения, которое обычно свойственно бытовым, неофициальным формам имен собственных, образованным с помощью суффиксов, участвующих также и в деривации нарицательных существительных, если последние принадлежат к живым словообразовательным моделям. Мужские имена типа *Гостята* употребляются

---

[21] Памятники древнерусского канонического права, ч. 2, вып. I. Пг., 1920, с. 14; XIII в. ~XI в., Устав св. Владимира, КДРС.

[22] Кормчая Рязанская 1284 г., л. 327, рукопись, ГПБ, ф. I, 1; пример из картотеки Словаря древнерусского языка XI–XIV вв., хранящейся в Институте русского языка АН СССР (Москва); в дальнейшем – КСДР.

[23] Пролог Лобковский сентябрьской половины 1262 г., л. 25г; рукопись, ГИМ, Хлуд., № 187, КСДР.

[24] Пролог Юрьевский сентябрьской половины XIV в., л. 31а; рукопись, ЦГАДА, ф. 381, № 153, КСДР.

[25] *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974, с. 202.

[26] *Богатова Г.А.* Из истории существительных со старой основой на *-ęt-*. – Вестник Московского ун-та, 1958, № 2.

[27] *Железняк И.М.* Очерк сербохорватского антропонимического словообразования. – В кн.: Суффиксальная система сербохорватской антропонимии XII–XV вв. Киев, 1969, с. 82–88.

в древнерусском языке в качестве стилистически нейтральных полных собственных имен. От них, как и от полных мужских имен христианского происхождения, образуются патронимы – прозвания сыновей по имени отца: Гаврыльць *Милятиниць*[28]; Нежатѣ *Твьрдятицю*[29]. Отсутствие у имен собственных с суф. *-ат-* оценочного значения свидетельствует и об отсутствии у нарицательных существительных с тем же суффиксом в древнерусском языке какого-либо оценочного или другого модификационного словообразовательного значения. Считается, что вторичное значение невзрослости может возникать на базе первичного уменьшительно-ласкательного значения[30]. В древнерусском языке у слов нарицательных и собственных с суф. *-ат-* следов подобного значения, не подкрепленного контекстом, не отмечается. Имена собственные в течение достаточно длительного времени могут сохранять следы словообразовательного значения, присущего однотипному по структуре имени нарицательному. Так, антропонимы с суф. *-ик-*$\emptyset$, *-оч(е)к-*, *-уш(е)к-* в современном языке могут выступать в качестве субъективно-оценочных форм полных собственных имен потому, что указанные суффиксы при сочетании с основами нарицательных существительных образуют субъективно-оценочные слова: ср. *Толик* и *столик*, *Капочка* и *тропочка*, *Аннушка* и *хозяюшка*. Стилистическая нейтральность имен нарицательных и собственных с суф. *-ат-* в древнерусском языке, а также семантическая идентичность производных с этим суффиксом от самостоятельных лексем и производящих, свидетельствуют об отсутствии по крайней мере уже в XI в. у суф. *-ат-* определенного словообразовательного значения.

Существительные типа *козьля, козьлята; теля, телята* в древнерусском языке отличаются по своим морфологическим показателям от антропонимов с тем же суффиксом. Нарицательные существительные принадлежат к ср. роду и архаическому словоизменительному классу основ на согласный, причем в древнерусский период у них отмечаются и вариантные словоформы по типу склонения **-i* основ[31]. Имена собственные типа *Гостята* принадлежат к грамматическому муж. роду, а склоняются по типу слов жен. рода на *-а*, относятся к продуктивному словоизменительному классу существительных. Различие в морфологической характеристике имен собственных и нарицательных с одинаковым суффиксом противоречило действующей уже в древнерусский период норме. Имена нарицательные и собственные с идентичными суффиксами должны были иметь одинаковые морфологические показатели, присущие хотя бы одному из словообразовательных типов с данным суффиксом как в системе имен нарицательных, так и в системе имен собственных.

Противоречила сложившейся норме и принадлежность нарицательных существительных с суф. *-ат-* к ср. роду, если они были семантическими дублетами производящих существительных и не имели лексического значения невзрослости. Все одушевленные производные имена в древнерусском язы-

[28] Летопись новгородская (первая) по синодальному списку XIII–XIV вв., л. 83 об. – В кн.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950/ Под. ред. А.Н.Насонова.

[29] Там же, л. 23 об.

[30] *Бернштейн С.Б.* Указ. соч., с. 199.

[31] Именное склонение в славянских языках XI–XIV вв. Л., 1974, с. 114–120.

ке принадлежат к муж. или жен. роду. Противоречило в связи с развитием морфологической категории одушевленности/неодушевленности складывающейся норме и отсутствие противопоставления флексий им. падежа и вин. падежа в позиции прямого объекта у слов с суф. *-ат-*. Эти особенности морфологической характеристики образований с данным суффиксом в сочетании с отсутствием у него определенного словообразовательного значения обусловили постепенное сужение сферы употребления словоформ ед. числа у нарицательных имен с суф. *-ат-*. В то же время действующий уже в древнерусский период процесс объединения типов склонения существительных во мн. числе и связанная с ним нейтрализация родовых различий и семантических различий по признаку пола у производных существительных муж. и ср. рода поддерживают продуктивность словоформ мн. числа у нарицательных имен с суф. *-ат-*.

К концу древнерусского периода словоформы мн. числа у существительных с суф. *-ат-* становятся частотнее словоформ ед. числа. Нередко при этом словоформы мн. числа у слов данного типа называют определенное, известное говорящему множество лиц или животных, однородных в каком-либо отношении. Словоформы мн. числа у имен с суф. *-ат-* начинают регулярно употребляться в собирательном значении: цесарское величество далъ грамоты и подорожные къ *всѣмъ* кралемъ и *княжатомъ*[32]; Батыи же взя городъ изби *вси* и не пощадѣ о(т) *отрочатъ* до сосущи(х) млеко[33]; дѣтемъ Мьстиславлимъ *шюрятомъ* своимъ[34]. Аналогичное употребление словоформ мн. числа у слов с суф. *-ат-* отражено и в древнейших памятниках книжно-письменного языка, и прежде всего у образований с несвязанными корнями: старьць иного дѣла не имяше нъ се въстая заутро питаше *п'сята в'ся* сущая въ лаврѣ[35]; и къ ученикомъ (га своего) речеть. придѣте бл҃гое стадо добляго пастуха богословесьная *овьчата*[36].

Подобное употребление словоформ мн. числа связано, видимо, со снижением частотности словоформ ед. числа у образований с суф. *-ат-*. В качестве сингулятивов к словоформам мн. числа существительных с суф. *-ат-* выступают в книжно-письменном языке древнерусского периода однокоренные образования с суф. *-ьц-*: ср. роди *близнята*[37]; Фома нарицаемыи *близньць*[38]; со *щеняты* своими[39]; *щенець* львовъ[40]. У производных с суф. *-ат-* и связанными корнями противопоставление словоформ мн. числа однокоренным образованиям с другими суффиксами по признакам собирательность/единичность не могло сохраняться длительное время. Противопоставление собирательных имен сингулятивам устойчиво лишь при оппозиции производного собирательного имени производящему конкретно-пред-

[32] Памятники дипломатических сношений с империею Римскою, т. I, с. 55, 1490 г., Сл. РЯ XI–XVII вв., вып. 7, с. 203.

[33] Летопись Ипатьевская, сп. ок. 1425 г. – В кн.: Полное собрание русских летописей, т. I, вып. 1–2. Изд. 2. Л., 1927, л. 264.

[34] Там же, л. 259 об.

[35] Синайский патерик (XI в.) / Под ред. Коткова С.И., М., 1967, л. 128 об.

[36] Успенский сборник XII–XIII вв./ Под ред. Коткова С.И. М., 1971, л. 27 г.

[37] *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. 7. – Сб. ОРЯС, т. 89, № 3. СПб., 1911, л. 23 (XV в., ~XIII в.), КДРС.

[38] Успенский сборник XII–XIII вв., л. 226[а].

[39] Хроника Георгия Амартола, XIII–XIV вв., л. 234г.

[40] Сборник XV в., рукопись. – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, с. 1609.

метному существительному. Подобная оппозиция у образований со связанным корнем типа *теля, телята* невозможна, так как в языке отсутствует производящая лексема – существительное. Это обстоятельство способствует преобразованию словообразовательных отношений собирательного имени и сингулятива к нему у производных типа *близнята* и *близньць* в отношения словоизменительные, отношения числовых форм одной лексемы. Аналогичное изменение словообразовательных отношений в словоизменительные произошло у собирательных типа *крестьяне* и сингулятивов от них типа *крестьянин*.

К XV в. словоизменительные отношения по числу становятся возможны не только у однокоренных разносуффиксальных образований со связанными корнями и лексическим значением невзрослости, но и между формами мн. числа имен с суф. *-ат-* от самостоятельных лексем и формами ед. числа последних. Например: аще кто украдеть *теля* или овцю, 5 *телятъ* да дасть въ *телца* мѣсто, а во овци мѣсто 4 овци дасть[41]; мои *внучата* княз(ь) Василей да княз(ь) Иван княжи Даниловы дѣти Александровичя Пенковы да мои ж(е) *внук* княз(ь) Федор Иванович Хованского[42].

К XVI в. устанавливается регулярная связь между словоформами мн. числа с суф. *-ат-* и однокоренными существительными с суф. *-он(о)к-* < < *-енък-*. Словоформы ед. числа восточнославянской модели с суф. *-он(о)к-* вытеснили постепенно словоформы ед. числа образований с суф. *-ат-* в языке народно-разговорного типа. Суф. *-енък-* возник, видимо, в результате слияния в один аффикс общеименного суффикса со значением отношения/ /принадлежности *-ен-* и также общеименного суф. *-ък-*, продуктивного в народно-разговорном языке при производстве уменьшительных существительных. Первоначально производные на *-енъкъ* > *-онокъ* могли в контексте иметь различные модификационные значения, в том числе единичности, уменьшительности, ласкательности, невзрослости[43]. Слова на *-енокъ* с этими значениями отражены в деловой письменности и частной переписке XVI–XVII вв., известны современным русским говорам. У слов с суф. *-он(о)к-* при несвязанном корне реализация того или иного модификационного значения определяется как "внутренним" контекстом (лексическим значением производящего, морфологическими показателями производного), так и "внешним" (словесным окружением производного).

Видимо, у образований на *-ята* и *-енокъ* со связанными корнями и лексическим значением невзрослости, раньше, чем у производных тех же типов от самостоятельных лексем устанавливаются словоизменительные отношения по числу ("не один/один"). Следы того, что слова с суф. *-он(о)к-* первоначально употреблялись как сингулятивы к формам мн. числа существительных с суф. *-ат-*, отражены в деловой письменности XVII в. с территории южного наречия и среднерусских говоров. Как и первичные сингулятивы, существительные на *-енокъ* во мн. числе выступают обычно в сочетании с количественными числительными, так как значение единичности и нерас-

[41] Софийская первая летопись. – ПСРЛ, т. 5, СПб., 1851, л. 114, КДРС.

[42] Акты русского государства 1505–1526 гг. Составил Веселовский С.Б., М., 1975, с. 85 (1511 г., СП. 1534 г.).

[43] См. подробнее: *Азарх Ю.С.* К истории словообразовательных типов названий детенышей и детей в русском языке. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас (Материалы и исследования 1976). М., 1978, с. 247–254.

члененности противоречит значению расчлененности и множественности. Это противоречие снимается употреблением первичных сингулятивов в форме мн. числа в сочетании с числительными. Например: тружалис *7 чl҃вкъ робенковъ* неделю наземь и(з) дворовъ на поля возили[44]; *робенокъ* в данном примере – сингулятив к *робята* 'холостые мужики', 'наемные работники'; *9 утенков* молодых... *6 куренков* индейских молодых[45]; *7 жеребенков* годовых... *15 ягненков*[46]. И в современных говорах слова на *-ёнок*, производные от одушевленных существительных, употребляются во мн. числе в сочетании с количественными числительными, когда речь идет об определенном множестве, известном говорящему[47]. Признак определенности также свойствен сингулятивам, обозначающим не просто один предмет, а "этот один из совокупности предметов".

Частотность слов типа *теленок* со связанным корнем и лексическим значением невзрослости, по всей вероятности, способствовала актуализации у слившихся в один словообразовательный тип образований на *-ята* и *-ёнок* модификационного значения невзрослости, формальным показателем которого, наряду с лексическим значением производящей основы и морфологическими показателями производного, был сложный суф. *-он(о)к-*. Первая часть этого сложного суффикса *-он-* < *-ен-* указывала на отношение принадлежности/происхождения, а его вторая часть суф. *-(о)к-*, при идентичности грамматического рода производящего существительного и производного, служила одним из средств выражения уменьшительности. Таким образом, сложный суф. *-он(о)к-*, наряду с другими лексическими и морфологическими показателями производного, мог быть одним из средств выражения таких семантических компонентов значения невзрослости, как указание на происхождение и уменьшительность.

В говорах западной диалектной зоны словообразовательные категории собирательности и единичности до сих пор продуктивны, видимо, в большей степени, чем в говорах других групп. В связи с этим оппозиция по признакам собирательность/единичность у однокоренных образований на *-ята* и *-ёнок* в говорах западной группы сохранялась дольше, чем в соседних центральных восточных среднерусских говорах. В последних раньше происходило объединение в один словообразовательный тип образований с суф. *-ат-* во мн. числе и с суф. *-он(о)к-* в ед. числе. Вплоть до наших дней слова на *-ята* от одушевленных существительных, по данным ДАРЯ и Псковского областного словаря, опубликованных региональных словарей, могут обозначать совокупное множество или дублировать значение производящих при несвязанном корне. Образования на *-ёнок* в говорах западной диалектной зоны продолжают употребляться и как сингулятивы, и как семантические дублеты производящих существительных. Например: адны *бабя́ты* (= бабы) (д. Засобье, Осьминский р-н, Ленинградская обл., ДАРЯ);

---

[44] Книга приходо-расходная Антониева Сийского монастыря 1646 г., л. 33. Рукопись, КДРС.

[45] Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., ч. I. М.; Л., 1933, с. 206, 1667 г., КДРС.

[46] *Котков С.И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII вв. М., 1970, с. 109 (1711 г.).

[47] См.: *Бромлей С.В., Булатова Л.Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972, с. 98.

куря́ты – это куры и цыплята (д. Втроя, Сланцевский р-н, Ленинградская обл., ДАРЯ); *ряба́ты* у миня и *парнята*, многа была (Порховский р-н, Псковская обл., ПОС); вйун пахош на *гадёнка*, как *гадёнак*, толька маленьки (Островский р-н, Псковская обл., ПОС); называйецца *рак* и *рачо́нак* (Гдовский р-н, Псковская обл., ПОС); аналогичное употребление слов с суф. *-он(о)к-* отражено и в фольклоре: ты приди-ткось возьми да *вепря* за уши, ты уш выздань *вепрёнка* выше своей головы[48].

Словообразовательный тип имен со значением невзрослости на *-енёнок/-енята* (*волченёнок/волченята*) в говорах западной диалектной зоны возник, возможно, одновременно с формированием аналогичного словообразовательного типа на *-енок/-ята* в восточных среднерусских говорах, не позднее XVI в. Так как для образований на *-ята* и *-ёнок* в говорах западной диалектной зоны в это время были еще актуальны словообразовательные отношения по признакам собирательность/единичность, то для формирования нового словообразовательного типа имен со значением невзрослости в говорах западной диалектной зоны была использована древняя восточнославянская диалектная модель с суф. *-ен'-/-ен'ат-*, сохранившаяся в говорах украинского и белорусского языков[49] (*волченя, волченята*) и, вероятно, бывшая уже непродуктивной в XV–XVI вв. в русских говорах западной диалектной зоны. В результате контаминации моделей типа *волченя, волченята* и *волченок* образовался новый словообразовательный тип слов со значением невзрослости (*волченёнок/волченята*). Аналогичного происхождения тот же словообразовательный тип и в говорах белорусского языка[50].

Слова на *-енёнок/-ення́та*, производные от названий животных, в говорах западной диалектной зоны чаще всего обозначают детенышей: утяты, так у них *утяняты*; гуси, так у тех *гусеняты* (Островский р-н, Псковская обл., ПОС); какоф гат сам, такоф и *гаденёнак* (Локнянский р-н, Великолукская обл., ПОС). Изредка встречаются образования этой модели с уменьшительно-уничижительным значением: бывала и *каравенята* были як телята меленькие, маленькие (Палкинский р-н, Псковская обл., ПОС); стаяд здесь *казлянята* (о козах), ни прайти никак (Порховский р-н, Псковская обл., ПОС). Слова на *-енята* с лексическим значением невзрослости являются семантическими дублетами производящих существительных: *девченята* 'девочки', *мальченята* 'мальчики' (пск., ПОС). Единичный пример употребления образования с суф. *-енят-* встретился в деловом документе XVII в., отражающем черты говоров с территории Северо-Запада: 60 выдр, 2 *выдреняты*, лисиченко[51].

В один словообразовательный тип однокоренные разносуффиксальные существительные могут, как правило, объединяться в том случае, если суффиксы этих имен не являются показателями определенного словообразовательного значения, указывают лишь на производность слова и служат средством оформления субстантивной основы, т.е. дублируют обще-

---

[48] Архангельские былины и исторические песни, собранные Григорьевым А.Д. в 1899–1901 гг., т. III. Мезень. СПб., 1910, с. 436.

[49] См.: *Бернштейн С.Б.* Указ. соч., с. 206; *Сцяцко П.У.* Беларускае народнае словаўтварэнне. Мінск, 1977, с. 200–201.

[50] См.: *Сцяцко П.У.* Указ. соч., с. 201.

[51] Книги Московской большой таможни – новгородская, 1693–1694 гг. – Труды государственного исторического музея, вып. 38. М., 1961, с. 36.

категориальное значение предметности. Таковы суффиксы *-(о)к-, -он(о)к-, -ат-*.

Присоединение к основе суффиксального существительного другого субстантивного суффикса регулярно в русском языке лишь у производных с модификационными значениями субъективной оценки, собирательности, единичности. Модификационное словообразовательное значение менее устойчиво, чем другие семантические типы словообразовательных значений (например, таких значений, как 'отвлеченный признак' или 'носитель признака'). Модификационное значение является живым для производного существительного до тех пор, пока существует формально-семантическая оппозиция производного производящему, пока они противопоставлены не только в плане выражения, но и в плане содержания, т.е. производное отличается от производящего дополнительным семантическим компонентом. При нарушении однозначности семантического соотношения между членами словообразовательной пары модификационное значение у производного постепенно угасает, "выветривается". Для "восстановления" модификационного значения и присоединяются к основе существительного с утраченным модификационным значением другие суффиксы, которые участвуют в производстве существительных с аналогичным модификационным значением. Процесс угасания первичного модификационного значения характерен в русском языке для производных, суффиксы которых используются в деривации существительных разных словообразовательных типов и сочетаются с производящими основами разных частей речи и системой флексий разных словоизменительных классов.

Для восстановления значения единичности в говорах Северо-Запада к первичным сингулятивам на *-ина* присоединялся второй суф. *-ин-а: ягодина > ягоди́нина*[52]. Для усиления значения невзрослости, в говорах западной диалектной зоны к основе прямых падежей ед. числа образований типа *волченя* присоединялся суф. *-он(о)к-*. Распространение основ уменьшительных образований с суф. *-(о)к, -(е)ц-, -иц-* суффиксами, участвующими в производстве деминутивов, – явление, регулярное как для нормированного языка, так и для говоров. Таким путем образуются уменьшительные второй ступени деривации: *дуда > дудка > дудочка; ларь > ларец > ларчик;* др.-рус. *пъта > пътица > птичка.*

Разносуффиксальность основ ед. и мн. числа становится характерной особенностью тех словообразовательных типов имен со значением невзрослости, суффиксы которых не связаны однозначно с определенным словообразовательным значением: таковы общерусская модель с суф. *-он(о)к-/-ат-*, диалектная – с суф. *-ен'о́н(о)к-/-ен'а́т-*. При словообразовательном значении невзрослости, основным носителем которого является суффикс, производные имеют в русском языке однотипную структуру основ разных числовых форм. Таковы, например, образования с суф. *-оныш-Ø* типа *гусёныш*, характерные для разговорной речи, а также диалектные образования с суф. *-ат'о́н(о)к-* типа *гусятёнок/гусятёнки* в говорах на юго-восточной границе западной диалектной зоны.

---

[52] См. подробнее: *Азарх Ю.С.* К истории сингулятивов в русском языке. – В кн.: Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования 1973). М., 1975.

Модели существительных с лексическим значением невзрослости и одинаковыми основами числовых форм в современных говорах занимают периферийное положение по отношению к моделям существительных со словообразовательным значением невзрослости, показателями которого являются либо сложные суффиксы (*-о́ныш-Ø*, *-ат'о́н(о)к-Ø*), либо разносуффиксальность основ ед. и мн. числа (*-он(о)к-/-ат-*, *-ен'он(о)к-/-ен'а́т-*). Модели имен с лексическим значением невзрослости и одинаковыми по структуре основами ед. и мн. числа распространены, во-первых, в говорах северо-восточной диалектной зоны. Это образования типа *волчонок/волчонки* – древняя восточнославянская модель. Производные этого типа реализуют значение невзрослости лишь в контексте. Это, во-вторых, анализируемые в настоящей статье слова типа *телок* в юго-восточной диалектной зоне.

Для русского языка характерен процесс усложнения морфонемной структуры суффиксов существительных. Как правило, усложнению структуры субстантивного суффикса сопутствует специализация его значения. Формирование моделей со словообразовательным значением невзрослости происходит в результате вычленения сложных суффиксов на базе слияния суффиксов со значением отношения/принадлежности (*-ен>-он-*) и суффиксов, участвующих в производстве уменьшительных и экспрессивных имен (*-(о)к-*, *-иш-*). В тех случаях, когда новые, сложные суффиксы оказываются недостаточными для выражения значения невзрослости, используется разносуффиксальность основ ед. и мн. числа. Указанные словообразовательные средства выражения невзрослости характерны и для нормированного языка, и для говоров. Поэтому в говорах возможны новообразования – сложные диалектные суффиксы со значением невзрослости (суф. *-ат'о́н(о)к-Ø*) и разносуффиксальные основы со сложными суффиксами (*-ен'о́н(о)к-/-ен'а́т-*). Эти инновации, видимо, являются результатом взаимодействия говоров: 1) центральных восточных среднерусских говоров и говоров западной диалектной зоны (образования типа *гусенёнок/гусенята*); 2) говоров западной и юго-восточной диалектных зон (образования типа *гусятёнок/гусятёнки*).

Модель существительных на *-ок* с лексическим значением невзрослости, видимо, является инновацией для периферийных говоров юго-восточной диалектной зоны. В пользу этого предположения свидетельствует, во-первых, компактность ареала образований типа *телок, ягнок* и, во-вторых, относительно небольшая величина этого ареала, гораздо меньшая, чем территории распространения слов на *-ёнок/ята, -енёнок/еня́та, -ёнок/-ёнки*. В-третьих, в говорах украинского и белорусского языков отсутствуют регулярные образования с суф. *-(о)к-* и лексическим значением невзрослости. Наконец, ареал слов на *-ок* со связанным корнем и лексическим значением невзрослости расположен на периферии говоров, для которых характерно включение в состав сложного суффикса морфа *-ен-/-он-* – общеименного суффикса со значением отношения/принадлежности. Вероятно, формирование модели слов на *-ок* с лексическим значением невзрослости происходило тогда, когда суф. *-ен-/-он-* утратил продуктивность в производстве стилистически нейтральных существительных и стал использоваться для образования наименований лиц обоего пола с сопутствующей отрицательной экспрессивной окраской: *гладёна* 'толстый, дород-

ный человек' сарат., нижегор.; *ласёна* 'сластена' пск., смол. от *ла́сый* 'вкусный, лакомый' смол. СРНГ. Эта модель характерна для диалектной речи.

Образования на *-ок* с лексическим значением невзрослости в деловой письменности встречаются с XVI в. в качестве прозвищ отапеллятивного происхождения (единичные примеры): *Щенок* Гаврило Васильевич Александров, дворцовый дьяк, 1547 г.[53] Продуктивность в русском языке уменьшительных образований с суф. *-(о)к-*, в том числе и от названий животных, препятствовала расширению словопроизводственной базы имен на *-ок* со значением невзрослости. Эта модель могла сохраниться лишь у слов со связанными корнями, так как, во-первых, деминутивы производятся лишь от существительных – самостоятельных лексем и, во-вторых, суффикс служил в данном случае средством преобразования связанного корня в слово.

Материалы ДАРЯ недостаточны для решения вопроса о том, какие основы ед. и мн. числа – одно- или разносуффиксальные (с суф. *-(о)к-* или с суф. *-(о)к-/-ат-*) характерны для слов типа *телок, ягнок* в говорах юго-восточной диалектной зоны. С одной стороны, в нескольких ответах форма ед. числа *цыплок* соотносительна с формой мн. числа *цыплята* (в "Программе" есть специальный вопрос, касающийся названий цыплят). С другой стороны, на описываемой территории в ответах обычно приводятся формы мн. числа на *-ята* и редко формы типа *поросуки, телки, цыплоки, ягноки,* хотя приведение последних вопросами "Программы" не предусматривается в отличие от первых. В региональных словарях в качестве иллюстраций у названий детенышей на *-ок* со связанными корнями представлены словоформы ед. и мн. числа с однотипной структурой основы. Существование в русском языке моделей со словообразовательным значением невзрослости и как одинаковыми, так и различающимися по морфемному составу основами числовых форм обусловливает возможность образований типа *телок/телята* и *телок/телки.* Реальная картина функционирования словоформ с суффиксами *-(о)к-* и *-ат-* может быть установлена лишь в результате полевых исследований.

И.Б. Кузьмина

ОБЪЕКТНО-ЦЕЛЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГАМИ *В* И *ПО*

В статье рассматриваются конструкции, состоящие из глагола целенаправленного движения и имени с предлогом *в* или *по,* называющего предмет, который служит объектом этого движения (*пойти в орехи, пойти по орехи*). Общерусским функциональным их эквивалентном являются объектно-целевые конструкции с предлогом *за* (*пойти за орехами*). При сочетании с предлогом *в* всегда, а с предлогом *по* – в подавляющем боль-

[53] *Веселовский С.Б.* Указ. соч., с. 376.

шинстве случаев имя выступает в вин. падеже[1]. Работа построена на материалах ДАРЯ[2].

Конструкции с предлогом *в* – характерная особенность южнорусских говоров западной группы[3] (они распространены также на значительной части территории БССР[4]). В сочетании с предлогом *в*, по материалам ДАРЯ, отмечено около четырех десятков существительных. Почти обязательно в ответах приводятся примеры со словами, предусмотренными "Программой", типа *ходили в ягоды, в грибы, в малину; ездим в дрова*. Помимо них, отмечены конструкции с существительными, перечисляемыми ниже в алфавитном порядке с указанием количества случаев употребления, – цифра не ставится только при тех словах, которые встретились один раз: *боб, брусника* (*брусницы, брушницы*) 11, *веники* (растение) 21, *вода, горох* 2, *грыжа* (морошка), *дурки* (голубика), *дурницы* (голубика) 2, *жерди* 2, *журавина* (клюква) 4, *земляница* (*земляники, земляницы*) 11, *кислица* (растение) 4, *кисляк* (щавель), *клюква* (*клюквы*) 9, *кони, кора* 2, *лисички* 2, *лоза* 3, *лыки* 3, *мед, молоко, мох, огурцы, орехи* 32, *прутья, раки, рыба* (*рыбы*) 9, *сено* 2, *смола, смородина* 2, *трава* 5, *хворост* 5, *цветы, черника* (*черница, черницы*) 22, *щавель, яблоки* 6.

За единичными исключениями, в составе объектно-целевых конструкций с предлогом *в* выступают существительные, называющие предметы, связанные с растительным миром, – дикие и культурные растения и их плоды, а также продукты определенной обработки растений (*лыки, жерди, смола. . .*). Все эти предметы объединяются тем, что приобретение их представляет собой более или менее длительный процесс, обычно сопровождающийся передвижением в пространстве. Думается, что сказанное относится в той или иной мере и к таким существительным, как *мед, рыба, раки*. Это ограничение состава имен, употребляющихся в рассматриваемых конструкциях, указывает на генезис последних: по всей вероятности, объектно-целевые конструкции с предлогом *в* развиваются на базе местных. О том же говорят и некоторые замечания собирателей диалектологических материалов. Так, например, в материалах по нас. пунктам Новопанское Михайловск. р-на Московск. обл. и Лавы Валуйск. р-на Курск. обл. указывается, что *пойти в малину* означает – 'в малинник', а в материалах по нас. пунктам Петровка Ершичск. р-на Смоленск. обл. и Прихабы Ельничск. р-на Смоленск. обл. конструкции типа *пойти в дрова* и

---

[1] Спорадически, на территории разных говоров, фиксируются конструкции с предлогом *по* и именем в форме дат. падежа (ср.: *ушел по Клашке* д. Печеньга Тотемск. р-на Вологодск. обл.; *хочу по ягодам поехать* д. Новинка Оленинск. р-на Калининск. обл.), в единичных случаях отмечено употребление имен в родительном и предложном падежах (ср.: *пошли по губ* д. Орловица Вохомск. р-на Костромск. обл.; *по орехах ходили* д. Черная Грязь Клетнянск. р-на Брянск. обл.).

[2] Были использованы ответы на вопрос 133 Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка (Ярославль, 1945; М., 1946; М.; Л., 1947;; далее – "Программа".

[3] В статье используется то членение русских говоров, которое дано в кн.: Русская диалектология/Под ред. Аванесова Р.И. и Орловой В.Г. (М., 1964 – 1965).

[4] См. карты 215, 216 Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы (Мінск, 1963). Общая русско-белорусская изоглосса показана на карте в статье: *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* О синтаксических различиях русских говоров. – В кн.: Slavia, ročník XXXI, sešit 1. Praha, 1962, c. 23.

пойти за дровами противопоставлены по следующему признаку: *пойти в дрова* – это 'пойти заготавливать дрова в лес', а *пойти за дровами* – 'пойти и взять уже приготовленные ранее дрова'. Интересны и такие чисто местные конструкции, как *была в грибах* (д. Алё Новосокольническ. р-на Великолукск. обл., д. Авдеенки Красногородск. р-на Великолукск. обл.); *были в малинах* (д. Ракитня Сычёвск. р-на Смоленск. обл.); *в малинах ушоччи* (д. Оленино Ржевск. р-на Калининск. обл.); *не был в лыках* (д. Иванцево Кунвинск. р-на Великолукск. обл.); *она в дровах* (д. Семеновская Черевковск. р-на Архангельск. обл.); *Колька в ягодах* (д. Глухово Юхновск. р-на Калужск. обл.); *кошка в рыбе* (д. Ермолово Пустошкинск. р-на Великолукск. обл.); *из ягод идут* (д. Нижние Котицы Осташковск. р-на Калининск. обл.); *в бруснику войтить* (д. Чебуши Спас-Деменск. р-на Калужск. обл.)[5]. Однако возможность (хотя и редко реализуемая) употребления предложений типа *пойду в воду схожу* (д. Козлово Новосокольническ. р-на Великолукск. обл.); *ходила в молоко* (д. Немчино Почепск. р-на Брянск. обл.) свидетельствует о том, что местное значение может быть полностью вытеснено в конструкциях с предлогом *в* значением объектно-целевым.

Конструкции с предлогом *по* известны большинству русских говоров. Их изоглосса очерчивает широкую, сужающуюся лишь к середине полосу, протянувшуюся с северо-востока европейской части РСФСР на юго-запад (Брянская обл.). Соответствующая территория включает в себя бóльшую часть севернорусских говоров, восточные среднерусские говоры и часть южнорусских. Изоглосса отсекает, таким образом, запад РСФСР (западные среднерусские говоры, западная часть севернорусских, бóльшая часть западной группы южного наречия) и юго-восток (рязанская группа южного наречия, а также восточная половина тульских, елецких и оскольских говоров)[6] – здесь явление отмечается лишь в отдельных населенных пунктах.

Для севернорусских говоров вологодской и костромской групп, а также для южнорусских говоров на территории Брянской области характерна возможность сочетать с предлогом *по* в составе объектно-целевых конструкций любые имена, называющие предмет, способный быть объектом целенаправленного движения, в том числе одушевленные существительные и заменяющие их местоимения; ср.: *дружка едет по невесту* (д. Щетинское Мяксинск. р-на Вологодск. обл.); (идти) *по вас* (д. Глубокое Пудожск. р-на Карельск. АССР). В среднерусских же говорах и большей части южнорусских употребляются только конструкции с неодушевленными существительными, причем круг их в большинстве случаев ограничен. Прежде чем пытаться сформулировать положение о характере этих ограничений, целесообразно показать весь материал по тем нас. пунктам, где в составе рассматриваемых конструкций отмечены только неодушевленные существительные. Как и на территории

[5] Следует заметить, что Е.Ф. Карский определяет основное значение конструкций типа *пошов у грибы́, у я́годы, у дро́вы...* как значение местное (*Карский Е.Ф.* Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2–3. М., 1956, с. 167–168).

[6] Территория распространения объектно-целевых конструкций с *по* представлена на карте: *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* О различительных явлениях русских говоров в области предложных словосочетаний. – Изв. АН СССР. ОЛЯ, т. XXIII, вып. 4. М., 1964, с. 326.

распространения конструкций с предлогом *в*, здесь приводятся почти во всех ответах имеющиеся в иллюстрациях "Программы" существительные *ягоды, грибы, дрова, малина.* Помимо них, отмечены конструкции со следующими 95 существительными: *белянки* (вид грибов) 2, *бензин, брёвна, брусника* 9, *велосипед, веники* (растение) 17, *вёшница* (клюква), *вино, вица* (прут, ветка), *вишня* (*вишни*) 2, *вишняк, вода* 249, *водка* 2, *волжанки* (вид грибов), *волна* (шерсть), *волнушки, гонобобель* 2, *горох* 7, *грузди* (*груздики*) 2, *груши* 5, *деньги* 3, *дрючки* (колья, жерди), *жевина* (видимо, вид ягод), *жмыха* (жмых), *журавлика* (клюква), *зарплата, земляника* 6, *зерно, калина* (*калинушка*) 3, *картошка* (*картошки, картоха*) 4, *керосин, кирпич, кислицы* (растение), *кички* (выкорчеванные пни, идущие на дрова), *клубника, клюква* (*клюквы*) 17, *книжки, крапива* 4, *крыжовник, куница* (растение), *леснушка, лопата* (*лопатки*) 2, *лук* 2, *лыки* (*лыко, лыка*) 7, *мёд, молоко* 6, *морошка* 8, *мох* 2, *мука, мясо, налог, овощи, огурцы, опенки* 5, *орехи* 37, *пальто, пенсия, пенька, помело* (видимо, растения или ветки, пригодные для подметанья), *продукты, прутья, пьяница* (вид ягод), *ружье, рыжики* 9, *сани, сахар, свежее* (видимо, о мясе), *свекольник, семена, сено* 21, *сковорода, сливы, смородина* 3, *снопы, солома* 5, *соль* 2, *стрючки, сучок, сыворотка, толкач, топор, торф* 3, *трава* 21, *хата*[7], *хлеб* 15, *хмель, цветы, черемуха* (*черёма*) 3, *черника* (*черница*) 16, *шипарь* (шиповник), *шишки, щавель* 2, *щепки, яблоки* 7, *яйца.*

Нельзя не заметить, что бóльшую часть списка составляют существительные тех же семантических групп, которые были выделены применительно к материалу конструкций с предлогом *в* – названия растений и их плодов и названия предметов, полученных из растений. Значительность этого пласта лексики для объектно-целевых конструкций с предлогом *по* подтверждается также высокой частотностью ряда входящих сюда слов (*ягоды, грибы* и их видовые названия, *орехи, веники, трава, дрова...*). Существенно указать также на то обстоятельство, что конструкции с приведенными в списке словами другой семантики (*бензин, велосипед, деньги, хлеб, пенсия, сахар...*) локализуются обычно в нас. пунктах, расположенных поблизости от территорий, характеризующихся употреблением в составе объектно-целевых конструкций с предлогом *по* и одушевленных существительных; в материалах по этим нас. пунктам часто приводится по 2 и более примеров со словами, не относящимися к выделенным выше семантическим группам, ср.: (пойти) *по велосипед, по водку* (2), *по пенсию* (д. Барыбино Карачевск. р-на Брянск. обл.); (пойти) *по деньги, по твою сковороду, по пальто, по продукты, по лопатки* (д. Каменная Гора Карачевск. р-на Брянск. обл.) Таким образом, можно говорить о том, что в части говоров (главным образом средне- и южнорусских) с предлогом *по* сочетается тот же семантически ограниченный круг имен, который был определен выше применительно к конструкциям с предлогом *в*, – имена, называющие такие предметы, которые связаны с растительным миром и приобретение которых мыслится как длительный процесс, обычно сопровождающийся передвижением в пространстве. – Следовательно, конструкциям типа *пойти по орехи,* так же, как и конструкциям типа *пойти*

[7] *Поехал по хату на десяти подводах* (д. Борисовка Льговск. р-на Курск. обл.)

в орехи, присуща, по-видимому, сложная семантика: объектно-целевое значение сочетается здесь с пространственным[8]. В конструкциях с предлогом *по* выделяется по частоте встречаемости еще существительное *вода* – сочетание *идти по воду* представляет собой широко распространенный фразеологизм, употребление которого (как и сочетаний *идти по ягоды, по грибы*) допустимо при определенных стилистических условиях и в современном литературном языке.

Процессы, приведшие к объединению значений места и цели в конструкциях, включающих предлог *в,* с одной стороны, и конструкциях, включающих предлог *по,* – с другой, противоположны. Объектно-целевые конструкции типа *пойти в орехи* представляют собой новообразование (в памятниках не только древнерусских, но и старорусских они, видимо, не встречаются): как уже отмечалось выше, объектно-целевое значение развилось здесь на базе местного. Для объектно-целевых конструкций с предлогом *по* свободное включение имен разной семантики еще и в старорусский период было фактом общерусским[9]. Очевидно, что оттенок местного значения может квалифицироваться применительно к конструкциям с предлогом *по* только как вторичный. Представляется допустимым следующее предположение: при разрушении рассматриваемых объектно-целевых конструкций в части говоров удержались сочетания, которые как-то могли корреспондировать с наиболее частотными общерусскими конструкциями, включающими в себя предлог *по,* – с местными.

Итак, данные атласов, касающиеся конструкций с предлогом *в* и конструкций с предлогом *по,* различны с точки зрения того, какую конкретную информацию о развитии этих конструкций в течение последних веков они дают, будучи сопоставлены с данными памятников письменности. Но эти данные следует признать одинаково важными свидетельствами потенциальных возможностей лингвогеографических материалов как источника для восстановления истории синтаксических структур, предполагающего характеристику фактов не только книжно-письменного, но и народно-разговорного типов языка.

---

[8] Близость значений цели и места (если предполагается, что место является конечной точкой движения) уже отмечалась в литературе; см., в частности: *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974, с. 141–142.

[9] Ср. такие предложения из памятников письменности XVII в.: *а какъ родится* [царевич] *и въ то время царю учинится вѣдомо, и посылаютъ по духовника, чтобъ нарекъ тому новорожденному младенцу имя* (*Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича, 4-е изд. СПб., 1906, с. 15); *и какъ богъ пришлетъ по душу мою грѣшную, и т ѣихъ денги и золотые отдать имъ брату моему Григорью* (Духовная грамота 1690 г. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археогр. комис./Под ред. Н. Калачова, т. I. СПб., 1857, с. 563).

Н.И. Сафонова

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ НАРЕЧНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВА *ВОТ* (НА МАТЕРИАЛЕ АНГАРО-ЛЕНСКИХ ГОВОРОВ)

Ангаро-ленские говоры исследователями диалектной речи определяются – главным образом по фонетическим и морфологическим особенностям – как среднерусские, сложившиеся на севернорусской основе[1]. Материалом для данной заметки послужили магнитофонные записи диалектной речи, которые производились автором в Качугском и Казачинско-Ленском районах (магнитофонная запись составила 13000 м), а также тексты, записанные (от руки и с помощью магнитофона) диалектологами Иркутского пединститута по Качугскому, Казачинско-Ленскому, Жигаловскому и Усольскому районам Иркутской обл.[2].

Наблюдения показывают, что в речи носителей ангаро-ленских говоров частицы употребляются очень активно. На их долю приходится почти 1/5 часть всех произносимых слов (подсчет проведен по магнитофонным записям сплошного текста, включающего 100 тысяч слов). Многие из частиц, употребляющихся в этих говорах, характеризуются полифункциональностью. Так, частицы, относящиеся к группе усилительно-выделительных, выполняют не только модально-экспрессивные функции и функции компонентов, участвующих в текстовой организации диалектной речи[3]: отдельные из этих частиц могут выступать и в качестве слов, относящихся к другим грамматическим классам – одной из этих последних является *вот*.

Как нам представляется, материал ангаро-ленских говоров дает основание говорить о возможности употребления слова *вот* в наречной функции – в качестве наречия места и наречия времени[4]. Случаи наречного употребления *вот* не являются частотными: из 1566 случаев фиксации слова *вот* в наших текстах к их числу мы относим – более или менее уверенно – всего 27 (что составляет 1,7%). Во всех зафиксированных конструкциях слово *вот* несет на себе логическое ударение, а предложения, в которых оно выступает в роли наречия со значением места, нередко сопровождаются жестом. Приведем весь имеющийся материал – сначала по конструкциям с местным, затем по конструкциям с временным значением[5]:

---

[1] См.: Иркутский областной словарь, вып. 1. Иркутск, 1973, с. 15.

[2] В заметке употребляются следующие сокращения: Кач. – Качугский р-н. К.-Л. – Казачинско-Ленский р-н, Ж. – Жигаловский р-н. Ус. – Усольский р-н.

[3] Об участии частиц в организации текста речи см.: *Евтюхин В.Б.* Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц. – В кн.: Севернорусские говоры, вып. 3, Л., 1979, с. 201–206.

[4] Упоминание о возможности употребления слова *вот* в качестве наречия времени имеется в словаре псковских говоров, где приведены, однако, только два не очень убедительных, на наш взгляд, примера (Псковский областной словарь с историческими данными, вып. 4, Л., 1979, с. 184), и в сводном словаре по русским говорам, где дан один пример – с отрицанием, заимствованный из словаря В.И. Чернышева (Словарь русских народных говоров, вып. 5, Л., 1970, с. 157). См. также: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1, М., 1955, с. 253.

[5] Для упрощения набора примеры приводятся в орфографическом написании. Знак ' используется как указатель логического ударения.

Дом-то их во́т стоит (К. Л.); *избу-то во́т строит, рядом с матерью* (Кач.); *эта веревочка-то во́т привязывалась* (Кач.); *у нас картошка-то во́т хранится, в подполье* (Кач.); *река-то во́т протекает* (К. Л.); *коровы-то во́т пасутся* (Кач.); *он во́т рыбачит, на Киренге* (К.Л.); *орешник-то во́т растет* (К.Л.); *дорога во́т проходит* (Кач.); *машина-то его во́т стоит* (Ус.); – *где Анна Пименовна? – во́т я, говорю, я самая* (К.Л.);

Дети у него уже большие, он с женой-то во́т развелся, после рождества, сейчас-то один и живет, не успел жениться (Кач.); *рыбу свежую едим, налимов-то зять-то во́т наловил, уж после покроса* (Кач.); *сено-то он нам во́т привез, в августе уж* (К.Л.); *она во́т была у меня, перед вами только ушла* (Кач.); *в деревне сейчас никого нетука, все на покосе. Павел-то во́т приехал с Туколони-то, два дня прожил только что* (К.Л.); *пьют, сейчас шипко пьют, и Алешка запил, Дарьин сын; она во́т сказывала, вчерась чё ли-то* (Ус.); *они здесь не живут, но приезжают из Иркутска; она во́т приезжала, однако дня три прошло, как уехала обратно* (Кач.); *она с матерью живет, ее мать-то во́т приходила, сидели мы с ней* (Кач.); *он был холостяком, внук-то мой, во́т женился* (К.Л.); *я никогда не болел; спина-то во́т заболела, после уборочной* (Кач.); *шкурок-то много, но их все сдали. Антипин-то, сын мой, на соболей-то во́т охотился, этой зимой* (К.Л.); *многие сейчас в армии, парни-то; парень-то наш во́т пришел, осенью* (К.Л.); *невестка моя брава, красива; она во́т приходила к нам, в обед чёли-то* (Кач.); *дедушка мой конюхом работает; он во́т приезжал к нам, на той неделе* (Кач.); *внук-то техникум во́т закончил, в июне* (К.Л.); *она во́т была у меня, перед вами* (Жиг.).

Выступая в наречной функции, слово *вот* семантически не отрывается от *вот* – частицы, сохраняя такие значения последней, как указательность и близость. В конструкциях местных на первый план выступает сема указательности, в конструкциях временных – сема близости. Можно думать, что ни в тех, ни в других конструкциях *вот* не обладает всей полнотой самостоятельного лексического значения. Обращает на себя внимание тот факт, что за наречным *вот* часто, особенно во временных конструкциях, следует уточнение (ср.: *он во́т рыбачит, на Киренге; он с женой во́т развелся, после рождества*); как уже отмечалось, конструкции с местным значением нередко сопровождаются в речи указательным жестом.

В.Н. Теплова

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛА *ПАХАТЬ* В ЗНАЧЕНИЯХ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ПРОЦЕССОМ ПАХОТЫ

Глагол *пахать* относится к пласту древнейшей лексики русского языка. Исследование его на основе материалов диалектологических атласов может представлять интерес для исторической лексикологии, истории народа и для этнографии.

Глагол *пахать*, как известно, употребляется и в литературном языке, а также во многих русских говорах в качестве сельскохозяйственного терми-

на, имеющего значение 'взрыхлять, возделывать землю для посева с помощью отвальных орудий'[1].

Представляет интерес и известный многим говорам глагол *пахать,* употребляющийся в иных значениях, не связанных с процессом обработки земли. Употребление его в этих значениях специальному исследованию не подвергалось.

О происхождении данного глагола нет единого мнения. Так, А. Преображенский[2] считает, что он восходит к глаголу *пахну́ть* с первоначальным его значением 'повеять, подуть'. Одним из значений этого глагола он приводит также 'мести', очевидно, уже как вторичное: *пахать* — мести, обметать — с пометой *сев.* Фактически эту точку зрения разделяет В.И. Даль[3], считая, что глагол *пахать* имеет более общее значение 'дуть, навевать', видимо, — частное 'мести, выметать'.

Следует обратить внимание на замечание Брюкнера, приведенное А. Преображенским, о том, что глаголы с корнем *пах-* развивали свои значения в таком порядке: *пах-* — 'веять, махать, обмахиваться', 'пахнуть'..., наконец — 'пахать'[4]. М. Фасмер[5], ссылаясь на Д. Зеленина[6], пишет о характере "великорусской вспашки сохой, которая своим отвалом отодвигает разрыхленную землю в сторону. Напрашивается отождествление" *рахаti 'пахать' и *рахаti 'мести, махать'.

Как показывают современные материалы диалектологических атласов, глаголы *пахать* 'взрыхлять, возделывать землю с помощью отвальных орудий'[7] и *пахать* 'мести, подметать', по-видимому, следует считать разными. Диалектные данные могут послужить доводом к дополнению аргументов о разном происхождении названных глаголов. Последний восходит к корню *пах-* со значением 'дуть, веять' и, видимо, связан с глаголом *опаха́ть* 'обвевать', *опа́хиваться* 'обвеваться'. Не исключено, что сюда же можно отнести и глагол *па́хнуть* 'издавать запах', который также связан с дуновением, движением воздуха. Ср. в белорус. *пах-* 'запах'.

Как указывалось, изучаемый глагол *пахать,* в приведенных значениях относится к древнейшей лексике. Употребляется он, как известно, в различных славянских языках: др.-рус. *паха́ти* — 'веять'; болг. **рахаti* 'проветривать, чистить'[8], луж. *pachać* 'махать'; сербск. *пахати* 'обметать, смахивать пыль';[9] польск. *pachać* 'мести'; серб-хорв. пäхати, пäха̂м 'обметать, сдувать'; словен. *páhati, pâham* 'обмахивать'[10]. Корень этот также распространен в ряде индоевропейских языков[11].

---

[1] Об употреблении глагола *пахать* 'взрыхлять, возделывать землю для посева с помощью отвальных орудий' см.: *Теплова В.Н.* Сельскохозяйственные термины *орать* и *пахать* в русских говорах. – В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973, с. 196–203.

[2] *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914, т. 2, с. 29.

[3] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 3, с. 25.

[4] *Преображенский А.* Указ.соч., с. 30.

[5] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1971, т. 3, с. 220.

[6] *Зеленин Д.К.* Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907, с. 11.

[7] Этимологию глагола *пахать* в этом значении см.: *Теплова В.Н.* Указ.соч., с. 196.

[8] *Геров Найден.* Речник на българския език. София, 1977, с. 19.

[9] *Толстой И.И.* Сербо-хорватско-русский словарь. М., 1970, с. 370.

[10] *Фасмер М.* Указ.соч., с. 220.

[11] *Преображенский А.* Указ.соч., с. 29.

Как видим, в разных славянских языках изучаемый глагол *пахать* имеет различные значения, объединенные семантической общностью.

В говорах русского языка также выявляются различия в значениях данного глагола (в плане содержания)[12]. Заметим, что приведенные в ответах данные о его семантике иногда, по-видимому, могут отражать ситуационные, связанные с конкретным употреблением глагола, сведения. Так, в материалах значение 'мести, подметать' имеет разное наполнение : в части их – 'мести, подметать пол'в избе и сенях дополнено еще и употреблением 'мести печь', т.е. заметать угли и золу в печи. При этом нет полной уверенности в том, что последнее употребление является самостоятельным значением, а также в том, что оно во всех случаях выявлено, если сведения о нем в материалах отсутствуют. Имеющиеся данные лингвистической географии все же позволяют считать его самостоятельным значением, хотя и приведено оно всегда наряду со значением 'мести, подметать пол', поскольку говоры со значением 'заметать в печи' имеют некоторую территориальную сосредоточенность в бассейнах р. Ваги в Архангельской обл. и р. Мологи в Калининской обл., при общей рассредоточенности нас. пунктов по территории, на которой распространено употребление глагола со значением 'мести, подметать пол'.

Вместе с тем употребление глагола в значении 'мести', относящееся только к улице, нет оснований отделять от широко распространенного на описываемой территории 'мести, подметать пол', так как оно встретилось в единичных ответах[13] и при этом всегда сосуществует с последним. Нас. пункты, в которых отмечено такое употребление глагола *пахать*, не локализуются на определенной территории.

Как видно из примеров, в говорах наблюдается "меньшая определенность и бóльшая вариативность конкретных употреблений, ситуационных значений слов"[14].

Рассмотрим те значения изучаемого глагола *пахать*, которые зафиксированы в русских говорах на территории Европейской части СССР. Наиболее распространенным из них является значение 'мести, подметать'. Действие это относится обычно к полу в избе или в сенях, реже – к улице[15]. Оно представлено в пределах большого ареала, занимающего северо-западные говоры северного наречия и значительную часть его восточной половины: целиком территорию Ладого-Тихвинской, Онежской и Лачской групп, большую часть Белозерской, а также северную часть Вологодской группы – к северу от р. Сухоны, за исключением территории к западу от верховья р. Ваги до озер Кубенское и Воже в Вологодской обл.

На северо-западе данное значение глагола *пахать* характерно для Новгородской и Псковской групп среднерусских говоров (карта). В небольших группах и отдельных нас. п. глагол *пахать* в значении 'мести, подметать пол' встречается на территории южной части Костромской группы

[12] Русская диалектология/Под ред. Аванесова Р.И. и Орловой В.Г. М., 1964, с. 206.

[13] См.: С.92,93,111,186,217,438,541. Возможно, что значение 'мести', относящееся к улице, не во всех случаях выяснено. (Здесь буква перед цифрами обозначает индекс соответствующего тома атласа; арабские цифры – номера нас. п. в томах).

[14] Русская диалектология..., с. 203.

[15] В д. Лазаревичи Тихвинского р-на Ленинградской обл. значение 'мести, подметать' относится к полу в избе, сенях, а также к двору.

северного наречия и северной части Владимирско-Поволжской группы среднерусских говоров.

Если в подавляющем большинстве ответов содержатся сведения о том, что 'мести, подметать' относится конкретно к полу или улице, то в отдельных материалах это указание отсутствует. В них глагол *пахать*, видимо, обозначает общее действие – 'мести, подметать'[16]. Подобное значение этого глагола встречается в отдельных сибирских говорах[17], а также в некоторых славянских языках, например, в болгарском, где оно обозначает 'мести, чистить'[18].

Иногда этот глагол употребляется в более узком значении 'обметать пыль со стен, с потолка', причем в одних говорах оно представлено в качестве единственного[19], в других – это значение зафиксировано наряду с каким-либо другим, либо близким по действию[20], либо при значении 'небрежно, крупно, в большом количестве резать хлеб'[21]. Нас. п., где отмечено это узкое значение глагола *пахать* находятся преимущественно на окраине описанного выше ареала или за его пределами. При этом характерно, что за пределами ареала значение 'обметать пыль со стен, с потолка' чаще зафиксировано при наличии в одном и том же говоре значения 'резать небрежно, крупно, в большом количестве хлеб', отмеченном также нередко и в соседних говорах, где это последнее представлено наиболее интенсивно, а значение 'мести, подметать пол' – только в небольших группах или отдельных нас. п. Эти говоры расположены в юго-западной части Костромской группы и на примыкающей к ней территории юга Белозерской Межзональной группы северного наречия.

В единичных нас. п. зафиксировано и другое узкое значение глагола *пахать* 'чистить трубу' (или обметать сажу в трубе)[22]. Характерно, что это узкое значение нигде не зафиксировано единственным, а везде сосуществует с 'мести, подметать пол'. Отмечено оно на территории Новгородской и Калининской обл. Употребление данного глагола в этом значении ранее было известно также в говорах Архангельской обл.[23]

Следует указать и на такое значение данного глагола, как 'сметать (стирать) пыль со стола, с лавки', также представленное в пределах ареала со значением 'мести, подметать' пол, причем всегда в сосуществовании с последним. Употребление глагола *пахать* в значении 'сметать (стирать)

---

[16] См.: С. 5,43, 119, 123, 148, 197, 199, 220, 226, 236, 375, 454, 817.

[17] *Черных П.Я.* Сибирские говоры. Иркутск, 1953, с. 67.

[18] *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, с. 415.

[19] См.: С. 122, 142, 266, 292, 294, 311, 560.

[20] 'Мести, подметать пол' (С. 32, 51, 55, 628, 748, 836); 'сметать (стирать) пыль со стола' (С. 412, 496).

[21] См.: С. 288, 297, 611, 635.

[22] Это значение встретилось в нас. п.: С.-Зап. 163; С. 121, 370, 431, 434.

[23] *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885, с. 118.

Значение пахать 'чистить трубу' отмечал Даль В.И. (Указ. соч., с. 25). См. также: *того же дни на мелницы в шушиле сажу пахали.* Кн. прих–расх- Свир. м. № 25, 81, 1658. (Автор пользуется сокращениями, принятыми в "Словаре русского языка XI–XVII вв.", выходящего в Институте русского языка АН СССР).

пыль со стола' [24] представлено в разрозненных нас.п. или в небольших их группах. Такие группы отмечены к югу от Онежского оз., а также в бассейне р. Мологи в Калининской обл. Отдельные нас. п., где этот глагол употребляется в данном значении, встречаются и за пределами указанного ареала, но тоже обычно в сосуществовании с 'мести, подметать пол'. Лишь в д. Васьково Чебсарского р-на Вологодской обл. значение 'сметать (стирать) пыль со стола' является единственным, однако, в соседних нас.п. отмечено также 'мести, подметать пол'. Возможно, что и в этом говоре последнее было известно ранее, но не выявлено собирателями.

По данным диалектологических атласов в единичных ответах зафиксировано употребление глагола *пахать* в других узких значениях, но близких с 'мести, подметать пол'. Одно из них – 'сметать снег с валенок' [25], отмеченное за пределами ареала со значением 'мести, подметать пол'. При этом три нас. п. с данным узким значением расположены на территории Ярославской обл.; д. Пнево Сандовского р-на Калининской обл. находится на окраине указанного ареала.

Представляет интерес также его узкое значение 'сметать мякину (колосья) с зерна' во время обмолота, зафиксированное в Ярославской обл. – д. Тяжино Большесельского р-на и д. Спас-Смердино Петровского р-на, расположенные за пределами названного ареала.

Как видим, по мере удаления от основного ареала распространения значения 'мести, подметать пол 'данный глагол употребляется в более узком значении, но все же связанном с более общим 'мести, подметать', образуя один семантический ряд. Все эти значения, по-видимому, восходят к 'веять, развевать'.

Наконец, в единичных говорах у глагола *пахать* зафиксированы значения: 'вытирать посуду' – в д. Верховье и Васюковская Оштинского р-на Вологодской обл.; 'вытирать руки' – в д. Сяргозеро Вытегорского р-на Вологодской обл. и 'вытираться' – в д. Дундуково Вытегорского р-на Вологодской обл. Эти последние, близкие между собой значения, отмечены на южном побережье Онежского оз. Укажем, что данные значения глагола *пахать* в них отмечены наряду с 'мести, подметать пол' во всех нас. п., а в некоторых из них еще и при 'сметать (стирать) пыль со стола' – в д. Васюковская Оштинского р-на Вологодской обл., 'заметать печь' – в д. Верховье Оштинского р-на. В этих говорах глагол *пахать* многозначен и можно предположить, что данные говоры относятся к наиболее архаическим.

Следует обратить внимание на употребление глагола *пахать* в значении, являющемся весьма древним: *опахáло д'ер'éвн'у* – 'выжгло пожаром' (д. Малеево Вашкинского р-на Вологодской обл.). Заметим, что здесь в ответе представлен только приставочный глагол. Важно и то, что это значение зафиксировано в памятниках письменности (1581 г.): *Егда стреляютъ изъ луковъ своихъ, тогда огнь пашетъ и дымъ великъ исходить* [26], а так же в некоторых славянских языках, например, в-луж. *pachac', pachnuc'* 'испускать дым, дымить' [27]

---

[24] См.: С.-Зап. 218; С. 52, 68, 79, 82, 84, 194, 244, 299, 391, 412, 437, 496, 833, 840, 1059.

[25] С. 441, 672, 1056, 1057.

[26] Строг. лет. 16. сп. XVI–XVII вв.

[27] *Фасмер М.* Указ. соч., с. 220.

Наконец, считаем необходимым отметить, что в материалах представлен глагол *запахну́ть* в наиболее древнем значении 'закрыть дверь' (д. Б. Стройково Лальского р-на Кировской обл.). Употребление его в этом значении зафиксировано у А. Преображенского [28], который, как указывалось, возводит его к *пахну́ть, пахну́, пахне́шь* 'повеять, подуть'. Все представленные значения глагола *пахать* так или иначе связаны, как мы убеждаемся, с действиями: махать, веять, дуть и распространены на той же территории, для которой характерно употребление общего значения 'мести, подметать'.

Наиболее конкретные значения при этом, но разные в различных говорах, свойственны главным образом Межзональным группам северного наречия и говорам западной части Костромской группы.

Именно на этой части территории, а также на севере Калининской группы среднерусских говоров глагол *пахать* выступает в другом диалектном значении, не связанном с перечисленными выше его употреблениями, а также с процессом пахоты. В них данный глагол употребляется в значении 'небрежно, крупно, в большом количестве резать хлеб'. Помимо указанных говоров, глагол *пахать* в этом значении широко представлен на всей остальной территории в пределах Европейской части СССР, расположенной к югу от ареала с употреблением глагола *пахать* в значении 'мести, подметать'. Употребление его в значении 'небрежно, крупно в большом количестве резать хлеб' во всех названных говорах носит островной характер. Эти небольшие "островки" или отдельные нас. п. хотя и разрозненны, но все они сосредоточены на территории, где не отмечено значение 'мести, подметать', а именно на территории южного наречия и восточных среднерусских говоров. Подобные "островки" также разбросаны в пределах Костромской группы северного наречия и той части территории Вологодской группы, которая расположена к югу от р. Сухоны. При таком же характере распространения данное значение представлено в немногочисленных говорах на территории ареала со значением 'мести, подметать пол', а иногда наряду со значением 'обметать пыль со стен, с потолка'. (см. карту)[29]. Обращает на себя внимание некоторая интенсивность сгущения таких "островков" в Костромской группе (особенно в ее западной части) и в прилегающих к ней районах юга Белозерской группы северного наречия, а также на севере Калининской группы среднерусских говоров. Укажем, что именно здесь, на территории северного наречия, в качестве сельскохозяйственного термина выступает глагол *пахать*, являясь единственным, либо наряду с *орать*, но в узком значении[30].

Отметим, что глагол *пахать* в значении 'небрежно, крупно, в большом количестве резать хлеб' почти не зафиксирован на территории Новгородской и Псковской групп.

Считаем важным указать, что в материалах он нередко представлен с оттенком экспрессии (иногда в ироническом смысле) в выражении: "*Сколько хлеба-то напахала*".

Как показали современные данные диалектологических атласов, глагол

---

[28] *Преображенский А.* Указ. соч., с. 29.

[29] С.-Зап. 56; С. 19, 35, 42, 108, 180, 196, 207, 209, 210, 216, 230, 399, 409, 442, 445, 731, 797, 844, 940, 957; Зап. 19, 62.

[30] См.: *Теплова В.Н.* Указ. соч. (карту).

пахать в этом значении иногда может бытовать и в нейтральном употреблении; в ответах встречается, например, *напаши хлеба*.

В некоторых говорах он может обозначать 'резать', по-видимому, в широком понимании этого слова. Такие говоры немногочисленны и не сосредоточены на определенной территории, а разбросаны главным образом на востоке среднерусских говоров[31], при этом всегда в соседстве с нас. п., в которых данное действие относится только к хлебу.

В единичных случаях у глагола *пахать* значение 'резать' может относиться к лесу – см. ответ: *пахать – резать лес* [32] по говору д. Друго-Симоновская Верховажского р-на Вологодской обл., либо к мясу – 'резать мясо' – в д. Анисимово Варнавинского р-на Горьковской обл. и д. Волдынское Дмитровского р-на Московской обл.

Глагол *пахать* в значении 'небрежно, крупно, в большом количестве резать хлеб' зафиксирован на той же территории, где он употребляется в значении 'взрыхлять, возделывать землю при помощи отвальных орудий', что дает основание связывать его именно с этим глаголом по сходству результатов действия: ведь при взрыхлении пашущими орудиями земля так же ложится большими кусками (комьями), как и небрежно нарезанный хлеб. По-видимому, в этом случае глагол *пахать* восходит к *пахать* – 'резать, крошить, измельчать'[33].

При анализе материалов выясняется, что значения могут быть выражены разными глаголами, образованными от корня *пах-*. Однако не удалось проследить дифференциации значения глаголов *пахать* и *опахать* применительно к полу, земле, с одной стороны, и стенам, потолку, трубе – с другой, хотя в некоторых ответах встречается, например, *пахать паутину* – в д. Боковское Кирилловского р-на Вологодской обл. и в д. Улома Пестовского р-на Новгородской обл.; *пахать потолок, трубу* (С. 121, 379, 431), но *опахать пол*[34], *улицу* – в д. Сяргозеро Вытегорского р-на Вологодской обл. Можно встретить и обратное: *пахать пол, запахать в печи* (С. 178, 184, 219), или *подпахни пол*, но *опахни паутину с потолка* – в д. Архангельское Канаковского р-на Калининской обл.; или: *ви́ником в ызбе па́шут, крошки со стола надо опаха́ть* (*здись уш не пахать*) – д. Папино Верховажского р-на Вологодской обл. Нередки случаи, когда в ответах глаголы с корнем *пах-* в значении 'мести, подметать пол, улицу' употребляются, видимо, только с приставками[35], причем приставки возможны разные: *за- – запахать, запахну́ть, запа́хивать; под- – подпаха́ть, подпахну́ть; вы-вы́пахать; по- – попаха́ть; о- – опаха́ть, опа́хивать, опахну́ть.*

---

[31] См. С. 443; Вост. 170, 352, 422, 476, 729, 736.

[32] При этом значение 'резать лес' остается не ясным. Возможно – это 'рубить' (?), как в древности вырубали лес, чтобы сжечь его с целью подготовки земли для посева; или – делать определенным образом подсечку на стволе хвойных деревьев для добычи смолы?

Можно также допустить, что это приведенное значение может являться частью более широкого – 'пахать смолу', имея в виду такие последовательные процессы, относящиеся к добыче этого вещества: "подсочить лес, вырубить, свезти к яме и выкурить" (?). *Даль В.И.* Указ. соч., с. 25.

[33] Значение глагола *пахать* 'рушить, крошить мясо' зафиксировано у Даля В.И. с пометой (тверск.) (Там же, с. 25).

[34] См.: С. 14, 23, 32, 47, 109, 126, 181, 236, 277, 1007, 1027.

[35] В полноценных ответах (С. 832, 911, 912, 1365, 1425) на это имеются указания.

В значении 'резать хлеб' глагол обычно зафиксирован с приставкой *на-* (*напахала хлеба*).

По имеющимся данным, глагол *пахать* в изучаемых значениях осознается носителями диалекта как устаревший, употребляемый главным образом представителями старшего поколения, или употреблявшийся в прошлом[36]. Однако в некоторых говорах он является общеупотребительным[37].

Под влиянием литературного языка в говорах эти значения начинают выражаться соответственно глаголами: *мести, подметать*, или *резать* (хлеб)

Таким образом, на основании данных лингвистической географии можно полагать, что глагол *пахать* в значении 'мести, подметать' был широко известен подавляющему большинству северных говоров. Прежде всего он был свойствен тем говорам, которые, очевидно, генетически были связаны с древними Новгородским и Псковским диалектами. Свое распространение он получил в этом значении с новгородской метрополии в процессе колонизации северо-восточных территорий. Распространение его, видимо, относится к раннему периоду существования русского языка, очевидно, к периоду распространения глагола *орать* на данной территории (до XV в.). На это указывает характер географии данных явлений, связанных с направлением и характером новгородской колонизации[38].

Полное отсутствие или наличие только отдельных небольших "островков" употребления глагола *пахать* в значении 'мести, подметать' на территории Межзональной Белозерской группы северного наречия и пограничных с ней говоров Вологодской группы (к северу от Вологды, а также на территории к югу от р. Сухоны) и в Костромской группе, может быть связано с тем, что эта территория продолжительный период находилась в сфере московского влияния; для говоров Москвы, видимо, это значение было неизвестно. В последних глагол *пахать* был употребителен, очевидно, только в значении 'взрыхлять, возделывать землю', и в этом значении он постепенно стал проникать в северные говоры, но не в одно и то же время[39], причем прежде всего в говоры Межзональных групп[40].

С распространением здесь глагола *пахать* в значении 'взрыхлять, возделывать землю' стало, по-видимому, появляться и значение 'небрежно, крупно, в большом количестве резать хлеб', которое носит островной характер, как и на всей остальной территории, где известно это значение данного глагола. В связи с этим употребление глагола *пахать* в значении 'небрежно, крупно, в большом количестве резать хлеб' следует считать вторичным, наиболее поздним. На территории ареала *'мести, подметать'* значение 'небрежно резать хлеб', очевидно, следует относить к еще более позднему периоду.

Характер распространения этого значения, по-видимому, связан с влиянием литературного языка, затормозившего процесс его распространения. Кроме того, глагол *пахать* в последнем значении, возможно, не во всех говорах мог быть выяснен.

---

[36] См.: С. 277, 364, 372, 413, 449, 539, 652, 672, 709, 745, 859.

[37] На что имеются указания в ответах по нас. п. С. 399, 402, 444, 764.

[38] См.: *Насонов А.Н.* "Русская земля" и образование территории русского государства. М., 1951, с. 93–116.

[39] См.: *Филин Ф.П.* Исследование о лексике русских говоров. М.; Л., 1936, с. 103.

[40] См.: *Теплова В.Н.* Указ. соч., с. 202.

Н.А. Липовская

НАЗВАНИЯ ПОСУДЫ, В КОТОРОЙ РАСТВОРЯЮТ ТЕСТО ДЛЯ ХЛЕБА

Говорам русского языка известны разнообразные названия посуды, в которой растворяют тесто для хлеба[1]. Различные территории характеризуются распространением одного или нескольких названий, в связи с чем возникают вопросы, связанные с тем, какие из соответствующих слов следует считать наиболее характерными для отдельных диалектных групп русского языка, какие из них наиболее употребительны в случаях сосуществования в речи представителей разных поколений.

Тесто для хлеба растворялось в большой деревянной посуде (бочке) с прямыми краями, оно ставилось на закваске, как правило, на ночь. Хлеб пекли, по данным Атласа, из ржаной муки[2].

В материалах Атласа находим: *хлеп в деревянной квашни ростворяют, лучче здым и скуснее тесто, а булки в муравленном ростворнике* (см., например, д. Борисово Старорусск. р-на Новгород. обл.). В *квашне* тесто ставили на закваске, в *опарнице* на дрожжах (см., например, д. Мыслец Шумерлинск. р-н Чуваш. АССР). Представляют интерес также данные словарей: Это теперь, я смотрю, положат дрожжи и сразу месят, а раньше квашня целый день бродила[3].

Для обозначения рассматриваемой посуды, в говорах русского языка известно несколько названий. Наиболее употребительные из них *квашня, дежа, квашонка* и *дежка.* Незначительное распространение имеют такие названия, как *кадка, кадушка, опарница* и *хлебница.* Единично встречаются – *кадулька, дежня, дежница, хлебня, квасница.* Такие названия, как *дежка, кадка, квашонка,* по свидетельству словарей и материалов атласа, утратили свое первоначальное значение уменьшительности. Приведем эти сведения: *дежка* то же, что *дежа*[4], *квашонка* – 'кадушка', без пометы *уменьшительное*[5]. В материалах атласа находим: *квашонка* независимо от размера (см., например, д. Калинино Буйск. р-н Костромск. обл., д. Щело-

---

[1] Статья написана на материале Атласа. В отдельных случаях привлекались данные словарей. В статье использованы следующие карты: № 371 (Названия деревянной посуды, в которой растворяли тесто. Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы); № 255 (Названия деревянной посуды, в которой растворяли тесто. Атлас русских говоров к югу от Москвы); № 356 (Названия квашни. Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы); № 187 (Названия посуды, в которой растворяют тесто. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы).

[2] См., например, подобные сведения: *Иваницкий.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. – В кн.: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М. 1980, с. 22.

[3] См., например: Словарь русских народных говоров Новосибирской обл./Под ред. Федорова А.И. Новосибирск, 1979, с. 218.

[4] См., например: Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанск. р-н Рязанск. обл.)/Под ред. И.А. Оссовецкого. М., 1969, с. 138–139. Словарь русских народных говоров/Под ред. Филина Ф.П. (далее СРНГ), вып. VIII. М, 1972, с. 333. Словарь русского языка XI–XVII в., вып. IV. М., 1977, с. 201.

[5] См., например: *Кириллова Т.В.* Опыт словаря говоров Калининской обл. Калинин, 1972, с. 88; СРНГ, вып. XIII. М., 1974, с. 163.

чиха Уренск. р-н Горьковск. обл.); *квашня, квашонка;* слово *квашонка* употребляется чаще и уменьшительным к слову *квашня* не является (д. Суховерчье Воскресенск. р-н Горьковск. обл.); *дежка, дежой* не называют (д. Богозино Усвятск. р-н Великолукск. обл.); *дежка* и *дежа* – синонимы (с. Старое Торбеево Мичуринск. р-н Тамбовск. обл., д. Ильинка Лев-Толстовск. р-н Липецк. обл., д. Курбакино Михайловск. р-н Курск. обл.).

Об изменении значения суффиксов на протяжении истории языка П.С. Кузнецов[6] пишет: "В особенности в этом отношении показательны уменьшительные. С одной стороны, из значения уменьшительности развиваются различные значения эмоциональной окраски (ласкательные, уничижительные), с другой стороны, у некоторых существительных они теряют уменьшительное значение, а бессуффиксальные существительные или вообще выходят из употребления или сохраняются как синонимы".

Полной последовательности в утрате первоначального значения суффиксами *-к, -онк-* в словах *квашонка, дежка* не наблюдается. Имеются данные словарей и говоров о сохранении ими этого значения. Так, в словарях имеем: *квашонка* – 'малая квашня'[7], *дежка* – 'уменьшительное' к *дежа*[8]. В материалах Атласа находим: *дежа* – посуда под хлеб, *дежка* – под блины, отличаются размером (см., например, с. Домачи Лев-Толстовск. р-н Липецк. обл.); *кадушка* и *дежа* для хлеба, *дежка* поменьше – для пирогов (см., например, с. Муравлево Беседанск. р-н Курской обл.); *квашня* большая, *квашонка* маленькая (см., например, Почтовый починок Кичменско-Городецк. р-н Вологодск. обл., д. Грибанова Гора Коношск. р-н Архангельск. обл.); *квашня* для хлеба, *квашонка* для пирогов (см., например, д. Брод Кичменско-Городецк. р-н Вологодск. обл.).

Слова с суффиксами *-ечк-, -очк-, -енк- (дежечка, квашоночка, опаренка)* в нейтральном значении как самостоятельные названия не отмечены и потому рассматриваются как не утратившие значения уменьшительности.

Слово *квашня* А.Г. Преображенский квалифицирует как образованное от глагола *квасить, киснуть*[9]. Широко известны другие образования от данного корня в славянских языках: укр., белр. квас, др.-рус. квасъ, квасити, квасьный 'кислый', квасьникъ 'пьяница', ст.-сл. квасъ 'закваска', квасити, слвен. kvas, блгр. квас 'закваска'; квасѝ 'мочу, вымачиваю'; квасникъ 'кислый хлеб', срб.-хорв. ква̑с, ква̑сац 'закваска', ква̀сина 'уксус', ква̏сити, ква̀сим 'мочить, вымачивать', чешск. kvas 'брожение, закваска', 'квас', 'пир', 'пирушка', kvasiti 'бродить'; kvasidlo 'закваска', kvasovnik, kvašan 'бражник'; польск. kvas 'кислота'.

Словари отмечают целый ряд значений слова *квашня,* причем первое из них – кислое тесто для хлеба[10], второе – посуда, в которой ставилось это тесто'[11].

---

[6] *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 175.

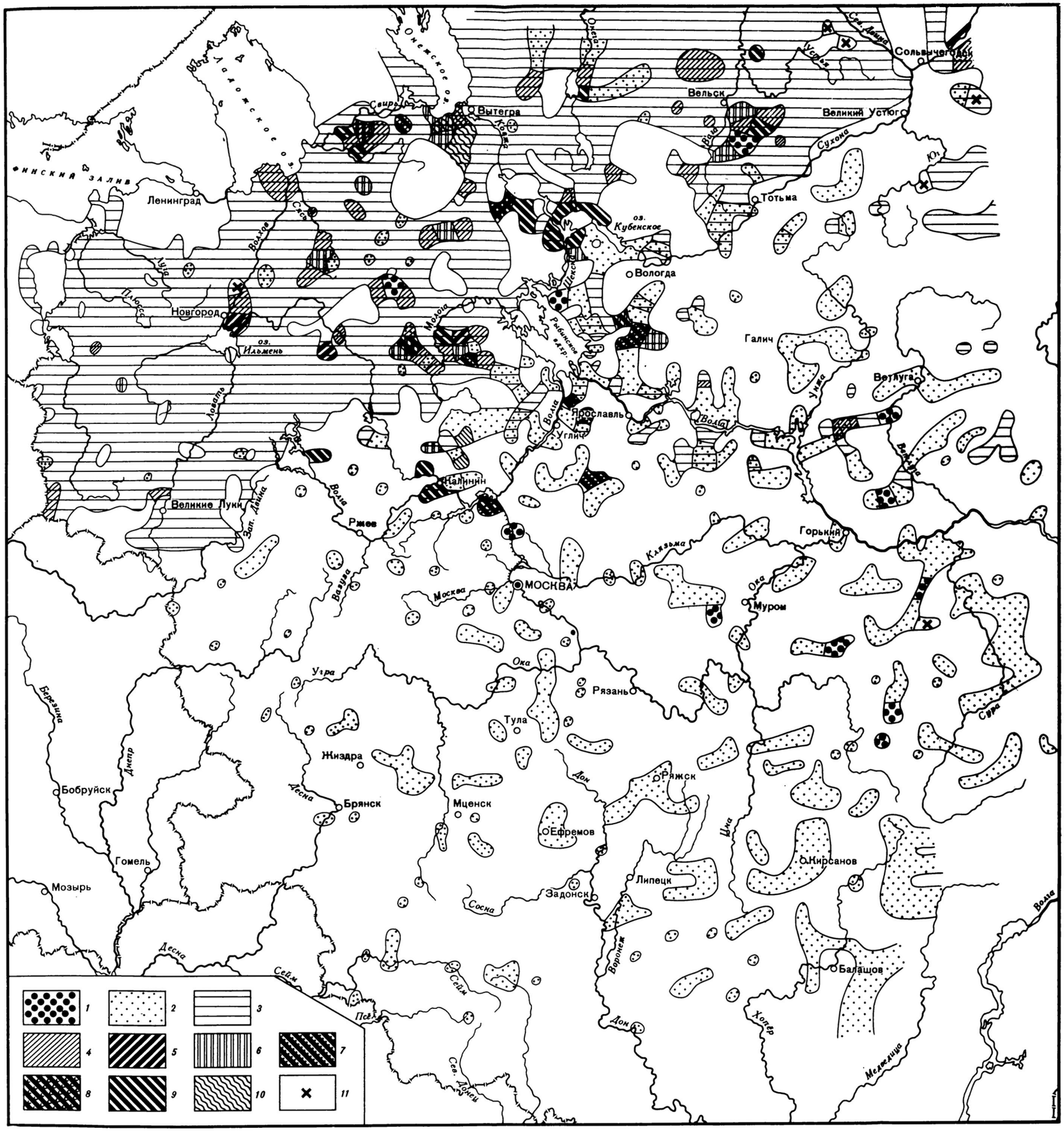
[7] См. например: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979, т. 2, с. 103.

[8] См., например: Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, с. 46.

[9] *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914, с. 341.

[10] См., например: СРНГ, вып. XIII. М., 1977, с. 164; Словарь русских народных говоров Новосибирской обл., с. 218.

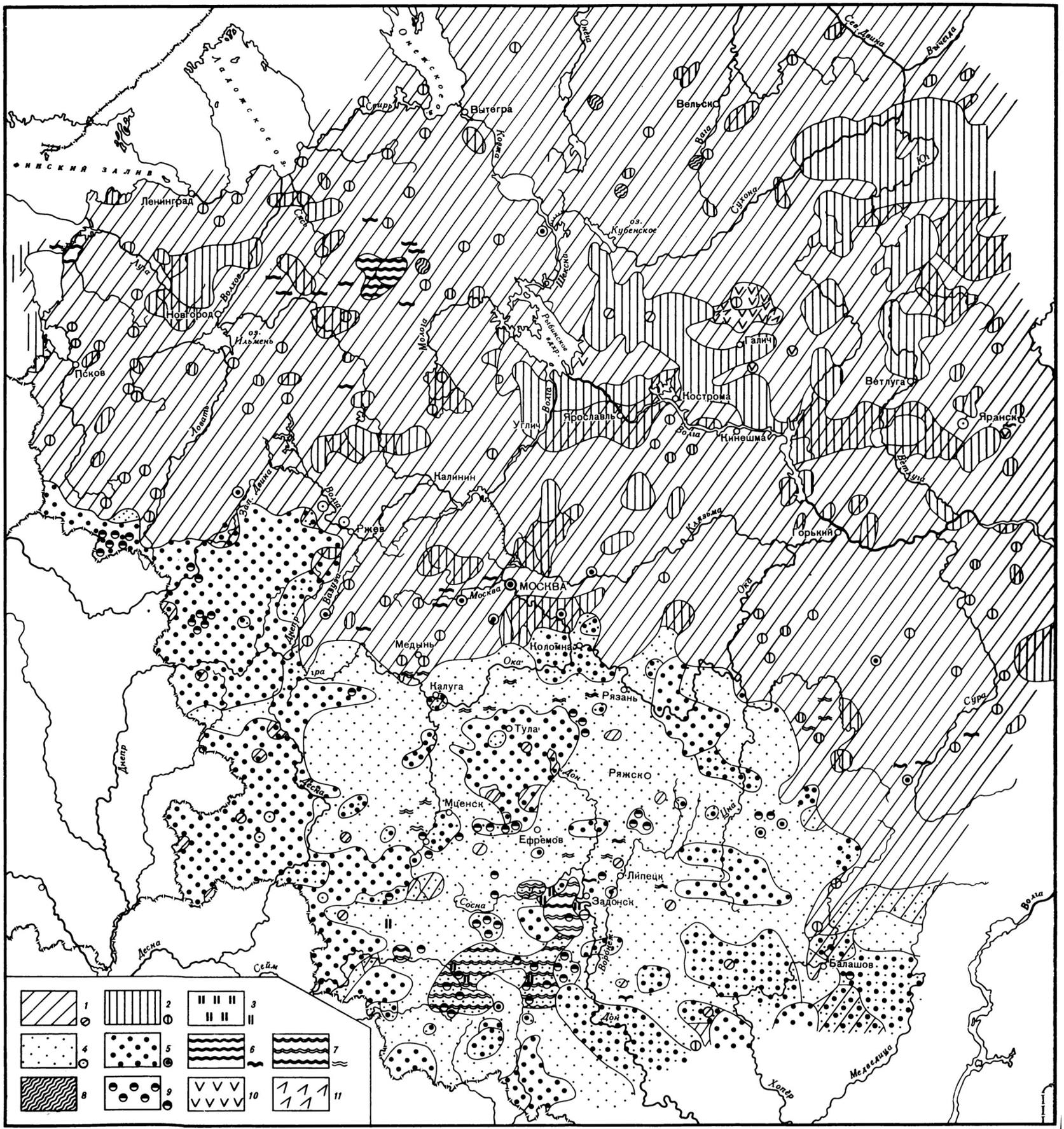
[11] См. например: Словарь XI–XVII в., вып. VII. М., 1980, с. 106; *Даль В.И.*

Карта распространения глагола *пахать* в значениях, не связанных с процессом пахоты

1 – 'резать'; *2* – 'небрежно, крупно, в большом количестве резать хлеб'; *3* – 'мести пол, двор, улицу'; *4* – 'заметать в печи, на печи'; *5* – 'обметать сажу в трубе'; *6* – 'сметать (стирать) со стола, с лавки'; *7* – 'обметать пыль, паутину со стен, с потолка'; *8* – 'обметать снег с валенок'; *9* – 'сметать мякину (колосья) с зерна'; *10* – 'вытирать посуду, руки'; 'вытираться'; *11* – единичные редкие значения

Зак. 2249

Карта распространения названий посуды, в которой растворяют тесто для хлеба

1 – квашня; *2* – квашонка; *3* – квашница, квасница; *4* – дежа; *5* – дежка; *6* – кадка; *7* – кадушка; *8* – кадулька; *9* – хлебница; *10* – опарница; *11* – опарник

Слово *дежа* образовано от индоевропейского корня [12] со значением 'месить, мазать, лепить' и имеет соответствия в славянских языках: укр. дижа, белр. дзѣжа, джѣжка, др-рус. дѣжа, слвен. děža, чешск. diže, diž 'квашня', польск. dzieža.

Словари дают два акцентологических варианта слова *дежа (дéжа* и *дежá)*. В говорах русского языка, по свидетельству материалов Атласа, имеет распространение *дежá* (с наконечным ударением); *дéжа* отмечено в 7 рассеянных нас. пунктах.

Слова *кадка, кадушка, кадулька* образованы от слова *кадь* – 'большой круглый деревянный сосуд для жидких и сыпучих тел' [13]. Известны однокоренные образования в славянских языках: укр. кадь, кадка, белр. кадка, др.-рус. кадь, кадъка, ст.-сл. кадь, слвен. кад, чешск. kad', польск. kadž. По сведениям словарей, слово *кадь* имеет довольно широкое распространение в говорах русского языка [14]. Словарь современного русского литературного языка приводит его с пометой *устаревшее* [15]. В материалах Атласа в качестве названия посуды для теста слово *кадь* не зафиксировано, в них отмечаются однокоренные образования: *кадка, кадушка, кадулька.*

В говорах русского языка в качестве названия посуды, в которой растворяли тесто для хлеба, наибольшее распространение имеют слова *дежа* и *квашня.* Употребление этих слов – один из признаков, которые входят в характеристику северного и южного наречий.

Данные лингвистической географии свидетельствуют о том, что слово *квашня* употребляется в пределах северного наречия русского языка и на территории среднерусских говоров. В единичном рассеянном распространении оно отмечается в говорах южного наречия. В пределах этой территории наблюдаются отдельные ареалы, где употребление слова *квашня* не отмечено. Наиболее значительные из них – в границах северо-восточной диалектной зоны, менее значительные – на территории среднерусских говоров (карта).

На всей территории распространения слова *квашня* оно наблюдается как в исключительном употреблении, так и в сосуществовании с другими названиями. Наиболее значительные ареалы употребления только слова *квашня* характерны для северной, западной и юго-восточной частей территории его распространения. На остальной территории имеем более мелкие ареалы.

Широко представлено сосуществование слова *квашня* с другими названиями посуды для ржаного теста. В рассеянном распространении и в виде значительных ареалов наиболее последовательно наблюдается сосуществование слов *квашня–квашонка,* отмеченное по всей территории.

В пределах Ладого-Тихвинской группы встречаются единичные случаи

Указ. соч., с. 103; *Подвысоцкий А.* Словарь областного Архангельского наречия. СПб, 1885, с. 64, *Мельниченко Г.Г.* Краткий Ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, с. 86.

[12] *Преображенский А.Г.* Указ. соч., с. 215.

[13] Там же, с. 319.

[14] См., например: *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка, т. 1. СПб., 1893. с. 1172; СРНГ, вып. XII. М., 1977, с. 303.

[15] Словарь современного русского литературного языка, т. V. М.; Л., 1956, с. 650.

сосуществования слова *квашня* со словом *кадка*, в границах Чухломского "острова" также единично – со словом *опарница*, на северо-востоке от Кубенского озера – со словом *кадулька*. В пограничных районах северного наречия последовательно наблюдается сосуществование слова *квашня* со словами *дежа, дежка*. Единичные рассеянные случаи употребления слова *квашня* в пределах южного наречия отмечаются преимущественно также в сосуществовании с другими названиями (*квашня–дежка, квашня–дежа, квашня–хлебница*).

В случаях сосуществования в говоре слов *квашня–квашонка* наблюдается неодинаковая степень употребительности разных названий на различных территориях. Так, в ряде говоров юго-западнее Рыбинского водохранилища, на северо-востоке от Тихвина и Горького, а также в верховьях р. Великой при сосуществовании *квашня–квашонка*, слово *квашня* употребляется реже, а *квашонка* является более употребительным словом (см., например, д. Милюшино Рыбинск. р-н Ярославск. обл., д. Марковка Ковернинск. р-н Горьковск. обл. и д. Большая Козляна Уренск. р-н Горьковск. обл.).

В части говоров при сосуществовании *квашня–квашонка квашонка* является названием посуды меньшего размера по сравнению с *квашней*. Такие сведения приведены в единичных (их около 40) рассеянных пунктах (см., например, д. Грибанова Гора Коношск. р-н Арханг. обл., д. Почтовый починок Кичменско-Городецк. р-н Вологодск. обл.). В междуречье Оки и Волги слово *квашня*, употребляемое наряду с *опарницей*, квалифицируется как устаревшее. На территории Западной группы при сосуществовании в говоре слов *дежка* и *квашня квашня* имеет меньшее употребление. Так же имеем: *квашня* старое, *дежка* новое (см., например, Мальцево Андреевск. р-н Смол. обл.). Иное соотношение отмечено на территории говоров севернее Вязьмы: *квашня* чаще, *дежка* реже (см., например, с. Красное Плавский р-н Тульск. обл., д. Ведерники Вяземск. р-н Смоленск. обл.), южнее Москвы: *квашня* чаще, *дежа* реже (см., например, д. Зыкеево Лопасненск. р-н Московск. обл.) и восточнее Горького: *квашня* чаще, чем *опарница* (см., например, д. Каринка Борск. р-н Горьковск. обл.).

Слово *квашонка* также характерно для северного наречия и среднерусских говоров (см. карту). Наиболее широко оно известно на территории южной части северо-восточной диалектной зоны. На остальной территории слово *квашонка* представлено с разной степенью интенсивности его распространения, значительные ареалы его наблюдаются в пределах территории, очерченной линией Калинин–Малоярославец–Коломна–Владимир–Горький–Калинин. В говорах других территорий слово *квашонка* отмечается в рассеянном распространении. Данное слово встречается как в исключительном употреблении, так и в сосуществовании с другими названиями.

В пределах территории северо-восточной диалектной зоны только слово *квашонка* представлено в виде разорванных ареалов, наиболее значительные из них наблюдаются вдоль рек Сухоны, Юга и Ветлуги, менее значительные между Вологдой и Костромой; в виде мелких ареалов и в рассеянном распространении слово *квашонка* наблюдается на остальной территории.

Случаи сосуществования слова *квашонка* с другими названиями имеют островной и рассеянный характер распространения в пределах территории,

исключающей южное наречие. Наиболее последовательно отмечается сосуществование слов *квашонка–квашня*. Слова *квасница, квашница* употребляются в единичных случаях как названия посуды для ржаного теста (по данным материалов атласа они могут являться также названиями посуды для кваса). Эти слова имеют распространение в говорах южного наречия в сосуществовании с другими названиями. Слово *дежа* приводится в материалах, относящихся преимущественно к территории южного наречия, где оно известно как в исключительном употреблении, так и в сосуществовании с другими названиями (см. карту). На остальной территории (в пределах северного наречия и среднерусских говоров) слово *дежа* зафиксировано в единичных случаях. На территории южного наречия наиболее последовательно, образуя значительные ареалы, это слово представлено в исключительном употреблении в говорах Рязанской группы: на севере и юге от Ряжска, вдоль линии Моршанск–Кирсанов и в районе Липецка. Менее последовательно слово *дежа* в исключительном употреблении отмечается на территории межзональных говоров южного наречия: на севере и юге от Мценска, около Задонска, севернее Ефремова, на территории Курско-Орловских говоров, а также вдоль течения Угры на территории Верхне-Днепровских говоров[16].

В единичном рассеянном распространении слово *дежа* отмечается на территории Западной группы. В случаях сосуществования слова *дежа* с другими названиями посуды для ржаного теста на разных территориях распространения русских говоров степень его употребительности может быть различной по сравнению с тем словом, с которым оно сосуществует.

Наиболее последовательно наблюдается сосуществование *дежа–дежка,* имеющее островной и рассеянный характер распространения, при котором в ряде говоров отмечается меньшая употребительность слова *дежа* (см., например, д. Козилово Холм-Жирковск, р-н Смоленск. обл., д. Орехово Орловск. р-н Орловск. обл., д. Куракино Михайловск. р-н Курск. обл.). При сосуществовании со словом *кадушка* слово *дежа* отмечается как устаревшее, употребляемое людьми старшего поколения (см.: д. Сетенева Дросковск. р-н Орловск. обл., с. Кучугуры Нижнедевицк. р-н Воронежск. обл., с. Погожее Тульск. р-н Курск. обл.), или наблюдается его меньшая употребительность (см.: д. Вязовна Бабынинск. р-н Калужск. обл.). В таком же соотношении находится употребление слова *дежа* со словом *хлебница: дежа* – раньше, устаревшее, *хлебница* – новое, более употребительное (см.: с. Верхнее Турово Нижнедевицк. р-н Воронежск. обл., с. Ивановка Гремяченск. р-н Воронежск. обл., с. Семидесятское Хохольск. р-н Воронежск. обл.).

При сосуществовании слова *дежа* с *квашня* и *квашонка* в ряде случаев более употребительным является слово *дежа* (см.: д. Василево Андреевск. р-н Смоленск. обл., д. Кукушкино Кировск. р-н Калининск.

[16] Наблюдаются говоры, где слово *дежа* является общим названием деревянной посуды. В отдельных конкретных случаях ее использования употребляется другое, уточняющее название. Подобные сведения содержатся, например, в ответе: Иначе *дежу* называют *пирожницей, хлебницей, квашницей* (для кваса). Т.е. слово *дежа* в этом говоре является названием деревянной посуды вообще, в случаях ее различного использования она по-разному называется: *квашница,* когда в ней держат квас, *пирожница,* когда ставят тесто для пирогов, *хлебница* – когда в ней тесто для хлеба (д. Натальино Сафоновск. р-н Тульск. обл.).

обл., д. Залучное Верейск. р-н Московск. обл.), в других – слово *дежа* употребляется реже (см.: д. Китенево Высоковск. р-н Московск. обл., д. Пановка Каменск. р-н Пензенск. обл., с. Хреновое Хреновск. р-н Воронежск. обл.).

Слово *дежка*[17] также широко представлено на территории южного наречия, где отмечается преимущественно в островном распространении (см. карту). Оно известно в говорах как единственное, так и в сосуществовании с другими названиями. В исключительном употреблении слово *дежка* встречается на территории Западной группы[18], а также в границах Курско-Орловской, Тульской и Рязанской групп, единичные вкрапления отмечаются по всей остальной территории южного наречия. Широко представлено сосуществование слова *дежка* с другими названиями. Так, при наличии в говоре названий *дежка–дежа* известны случаи наибольшего употребления слова *дежка* (см.: с. Ново-Петровка Свердловск. р-н Орловск. обл., д. Сычи Куйбышевск. р-н Калужск. обл., д. Козилово Холм-Жирковск. р-н Смоленск. обл.).

При сосуществовании его с *квашня, квашонка* слово *дежка* отмечают как более употребительное и новое. Такое соотношение имеет место на территории Западной группы (см.: д. Сельцо Демидовск. р-н Смоленск. обл., д. Ракитня Смоленск. р-н Смоленск. обл., д. Реханова Бельск. р-н Великолукс. обл.), а также в единичных случаях юго-восточнее Тулы и Москвы, севернее Малоярославца. В говорах, отмеченных по верхнему течению Западной Двины, Великой и Клязьмы имеем обратное соотношение: *дежка* – реже, *квашня, квашонка* – чаще (см.: д. Ильчино Идриц. р-н Великолукск. обл., д. Барино Октябрьск. р-н Великолукск. обл.).

В единичных говорах употребляются слова *дежня, дежница: дежня* – в 3 нас. п. (около Балашова и южнее Коломны, севернее Гдова); *дежница* – тоже в 3 нас. п. (около Мещовска, на юго-востоке от Серпухова и около Балашова). Во всех случаях слова *дежня, дежница* встречаются в сосуществовании с другими названиями.

В отдельных ответах (около 20 нас. п.) приводятся данные о том, что слово *дежка* обозначает меньшую по сравнению с *дежой* посуду, предназначенную для пшеничного теста на пироги или блины. Такие говоры отмечаются около Калуги и в рассеянном распространении на остальной территории употребления слова *дежка* (см.: с. Муравлево Бесединск. р-н Курск. обл., д. Семеновская Тарусск. р-н Калужск. обл., д. Хреновая Сычевск. р-н Смоленск. обл.).

На территории Западной группы говоров в 3 нас. п. встречается *дежка–хлебница*. Такое название объясняется, по-видимому, необходимостью выделить дополнительным определением, конкретизировать назначение предмета, который может быть использован для разных целей. Вероятно, слово *дежка* в этих говорах является названием деревянной

---

[17] Ряд словарей акцентирует внимание на произношения слова *дежка* (не *дёжка*!). См., например: *Даль В.И.* Указ. соч., с. 215; СРНГ, вып. VIII, с. 333. Однако в материалах Атласа встречается *дёжка*. Говоры (около 20 нас. п.), в которых отмечено такое произношение, расположены на территории вдоль линии Серпухов–Рязань.

[18] Обращает на себя внимание тот факт, что эта же территория характеризуется распространением основы *матк-, дочк-*. См. карту 9 ДАРЯ, вып. 2. Морфология.

посуды вообще[19], так как в ответах приводятся в ряде случаев названия *дежка–сальница, дежка–капустница* (см.: д. Булино Велижск. р-н Смоленск. обл.).

Таким же уточнением к слову *дежка* является, вероятно, название *хлебня:* посуда для теста *дежка,* различают *хлебня* и *блинка* (см.: д. Ст. Кочева Дубровск. р-н Брянск. обл.).

Единичное употребление в говорах русского языка в качестве названия посуды для ржаного теста имеют слова *кадка, кадушка.* При этом первое из них характерно для говоров северного наречия, второе – для южного. Слово *кадка* отмечено на незначительном ареале в пределах Ладого-Тихвинской группы говоров, в единичных рассеянных говорах оно отмечается на остальной территории. В границах основного ареала распространения слово *кадка* наблюдается в исключительном употреблении, в остальных случаях – оно сосуществует с другими названиями: в ряде говоров оно употребляется как новое по сравнению с сосуществующими: *квашня, кадка* новое (см.: д. Обечище Хвойнинск. р-н Новгородск. обл.). Как уже указывалось, на территории южного наречия отмечено название *кадушка.* Основной ареал его распространения наблюдается на территории Елецких говоров и южной половины Курско-Орловских говоров, где за редким исключением оно представлено в сосуществовании с другими названиями. Как единственное слово *кадушка* отмечено в единичных разрозненных говорах (южнее Ефремова, северо-восточнее Курска и юго-западнее Нижнего Ломова).

Слово *кадушка,* по имеющимся в ряде ответов сведениям, при сосуществовании с другими названиями является новым словом (см.: с. Погожее Тульск. р-н Тульск. обл., с. Кучугуры Нижнедевицк. р-н Воронежск. обл.) или более употребительным (см., например, пос. Вытебеть Знаменск. р-н Орловск. обл., с. Подхожее Серебряно-Прудск. р-н Моск. обл., д. Недьяково Заокск. р-н Тульск. обл.). Отмечается и обратное соотношение: *кадушка* и *квашня* являются менее употребительными, чем *дежа* (см.: д. Верхняя Павловка Березовск. р-н Липецк. обл.).

Слово *кадулька* зафиксировано в 4 нас. п. в верхнем течении Чагоды и на востоке от оз. Воже, во всех случаях оно отмечено в сосуществовании со словом *квашня.*

Слово *хлебница,* как название посуды для ржаного теста, в говорах русского языка имеет незначительное распространение. Оно отмечено на территории Западной группы, некоторая локализация наблюдается в Межзональных говорах типа Б южного наречия. Остальные случаи имеют единичный и рассеянный характер распространения на разных территориях русских говоров: западнее Череповца, около Рязани, Ряжска, Нижнего Ломова, Мичуринска, севернее Великих Лук, южнее Юхнова (см. карту).

В качестве единственного названия посуды для ржаного теста оно отмечено в 7 разрозненных нас. п. В остальных случаях оно наблюдается в качестве сосуществующего с другими названиями, являясь более употребительным и новым.

В части говоров русского языка для обозначения посуды, в которой растворяют тесто для хлеба, употребляются сочетания прилагательного

[19] См., например: Словарь XI–XVII в., вып. IV, с. 201.

с существительным: *хлебная кадка, хлебная квашонка, дежка хлебная*. Слова *кадка* и *дежка* в соответствующих говорах обозначают деревянную посуду вообще, предназначенную для широкого использования (солят капусту, грибы; хранят сало, держат квас)[20]. Особое название за посудой, предназначенной для растворения теста, не закреплено. Такие сведения имеем из говоров, распространенных вдоль западной границы по линии Нарма–Псков–Ново-Ржев–Великие Луки–Велиж. Отдельные случаи подобного употребления отмечаются около Тулы, Ефремова, Курска: *дежка хлебная, блинная дежка* (см.: д. Михнево Волховск. р-н Ленингр. обл., с. Джуровка Погарск. р-н Брянск. обл., д. Рязанка Мордовск. р-н Тамбовск. обл.).

В незначительном числе ответов (их около 20) в качестве названия посуды для ржаного теста приводится слово *опарница*[21]. Наряду с ним в трех ответах в районе Чухломы приведено *опарник*. В рассматриваемом значении слово *опарница* употребляется в районе Чухломы и на востоке от Кинешмы, Галича и Рыбинска, на юго-западе от Яранска (см. карту). *Опарница* отмечается как единственное, так и наряду с другими названиями. В последнем случае оно обычно является новым словом: *квашня* – деревянная небольшая кадушка, название и предмет старые; теперь – *опарница* (д. Михайловское Пестяковск. р-н Ивановск. обл.) или *квашня* называли раньше, теперь – *опарница* (д. Золино Володарский р-н Горьковск. обл.).

Как показало изучение распространения различных названий посуды, в которой растворяют тесто для хлеба, в ее употреблении произошли заметные изменения. Это вызвано как изменением в структуре семьи, так и самого быта. Большие семьи, насчитывающие нередко более десятка человек, сменились в современной деревне малочисленными (2–3 человека), в связи с чем исчезла необходимость в применении для растворения ржаного теста большой деревянной посуды. Кроме того, почти повсеместно традиционная выпечка хлеба в домашних условиях заменена централизованной. Все это нашло в ряде случаев отражение в языке.

Слово *квашня*, которое раньше обозначало большую деревянную бочку, вмещающую несколько пудов муки, теперь в ряде говоров может употребляться для обозначения любой (деревянной или глиняной) посуды, предназначенной для любого теста[22], т.е. сохраняется название по функции: *квашня* – деревянная для ржаного теста, *опарница* – для белого. Если глиняная посуда употребляется для ржаного теста, то называется тоже *квашня* (см.: д. Малое Левашово Середск. р-н Ярославск. обл.); раньше *квашней* называлась деревянная посуда, в которой месили тесто. Теперь *квашней* называется любая посуда, предназначенная для теста. *Квашней* назы-

[20] См., например: *Молодых К.А.* Наблюдения над бытовой лексикой говора русского старожильческого населения Тункинского р-на БаССР. – Труды Иркутского ун-та им. Жданова, 1968, т. 65, вып. 4, с. 59.

[21] Как свидетельствуют материалы Атласа (см.: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы (Вступительные статьи и комментарии). М., 1957, карта 187 с. 962–963), в подавляющем большинстве ответов *опарницей* называется небольшая, как правило, глиняная посуда для опары или пшеничного теста, для пирогов или блинов. Подобные сведения содержатся и в ряде словарей (см., например: *Даль В.И.* Указ. соч., с 676; *Мельниченко Г.Г.* Указ. соч., с. 133).

[22] См., например: *Жбанкова Т.С.* Названия посуды в Рязанских говорах. – Учен. зап. Рязанского гос. пед. ин-та, 1962, т. 31, с. 136.

вается глиняный горшок, чугунок, если в них месят тесто (см.: д. Морозово Волховский р-н Ленинградск. обл.).

Как показывает изучение материалов Атласа, рассматриваемые слова в случаях сосуществования могут иметь одинаковое значение в одних говорах (в этом случае они употребляются в своем основном значении) и разное значение в других, причем разное значение отмечается в единичных случаях. Одно из слов может обозначать посуду, меньшую по размеру, или иметь иное назначение: *дежа* для хлеба, *дежка* под блины (см.: с. Домачи Лев-Толстовск. р-н Липецк. обл.), *квашня* для хлеба, *квашонка* для пирогов (см.: д. Брод Кичменско-Городецкий р-н Вологодск. обл.), а также *дежа* для хлеба, *квашня, квашонка* для закваски молока (см.: с. Нижн. Мосоловка Грачевск. р-н Липецк. обл.); *дежа* – деревянная посуда, в которой растворяют тесто, *квашня* – это посуда (деревянная и глиняная), в которой держат квас (см.: с. Грунин Воргол Становлянский р-н Липецк. обл.); *дежа* для хлеба, *квасница* для кваса (см.: д. Борзенково Мантурск. р-н Курск. обл.).

Как правило, материалы Атласа отмечают различное название посуды в связи с ее назначением: для ржаного теста большая деревянная посуда – *квашня, дежа,* для пшеничного – глиняная : *кринка, горшок, пирожница.* В отдельных говорах имеем сведения: *квашня* – деревянная. *Это пекли хлеб, тесто растворяли, а если пироги, то глиняная квашня* (см.: д. Гаврилково Завидовск. р-н Калининск. обл.).

Изучение различных названий посуды для ржаного теста показало также, что одни из них являются древними[2 3], другие, такие как *хлебница, опарница* являются достаточно ранними инновациями говоров русского языка.

Н.П. Зверковская

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ РУССКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО ГОВОРА ЛУДЗЕНСКОГО РАЙОНА ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Русские говоры узкой полосой тянутся по территории Латвии вдоль старой границы между латышскими и русскими землями. В глубокой древности тут соседило с прибалтами крупное севернорусское племя кривичей. Древняя граница латгалов и кривичей проходила в основном по р. Зилупе (р. Синяя), с небольшими отклонениями, т.е. примерно там же, где в X–XI вв. проходила западная граница русских княжеств.

Со второй половины XI в. по середину XIV в. Псков входит в Новгородский политический союз. К этому времени (XII–XIII вв.) относится формирование древних территориальных диалектных групп, в том числе родственных друг другу говоров Новгородской земли, Смоленской и Полоцкой земель, а также говоров псковских, совмещавших черты тех и других[1].

[3] Слово *дежа* отмечено в картотеке ДРС в грамоте второй половины XIII в., слово *квашня* – в Словаре XI–XVII в. зафиксировано в начале XVII в.

[1] См.: *Аванесов Р.И.* Вопросы образования русского языка в его говорах. – Вест. ГУ, 1947, № 9, с. 131. О близости говоров псковских и смоленско-полоцких в XIII–

В XIV–XV вв., после получения Псковом самостоятельности (1338 г.) и укрепления его связей с западными и юго-западными землями, в языке псковских памятников усиливаются черты, сближающие их с памятниками западнорусской письменности. В дальнейшем, однако, наблюдается расхождение псковских и смоленско-полоцких говоров, развившихся на общей кривической племенной основе. Немалую роль сыграло тут объединение смоленско-полоцких говоров с другими восточнославянскими в пределах Литовского великого княжества в XV в. К XVI–XVII вв. в северо-западной области уже складываются устойчивые системы различных местных говоров. Взаимодействие между смежными говорами происходит в основном лишь вдоль их границ, в местах смешанных поселений, в районах постоянного общения носителей разных говоров. Но и в более поздние периоды развития говоров диалектные границы не вполне совпадают с административными, свидетельствуя как об устойчивости говоров, так и о продолжающемся их взаимодействии. Поэтому иногда трудно разобраться в том, являются ли данные сходные черты смежных говоров наследством их древней общности, относятся ли они в том и другом говоре ко времени их возникновения в одном из говоров или это позднейшее проникновение – результат продолжающегося взаимодействия говоров. Таковы, например, сложные взаимоотношения части псковских средневеликорусских (ср-в-р) говоров (к которым относится и рассматриваемый говор на территории Латгалии[2]) и северо-восточной группы белорусских говоров, особенно ее северной части.

Эти псковские говоры, северные по происхождению, относятся к первичным ср-в-р говорам, образовавшимся в результате смешения носителей разных диалектов в период, когда еще не могло быть речи о влиянии нормализованного языка.

Как известно, при взаимодействии акающих и окающих говоров в процессе образования ср-в-р говоров древнейшей формации в этих говорах неизменно побеждало аканье[3]. Первые признаки появления аканья в памятниках псковской письменности относятся к XIV в. В XV–XVI вв. аканье, несомненно, уже вполне развилось в части псковских говоров (в северной же их части до сих пор отмечаются переходные типы предударного вокализма[4]). То обстоятельство, что случаи аканья в западнорусских памятниках засвидетельствованы только с XV в., а также относительно поздний тип яканья в белорусском языке, где аканье распространилось с востока в результате сильного ю-в-р влияния[5], заставляют диалектологов искать источник псковского аканья и яканья во взаимодействии не с бе-

---

XV вв. см. также: *Соболевский А.И.* Смоленско-Полоцкий говор в XIII–XV вв. (Отд. оттиск из РФВ, с. 14).

[2] Об истории формирования русского населения в Латгалии, о распространении и группировке русских говоров на этой территории см. например: *Семенова М.Ф.* Русские говоры Латвийской ССР (Краткий обзор). – Труды Ин-та яз. и лит-ры АН Латв. ССР. VIII. Рига, 1964; *Заварина А.* Из истории поселения старообрядцев в Латгалии. – В кн.: Атеизм и религия. Рига, 1969.

[3] См.: *Аванесов Р.И.* Указ. соч., с. 147.

[4] См. *Аванесов Р.И.* Лингвистическая география и история русского языка. – ВЯ, 1952, № 6, с. 35.

[5] См.: Там же, с. 37, 43.

лорусскими, а с ю-в-р говорами. Указания на это находим, в частности, в работах Р.И. Аванесова[6] и Т.Н. Кандауровой[7].

В результате междиалектного взаимодействия указанные псковские говоры совместили в себе две важнейшие черты, одна из которых является основным и древнейшим признаком севернорусских говоров (*г* взрывное), а другая, типичная для говоров южных (аканье), свидетельствует о возникновении ср-в-р говора.

Несколько особая историческая судьба была у самой крайней западной части псковских говоров (на территории Латвии). Эта область, временно находившаяся в пределах Польши, с 1772 г. входила в Витебскую губ. России (б. Люцинский и Режицкий у.). Длительное объединение с белорусскими говорами в пределах Витебской обл., а затем обособление приграничных русских говоров за государственной границей буржуазной Латвии в какой-то мере сказалось на них (большее сближение с белорусским, чем это наблюдается в основных псковских говорах; следы влияния латышского языка). В тех местах, около которых в начале нашего века отмечалась сплошная белорусская территория[8], в настоящее время находим ср-в-р говор псковского типа с заметными белорусскими чертами; эти черты встречаются в псковских говорах лишь по соседству с белорусскими: отвердение *р* (белорусского характера), удвоенные согласные на месте сочетания согласных с *j*, переход *л* > *ў* и др. Существенных грамматических и фонетических отличий от псковских говоров нет[9].

В 1957 г. Прибалтийской объединенной комплексной экспедицией Институтов Этнографии и Истории материальной культуры АН ССР при участии сотрудников Института русского языка АН СССР было произведено обследование русских говоров на территории Латвии по границе с РСФСР в двух районах: б. Карсавском[10] (колхоз "Победа", с. Голышево, деревни Покули, Ореховка, Захари, Плотницкие, Сопки, Калуженка, По-

---

[6] См.: Аванесов Р.И. Вопросы образования русского языка в его говорах, с. 132.

[7] См.: *Кандаурова Т.Н.* Из истории древнепсковского диалекта XIV века. – Учен. зап. МГПИ, т. XXXIII, вып. 3, 1954, с. 174–175. "Белорусские черты" псковских говоров Т.Н. Кандаурова объясняет отчасти общей кривической подосновой (наиболее древние черты), отчасти постоянным взаимодействием этих смежных говоров; см.: *Она же.* К истории древнепсковского диалекта XIV в. (о языке Псковского Пролога 1383 г.). – Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. VIII. М., 1957, с. 284; см. также: *Царева Л.И.* Говоры юго-западной части Псковской области (Фонетика и морфология). Канд. дис. Л., 1954 (машинопись), с. 22. В дальнейшем ссылки на эту работу, в которой прослеживаются связи современных говоров с древнепсковским диалектом, даются сокращенно: Пск. гов.

[8] Относительно северных границ сплошного распространения белорусов в начале нашего века см.: Этнографическая карта белорусского племени. Составил Е.Ф. Карский. Рос. АН. – Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России, 2. Пг., 1917, с. 2.

[9] Ср. говоры Витебской обл., примыкающие к Латвии: *Гайдукевич И.М.* Говоры Дриссенского района Витебской области. – Автореферат канд. дис. Минск, 1954. При всем взаимном сходстве со смежными ср-в-р говорами, эти белорусские говоры, как можно судить по их описанию, сохраняют основные отличительные черты своей исторически сложившейся (к XIV–XVI вв.) основы.

[10] По новому административному делению Карсава входит в Лудзенский р-н. Однако при описании материала, собранного в деревнях б. Карсавского р-на, мы именуем данный говор карсавским в отличие от других, не рассматриваемых нами русских говоров Лудзенского р-на.

рожек, Светлицы, Мишинское) и Лудзенском (колхоз им. Пушкина). Был собран материал, необходимый для характеристики традиционного говора этих территорий.

Здесь дается описание наиболее существенных фонетических и морфологических особенностей Карсавского говора, позволяющее уточнить его место среди говоров русского языка.

ФОНЕТИКА

Гласные

Из основных фонетических черт, характеризующих рассматриваемый говор, следует прежде всего отметить недиссимилятивное аканье, т. е. неразличение гласных неверхнего подъема *а, о* в первом предударном слоге после твердых согласных (совпадение их в звуке *а*). Большое количество собранного материала и его однородность заставляют ограничиться приведением лишь немногих примеров:

Произношение *о* в 1-м предударном слоге: а) перед гласными верхнего подъема *и, ы, у* и перед *е* (из *ѣ*): *саўсе́м, гаршки́, на карамы́сли, паёў бы, ў бару́;* б) перед гласным нижнего подъема *а: дач'ка́, ара́ли, аста́ўшы;* в) перед гласными среднего подъема *о, е: харо́мы, каро́ўка, канапе́л', хъладе́ц, сабе́риш;*

Произношение *а* в 1-м предударном слоге: а) *кўашо́нка, наўо́с, шмато́к;* б) *штака́н, пастрада́ўшы, каўта́н.*

После мягких согласных, вне зависимости от качества следующего согласного или ударенного гласного, в 1-м предударном слоге гласные неверхнего подъема совпадают в звуке *а*. Таким образом, для говора характерно сильное яканье. Приведем некоторые примеры.

Произношение *е, ѣ, а* в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными: а) перед ударенным *а: сястра́, зямля́, ўясна́, рака́, ўянца́, синяка́м, заўяза́ный;* б) перед ударенным *о* из этимологического *о* под восходящим ударением: *кляно́ўый, ўясно́й, пънямно́шку, ўерятно́, пярло́ўки, тяпло́; гняздо́, сляпо́ва; рябо́ўа, чирўяко́ў;* в) перед ударенным *о* из этимологического *о* под нисходящим ударением или из *ъ: сўякро́ўка, папяло́к* (уменьш. от "пепел"), *ляно́к, ўяно́к, цўято́к, мяшо́к;* г) перед ударенным *у: ў сиряду́, зямлю́, бяру́т', на пяску́, ўядру́, нъ ўяку́;* д) перед ударенным *ы: чатыри́ сястры́; смяшны́х, ўятры́, дяды́, цўяты́;* е) перед ударенным *и; зямли́, сярди́лася; сляпни́, цўяткы́, ўянки́;* ж) перед ударенным *е: тямне́й, тяпле́й, тярпе́ла; ў пяске́.*

Произношение *е, ѣ, а* в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными: а) перед ударенным *у: пян'ку́, з дярю́ги, ў дяктю́, ў сям'йу́;* б) перед ударенным *и: гли ряки́, ляс'ни́к, кляни́на, мяти́на, рябини́на, чирўяки́, зимляни́ка;* в) перед ударенным *е* из *ѣ: тяле́гу, няде́лю, няўе́ска;* г) перед ударенным *е* и *о* (из *е* и *ь*): *бял'л'о́, зял'о́нин'ки, ряб'о́нка, бял'йо́, на вяр'о́х, пяк'о́ш, дятёй, дян'о́к, ўяне́ц; нъпряд'о́ш;* д) перед ударенным *а: диряўя́нная, с пяс'ня́м, пян'ка́.*

Совпадение этимологических *е, ѣ, а* в 1-м предударном слоге находим и в положении перед твердыми шипящими или после них, например: а) перед

твердыми шипящими и ц: *пяшша́на, клящша́м, ряшна́я; мяшки́, пиряшли́, ляжни́; ряшо́тку, пяшко́м, мяшо́к, кърящо́к, гляжу́; на мисяцу́*; б) после твердых шипящих и ц: *на жарна́х, шшапа́, жана́; шалко́ўый, шшапо́й, ришато́; жалу́тка, жану́; жаны́, шшапы́; ажан'о́на; жани́х, пъшани́цу; лъшаде́й; пъ царкўя́м, пъцалу́ются.*

Как известно, недиссимилятивное аканье в 1-м предударном слоге после твердых согласных и типы яканья вторичного происхождения (в частности, сильное яканье) являются характерной общей чертой всех ср-в-р говоров[11]. В "собственно псковских" говорах (по классификации Н.Н. Соколова[12]) свойственное им сильное яканье и недиссимилятивное аканье "развилось на окающей основе из аканья Гдовского типа путем обобщения гласной *а* перед ударными гласными среднего подъема" (Пск. гов., 216).

На месте этимологического ѣ под ударением перед твердыми и мягкими согласными произносится *е*. Например, а) перед твердыми согласными: *ре́па, не́т, прие́хаўшы, зае́халшы, ўе́к, хле́п, ле́тас', ле́ташни, няўе́ска, кле́ў, с''е́на* (сено), *бе́гае, зґаре́ўшы, бе́лай, хле́ў, тяле́га, пълате́нцы, ў те́ста*; б) перед мягкими согласными: *на се́мяны, пе́с'ню, е́з'дию, ня е́ли, на ме́с'ти, няде́ля, зме́й, бе́лин'ку.*

На конце слова под ударением на месте ѣ также произносится *е*. В дат. и предл. падежах ед.ч. существительных жен. рода *и* появляется, очевидно, нефонетическим путем, например: *на по́жни, к ряки́, в Ри́де* (в Риге), *нъ ўяр'оуач'ки, на ряки́, мне́, ў дяре́ўни, на зямли́, гд'з'е́, у сям'йи́, у Расе́и* и др.

Как можно видеть из примеров (см., например, в разделе о произношении *е, ѣ, а* в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными, пункт "б"), *о̂* совпадает в данном говоре с *о*.

В начале слова перед *о, у* появляется протетический звук *в* (ў) – черта, свойственная части белорусских и западной части ю-в-р говоров и не получившая заметного распространения на севере[13]. В псковских ср-в-р говорах это обычное явление. Примеры: *ўо́шшуплю, да ўо́синц, ўухўа́т, ўузо́р, на ўу́лицы, ўу́трам, ўу́лица, ўо́кна, ўо́син'йу, ўо́брас, ўушла́, вумерла, ўо́зира, ўу́л'йам, паўу́жы, ўо́страў, ўу́шы.*

Согласные

Для говора, как уже говорилось, характерно взрывное образование *г* (то же отмечается в собственно псковских говорах), ср., например: а) в начале слова: *гуўно́, гуся́ч'чя, гара́ст, гни́лины, гаршки́, го́да, ў гара́х, го́лът, ў го́рът, гълаво́й, гу́н'ку, гънабо́л', з гаро́да, па галаўы́, гало́нный, гълаўу́, гўо́ст, на гўаздў, гадо́ў, где́, гъспада́, гара́с, на гумне́, гяктар, з Галышо́ўа, го́с'ти* и др.;

б) в середине слова: *ўно́га, ръга́тъч'ка, тарго́ўых, на бирягу́, бе́гае, нагам, ўы́ган, луги́, луго́ў, ў я́гады, вно́га, ўсягда́, ч'арни́ги, пъляго́шъ, нагу́, зграбили, стага́, ъгаро́т, нягонный, мо́гете, с тўарага́, з дярю́ги, ў луга́к, ладга́лцы, лиго́, пираги́* и др.;

---

[11] См.: *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии, ч. 1, 1949, с. 232.

[12] См.: *Соколов Н.Н.* Говоры Псковской губернии. – Труды МДК. РФВ, т. LXXVII, 1917, № 1–2, с. 157–159.

[13] См.: *Орлова В.Г.* Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных. – ВЯ, 1955, № 6, с. 14.

в) перед сонорными: *грибо́ў, гляжу́, гна́т', нъ гняздо́, кру́гла, гли дятле́й, гли сашы́, ў гла́зы, грабы́лкай, гра́с', гны́ла, бягле́ц, глуко́й, сагну́ўшы, пъ грядо́м, гра́зныи, гля до́му, гны́лина, гны́лу* и др.

Встретилось лишь несколько случаев употребления фрикативного *γ*: *зγаре́ли, яγо́рий, па γо́ркам, яγо́, каγды́, баγа́тый, уγо́н'ник, тарγо́ўы.*

В конце слов или перед глухими согласными *г* оглушается в *к: ту́рак, л'о́кка, пало́к* (полог), *мя́кка, мя́кки, ня л'о́к, бо́к зна́ит, прибе́кшы, ле́кче, ня мо́к, ўакру́к, на лу́к, сапо́к.*

Наличие *к* на месте *г* перед глухими согласными и на конце слова может свидетельствовать об исконности *г* взрывного, во всяком случае о существовании его в говоре до падения глухих, а не о позднем, вторичном его усвоении.

Встречается также *к*, употребляемое вместо *х*, и, следовательно, не являющееся глухим вариантом фонемы *г*. Интересно, что у части опрошенных местных жителей *к* вместо *х* находим лишь в немногих словах (это слова: *хутор, колхоз, хозяин*, реже: *хлеб, хлев* и др.). Другая часть жителей употребляет *к* вместо *х* регулярно, даже в падежных флексиях. Чаще всего это наблюдается в речи самых старых местных жителей, но иногда и у молодых, знающих латышский. Это явление можно, вероятно, объяснить латышским окружением (латыши, заимствуя или употребляя иноязычное слово с *х*, заменяют *х* привычным для них звуком *к*[14]. Замена *х* на *к* характерна и для русской речи местных латышей, которые в той или иной степени владеют русским разговорным языком: *ку́тър, на кутара́х, закаря́м, у калко́зъх, ку́тар, дўа́ казя́ина, па кутара́м, ў калко́с, клябо́ў, ў калко́зи, суки́е, накади́лис', каро́шый, ня ку́жа, закари́, аре́каўка, казяинаў, уаз'о́рак, кле́ў, пло́ка, гаро́к, калста́, да ку́тара, калко́с, г закарю́, сака́, ў часа́к, пасту́к, ў гада́к, таки́к, руба́ку, быкмары́, стану́ка, пако́жа, чатыр'о́к, казя́ин, крясто́ч'кам, стару́ка, кле́п, ў мяста́к, са́карю, сўярка́, глуко́й, прикире́л, наўяр'о́к, с сако́й, ако́тник, ў по́куляк, ў сўятли́цак, закар, пасо́кли, пу́кне, распу́кчи, ку́тар, ў лята́к, за тр'о́к, ъ калко́зу, ў старика́к, кади́ли, кало́дныя, кляўа́, прие́катшы, нъ плячак, кр'о́паныи, кр'о́пка.*

Иногда наблюдается переход *ки, ке, ги, ге* соответственно в *ти, те, ди, де*. Ср. примеры: а) *ти, те: ка́шти, ўади́ц'ти, те́стач'ти, ти́слен'ка, бу́лач'ти, спят'о́тца, три по́лти, мятти́на;* б) *ди, де: мо́де* (3 л. ед. ч.), *ў Ри́де, но́ди, мо́деш, гля Ри́ди, съпади́.*

Это явление, характерное для многих ср-в-р говоров, объясняется как результат взаимодействия между ю-в-р и с-в-р говорами, имеющими разную степень смягчения согласных[15].

Возможно, аналогичное объяснение могла бы получить и другая особенность: произношение мягких *т', д',* как *ц', д͡з'*[16], чаще рассматриваемое

---

[14] См. у Н.Н. Соколова (Указ. соч., 163) замечание об употреблении *к* вм. *х* у русских, живущих в непосредственном соседстве с латышами (наблюдения относятся к периоду до отделения Латвии в 1917 г.). Он объясняет это латышским влиянием.

[15] См.: *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии, с. 232.

[16] См. об этом: Пск. гов., с. 297_5–297_{16}. Там указывается, что распространение дзеканья и цеканья в псковских говорах также свидетельствует не в пользу белорусского заимствования: оно шире на севере, северо-востоке и в центральной части тер-

как старая "белорусская черта" псковских говоров. Примеры довольно немногочисленны: а) перед *е, и: ня д͡з'е́лали, д͡з'е́лаютца, д͡з'е́душка, д͡з'е́н', д͡з'е́ўят', д͡з'е́сит', д͡з'е́т, гд͡з'е́, д͡з'е́н'ги, д͡з'ўе́, ад͡з'е́л'на, д͡з'е́няшки, зд͡з'еўа́й, ид͡з'о́т, ад͡з'и́н, д͡з'ве́ри* (и *две́ри*), *ид͡з'е́т, ацец, д͡з'е́ник, д͡з'ия́лу, з д͡з'е́тстўа;* б) перед *а: д͡з'я́д͡зин'ка, д͡з'ярéўни, д͡з'ятéй, д͡з'яни́цы, д͡з'я́дюшка, д͡з'яўчо́нка, д͡з'ялóў, д͡з'ян'га́м, д͡з'ярéўня, д͡з'ят'онак, ў д͡з'ярéўни;* в конце слова: *нас''и́ч', наўяза́ц', нь успе́ч', куша́ц'.*

Надо отметить, что те же лица могут произносить эти согласные, даже в тех же словах, без цеканья и дзеканья. Последовательно проявляется дзеканье лишь в русской речи местных латышей, с которыми удалось побеседовать.

Сочетаниям согласных с *j* у ряда лиц соответствуют удвоенные согласные: *сўи́нню, бял'л'о́, състаян'ня, пла́т'тя, у ўаскрисе́н'ни, гуся́ч'чя, пла́т'ти, ўаре́н'ня, бял'йо, вишэн'йе, прашэ́н'ня, нъ загóр'йи, пъкале́н'ня, бра́т'тя, ражде́н'ня, пла́т'тя.*

Слабое распространение этого явления наблюдается и в собственно псковских говорах (Пск. гов., 224). Н.Н. Соколов в начале 20-х годов отмечал, что оно наряду с отвердением *р* встречается в местностях, пограничных с Витебской и Смоленской губ., и в нек. др., и видел в нем следы белорусского влияния[17].

В подавляющем большинстве случаев вместо губно-зубного *в* употребляется билабиальное *ў* (*w*). Оно отмечается не только перед глухими согласными и в конце слова, но и перед гласными, а также перед звонкими и сонорными согласными. Так как этих примеров слишком много, приведем лишь примеры, встретившиеся в речи тех, кто наряду с *ў* употребляет губно-зубное *в* и его глухой варинат *ф* (пять человек из двадцати опрошенных): *фчяра́, сафсе́м, дяфчо́нка, за астро́ўчик, ўсягда́, ў Ко́рсаўку, сўякро́фки, на вяр'о́х, гълавóй, перявéдена, хўатáе, ўаражы́т', жыўйо́, спяру́а, сваéй, ничавó; аста́ўшы, ўсé, хлéў; цўято́к, павéтка, навéс, ўянка́, ўяно́к, двяря́м, ў кляўу́, дўяря́м, на вяро́х, на ражжастўо́; згаре́ўшы, ўзя́ўшы, даўн'о́шны, хлéў, ўо́т, сме́ниўали, вышыва́ная, све́рку, кав'о́р, завўт, две́ри, дўа́, даўа́ли, каро́ўы, разгаўо́р, за́драўък, ўяне́ц; сла́ўшэ, тушко́ўку, пярло́ўку, на ўсю́, на ўсхо́т, аста́ўшы, де́ўкам, гало́ўка, ўяр'о́ўки, наде́ўшы, пярло́ўки, ў Ко́рсаўку, ла́ўка, ўчара́с', абразаўа́ўшы, ўзя́т', ў дяре́ўни, взашо́тцы, атпраўля́итца; ге́ктараў, дамаўйо́ў, хрясто́ў, казя́инаў, бари́саў, кле́ў, про́тиў, з бако́ў, Пакро́ў, ўари́т, сўе́тла, дўа́, сяўо́н'ня, траўу́* (и далее на 58 примеров употребления *ў* перед гласной – 1 пример с *в: укра́шывали*); на 14 примеров употребления *ў* перед согласной и на конце слова – 1 пример с *ф: фстре́тила.*

Губно-зубное *в* и его глухой вариант *ф* встречаются лишь у немногих жителей, причем у тех же самых лиц в этих случаях они не различаются с *ў* (это ясно из примеров, приведенных на употребление *ў*). Таким образом, трудно говорить о наличии в говоре полноценной фонемы *в* и ее

ритории собственно псковских говоров, чем на юге и юго-западе, "откуда шло белорусское влияние". Однако это скорее может говорить не за или против "белорусского заимствования", а лишь о древности данного явления, которое примерно в одно время могла переживать часть псковских и часть будущих белорусских говоров и которое теперь является исчезающей чертой.

[17] См.: *Соколов Н.Н.* Указ. соч., с. 159, 163.

глухого варианта *ф*. В отличие от говоров, имевших губно-зубное *в*, которое после падения редуцированных на конце слова и перед глухими согласными оглушилось в *ф*, в говорах с губно-губным *w*(*ў*) *ф* не является исконным звуком. С этим связаны различные замены *ф* в говорах, которые не могли освоить этого звука. В описываемом говоре *ф* также не является исконным звуком. В иноязычных словах оно заменяется чаще всего сочетанием *хў* (*хв*), иногда *п*, *х*, *к* (=*х*); очень редко (в слове *хутор*) наблюдается и обратная замена – *х* на *ф*. Примеры: *хўнт*, *хўўнтъў*, *сърахўа́ны*, *хўе́т'кина го́рка*, *хуами́лия*, *фў́тар*, *пътаграфи́ръўали*, *канхўе́там*, *ту́хли*, *пасо́л'*, *пасо́ли* (фасоли), *на хро́н'ти*, *салхўе́тку*, *канхўе́ту*, *хами́лия*, *Хўядо́т'йа*, *салфе́тка*, *хўо́рмы*, *на фў́тар*, *фў́тара*, *кала кунда́менту*, *сърахўа́н*, *лю́хты*, *ли́фчики*, *ко́фтач'ка*, *фа́ртухи*, *фтаро́ўа*.

Смешением *ф* и *в* вызвана и замена *ф* в слове *каўта́н*.

Очень близкая картина преобладающего употребления *w*(*ў*) наряду с относительно редкими случаями употребления *в* губно-зубного и его варианта *ф* отмечена Л.И. Царевой в собственно псковских говорах, которые она, по классификации В.Г. Орловой, относит ко II типу (Пск. гов., 297_{36}).

М.А. Новгородов в говоре Дагдского р-на Латвии также обнаруживает наряду с губно-зубным *в* и билабиальное *w* (обычно в конце и в середине слова перед согласными)[18].

Преимущественное употребление *w*(*ў*) вне зависимости от позиции может указывать на то, что оно является в говоре исконным звуком, а не "южной" или "белорусской" его чертой. Этому не противоречат и показания памятников письменности, сохранившихся с XIV в. Большинство исследователей языка древнепсковской письменности указывают на мену *оу* и *в* (которая может говорить о губно-губном характере [в]) уже в самых ранних памятниках. Т.Н. Кандаурова также отмечает эту мену в начале слова в языке Псковского Пролога 1383 г., но делает следующий вывод: "Исходя из написаний памятника, нельзя определить, произносился ли первым писцом звук [в], как звук губно-зубной или губно-губной, тем более, что в орфографии писца нет никаких указаний на наличие в его произношении оглушения звука [в] . . . "[19]. Однако отсутствие у *в*–*в'* глухой пары, казалось бы, могло служить лишним подтверждением его губно-губного характера. Неубедительна и ссылка на отсутствие губно-губного *w* в современных псковских говорах. Н.Н. Соколов, на которого, в частности, ссылается Т.Н. Кандаурова (с. 268), в самом деле, без всяких оговорок приводит губно-зубное *в* в перечне общих особенностей всех псковских говоров[20], между тем это не может соответствовать действительности, так как во всяком случае "собственно псковским" традиционным говорам свойственно именно губно-губное *w*. Очевидно, это указание объясняется непроверенностью сведений или их недостаточной дифференцированностью в данном случае по говорам. К тому же сам Н.Н. Соколов замечает, что начальное *у* перед согласным переходит в *в* и начальное *в* переходит в *у*, а так-

---

[18] См.: *Новгородов М.А.* Из наблюдений над фонетикой и морфологией говора русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР. – Учен. зап. Даугавпилсского Гос. пед. ин-та, 1958, с. 353.

[19] *Кандаурова Т.Н.* К истории древнепсковского диалекта XIV в., с. 268.

[20] *Соколов Н.Н.* Указ. соч., с. 154.

же приводит примеры с отсутствием оглушения *в* на конце слова и слога перед глухим согласным[21]. Очевидно, эти особенности свидетельствуют о том, что в говорах имелось наряду с *в* губно-зубным и *w* губно-губное, употребительность которого осталась, к сожалению, невыясненной.

Трудно предполагать, что это *w* в псковских говорах не было исконным, а было занесено туда белорусами или южновеликорусами. Скорее, наоборот, появляющееся там *в* с его вариантом *ф*, до сих пор так трудно прививающимся, представляет собой отступление от исконной системы. "Наблюдения над многими говорами славянских языков показывают продолжающийся еще и в наши дни переход от системы с одним спирантом *w* к системе с *в* или *в* – *ф*, но ни один из говоров не обнаруживает обратного перехода. Это свидетельствует об исконности обеих систем или о развитии их из системы с одним спирантом, но не об обратном развитии процесса"[22].

Среднее *л* [l] в говоре не встретилось. Твердое *л* в конце слов и перед согласными нередко переходит в *ў* (в основных псковских говорах это явление отсутствует): *паў́ериў, паéў бы, убягáў, ажаніўся, бўўка, быў, тарéўка, ўгáт'* (лгать), *пришóў, аташóл, атлíў бы, спрасíў, аджыў, адбалéл, ишóў*.

В причастиях, как и в глаголах прошедшего времени, *ў* (*в*) и *л* взаимно меняются перед окончанием *-ши*: *астáўшы, уéхалшы, прыéхаўшы, цўя́ўшы, пастрóилшы, папáўшы, уéхаўшы, прыéхалшы* и мн. др.

Имеются также случаи перехода *м* в *ў* (*в*): *няўнóга, гуўнó, са гуўнóм, внóга, гувнó, ўнóга, няўнóшка.*

Встретились два слова с переходом *б* > *ў* (*в*): *пáстўиш'ш'е, клáдўишшэ.*

В связи с преобладающим в говоре употреблением *ў* вместо *в* (и его глухого варианта *ф*), а также с неустойчивостью употребления *ф* наблюдается и употребление *в* (*ў*) вместо *у*, например: *ня ўмéла, ўкуся, фкрашáют', ф каўó-та.*

В говоре наблюдается смешение *р* и *р'*, характерное также для северо-восточных говоров белорусского языка, в которых употребление твердого *р* стало неустойчивым, очевидно, под ю-в-р воздействием. Случаи употребления *р* твердого учащаются по мере продвижения к югу, на территорию, где в 20-е годы были отмечены белорусские поселения, например: а) этимологически мягкое *р*: *бярóзай, ракá, грáс', тапéрача, тапéр, грáзныи, бярóзы, гарáчюю, тяпéр*; б) этимологически твердое *р*: *с сáхарим, карíта, накрíт', бáриш'ней, разрíта, закрíли, крíжа, пат крíжу, шнюрáми, крíжы, нарíў, с рíнку, крíшка, карíтъ.*

В говорах, описанных Л.И. Царевой, большинство из случаев мены *р* и *р'* она считает лексикализованными или объясняющимися помимо белорусского влияния, однако допускает, что раньше эта черта была шире известна псковским говорам, и отмечает ее сохранение в областях, соседних с белорусскими (Пск. гов., 297_{21}, 297_{26}). У Н.Н. Соколова находим аналогичные указания на распространение отвердевшего *р*, которое в собственно псковских говорах он относит к белорусским чертам[23].

---

[21] *Там же*, с. 153.

[22] *Орлова В.Г.* К истории звуков *в*–*ф* в русском языке. (Автореферат). – Доклады и сообщения филолог. ф-та МГУ, вып. 6, 1948, с. 19; см. также: *Аванесов Р.И.* Вопросы образования русского языка в его говорах, с. 125, 129.

[23] *Соколов Н.Н.* Указ. соч., 158, 163.

Как известно, примеры, говорящие об отвердении *р*, встречаются в западнорусских и малорусских памятниках письменности с XIV–XV в.в., в псковских памятниках – примерно с того же времени[24], представляя общую черту этих памятников. Появление твердого *р* в белорусском языке связывают с отвердением *р* в украинском языке[25].

В сочетании, восходящем к старому *tьrt, сохраняется произношение мягкого *р* перед задненебными или губными: *ў ўяр'о́х, на ў'ерьх, на вяр'о́х, наўе́р'хў, ўе́р'х, на ўяр'о́х, се́реп, сўе́р'ху, ў цэр'кўу.*

Сложную картину представляет употребление свистящих и шипящих. Наряду с "правильным" их употреблением наблюдается шепелявое произношение мягких свистящих (приближающихся к польским *ś, ź*), а также мена твердых свистящих и шипящих, например: а) мягкие свистящие: *па про́з''бы, нас''и́ч', ў с'' яр'о́тку, събраз''и́ла, с''и́нюю, испуга́лас'', с''е́з''дила, цўяс''чи́, с''ме́ста, с''емяна́, з''ме́й ку́сит, мъро́з''ики, с''пина́, з''ме́й, про́с''чин'ки* (простенькие), *па с̄'' яна́м* (по стенам), *ес''* (есть), *ис''* (ѣсть), *кре́ш'ш'ат, з''ямэ́л'ки, з''имо́й, с''ер'по́м, пас''иди́тя, ў пас''о́лък, с''ляпни́, маро́з''или, с''тяна́, с''тяны́, с''ичас, с''е́ни, с''тяко́л'цы, с''юды́, з''де́сь', из''о́пка, з''ямля́, е́с''ли, ў с''е́ни, с''и́л'на, с''йе́ду* (съезжу), *ўо́с''иню, с''пе́ли, на с''яр'о́тки, с''е́м, з''де́сь'', с''е́рин'ки, с''ирядина*; б) мена твердых свистящих и шипящих: *штака́н, шпина́, штари́к, шмо́ршшыш, шпали́ли, паро́зък* (порожек).

Л.И. Царева (Пск. гов., 264, 269 и др.) отмечает, что круг слов, в которых *с'* и *з'* произносятся шепеляво, очень ограничен, это в основном лексика бытового характера (более широко распространено это явление к востоку и северо-востоку от Пушкинских гор). Шепелявость известна шире, чем мена свистящих и шипящих (реликтовое явление)[26].

Наличие произношения шепелявых звуков, близких к мягким *ш', ж'*, вместо мягких свистящих *с', з'* в части псковских говоров отмечается Р.И. Аванесовым, причем указывается, что "эта черта протягивает нити от современных псковских говоров к говорам древнего Пскова, насколько они известны нам по показаниям письменных памятников"[27].

Некоторый разнобой замечается в употреблении *ч*: путаются *ч* мягкое и *ч* очень твердое (близкое к польскому *cz*). Встретилось несколько случаев употребления вместо *ч – ц'* или *ц*: *цяр'о́мъха, ўянца́л'на, прицас'ти́тса, пъўянцаю́тса, ўади́ц'ти, ўади́цкай.*

В причастиях, очень употребительных в говоре в качестве сказуемых, почти одинаково часто встречаются окончания *-тчи* и *-тцы* (лишь один раз *-ткчи*: *распукчи*, где *к* из *х* в корне глагола *пух-*); в остальных случаях в окончаниях причастий вместо *ч* или *ц* находим *ш* (преимущественно после *л, р, ў*). Эти явления типичны для тех собственно псковских говоров, в которых уже исчезло цоканье. Там, где цоканье еще сохранилось, оно, по наблюдениям Л.И. Царевой, является постепенно исчезающей чертой. Однако реликты его, особенно *ц* в суффиксах причастий (типа *ушо́ццы*),

---

[24] См.: *Кандаурова Т.Н.* Указ. соч., с. 280.

[25] См.: *Расторгуев П.Н.* К вопросу о ляшских чертах в белорусской фонетике. – Труды МДК, вып. 9, Л., 1927, с. 43.

[26] См.: *Орлова В.Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959, с. 174.

[27] *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии, с. 233.

необычайно устойчивы. Реликты цоканья при отсутствии самого цоканья представлены в русских приграничных говорах как на территории Латвии, так и в Эстонии (Пск. гов., 255, 261).

Цоканье – очень древняя черта псковских говоров, объединяющая их прежде всего с новгородскими и с говорами северо-востока европейской части СССР (там еще сохранилось мягкое цоканье, связанное с древнейшей струей новгородской колонизации)[28].

Долгие шипящие в говоре обычно твердые. Мягки иногда лишь соответствия *щ*. В соответствии с *щ, сч, жч* находим: *ўдшшуплю* (ощупью), *аржани́шша, ашшэ́, пяшша́на, рашшы́стки, шшо́т, шшапы́, трашша́л, шшапа́, расшша́пывали, ешшо́, па́стўиш'ш'е, съ шшати́най, ро́шша, пяш'ш'е́ры, на кла́дбиш'ш'а, на кла́дўишшэ, аш'ш'е́, някре́шшаный, гуля́ш'ш'ий, дашша́н, дашша́ник, ў муш'ш'и́нах, мушшы́нам, пало́тнишша* и др. В соответствии с *жж, зж* (в корне), *жд*: *прияжжа́ют, дро́жжы, до́ш, ражжастўо́, на дажжу́, до́жжык, на дражжа́х, дажжы́, до́жжу, дажжа́лася, з дражжа́м, дро́жжы*[29].

Сочетание *чн* в говоре изменилось в *шн*: *пагрsuperни́шники, агуре́шник, брусни́шник, кане́шна, мало́шный, ряшна́я, пшани́шна, рушники́, рушника́м, дисятиме́сяшны, пра́знишны, ўяр'о́ўашники.*

Сочетание *дн* обычно изменяется в *нн*, а сочетание *бм* в *мм*, – черта, свойственная большей части с-в-р говоров на западе и северо-востоке. Примеры: *сяўо́н'ни, трин'ня́, дўан'ня́, хало́нна, гало́нный, ла́нна, нягонный, ран'ня́, аннаму́, аммало́тиш* и др.

МОРФОЛОГИЯ

Существительные ед.ч. жен. рода на *-а* (*-я*) в род., дат. и предл. падежах, как правило, получают окончание *-и* (*-ы*), соответствующее окончанию род. падежа литературного языка. Совпадение этих трех падежей в данной форме наблюдается обычно на севере, главным образом на крайнем севере, северо-западе и западе, включая новгородские говоры[30].

Приведем примеры: а) род. падеж с предлогом: *с Расе́и, з-за ряки́, гли ряки́, гли кали́тки, зля ре́ч'ки, с Лу́дзы, з галаўы́, с ли́пины, з бярёсты, з ба́йны, с пад го́ры, с ко́жы, с лазы́, да сляги́, с цэ́ркўы, ат ряки́, да ма́сляницы, с ро́ды, с каро́ўы, с аўе́ч'ки, у стяжы́нки, у сусе́тки, з дяре́ўни, са шко́лы, посл' ба́йни, у дач'ки́, с брус'ни́ки*; без предлога: *няўёсты, сўякро́ўки, зямли́, жаны́, лазы́, сўякро́фки, ряки́, пярло́ўки, шшапы́, ко́напли, з''ямэ́л'ки, ўады́, сало́мы, с''и́лы, избы́, ўади́ц'ти, няўёстки, сястры́, пы́ўры, смята́ны, пу́гаўицы*;

б) дат. и предл. падежи: *па дру́жбы, г ба́лки, г зимы́, к избы́, к ряки́, к с'ме́рти, к стяны́, к я́бланы; ў дяре́ўни, на ўайны́, нъ гало́ўки, пъ канўы́, на ла́ўки, на го́рки, на по́жни, в дяре́вни, ў сяр'о́тки, ў няўёсти, на ўяр'о́ўач-*

---

[28] См.: *Орлова В.Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров, с. 80.

[29] В Дагдском говоре М.А. Новгородов (Указ. соч., с. 353) отмечает в этих случаях твердые сочетания *ждж, шти* (*шч*), часто, как указывает Р.И. Аванесов, встречающиеся в говорах, соседних с белорусскими (см.: *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии, с. 128).

[30] См.: *Кузнецов П.С.* Русская диалектология. М., 1954, с. 79.

ки, ў избы́, на маги́лки, на зямлі́, на гары́, ў сям'йі́, у пе́ч'ки, на ўу́лицы, на ўи́лки, на ба́йни, у Расе́и, на даро́ги, ў сирядины, на по́жни, к стяны́, на старины́, на ўады́, ў пасу́дины, па зимы́, ў цэ́ркуи, у сту́пы, ў си́лы и др.

Существительные муж. рода ед. ч. в предл. падеже обычно имеют форму на *-у* (*-ю*), причем ударение падает на окончание. В прочих случаях они получают окончание *-и*; лишь в одном случае встретилось *-е* (*ў халáтцэ*). Примеры: а) *ў дамý, на бирягý, ў ляскý, ў барý, ў кляўý, на дажжý, на бал'шаку, на мисяцý, ў лясу, ў сундукý, на пъяскý, в запрóшлым гадý, на ўазý, на биряшкý, на гўаздý, ў мисяцý, на ўякý, ў угалкý, ў снягý, на палý, ў гадý, ў пяскý, ў дяктю́*; б) *ў калкó́зи, ў пачóти, ў дашшáни, ў паўóи, ф кълпач'кú.*

В им. падеже мн. ч. у существительных муж. рода рядом с окончанием *-и* (*-ы*) встречается окончание *-а*. Примеры: а) *сыры́, канéч'ки, пл'óсы, мáл'цы, ўáленцы, гаршкú, латышы́, сърахўáны, трúны́* (трутни), *бóбы, блины́, луги́, рабя́ты, мърóз''ики, плямя́н'ники, вéники, бураки́, агурцы́, рóги, тарты́, лáпти, чирўякú, набóйники, платы́, кмары́, къряшкú, цўяткú, ўятры́, дяды́, наскú, пóршни, гуся́ты, куря́ты, рушникú, ўараты́, андарáки, жóрны, куўшы́ны, дамы́, сыны́, с''ляпнú, дýбы, карнú, кляўы́, съпадú, ладгáл'цы, сынкú, цўяты́, зўанкú, гóс'ти, пирагú, пърася́ты, халмы́, фáртухи*; б) *брат'йá, гадá, дамá, гъспадá, клиўярá, ляскá, рябя́та, стагá, футарá.*

У существительных жен. рода в им. падеже мн.ч. также при преобладающих формах на *-и* (*-ы*) находим 4 формы на *-а*. Примеры: а) *чáшки, ляп'óшки, картóшки, скътяр'óтки, папóн'ки, мълатáрки* (молотилки), *няўéстки, скатяр'óтки, нóди, бяр'óзы, чярни́ки, харóмы, стéшки, дач'кú, лóшади, бяр'óски, ўяр'óўки, дéушки, наўалóч'ки, дéўки, крúжы, харóмы, дърач'óны, бýлач'ти, ляп'óшки, пратáлинки, бáлеч'ки* и др.; б) *д'з'яреўня́, ўяшшá, кóпна, начя́.*

В среднем роде одинаково употребительны формы на *-а* и на *-и* (*ы*): а) *мачúлы, пълатéнцы, с''тякóл'цы, чюхны* (им. ед. *чюхнó*), *ст'óклы, яéч'ки; б) кружаўá, ўóкна, астрéўйа, ўайскá, карúта, дяреўá, паля́, бълатá, лятá, мястá.*

В род. падеже мн. числа у существительных муж. рода в основном употребительны формы на *-ов* (*-оў, -аў*): *разóў, грибóў, лугóў, камóў, цўятóў, клинóў, нитóў, ът кмарóў, бураковў, гéктараў, хрястóў, казя́инаў, з бакóў, ўякóў, гадóў, сынóў, братóў, кýстич'каў, сукóў, чирўякóў, радúтелеў, ключóў, агурцóў, латышóў, танцаў* и др. Исключения: *каменей, кóней; мнóга гóт, пятнáтцат' гóт.*

То же окончание встречаем и у существительных ср. рода: *дялóў, дамаўйóў, я́блакаў*, но: *стякóл.*

В жен. роде у существительных на *-а* (*-я*) преимущественно находим формы без окончания, примеров с окончанием *-ов* в жен. роде не встретилось [31]: *дач'óк, аўéчик, с ўяр'óўачик, пч'óл, из'óп, крýп, ўяр'óўак.*

Формы дат. и твор. падежей всех родов во мн. ч. совпадают (как и во всех псковских говорах). Окончание твор. падежа *-ам* является одним из характерных признаков с-в-р основы говора. Примеры: а) дат. падеж мн. ч.: *бараўáм, па кутарáм, кóням, пъ бараўикáм, па кустáм, па барáм, па мисяцáм, па с''с''янáм; па царкўáм, пъ грядáм, па дяля́нкам, па нóўинам*; б) твор. падеж. мн. ч.: *хляўáм, кустáм пашлó, кругáм ид'óт, с усáм,*

[31] Единичные примеры употребления таких форм от существительных жен. рода на *-а* (*-я*) находим у Н.Н. Соколова (Указ. соч., с. 154).

с крюч'ка́м, клина́м, синяка́м, сарта́м, кряста́м, зуба́м, с латыша́м, рушни-ка́м, с мал'ца́м, с мяшка́м, тапара́м, сту́л'чикам, чиру́яч'ка́м, цу́ятка́м, с рука́у́ам; рука́м, саха́м, нага́м, сте́шкам, стяжы́нкам, канху́е́там, ю́пкам, с ла́стау́кам, с праима́м, з зау́я́зкам, лапа́там, пъласа́м, с пяс'ня́м, над дъ́ря́м; дисяти́м лята́м, над акна́м.

В род. и вин. падежах ед. ч. личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное местоимение получают форму на *-а*, характерную также для северных говоров и литературного языка.

В окончании *-ого* род. падежа ед. числа муж. и ср. рода прилагательных и местоимений употребляется *в*, переходящее, как правило, в *ў* (единств. пример с *γ*: *яγо́*). Это окончание обычно для ср-в-р и, в частности, псковских говоров (Пск. гов., 460). Примеры: *таў́о́, аржано́ўа, како́ўа, сляпо́ва́, яγо́, сўаў́о́, яў́о́, атчаў́о́, ничаў́о́, ў каў́о́, э́таўа, чаў́о́ ш, не́каўа, каў́о́ ш, никаў́о́, тако́ўа, тавó, ўсяў́о́, сържано́ўа, аннаў́о́, маў́о́.*

Сравнительная степень прилагательных образуется в говоре по типу с суф. *-ее* (*-ей*), по типу с суффиксами *-е*, *-ше*, а нередко с приставкой *по-* и суф. *-о́ше*. Приведем примеры: а) с суф. *-ее* (*-ей*): *тямне́й, тяпле́й, дюжэ́й, тяпле́е, пътяпле́й*; б) с суффиксами *-е* (*-ше*): *луч'шэ, мла́жэ, ста́ршы, л'о́кшэ, сла́ўшэ, ле́кче, бо́л'шы, паўў́жы, памла́жэ*; в) с суф. *-о́ше* и приставкой *по-*: *пътано́шы, пъляго́шъ, пъмяко́шъ, пакряпо́шэ, пърядо́шэ.*

В собственно псковских говорах, как указывает Л.И. Царева, отличительной особенностью также является наличие образований сравнительной степени с суф. *-о́ше* и его разновидностями.

В карсавском говоре при сравнительной степени иногда встречаются конструкции с предлогом *за* и род. падежом: *мла́же за мяня́* и т.п. То же отмечает и М.А. Новгородов в дагдском говоре[32].

У глаголов I спряжения в 3-м лице употребляются формы как с *т'* и *т*, так и без *т*, что характерно для многих ср-в-р говоров. Можно заметить (насколько позволяет небольшое количество примеров), что формы без *т* (или с *т* твердым) преимущественно употребляются в ед. ч. (1 пример с *т'*, 9 – с *т*, остальные без *т*). Во мн. ч. преобладают формы с *т'* (11 примеров с *т*), формы без *т* не встретились.

У глаголов II спряжения в 3-м лице ед.ч. 2 примера с *т'* (*хо́дит', нахо́дит'*), остальные без *т*. Примеров с глаголами этого спряжения очень немного; у некоторых из них в 3-м лице мн. ч. наблюдаются окончания I спряжения: *де́ржут', тў́о́рют', паса́дют', хо́дют', ядў́т', нъдыядў́т'.*

Для говора характерно употребление причастий (или отпричастных конструкций) на *-вши* (*-ўши*), *-тчи*, *-тцы*, иногда *-миши*, *в* качестве сказуемых с перфектным значением (это отмечено даже в речи образованных людей, долго живших в городе). Эта черта говора сближает его с западной частью с-в-р говоров, а также наблюдается в северной части смежных белорусских говоров. В карсавском говоре (как и в дагдском) такие причастия образуются как от переходных, так и от непереходных глаголов: а) *тут ле́сам не́ была заро́сшы, пам'о́ршы был, на ўайны́ пастрада́ўшы, ў Ре́жыцах была́ съе́хатчи дў́а ра́за, пла́т шалко́ўый слиня́ўшы, дач'ка́ прие́хатцы, не́ была жы́ўшы, бы́ли пришо́тчи, прие́хаў́шы, зае́халшы, ушо́тцы, пълиня́лшы, пасо́л', взашо́тцы, не́ был пришо́тцы, как цў́я́ў́шы, ў лю́ди*

[32] См.: *Новгородов М.А.* Указ. соч., с. 295.

ўы́шатцы, бы́ла уе́халшы, пахади́лшы, бы́ла прибе́кшы, сўйо́кър ра́на пам'о́ршы, ўся́ бы́ла распу́кчи, бы́лы згаре́ўшы, на пако́си ушо́тчи, пиряшо́тчи, паги́пшы, ў лага́к уе́халшы, ўсе́ пастро́и́ўшыс ' на кутара́х, чатыри бра́та, дўа́ пам'о́ршы, жана́ аста́ўшыс', с Расе́и го́с'ти прие́халшы; б) *аткарми́лшы, пла́т'йа наде́ўшы, ко́нчиўшы, раз'дяли́ўшы бы́ли зямлю́, не́т никагда́ купля́ўшы* и др.

Встречается употребление невозвратных причастий вместо возвратных: *ни паўянча́ўшы, м'о́ду напи́ўшы, бы́ли аста́ўшы, рабя́ты нае́ўшы, нь тяли́ўшы, ў я́гады сабра́мшы, ни жани́лшы, такия́ я́мы абразаўа́ўшы, на кутара́ пастро́илшы, чаўо́ ш ты расярди́ўшы?, о́х ти то́шнен'ка сагну́ўшы, до́ч'ка е́ аддяли́ўшы, разу́ўшы* (ходят).

Из синтаксических явлений можно отметить, кроме того, употребление существительных на *-а* в им. падеже в качестве прямого дополнения к инфинитиву, а также при слове *надо*. Эти обороты, типичные для северных говоров, наблюдаются и в переходных ср-в-р говорах, в частности, псковских [33]: *ба́йна-та кане́шна на́да*; *шшапа́ налажы́т' на вяр'о́х*; *каро́ўа гна́т'* и др.

Встречается им. падеж существительных на *-а* вместо вин. падежа и при личных формах переходных глаголов: *мали́на набе́риш, ко́мната убра́ла*; *крупа́ дяру́т' з жы́та*; *крупа́ приўязу́т'*; *хто́ ш там машы́нка зна́л* и др.

Для местных жителей характерно употребление отрицания *не* (с особой интонацией) вместо *нет* в качестве краткого отрицательного ответа. В то же время в отрицательных предложениях часто можно встретить оборот с *нет* вместо конструкции с *не*[34]: *не́т он гара́ст то́лстый*; *су́тки паде́ржыш – не́т ле́кче*; *не́т никагда́ купля́ўшы*; *м'о́т не́т тако́й ўку́снай*; *сяўо́н'ни ўа́шы не́т пйа́ны? не́т ана́ саўсе́м плахя́*; *ана́ не́т ўы́сакшы*; *мне́ тябя́ жа́лка не́тути*; *при ба́бушки аби́жаны не́т.*

* * *

Рассмотренные основные фонетические, морфологические и некоторые синтаксические черты карсавского говора позволяют характеризовать его как ср-в-р говор северного происхождения, с некоторыми белорусскими особенностями. Его следует относить (как и дагдский говор, описанный М.А. Новгородовым) к собственно псковским говорам, продолжающим древнепсковский диалект[35], близкий к древним новгородским и смоленско-полоцким говорам. С с-в-р говорами западной (новгородской) группы его объединяют не только наиболее старые черты (*г* взрывное, цоканье, губно-губное *w*, вероятно, существовавшее и в новгородских говорах – ср. его наличие в северо-восточных говорах на территории старой новгородской колонизации[36]), но и ряд относительно поздних новообразований (переход сочетания *дн*> *нн*, совпадение твор. и дат. падежей су-

---

[33] См.: *Кузнецов П.С.* Указ. соч., с. 99.

[34] Подробнее см.: *Новгородов М.А.* Указ соч., с. 311 (он видит тут воздействие латышского языка).

[35] См.: Труды МДК, вып. 5, М., 1915, с. 36; см. также: *Кандаурова Т.Н.* Указ. соч., с. 222; *Царева Л.И.* Пск. гов., с. 297, 345 и др.

[36] См.: *Орлова В.Г.* История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров, с. 60.

ществительных мн. ч., род. падеж прилагательных ед. ч. муж. и ср. рода на *-ово*, очень широкое употребление причастий типа *ушóтцы, ушóвшы* в качестве сказуемого).

Многие из этих особенностей сближают его и с северо-восточной группой говоров белорусского языка: сохранение остатков цоканья, совпадение дат. и твор. падежей мн.ч., переход *дн* > *нн*, употребление перфектных форм на *-ўшы* (преимущественно в западной части этой группы белорусских говоров), а также протетическое *в*, окончание *-уц'у* глаголов класса на *-и* в 3-м лице мн. ч. (очень северная изоглосса). "Все изоглоссы этих локальных явлений переходят на территорию соседних великорусских говоров, под влиянием которых эти особенности развились, по-видимому, еще в период литовского господства"[37].

В свою очередь в карсавском говоре, как и в ряде других ср-в-р псковских говоров, находим черты, которые в настоящее время характерны преимущественно для белорусского языка: удвоение согласных на месте сочетания согласных с *j*, мена *р* и *р'* белорусского типа, становящаяся не исключением, а правилом по мере приближения к белорусской территории (в основных псковских говорах это почти исчезнувшая черта), переход *л* > *ў* в известных позициях (в прочих псковских говорах как будто не встречается).

Дзеканье и цеканье, возможно, является здесь не "белорусской" чертой, а результатом междиалектного взаимодействия, как и в белорусском языке. Не белорусское, а непосредственно южное происхождение, может быть, имеет и раннее псковское аканье, отразившееся в памятниках псковской письменности с XI V–XV вв.

Длительное соседство с латгалами оставило некоторые следы в фонетике говора (например, употребление *к* вм. *х*, отсутствующее в собственно псковских говорах), в его синтаксисе (перенос ряда конструкций из латышского языка[38]), а также, без сомнения, в лексике русских и латгальских смежных говоров, требующей специального изучения.

---

[37] См.: *Гапанович П.Н., Мацкевич Ю.Ф.* О классификации белорусских диалектов. – ВЯ, 1959, № 6, с. 97.

[38] См. об этом: *Новгородов М.А.* Указ. соч.

II

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Ж.Ж. Варбот

ОБМОИ. МУТОРЬ

1. Слово *обмóи* жен. рода мн. ч. 'сошные оглобли, обжи' засвидетельствовано только как смоленский диалектизм[1]. Единственное, как нам кажется, этимологическое толкование его принадлежит А. Потебне: *обмои* возводится к **обьмыи*, корень которого отождествляется с корнем укр. **мыть* 'быстрое движение' (*миттю* 'мигом'), *вмитись* 'быстро, мгновенно появиться' и далее с лит. máuti 'совать', užmáuti 'надевать', латыш. maut 'надевать узду', лат. moveō, греч. *ἀμεύω* 'менять', скр. mīvati 'двигать'[2]. Эту этимологию принял Ильинский[3], а Фасмер, признавая родство *обмои* с латыш. maut, усомнился в возможности связи смоленского диалектизма с укр. *вмитись*[4].

Поскольку предметом настоящей заметки является происхождение слова *обмои*, нецелесообразно останавливаться на вопросе о степени вероятности генетического родства украинских лексем, упомянутых Потебней, с прочими образованиями, восходящими к гнезду и.-е. *meu(ə)- (лит. máuti, латыш. maut, скр. mivati и т.д.). Важен ответ на другой вопрос: может ли диалектизм *обмои* быть производным от корня с вокализмом ряда eu, т.е. реальна ли для него предполагаемая Потебней исходная форма **обьмыи*. Представляется, что положительный ответ на этот вопрос недостаточно учитывает лингвогеографическую характеристику слова. *Обмои*, как было сказано, известно до сих пор в литературе лишь как смоленский диалектизм. Не исключено, что реальное распространение слова шире. Но пока нет определенных данных такого рода, слово следует рассматривать как образование, связанное своими структурными характеристиками именно со смоленскими говорами. В смоленских же говорах рефлексом старого редуцированного перед j под ударением обычно является (вне окончаний прилагательных) *ы* (например, *шыя*). Следовательно, исходное **обьмыи* для смол. *обмои* сомнительно. Тем самым становится маловероятным и очерченное Потебней индоевропейское родство слова.

Происхождение слова *обмои* Потебня рассматривал на фоне моделей семантически близких образований, в частности – *оглобля*. Представляется, что именно семантическая модель последнего – связь со слав. *gleb-/*glob-

---

[1] См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М., 1955, с. 602; Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, с. 133.

[2] *Потебня А.* Этимологические заметки. – РФВ 1881, т. V, с. 124–125.

[3] *Ильинский Г.* Славянские этимологии. – РФВ 1909, т. LXII, с. 256.

[4] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. т. 3. М., 1971, с. 104.

'охватывать, обнимать' — является аргументом в пользу иного, вне связи с гнездом и.-е. *meu(ə)-, толкования происхождения слова *обмои*: оно может быть объяснено как имя, образованное с помощью суф. -oja от глагола слав. *ęti(*jьmǫ) 'брать, хватать' с префиксом ob-, т.е. *obьmoja (ед.ч.) от *obęti, *obьmǫ (ср. др.-рус. *обьметь* 3 л.ед.ч.). Отсутствие йотации в начале корня *-ьm-* нередко наблюдается в префиксальных образованиях: ср. *возьму*. Суф.-oja в славянской лексике еще мало изучен, но несомненна праславянская древность этого суффикса и его возможность соединяться с глагольными корнями: ср. укр. *бавойка* 'гостеприимная хозяйка, задерживающая гостей'[5] (от *baviti). Судя по структурным характеристикам, для *obьmoja можно предполагать образование как в праславянский период, так и в древнерусском языке (пока еще сохранялась структура основы *обьму*).

2. В пермских говорах зафиксировано слово *мутор*ь 'крепление, сделанное из ивовых прутьев', а также производный от него глагол *замýторить* 'прочно соединить одно с другим с помощью чего-либо, скрепить (о бревнах в плоту)': *Муторём замуторишь* брёвна в плоту. Дрова возишь, надо закрепить, так срубишь два бадожка, один завернешь вокруг другого, *замуторишь*[6]. Приведенные контексты, объясняя реальное наполнение значений этих слов — 'крепление бревен с помощью завернутых один вокруг другого, скрученных прутьев' — позволяет объяснить *мутор*ь как производное от глагола *мутить*, поскольку преобладающее значение этого глагола 'делать что-либо мутным, взбалтывать, волновать' включает в себя и предполагает исторически значение 'вращать'[7]. Ср. и значение производного имени *мутовка*.

Наличие имени с суф.-*орь*, производного от *мутить*, и реальность производного от этого имени глагола *муторить* подтверждают принадлежность к гнезду *мясти, мутить* также курского глагола *мутóрить* 'сбивать с толку, посылая то туда, то сюда, то останавливая и беспрестанно изменяя свои приказания'[8]. Уже Даль включил этот глагол в статью *мутить*, но предположил одновременно происхождение *муторить* из *моторить*[9]. Интересно, что *мутóрить* в значении 'сбивать с толку', *мутóриться* 'метаться без толку' (также приведенное Далем) имеет соответствие в болгарском языке: здесь отмечен диалектизм *мътáр'ъм се* 'суетиться туда-сюда'[10]. Болгарский диалектизм, где ъ < *ǫ, подтверждает независимость рус. *муторить* от *моторить* и связь его с *мутить*. Кроме того, в паре рус. *муторить* — болг. *мътáр'ъм* обнаруживается вариантность суффиксов слав. -or- : -ar-, однотипная со случаями ст.-слав. *знахорить*, др.-рус. *знахорь*: рус. *знахарь* и рус. диал. *бахорь*, чеш. báchora, серб.-хорв. bȁhōrje: рус. *бахарь*, отмеченными Вайяном[11]. Наконец, соответствие рус. *муторить* — болг. *мътáр'ъм* дает

[5] См.: *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка, т. 1. Киев, 1907, с. 15.

[6] Словарь говоров Соликамского района Пермской области (составитель О.П. Беляева). Пермь, 1973, с. 319, 182.

[7] Ср. определение значения и.-е. *menth- (являющегося источником слав. *męsti, *mǫtiti, рус. *мутить*) у Покорного: 'мешать, приводить во вращение'; см.: *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B. 1, Bern, 1949–1969, S. 732.

[8] Опыт. . , с. 118.

[9] *Даль В.* Указ. соч., с. 362.

[10] *Бояджиев Т.* Речник на говора на с. Съчанли Гюмюрджинско. — В кн.: Българска диалектология. Кн. VI. София, 1971, с. 59.

[11] *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. B. 4. Paris, 1974, p. 650.

основания предполагать праславянскую древность если не глагола *mǫtoriti/*mǫtariti, то, во всяком случае, производящего имени *mǫtor'ъ/*mǫtar'ъ. Его значение может быть реконструировано как 'путаница' в материальном и переносном смысле – 'нечто закрученное, запутанное' и 'смятение, суета', откуда двойственность семантики производного глагола: 'соединить, скрепить с помощью скрученных прутьев' и 'сбивать с толку, суетиться'.

Рассмотренная семантика русских диалектных глаголов *мутóрить, замýторить*, возводимых к гнезду *мясти, мутить*, и общая семантика этого гнезда – 'мешать, мутить, вращать, взбалтывать, волновать' – позволяют считать образованием этого гнезда также диалектное *мýторный* 'докучливый, противный, неприятный'[12]. Толкование этого прилагательного как производного гнезда *terti, *toriti с префиксом *му-*, т.е. *му-торный*[13], предполагает менее регулярную исходную структуру, чем толкование *мут-ор-ный*. Поэтому последнее, при прочих равных основаниях, предпочтительнее. В семантическом плане для обоснования введения *муторный* в гнездо *мутить* особенно существенно отмеченное в Забайкалье значение прилагательного 'беспокойный, тревожный'[14]. Прилагательное может быть производным как от имени *мутóрь* в значении *'путаница, сумятица, смятение, суета', так и от глагола *муторить* 'сбивать с толку' (='докучать, раздражать противоречивыми требованиями').

Л.В. Куркина

НЕУКЛЮСИК. ОПРУДАТЬ/ОПРУДИТЬ. ПОЛКАТЬ. СНЫЧ

1. На территории Свердловской обл. отмечено слово *неуклюсик* в значении 'маленький улей, роевня'[1]. У Даля читаем: "Пчелы роятся теперь, молодые рои отлетают; их стерегут, сгребают в *ройник, роёвку, роевню* или *роёвник, -ницу, в ройницу* или сборню, л у к о ш к о (разрядка наша. – *Л.К.*), обтянутое холстом, и сажают в новый улей, пень"[2]. В одном старом руководстве по пчеловодству дается следующее описание роевни, употребляемой для собирания роевой пчелы; "Роевня делается из двух деревянных о б р у ч е й (разрядка наша. – *Л.К.*), обтянутых кругом холстом и скрепленных 4-мя деревянными распорками. Дно и крышка тоже холщевые"[3]. Из приведенных описаний следует, что роевня имеет форму небольшого гнутого короба, обтянутого холстом. Словно *неуклюсик*, являясь одним из названий роевни, по нашим наблюдениям, за пределами Среднего Урала не встречается. Не находим упоминаний об этом слове и в этимо-

[12] *Даль В.* Указ. соч., с. 362 (статья *мутить*!).

[13] *Фасмер М.* Указ. соч., с. 16. (статья *мускарадный*, дополнение О.Н. Трубачева).

[14] *Элшасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980, с. 215.

[1] См.: Словарь русских говоров Среднего Урала, II. Свердловск, 1971, с. 207.

[2] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, III. Изд. 3-е. М., 1907, стб. 1712; (далее – *Даль*[3]).

[3] *Бадов Н.А.* Пчельник. Вятка, 1912, с. 25.

логической литературе. Между тем русский диалектизм, сложный по своему составу (*не-у-клюс-ик*), сохраняет в семантически измененном виде старую славянскую основу *kleu(p)s-/*klou(p)s-, для которой в самом общем виде можно реконструировать значение 'нечто изогнутое; гнуть'. Эта основа является этимологическим источником слав. *kl'usę, -ęte 'лошадь, жеребенок' (ст.-слав. *клюсА* 'вьючная скотина, лошадь', др.-рус. *клюсА* 'жеребенок, лошадь', серб.-хорв. *кљу́се* 'конь', словен. kljuse 'кляча') и *kl'usati, *klusati 'бежать рысью' (с.-хорв. kljȕsati 'бежать рысью', словен. kljúsati 'хромать (о лошади)', чеш. klusati 'бежать', укр. *клус* 'рысь' и т.п.)[4]. Индоевропейский фон составляют гот. hlaupan, нем. laufen, др.-англ. hlēapan 'бежать, прыгать', лит. klùpti, klumpù 'спотыкаться', латыш. klupt то же, лит. klaũpti 'становится на колени', рус. *клыпать* 'хромать'. Сигматизация основы *kleup-/*kloup- произошла на славянской почве. Вполне надежные индоевропейские связи побуждают усомниться в справедливости предположения о звукоподражательной природе слав. *kl'usę, основанного на допущении аналогии с нем. Klepper 'лошаденка, кляча' ~klappen 'хлопать'[5]. Ничего общего с звукоподражанием не имеет и различие основ *kl'us- и *klus-. В славянских языках это различие можно считать вполне закономерным отражением чередующихся дифтонгов eu:ou. Та несколько сбитая и не совсем четкая картина с распределением ĺ' и kl (ср. чеш. klusati и серб.-хорв. *кљу́сати*, а также ц.-слав. *клусА* и *клюсА*), которая наблюдается в славянских языках, может иметь своей причиной ранние колебания l и l' при преобразовании дифтонгов (по типу r' ~ r в польск. rzygać и н.-луж. rygaś и т.п.), а также выравнивание основ в последующие исторические эпохи.

Русское слово, связанное с определенной реалией из сферы пчеловодства, хотя на первый взгляд и трудно прямо соотнести с указанными выше продолжениями слав. *kleu(p)s-/*klou(p)s-, тем не менее является составной частью этого этимологического гнезда и вместе с южнославянскими названиями ловушки, капкана – серб.-хорв. kljȕsa, болг. *клюса* – образует одно из его ответвлений. Обозначения объема, устройства округлой, изогнутой формы хорошо согласуются с исходной семантикой этого гнезда – 'гнуть; нечто изогнутое'. В болгарском языке *клюса* как название капкана выступает почти на правах термина, но в диалектах находим для этого слова примеры более широкого семантического наполнения, из развернутого описания обозначаемых им реалий видно, что основную часть их составляет изогнутая деталь, функции которой выполняют кривое дерево, полуокружности: ср. *кйу̀са, кл'у̀са* 'капкан с закрывающимися полуокружностями, снабженными шипами'[6], *клю̀са* 'рассоха или что-то тяжелое, чем связывают ноги лошади, чтобы она медленно передвигалась'[7], 'узел, завязанный так,

---

[4] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, с. 258 (далее – Фасмер); *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravene a doplněné vydání. Praha, 1971, c. 261 (далее – Machek[2]).

[5] *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch, I. Heidelberg, 1908–1913, S. 529 (далее – Berneker); *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, II. Zagreb, 1972, c. 106 (далее – Skok).

[6] *Хитов Х.* Речник на говора на с. Радовене, Врачанско. – В кн.: Българска диалектология, IX. София, 1979, с. 266.

[7] *Геров Н.* Речник на българския език, II. София, 1976, с. 376.

что, когда дернешь за один конец, легко развязывается другой»[8], *клу́са* 'кусок дерева на шее свиньи, чтобы она не смогла убежать'[9]. Болгарский материал достаточно наглядно освещает мотивы реорганизации основных звеньев семантической эволюции в направлении 'кривое дерево' > 'устройство, с помощью которого стреножат животное' > 'замедленный способ передвижения' > уничижительное название лошади ('хромая, кляча'). Этот уничижительный оттенок еще сохраняют словен. kljuse 'кляча', болг. *клюса конь* 'тощая, слабая, изнуренная лошадь, кляча', с.-хорв. *клу́сат* 'худой, тощий'[10]. Наблюдаемое переосмысление основы *kl'us- позволяет понять, как сложилось значение 'лошадь', это важно еще и потому, что этимологические словари обычно обходят семантическую сторону, ограничиваясь лишь указанием на родство с рус. *клыпать* 'хромать'.

Отмеченный ряд лексико-семантических соответствий может быть расширен еще некоторыми славянскими образованиями, в число которых входят рус. диал. *клю́ша* 'составная часть телеги, называемая *долгушей*, представляющая собой молодое дерево с корнем', 'кочерга', 'посох, клюка', *клю́шка* 'палочка с загнутым концом', 'костыль, кочерга' и т.п.[11]. Последнее по форме и значению совпало с *klučka > *kluška, соотносительным в плане словообразования с *kl'uka (*клюка*). В русских диалектах находим случаи переносного употребления основы *клус-*: твер. *клус* 'человек, умеющий забавлять других словами или особым нарядом', костр. *клу́сно* 'странно'[12]. На восточнославянской территории представлены еще имя *Клюсъ, Панъ Клюсъ* (в Галиции, 1400 г.)[13], гидронимы *Клюс* (в бассейне Десны), *Клюсов Яр, Клюсовка* (Полтавская обл.)[14]. Из других славянских языков заслуживают упоминания словац. kliušný nos 'кривой, орлиный нос'[15] и серб.-хорв. *клу́шанка* 'большая игла'[16].

Далее, исходя из того типа апофонических отношений, который представляет слав. *lutati: *lytati, можно высказать предположение, что слав. *klu(p)s- связано чередованием u:y с серб.-хорв. klis 'заостренная с одного конца деревяшка, используемая в игре', 'острая дранка, щепа для крышки', na-o-klis, njiva ide naoklis 'углом сужающаяся нива', семантика которых включает основной признак 'нечто кривое, изогнутое'. Такое понимание серб.-хорв. klîs, обычно идущего с пометой "dunkel", как будто бы не

---

[8] Народописни материали от Разложко. – В кн.: Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1954, XLVIII, с. 465.

[9] *Младенов М.* Лексика на ихтиманския говор. – В кн.: Българска диалектология, III. София, 1967, с. 89.

[10] Речник српскохорватског књижевног и народног језика, IX. Београд, 1975, с. 647 (далее – Речник).

[11] См.: *Беляева О.П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973, с. 235; Словарь русских народных говоров, вып. 13. Л., 1977, с. 326–327.

[12] См.: Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, с. 84 (далее – Опыт); Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, с. 81 (далее – Доп. к Опыту).

[13] *Тупиков Н.П.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903, с. 238.

[14] *Vasmer M.* Wörterbuch der russischen Gewässernamen, II. Berlin–Wiesbaden, 1963, S. 353.

[15] *Kálal M.* Slovenský slovník z literatúry aj náreči. Banská Bystrica, 1924, c. 242.

[16] Речник IX, с. 638.

встречает серьезных трудностей, с которыми сопряжено сближение с слав. *klin или лит. klỹpas[17].

В составе этимологического гнезда с слав. *klu(p)s- рус. диал. *неуклю́сик* пережило во многих отношениях оригинальную эволюцию. Своеобразное оформление – отрицание *не-*, приставка *у-* и уменьшительный суф. *-ик* – сообщает слову определенную стилистическую окраску, придает ему сниженный, несколько иронический характер, основанный на сравнении роевни с округлым, маленьким бочонком.

2. В Этимологическом словаре белорусского языка[18] в качестве точного соответствия блр. *апрудзіцца* 'тяжело болеть, околеть' приводится рус. арх. *опру́дить* 'лишить жизни, умертвить', которое образует коррелятивную пару с гл. на *-е̌ти опрудеть* 'оцепенеть в судороге'[19]. Авторы словаря считают, что, если бы не арх. *опру́дить*, белорусское слово следовало бы сравнить с лит. aprūdýti 'ржаветь' и видеть в нем сочетание приставки ob- и корня rud- (ср. рус. *рудый*). В порядке предположения блр. *апрудзіцца* сближается также с гл. *апры́ндзіцца* 'сдохнуть', для которого допускается родство с лит. aprìmti 'успокоить', латыш. aprẽmdinat 'успокоить, охладить', aprindinât то же, т.е. белорусское слово предстает как приставочное образование с корневой частью, восходящей к и.-е. *rem- 'отдыхать, поддерживать'[20]. Такое несколько противоречивое объяснение запутывает и очень усложняет картину. Восточнославянские слова характеризуют вполне определенные и достаточно прозрачные лексические связи, которые ведут к этимологическому гнезду с слав. *prę̑d-/*prǫ̑d- (ср. рус. *пряду, прясть*). Русско-белорусская изолекса расширяет наши представления о семантическом содержании слав. *prę̑d-/*prǫ̑d-, так как к разветвленной семантике этого гнезда прибавляет еще одну линию развития, которая четко прослеживается и в южной группе славянских языков.

При исследовании терминов ткачества О.Н. Трубачев[21] убедительно показал, что семантической основой слав. *prę̑sti (< *prend- < и.-е. *sprendh-) послужило значение 'двигать резко, рывком', хорошо подтверждаемое в первую очередь восточнославянскими языками: ср. рус. деул. *прядать, прянуть* 'прыгнуть, скакнуть', новосиб. *упру́дить* 'побежать очень быстро, понестись', *запря́дать* 'начать прыгать, метаться,' вят. *отпрядчивый* 'непостоянный', укр. *пря́нути* 'бросить, кинуть' и т.д.[22] Это хорошо согласуется с семантикой ср.-в.-нем. sprinzen 'прыгать', др.-исл. spretta 'прыгать', 'брызгать, бить струей', ср.-в.-нем. sprenzen 'брызгать, кро-

[17] *Berneker* I, S. 520; *Loewenthal J.* Zur baltish-slavischen Wortkunde. – AfslPh 1920, XXXVII, S. 386.

[18] Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, т. I: А–Б. Мінск, 1978, с. 135–136.

[19] Опыт, с. 134; Иркутский областной словарь, II. Иркутск, 1973, с. 93; *Даль*[3] II, стб. 1777.

[20] *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg–Göttingen, 1955, S. 695 (s.v. rãmas); *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I. Bern, 1949, S. 864.

[21] *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 92–93.

[22] Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1966, с. 470; Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979, с. 555; Словарь русских народных говоров, вып. 10. Л., 1974, с. 362; Доп. к Опыту, с. 168; *Гринченко Б.Д.* Словарь украинскаго языка, III. Кіев, 1909, с. 495.

пить'[23]. Как термин ткачества гл. *prę̑sti сложился лишь на славянской почве и в этом смысле является славянским новообразованием. Поэтому семантика и развитие восточнославянских слов должны рассматриваться с учетом исходного значения, реконструируемого для слав. *prę̑d-/*prǫd-, на фоне других семантических ответвлений этой основы.

Не задаваясь целью в полном объеме восстановить семантическое содержание слав. *prę̑sti, мы лишь коснемся некоторых наиболее выразительных линий, прямо и непосредственно производных от исходного значения 'резкое движение; двигать рывком, толчком.'

Одно из направлений семантической эволюции 'двигать резко, толчком' > 'выбрасывать что-л. наружу' > 'выбрасываемый стебель, отросток' дает сербохорватский язык: ср. oprusti, oprudem (Оток, Славония) 'дать плоды в первый раз (о винограде, сливе)', 'расти от корня, стебля', prudljivica (Славония) 'виноградная лоза' и т.п.[24] В некоторых славянских языках развитие этой линии шло в направлении 'резко выбрасывать что-л. наружу' > 'выброшенный камень, щебень': ср. рус. арх. *отпрядыш* 'камень в море, лежащий отдельно от рифа или у берега'[25], словен. prǫ́dec = prod 'щебень, галька'[26]. Семантический ряд 'жечь, палить' < 'бурлить, кипеть' < 'делать много резких движений' отражают чеш. proudit, польск. prędanie, серб.-хорв. pruditi, рус. *прудиться*[27].

Характерное для восточнославянских языков значение 'изнемочь, лишиться сил, умереть' в плане эволюции также соотносится с исходным значением 'резкое движение, движение рывком, толчком' через промежуточную ступень 'упасть, опасть, осесть, осунуться', что типологически подтверждается рус. *сунуть ~ осунуться, падать ~ опасть* (*опал с лица*) и т.п. Более того, подобное семантическое развитие отражают однотипно построенные (приставка ob-) южнославянские образования: словен. oprędáti 'валиться от усталости, гибнуть', oprę́sti, oprędem 'падать, валиться с ног', 'осунуться (о лице)' (ср. od lakote, od strahu opresti; živina je opredla), а также выражение opredel je 'с ним все кончено, он пропал'[28]. В этом же семантическом ключе может быть понято и с.-хорв. mazga je oprudila 'вылезла, выпала шерсть от большого напряжения'[29].

Таким образом, восточнославянские глаголы, отыменные по происхождению, вместе с южнославянскими лексико-семантическими соответствиями образуют одно из звеньев этимологического гнезда со слав. *prę̑d-/*prǫd-. Формы со вставным -н- (блр. *апрындзіцца* и рус. диал. *запрундить* 'начать идти, о дожде'[30]), по всей видимости, носят вторичный экспрессивный характер.

3. Глагол *по́лка́ть*, встречающийся в основном в русских говорах Сибири в значении 'слоняться без дела, бездельничать' (новосиб.), 'рыскать, лететь

[23] Фасмер III, с. 388.

[24] Skok III, с. 60; s.v. pruda.

[25] *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, с. 113: с пометой "помор."

[26] *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar, II. Ljubljana, 1895, S. 347 – (далее – Pleteršnik).

[27] Фасмер III, с. 388–389.

[28] *Pleteršnik* I, S. 843.

[29] *Skok* III, с. 60.

[30] Словарь русских народных говоров, вып. 10, с. 363.

сломя голову' (том., иркут.)[31], свидетельствует о более широком распространении слав. *lъkati, обычно причисляемого в этимологической литературе к исключительно севернославянским образованиям[32]. Слав. *lъkati (польск. łkać, чеш. lkáti, словац. lkat', блр. диал. *лкаць*) характеризуют следующие значения: 'издавать короткие, отрывистые звуки при плаче, глотании, затруднительном дыхании'. Приведенное у Юнгманна чеш. lkáti, lkám в значении 'хватать губами, ртом воздух в состоянии жажды, при жаре, громко вздыхать', а также словен. zalèkniti, załkniti 'задыхаться от жары 'указывают на некоторое семантическое обособление этой основы и закрепление ее в значении 'тяжело, затрудненно дышать'. Русский диалектизм *по́лка́ть* отражает дальнейшее семантическое развитие и переход к значению 'рыскать, лететь сломя голову', поскольку затрудненное, тяжелое дыхание обычно при быстром беге, стремительном, порывистом движении. Русские диалекты сохранили и итератив *-лыкати* в составе приставочного образования *облыка́ться* 'скитаться'[33].

4. Даль приводит диал. *сныч* м.р. в значении 'язычок, задвижка или засовец в замке, замочный запорец, который при обороте ключа запирает и отпирает', сиб. 'шпонка, для скрепы досок' [34]. Это слово вместе с диал. орлов. *снычать* 'качаться сидя'[35] обычно связывается с *сновать, сную,* но при этом остается необъясненным исход основы č (< kj). Именно трудности исхода основы толкали исследователей на поиски самых разных этимологических решений: 1) *сныч* < **снизчь* и далее *вонзить;* 2) родство с гот. hnuþô 'острый кол', др.-исл. hnúðr 'кол, шест'; 3) сравнение с чеш. snět, snět', 'сук' и т.д.)[36], которые единодушно признаются неудачными, неубедительными, неприемлемыми. Нам представляется, что диал. *сныч,* родственное глаголам *сновать, сную,* получает вполне удовлетворительное объяснение в плане формы и содержания, если предположить, что оно чередованием u:y (ср. *lutati: *lytati, *smukati:*smykati) связано с кашуб. snukac 'делать выводы; вытягивать нить', snukac są 'обтрепаться'[37]. Можно думать, что в отдельных славянских диалектах еще в праславянскую эпоху в рамках этимологического гнезда с корнем *snōu-, snū- 'поворачивать, делать быстрые движения' складывается основа с расширителем -k-. Лишь отдельные диалекты славянских языков сохраняют в остаточном виде следы чередующихся основ *snuk-:snyk-. Как продолжение при условии s-mobile может быть истолковано в рус. новосиб. *ны́кать* 'сновать'[38].

---

[31] Словарь русских говоров Новосибирской области, с. 413; Молотилов А. Говор русского старожилого населения Северной Барабы (Каинского уезда, Томской губ).– В кн.: Материалы для сибирской диалектологии. Томск, 1913, с. 158; Опыт, с. 167.

[32] *Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego, V/2/22. Kraków, 1976, с. 123–124; *Berneker* I, S. 749; *Machek*[2], с. 337.

[33] *Кузнецов В.* Сомринский говор. – В кн.: Живая старина, год восьмой. СПб., 1898, вып. II, с. 236.

[34] Даль[3] IV, стб. 329.

[35] Выписка Г.Ф. Одинцова из Картотеки русских народных говоров (Ленинград).

[36] Фасмер III, с. 702.

[37] *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich, V. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1972, с. 115.

[38] Словарь русских говоров Новосибирской области, с. 337.

В.А. Меркулова

КОРНЕТЬ. СМОРЗКО. КОМОСЕЙ. СУМЕРИТЬСЯ. ГРЕМ. ХОРОХОЛЬ

1. В словаре забайкальских говоров Элиасова есть любопытный глагол *корнéть* 'уменьшаться в росте к старости': Старики *корнеют*, я вот тоже стал *корнéть*; Года не подошли, чтобы *корнéть*[1]. От глагола образовано и производное имя *корнéнье* 'уменьшение роста к старости':. Ни один человек, который до старости дожил, от *корненья* не убежал[2].

В большинстве случаев при анализе говоров вторичного заселения мы вправе искать материнский говор. Таковым, в данном случае, является говор Белозерья, где мы находим следующий текст: *Корнеет меня* – недуг в старости[3]. В "Словаре русских народных говоров" данный глагол отсутствует.

Глагол *корнеть* образован от прилагательного *кóрный* по типу: *старый* → → *стареть, молодой* → *молодеть* и т.д.

Слово *кóрный* в русских говорах значит 'обрезанный, обрубленный', 'увечный', 'малорослый', 'короткий' (псков., смол.) и, по-видимому, 'старый, дряхлый', ср. пермское *кырнó* ср. 'старый, дряхлый человек'[4].

Значение 'увечный, искалеченный' мы находим в древнерусских памятниках: Не приведи на жьртвꙑ ѡвьчате порочьна и кръна, или кꙑ са, или слѣпа, или крастава (Панд. Ант. XI в, 171)[5].

Праславянское имя *kъrnъ 'обрезанный, обрубленный' образовано от индоевропейского корня *(s)ker- 'резать' с помощью суф.-n-. Прилагательное *kъrnъ является общеславянским. Оно входит в состав многих сложных прилагательных, типа *корноухий, корнохвостый, корнопалый, курносый* (из *корноносый*) и т.д. От прилагательного *корный* образован производный глагол *корнать* 'обрезать', 'ломать, дергать, щипать, наказывать, тратить', в белорусском языке глагол *карнáць* имеет еще значение 'укорачивать'.

Глагол *корнеть* в других славянских языках отсутствует. Он был образован, по-видимому, на базе собственно русского языка (т.е. после XIV в) в вологодско-пермских говорах. Он возник как антоним глагола *расти*. К старости человек слабеет, дряхлеет и нередко уменьшается в росте, как выражаются, "растет в землю". Такой глагол мог образоваться лишь на той диалектной территории, где имя *корный* значило 'малорослый' и 'старый, дряхлый'.

В тексте *Корнеет меня* глагол *корнéть* выступает как переходный и безличный; ср. ломает меня, знобит меня, душит меня и т.д.

Современное противопоставление *молодой – старый* отражает те же отношения, что *расти – корнеть*. Здесь уместно сказать, что такое семанти-

---

[1] *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980, с. 165.

[2] *Там же.*

[3] Карточека Словаря белозерских говоров.

[4] См.: *Беляева О.П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973, с. 273.

[5] *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I . СПб., стб. 1411.

ческое противопоставление сложилось не сразу. Праславянское противопоставление *moldъ – *starъ то же, что и в современных языках, но семантическая реконструкция и этимология показывают, что на более древнем этапе *молодой* значило 'слабый', а *старый* 'крепкий, сильный' (ср. др.-исл. stórr 'большой, сильный', др.-инд. sthirás 'крепкий, сильный').

Любопытно, что отголоски этих древних индоевропейских значений мы находим в современных русских говорах: ана́ вше *ста́раја/то́л'ка* ро́сту такова/ф шесто́j клас уже ход'ит; *старый* 'умный, хитрый, опытный': ана такаj а *стараја* – говорят о девочке[6]. В архангельских говорах *старым небом* называется небесная твердь.

2. Слово *сморзко* 'плохо, худо', записано на территории бывшей Олонецкой губ. дважды. Шахматов записал его в Петрозаводском уезде[7]. Ончуков в своих "Северных сказках": Стал Кузьма хозяйствовать у нёго, и он поступил к нему в роботники, и стало ёму жить *сморзко,* худо[8]. Эта сказка записана от Тараевой в с. Кондопога. В современной работе Меркурьева "Живая речь кольских поморов" этого наречия нет, в других диалектных словарях оно также не отмечено.

От глаголов *mьrzati, *mьrznǫti в праславянском было образовано имя *morzъ. В современных русских говорах мы наблюдаем процесс унификации корня глагола и имени, ср. такие образования, как *мерзь* 'мороз' (костром.)[9], *сме́рзня* 'холод, мороз' (псков.)[10]; *ме́рзло* 'холод, стужа' (олон.)[11].

В праславянскую эпоху был образован глагол *mьrzěti 'вызывать отвращение' и прилагательное *mьrzъkъ 'отвратительный, вызывающий отвращение'. Возникновение значения 'отвратительный, вызывающий отвращение' в рамках этимологического гнезда 'охлаждаться, остывать, замерзать' отражает древнюю систему восприятия нарушения социальных отношений. Ср. аналогичный семантический комплекс в этимологическом гнезде глагола *стыть: стыть и постыть, постылый, стужа* (*studja) и *бесстужий* 'бесстыдный', *остуда* 'постыдный поступок, поведение, вызывающее осуждение окружающих' и *стыд* наряду со *студь* 'холод'.

Даль дает для русского языка такой набор слов с корнем *мерз-: мерзить, мерзеть, мерзкий, мерзость, мерзостный, мерзительный, мерзавец*[12].

У Подвысоцкого мы находим еще глагол *намерзи́ть* 'наделать зла, худых дел, напакостить'[13].

Наречие *сморзко* входит в то же этимологическое гнездо. Оно образовано от незасвидетельствованного прилагательного **сморзкий* 'плохой, худой, скверный'. Огласовка корня может восходить как к древнерусскому периоду, так и к собственно русскому языку. Ср. с той же огласовкой

---

[6] Картотека Псковского областного словаря.

[7] См.: *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, с. 109.

[8] Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губ.). Сборник Н.Е. Ончукова. – Зап. РГО по отд. этнографии, т. XXXIII. СПб., 1908, с. 285, 605.

[9] Картотека Севернорусской топонимической экспедиции.

[10] Картотека Псковского областного словаря.

[11] *Куликовский Г.* Указ. соч., с. 55.

[12] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, 3-е изд., II. СПб., 1904, стб. 835.

[13] *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия. СПб. 1885, с. 98.

слово *морзя́нка* 'облитая водой и подмороженная дощечка для катания с ледяной горы'[14].

Слово *сморзко* распространено только в русских говорах Карелии.

3. В печорский говорах записано слово *комосе́й* 'мотылек'[15]. На первый взгляд, слово кажется сложным, на самом же деле это не так. В русских говорах мы родственных слов не обнаруживаем, зато в украинских закарпатских говорах мы находим глагол *комоситися* 'суетиться, двигаться'[16], в украинских говорах Галиции: *кымсы́ти* 'кишеть' (< *komъsě̆ti)[17]. В украинском литературном языке *комашитися* 'копошиться, двигаться' при комаха 'насекомое, муравей', комишитися 'мелькать': А то що за світ *комишиться* у малій хатині ?[18].

Близкий по форме глагол мы находим в польском языке: komosić 'горячить коня'. Ф.Славский относит этот глагол к этимологическому гнезду komъ (ср. *комкать, комсать, комшить* и т.д.).

Мне представляется возможным еще одно этимологическое решение: глагол *комоситься* может быть рассмотрен как глухой вариант к глаголу *гомозиться* 'двигаться, кишеть (о насекомых)'.

Таким образом, печорское название мотылька *комосе́й* является еще одним подтверждением связи севернорусских говоров с украинским языком. Имя *комосе́й* образовано от незавидетельствованного глагола ***комосе́ть* 'двигаться, суетиться, мелькать'. Мотылек назван так по его повторяющимся коротким движениям.

4. В новгородских и пермских говорах мы встречаем глагол *сумериться* 'смеркаться, темнеть'[19]. Даль приводит новгородское *сумериться* 'хмуриться, супиться, морщиться, дуться'[20].

Этимологическое гнездо со значением 'темнеть, смеркаться' представлено в русском языке продолжениями индоевропейского корня *mer- с расширителем -k-, ср. *смеркаться, меркнуть, сумерки, суморок* и т.д. На праславянском уровне это *sъmьrkati sę, *mьrknǫti, *sǫmьrky мн., *sǫmorkъ, *morkъ и т.д. Глагол *сумериться* содержит корень без расширителя -k-. Именная приставка говорит об образовании глагола от имени ***сумерь*. Производящим для этого имени должен быть глагол типа ***смреть, смрить*. Ср. вологодское *мора* 'мрак'[21].

Очень интересно сербохорватоское прилагательное *сӳморан* 'угрюмый, хмурый, мрачный' при русском глаголе *сумериться* 'хмуриться, супиться, морщиться, дуться', что говорит о достаточной древности образования.

5. В топонимических материалах по говорам Пинежья Г.Я. Симина приводит слово *грём* 'высокое сухое место, гора': Пасти ставили (охотники)

---

[14] Словарь русских говоров Среднего Урала, т. II. Свердловск, 1971, с. 140.

[15] Картотека Печорского словаря.

[16] *Онышкевич М.О.* Словарь бойковского диалекта. – В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, с. 359.

[17] *Верхратскій Ј.* Знадоби до пізнання угорьско-руських говорів. – Зап. Наук. тов. ім. Шевченка, т. XXVII. Львів, 1899, с. 225.

[18] *Гринченко Г.* Словарь украинского языка. т. II. Киев, 1908, с. 275.

[19] См.: Картотека филолог. фак-та Новгородского ГПИ; *Беляева О.П.* Указ. соч., с. 617.

[20] См.: *Даль В.* Указ. соч., 2-е изд., т. IV, с. 233.

[21] См.: *Даль В.* Указ. соч., 3-е изд., т. II, стб. 901.

по берегам рек, по *грёмам,* где птицы держатся'; *Грём* – вот где повыше[22]. Это же слово отмечено как архангельское в материалах Севернорусской топонимической экспедиции: *грём* 'остров хорошего строевого леса среди смешанного леса чаще на возвышенном месте'; 'возвышенное место в лесу'[23]. В псковских говорах *гром* 'кочка', *гро́мья* 'кочки'[24].

Оба слова, *грём* и *гром* восходят к праславянскому **grъmъ* < grъdmъ. Вариантность гласного, по-видимому, является особенностью архангельских говоров, ср. передачу в архангельских говорах праславянского **rъdrъ* как *рёдрый.* Не исключено, что этот процесс мены *ъ* > *ь* произошел еще в древнерусский период.

Слово grъmъ имеет продолжения в южнославянских языках, где оно имеет значение 'куст' и 'куча, груда'[25].

Древнерусские памятники содержат только церковнославянский вариант *грѫмъ* 'куст'. Материалы современных народных говоров показывают, что в народном древнерусском языке существовало свое слово *грѫмъ* со значением 'возвышенное место, гора, кочка'.

6. В Маловишерском р-не Новгородской обл. записан следующий текст: *Хо́рохоль* заход'и́ла / *хо́рохол'* – это когда ум'ира́јот дак *хо́рохол'* ход'ит'[26]. Речь идет о хрипе умирающего, своеобразных клокочущих звуках в груди. Фасмер приводит олонецкое *карохоль* 'предсмертный хрип человека'[27].

Я. Калима предполагает, что слово *карохоль* заимствованно из финно-угорских языков, ср. людиков. karaj̑dau 'он хрипит', фин. karista 'хрипеть'[28]. Фасмер склоняется к мысли об исконном характере слова и предполагает наличие в слове приставки ka- и корня глагола *рохнуть*[29].

Мне представляется верной мысль об исконности слова, поскольку оно имеет славянский облик и достаточно далеко по звуковому составу от финно-угорских слов. Этимология же, предложенная Фасмером, вызывает сомнения.

Рассмотрим, как обозначается в русском языке предсмертный хрип умирающего. В литературном языке это *хрип,* имя, образованное от звукоподражательного глагола *хрипеть.* В орловских и тульских говорах существует выражение *колоколец играет* – о предсмертной хрипоте в груди: Когда *колоколец играет* человек скоро умрет[30]. Здесь мы наблюдаем обозначение звучания, только образное.

В восточной группе говоров говорят *хоро́брец играет* 'человек испускает дух' (казан.)[31]; *харабре́ц* 'затрудненное предсмертное дыхание с хрипом'; У дедушки-то уж *харабрец* ходит (Ветлуга)[32]; *хробре́ц* – хрип умираю-

---

[22] *Симина Г.Я.* Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья). Л., 1980, с. 61.

[23] Картотека Севернорусской топонимической экспедиции.

[24] Картотека Псковского областного словаря.

[25] Этимологический словарь славянских языков, вып. 7. М., 1980, с. 159.

[26] Картотека филолог. фак-та Новгородского ГПИ.

[27] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1967, с. 202.

[28] *Kalima J.* Die ostseefinischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, s. 109.

[29] *Фасмер М.* Указ. соч., с. 202.

[30] Словарь русских народных говоров, вып. 12. Л., 1977, с. 69.

[31] Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, с. 293.

[32] Картотека Словаря русских народных говоров.

щего во время предсмертной агонии (кашин.)[33]. Мы наблюдаем аналогичные выражения *колоколец играет* и *хоробрец играет, хорохоль ходит* и *харабрец ходит*.

Этимологизация слова *хо́робрец* затрудительна. Ясно, что слово образовано от прилагательного *хоробрый*, но в каком значении? Нужны дополнительные данные.

Что касается этимологии слова *хо́рохоль*, то можно высказать некоторые предположения. Исходя из характера самого явления и семантической модели *хрипеть* → *хрип*, можно высказать гипотезу, что слово *хо́рохоль* должно означать какой-то звук. Оно может быть родственно слову *шорох*. Если мы реконструируем слово *хорохоль* как *xorx-olь с суф. -olь, то оно находится в отношении чередования к слову *šerхъ 'шорох' < *хегх-. Любопытно, что наряду с *хо́рохоль* мы наблюдаем параллельное образование *шо́рохоль* 'рухлядь, тряпье' (псков.)[34], причем *хо́рохоль* – новгородское слово, а *шо́рохоль* – псковское.

В основе обозначения шороха лежит обозначение действия, сопровождаемого звуком, движения, сопровождаемого шуршанием. Корень, несомненно, носит звукоподражательный характер.

И.П. Петлева

РЫХЛИТЬСЯ. КУЛАМЕСИТЬСЯ

1. Глагол *рыхлиться* отмечен на Псковщине с интересным значением 'щедриться'[1] (т.е. 'становиться щедрым, тороватым'). Как известно, *рыхлиться* обычно значит 'делаться рыхлым', а *рыхлить* (землю) – 'взрыхлять, делать рыхлою, пушить, перебивать и мельчить'[2], см. еще *рыхлеть* 'становиться рыхлым, разрушаться, рассыпаться'[3], далее – *рыхлый* 'неплотный, несвязный, ноздреватый, ... рассыпчатый'[4]. Эти слова связаны с *рух, рушить* и родственны литов. raũsti, rausiù, rausiaũ 'рыть, копаться', rausis 'пещера', др.-исланд. rúst 'развалины, разрушенная стена', ryskja 'рвать'[5] – к и.-е. *reu-, *reu̯ə-: *ru- (*ereu-) 'разрывать, раздирать, рыть' (сюда же восходят *рыть, рвать* и др.)[6]. Значение 'становиться щедрым', зафиксированное в узком ареале, возникло у глагола *рыхлиться*, очевидно, достаточно поздно и должно рассматриваться как русское диалектное. Однако возникновение

[33] *Смирнов В.* Кашинский словарь. Пб., 1901, с. 185.

[34] Картотека Словаря русских народных говоров.

[1] См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, 3-е изд., т. III. М., 1907, стб. 1760 (далее – Даль[3]); Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Спб., 1858, с. 234 (далее – Доп. к Оп.).

[2] Даль[3] III, стб. 1760.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, с. 532, 524 (далее – Фасмер).

[6] См.: *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I. Bern, 1949, S. 868–871, 332.

этого значения – закономерное явление, так как оно основано на старой семантической модели: 'раскалывать, раздроблять' или, в более общем виде, 'подвергать какому-либо разрушительному действию' → 'делать(ся) щедрым; щедрый'. Ср. характерный в данном отношении пример: рус. *щедрый* (слав. **šč̑edrъ) сопоставляется с латыш. šķẹdẽrns 'небольшой кусочек дерева, щепка', литов. kedė́ti 'треснуть', греч. *οκεδάννυμι* 'раскалываю, рассекаю'[7]. Как видим, глагол *рыхлить* демонстрирует близкое семантическое развитие: 'разбивать, мельчить и тем самым рыхлить, делать землю рыхлой, неплотной' → 'становиться щедрым'. См. еще *тороватый* 'щедрый', связанное с *тор* 'протореная дорога', *торить* 'прокладывать тропу, дорогу' и далее – с *теребить*[8]. Сюда же *проторить* 'расточить, промотать, извести без счету, убыточно и вводить в убытки, причинять изъян, наклад, заставить издержаться...', *протор, проторь, протори* (*протыри*) 'издержки, расходы; убытки, изъян'[9].

Допустимо, кажется, что *щедрый* восходит к первоначальному 'расколотый, разбитый, протертый; неплотный, нетвердый' ('щелистый, дырявый'?), и далее, возможно, 'просыпающий, выливающий'. См. любопытный с этой точки зрения пример: *точивый, тчивый, чивый* 'тороватый, щедрый' ← *точивый* 'точащий из себя, источающий' – к *точить* 'источать, давать течь, испускать ток, струю, капли, изливать, лить, цедить, диал. сыпать, просыпать, протекать, просачиваться, сочиться, сыпаться...' – ср. *точить* 'просверливать, грызть, продырявить'[10].

Показательно, что антонимическое значение 'скупой' очень часто развивается на базе антонимического же по сравнению с "разбитый, нетвердый' значения 'твердый, крепкий, жесткий; твердый, острый; сжатый, стиснутый' (см., в частности, такие названия скупого, как *крепыш, кремень, жом* и др.)[11]. Из новых примеров подобного рода 'твердый, острый (предмет, инструмент)' → 'скупой' интересно существительное *оскóрда* 'скупой', зафиксированное в Соликамском словаре[12]. Оно реконструируется как *obskъrda и объединяется с рус. *оскóрд* 'большой топор, секира', словен. oskr̂d 'острый молоток для точки жерновов', чеш. oškrd 'точило', польск. oskard 'кирка' и т.д. (из *obskъrdъ), родственными лексемам *скородá, скородúть* (*skord-), далее ср. др.-прус. scurdis 'кирка, мотыга', лит. skeršti, skerdžiù 'резать (свиней)', skérdėti, skérdėju 'трескаться', skardýti 'крупно молоть' и др. – все к и.-е. *(s)ker-d- 'резать'[13].

Итак, значение 'становиться щедрым', отмеченное у глагола *рыхлиться* в псковском говоре, является закономерным продолжением первоначального 'разрушаться, рыхлиться, делаться рыхлым, нетвердым, неплотным'.

2. В Этимологическом словаре М. Фасмера рус. смол. *куламéситься, прокуламéситься* 'провести все время в суете, в ссоре', а также *кулемéсить* 'молоть чепуху, устраивать беспорядок, бить, колотить' характеризуются так:

[7] Фасмер IV, с. 499.
[8] Там же, с. 84.
[9] Даль[3] III, стб. 1363.
[10] Даль[3] IV, стб. 813.
[11] См.: *Петлева И.П.* О семантических истоках слов со значением 'скупой' в русском языке. – В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 207–210.
[12] *Беляева О.П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973, с. 402.
[13] Фасмер III, с. 160–161; 652.

"Неясно. Возм., от *месить*?"[14]. Думается, что на поставленный вопрос следует ответить утвердительно. Дело в том, что одна из статей данного словаря посвящена глаголу *коломе́сить* 'говорить вздор', чрезвычайно близкому как по форме, так и по семантике к *куламеситься* и *кулемесить*. Этот глагол (*коломесить*) уверенно объясняется из *коло* (*колесо*) и *месить*[15]. Кроме того, отдельная статья посвящена колымскому *сколюме́ситься* 'спутаться, смешаться', также связываемому с *коломесить*[16]. Семантическим подтверждением правильности мысли о связи *коломесить* с *коло* и *месить* может служить целая серия отсутствующих у Фасмера примеров, в определении значения которых непосредственно присутствуют слова с корнем *мес-* (*mĕs-): *кулемесить* 'бить, колотить, м е с и т ь' (псков., твер. осташк.)[17], *куломе́са* 'с м е с ь разнородных предметов' (смол.)[18]. Особенно же показательно значение глагола *коломесить* 'месить' (*заколомесила* немножко пирожков), зафиксированное в курском говоре[19]. Что касается первой части сложения (*коло*), то она представлена в целом ряде примеров, второй частью которых, как и в случае с *коломеситься*, является глагол: *коло-бродить, коло-мутить* и др.

Сомнения Фасмера в отношении возможности идентификации глаголов *куламеситься, кулемесить* с *коломесить* (таких сомнений по поводу *сколюмеситься* у него не возникло) могли быть связаны, видимо, лишь с их формальными различиями (*у* вместо *о* в первом слоге, *е* вместо *о* – во втором), тогда как семантически они, безусловно, должны быть объединены; см. указанное значение, отмечаемое для *коломесить*, помимо представленного у Фасмера ('говорить вздор'), 'месить', а также семантику глагола *коломесить* 'кружиться', 'с толку сбиваться и других сбивать; дурачиться и дурачить' (ряз., тул.)[20], которая чрезвычайно близка значениям глаголов *куламеситься* и *кулемесить*. Однако и формальные расхождения не могут быть препятствием для объяснения всех этих глаголов из одного первоначального *коломесить* (*kolomĕsiti). Случаи лабиализации гласного *о* во втором предударном слоге в западной группе южного наречия – известное явление[21]. Что касается замены *о* во втором слоге на *е*, то она может быть результатом смягчения *л* под влиянием мягкой согласной *м* в последующем слоге (ср. еще *сколюмеситься*). Причем разного рода звуковые изменения могли возникнуть в некоторых случаях на почве затемнения этимологической природы слова, неясности его внутренней формы, а также в связи с экспрессивным характером данных лексем.

Итак, следует полагать, что все приведенные выше глаголы восходят к первоначальному *коломесить* (*kolomĕsiti) и могут быть рассмотрены в составе одной статьи этимологического словаря.

---

[14] См. Фасмер II, с. 409; *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, с. 733.

[15] Фасмер II, с. 295.

[16] Фасмер III, с. 647.

[17] Доп. к Оп., с. 95.

[18] Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, с. 96.

[19] Доп. к Оп., с. 85.

[20] Там же.

[21] См.: *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970, с. 123.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В настоящем сборнике, большая часть статей которого построена на материалах, собранных для диалектологического атласа, при характеристике территориального распространения различных языковых фактов авторы пользуются единицами диалектного членения (названиями наречий, групп говоров, диалектных зон), установленными в книге К.Ф. Захаровой, В.Г. Орловой "Диалектное членение русского языка" (М., 1970), которая также основана на данных атласа. Случаи использования единиц диалектного членения, установленных в более ранних работах, специально оговариваются. В статьях используются следующие шифры для названий региональных атласов (т.е. атласов отдельных территорий распространения русского языка, ранее именовавшихся "томами" атласа): С.-Зап. – Атлас русских говоров северо-западных областей СССР; С. – Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы; Зап. – Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы; Вост. – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы (М., 1957); Ю. – Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы*. Диалектологический атлас русского языка, объединяющий территории всех перечисленных региональных атласов, именуется в сокращении ДАРЯ; "Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка" (М., 1947) именуется – "Программа".

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

* Все эти атласы, кроме изданного атласа Вост., представляют собой законченные работы, хранящиеся в рукописном виде в Институте русского языка АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

I

Н.Н. Пшеничнова. Об одном аспекте отражения развития языковых признаков в их пространственном распределении 3

С.В. Бромлей. Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров 8

К.Ф. Захарова. Об основе умеренного яканья в восточных среднерусских говорах 31

Г.С. Оксман. О некоторых типах умеренного яканья в говорах на территории позднейшего заселения 41

Е.С. Скобликова. Система диалектного вокализма и произношение начального *о* во втором предударном слоге 50

Н.Л. Голубева. О консонантном окружении гласных, редуцируемых до нуля 60

Л.Л. Касаткин. К истории сочетания *чьн* и шепелявенья в русском языке (‹с'н'› на месте *чьн* и смежные фонетические явления в одном архангельском говоре) 80

Р.Ф. Пауфошима. Следы музыкального ударения в современном вологодском говоре 94

Е.В. Щигель. Особенности интонационной организации фразы в некоторых севернорусских говорах 102

О.Е. Кармакова. Словоизменение существительных среднего рода на -*men в русских говорах 111

И.А. Букринская. О соотношении окончаний *-а* и *-и* (*ы*) в именительном падеже множественного числа существительных (на материале одного южнорусского говора) 119

Ю.С. Азарх, Е.Г. Бурова. Об одной диалектной модели имен со значением невзрослости 129

И.Б. Кузьмина. Объектно-целевые конструкции с предлогами *в* и *по* 145

Н.И. Сафонова. К вопросу о возможности наречного функционирования слова *вот* (на материале ангаро-ленских говоров) 150

В.Н. Теплова. Об употреблении глагола *пахать* в значениях, не связанных с процессом пахоты 151

Н.А. Липовская. Названия посуды, в которой растворяют тесто для хлеба . . 159

Н.П. Зверковская. Некоторые черты русского старожильческого говора Лудзенского района Латвийской ССР 167

www.ruslang.ru

II

Заметки по этимологии русской диалектной лексики

Ж.Ж. Варбот. Обмои. Муторь 182

Л.В. Куркина. Неуклюсик. Опрудать/опрудить. Полкать. Сныч 184

В.А. Меркулова. Корнеть. Сморзко. Комосей. Сумериться. Грем. Хорохоль 190

И.П. Петлева. Рыхлиться. Куламеситься 194

Принятые сокращения и территориальные характеристики 197

ДИАЛЕКТОГРАФИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Е.В. Фурманова*
Художник *Е.В. Орлова*
Художественный редактор *Г.П. Валлас*
Технический редактор *М.К. Серегина*
Корректор *В.П. Крылова*

Набор выполнен в издательстве
на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 29387

Подписано к печати 07.02.85. Формат 60 x 90 1/16
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура Пресс-Роман
Печать офсетная. Усл.печ.л. 12,5 + 0,3 вкл. Усл.кр.-отт. 13,0
Уч.-изд.л. 16,5. Тираж 1650 экз. Тип. зак. 2249. Цена 2р. 50к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука", 117864 ГСП-7
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА

Теория и практика русской исторической лексикографии 18 л. 3 р. 30 к.

Сборник посвящен теоретическому осмыслению проблем и решению некоторых практических задач выходящих или подготавливаемых к публикации словарей исторического типа (диахронический словарь, филологический тип исторического словаря, областной словарь с историческими данными, словарь языка древнего автора, исторический и синонимический словари).

Для широкого круга специалистов в области истории русского языка, лексикологии и лексикографии.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов "Книга–почтой" "Академкнига":

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.

2 р. 50 к.